

21 $\frac{141}{364}$

$$\begin{array}{r} 141 \\ \hline 364 \end{array}$$

$$\begin{array}{r} 27 \\ \hline 340 \end{array} \quad \begin{array}{r} 26 \\ \hline 44 \end{array}$$

751050

~~15~~ ✓ $\frac{8}{25}$

ПАВЕЛЪ ИВАНОВИЧЪ

МЕЛЬНИКОВЪ

—
(АНДРЕЙ ПЕЧЕРСКІЙ)

Сол. со. н. 1

10?

141
364

ПАВЕЛЪ ИВАНОВИЧЪ

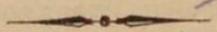
МЕЛЬНИКОВЪ

(АНДРЕЙ ПЕЧЕРСКІЙ)

ЕГО ЖИЗНЬ И ЛИТЕРАТУРНАЯ
ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ

И. Усова

съ 4 портретами и 5 рисунками.

sp 29-1389

ИЗДАНИЕ

поставщика ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА
ВЫСОЧАЙШЕ УТВЕРЖДЕННАГО ТОВАРИЩЕСТВА М. О. ВОЛЬФЪ
С.-ПЕТЕРБУРГЪ, Гостиный дворъ, 18 | М О С К В А, Кузнецкій мостъ, 12.

ТИПОГРАФІЯ
ВЫСОЧАЙШЕ УТВЕРЖДЕННАГО
ТОВАРИЩЕСТВА М. О. ВОЛЬФЪ
Спб., В. О., 16 л., № 5—7.

2011109451

Въ произведеніяхъ Павла Ивановича Мельникова русская душа русскимъ словомъ говорить о русскомъ народѣ; въ произведеніяхъ этихъ живьемъ встаетъ передъ нами русская жизнь среди русской природы.

Бсстужевъ-Рюминъ.

БИБЛИОГРАФІЯ П. И. МЕЛЬНИКОВА

СПИСОКЪ КНИГЪ, БРОШЮРЪ И СТАТЕЙ,

КАСАЮЩИХСЯ ЖИЗНИ И ЛИТЕРАТУРНОЙ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ

П. И. МЕЛЬНИКОВА,

(АНДРЕЯ ПЕЧЕРСКАГО)

МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ БІОГРАФІИ П. И. МЕЛЬНИКОВА
И ОБЩІЙ ОБЗОРЪ ЕГО ЛИТЕРАТУРНЫХЪ
ТРУДОВЪ.

Бестужевъ-Рюминъ, П. И. Мельниковъ («Журналъ
Мин. Нар. Просв.» 1883 мартъ)

Гацисскій, А. Павелъ Ивановичъ Мельниковъ («Волж-
скій Вѣстникъ» 1883 № 7, стр. 161).

Пловайскій, Д. И. Павелъ Ивановичъ Мельниковъ и
его тридцатипятилѣтняя литературная дѣятель-
ность («Русскій Архивъ» 1875, кн. 1, стр. 77—85).

Мельниковъ, П. И. («Русскій Художествен. Листокъ
Тимма» 1859, № 14).

Невзоровъ, И. Павелъ Ивановичъ Мельниковъ (Анд-
рей Печерскій), его жизнь и литературное значе-
ніе. Казань 1893.

- Миллюковъ, А. Павелъ Ивановичъ Мельниковъ (Андрей Печерскій), («Нива» 1883, № 1).
- Русскій Энциклопедическій Словарь, издаваемый Березиннымъ, отд. III и II.
- Усовъ, П. Воспоминаніе о Павлѣ Ивановичѣ Мельниковѣ («Новое Время» 1883, № 2528—2537).
- Усовъ, П. Этнографъ-беллетристъ («Историч. Вѣстникъ» 1884, т. XVII—XVIII).
- Скабичевскій, А. М. Исторія новѣйшей русской литературы. Спб. 1891, стр. 235—239, 371.
- «Колыбель двухъ знаменитыхъ русскихъ романовъ». Памяти П. И. Мельникова-Печерскаго («Новъ» 1895, № 9).
- Языковъ, Д. Д. Обзоръ жизни и трудовъ покойныхъ русскихъ писателей. Вып. III. Спб. 1887, стр. 54—58.
- Мельниковъ, Павелъ Ивановичъ. Настольн. Энцикл. Словарь. изд. А. Гранатъ 1894, т. V, стр. 3095—3096.
- «Московскія Вѣдомости» 1874, № 285.
- «Московскія Вѣдомости» 1883, № 42—50.
- «Вѣстникъ Европы» 1883, кн. 4, стр. 893—895.
- «Всемирная Иллюстраціи» 1875, № 313.
- «Кругозоръ» 1875, № 22.
- «Нива» 1883, № 9.
- «Историч. Вѣстн.» 1883, кн. 3, стр. 719.
- Пыпинъ, А. Н. «Исторія русской этнографіи» т. I и II

ОТЗЫВЫ О СОЧИНЕНІЯХЪ П. И. МЕЛЬНИКОВА.

Общая оцѣнка сочиненій П. И. Мельникова.

Учено-литературная дѣятельность П. И. Мельникова по поводу годовщины со дня его смерти. («Истор. Вѣстн.» т. XV.)

- Миллеръ, Орестъ. Русскіе писатели послѣ Гоголя. Чтенія, рѣчи и статьи. Спб. 1888 г. III, стр. 63—132.
- Миллеръ, Орестъ. Публичныя лекціи. Изд. 2-ое. Спб. 1873, стр. 291—293.
- Пышинъ, А. «Исторія русской этнографіи.» Спб. 1892, т. I и II.
- Записки Имп. Рус. Геогр. Общ. 1.1, 152,—153 (отзывы о книгѣ «Нижегородская ярмарка»).

Повѣсти.

- «Современникъ» 1852 № 5 (отзывъ о «Красильниковѣ»)
- «Библиотека для чтенія» 1857, № 8 (отзывъ о «Старыхъ годахъ»).
- «Русск. Худож. Мирокъ» 1859 № 14.

Въ лѣсахъ.

- «Голосъ» 1875, № 154 (Библ. зем.)
- «Гражданинъ» 1876, № 19 (Рецензія В. Оля).
- «Древняя и Новая Россія» 1895, № 9, стр. 75—77 (Рец. Евг. Бѣлова).
- «Русскій Вѣстникъ» 1874, № 109, № 1, стр. 352—378 (Критика г. А. подъ заглавіемъ «Художественное изученіе раскола»).
- «Русскій Миръ» 1871, № 4 (зам. Н. Соловьева).
- Тамъ-же 1872, № 84, 116 и 174 (Библ. зам.).
- Тамъ же 1873, № 63
- «Journal de St.-Pétérshbourg.» 1872. № 182.
- Тамъ же 1874, № 293 (Къ статьѣ L. V. «Les revues russes.»).
- Систематич. обзоръ русской народно-учебной литературы, составленный по поруч. Спб. Комитета грамотности. Спб. 1895, стр. 270.

Переводы.

In den Wäldern. Russ. Volks-Roman aus dem Leben der Altgläubigen, von A. Petsch rski. Nach dem Original frei bearbeitet von L. J. von Oelsnitz. Berlin. Janke. 1878. 16° 408 стр.

На горахъ.

«Голосъ» 1876, № 29 (Рец. г. L.)

Тамъ же 1877, № 104 (Библ. зам.).

«Гражданинъ» 1876, № 2.

«Древняя и Новая Россія» 1876, № 7, стр. 273—276
(Рец. Б. Гв.)

«Русскій Вѣстникъ» 1876, т. 122, № 3, стр. 362—387
(Рец. А. подъ заглавіемъ «Опытъ о народности на культурныхъ типахъ»).

«С.Петербург. Вѣдомости» 1875, № 158 (Зам. М. S.)

«Сѣверный Вѣстникъ» 1877, № 77 (Зам. въ фельет. г. X).

«Новая газета» 1881, № 4.

«Нива» 1883 г. № 2

Систем. обзоръ русской народно-учебной литературы, составленный по порученію Спб. Комитета Грамотности. Спб. 1895, стр. 270.

«Новости» 1881, № 117.

«Груня»—разсказъ, заимствованный изъ романа «Въ лѣсахъ».

Систем. обзоръ русской народно-учебной литературы, составленный по порученію Спб. Комитета Грамотности. Спб. 1895, стр. 270.

ПАВЕЛЪ ИВАНОВИЧЪ

МЕЛЬНИКОВЪ

(АНДРЕЙ ПЕЧЕРСКІЙ)

ЕГО ЖИЗНЬ И ЛИТЕРАТУРНАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ

—
П. УСОВА

ПАВЕЛЪ ИВАНОВИЧЪ МЕЛЬНИКОВЪ

(АНДРЕЙ ПЕЧЕРСКІЙ)

ЕГО ЖИЗНЬ И ЛИТЕРАТУРНАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ

П. У С О В А

Въ ряду знаменитѣйшихъ русскихъ писателей-художниковъ, ознакомившихъ наше общество съ разными сторонами народной жизни и освѣтившихъ ея внутренній смыслъ — одно изъ самыхъ первыхъ и видныхъ мѣстъ принадлежитъ, безспорно, Павлу Ивановичу Мельникову. Великій знатокъ русской народной жизни и русскаго народнаго быта — Мельниковъ глубоко проникнулъ въ сокровенные тайники этой жизни, заглянулъ въ темный, непроницаемый міръ старыхъ бытовыхъ преданій, изслѣдовалъ его разнообразныя явленія и воспроизвелъ ихъ въ неподражаемыхъ народныхъ типахъ — въ своихъ очеркахъ, повѣстяхъ и романахъ.

Обладая въ высшей степени художественнымъ творчествомъ, которое проглядываетъ у него въ каждой, изображенной имъ, бытовой чертѣ, въ каждомъ отдѣль-

номъ типѣ, онъ съ необыкновеннымъ искусствомъ обрисовалъ въ своихъ произведеніяхъ заволжскій край, гдѣ до сихъ поръ сохранились остатки русской старины, гдѣ нравы и обычаи народа остались тѣ же, какими они были нѣсколько столѣтій тому назадъ.

Крупное дарованіе Мельникова, какъ самаго выдающагося беллетриста-этнографа, выразилось въ первыхъ же его мелкихъ разсказахъ, достигнувъ впослѣдствіи высочайшаго развитія въ двухъ замѣчательныхъ твореніяхъ его пера: «Въ лѣсахъ» и «На горахъ».

Масса нашей публики знаетъ именно Мельникова, преимущественно, какъ автора этихъ двухъ романовъ, между тѣмъ, какъ другія его произведенія, а въ особенности его этнографическіе очерки, знакомящіе съ бытомъ сектантовъ и людей «старой вѣры», равно какъ и историческія изслѣдованія—еще не приобрѣли себѣ той популярности, которую они заслуживаютъ. Впрочемъ, дѣятельность Мельникова далеко не ограничивается литературными произведеніями. Измѣняя характеръ своей дѣятельности въ разные годы своей жизни, Мельниковъ оказывается и выдающимся археологомъ, и обращавшимъ на себя вниманіе учителемъ, подготовившимъ замѣчательныхъ историковъ; онъ былъ также дѣятельнымъ, умнымъ, находчивымъ, расторопнымъ чиновникомъ, и прослылъ первымъ знатокомъ раскола, удивлявшимъ «древлеправославныхъ» своимъ знаніемъ каноническаго права. Свой жизненный путь онъ завершилъ созданіемъ двухъ упомянутыхъ первоклассныхъ бытовыхъ романовъ, въ которыхъ онъ заявилъ себя замѣчательнымъ художникомъ-этнографомъ.

Картина неутомимой работы этого даровитаго челоуѣка на разныхъ поприщахъ—не можетъ, конечно, не представлять глубокаго интереса. Къ сожалѣнію, Мельниковъ не оставилъ ни полной своей автобіографіи, ни послѣдовательныхъ воспоминаній. Тѣмъ не менѣе, въ

бумагахъ П. И. Мельникова сохранился богатый, разнообразный матеріалъ для его жизнеописанія, хотя и не объясняющій съ одинаковою точностью все періоды его дѣятельности. Сохранился также и дневникъ, который онъ началъ въ 1858 году, но велъ его только въ теченіе немногихъ дней. Жаль, что все подобныя благія начинанія покойнаго великаго писателя ограничивались только, такъ сказать, однимъ присѣстомъ. Задумаетъ онъ описать свое прошлое, — возьмется за перо, напишетъ, сколько успеетъ, въ одинъ присѣтъ, пока ему не помѣшаютъ, или не оторвется онъ самъ другимъ дѣломъ, и затѣмъ, однажды прекративъ, онъ уже не продолжаетъ осуществлять своего добраго намѣренія. Напримѣръ, характеристику свою, какъ учителя, онъ начертилъ, по его собственноручному признанію, по слѣдующему поводу: «1863 года ноября 12-го, въ Петербургѣ, сидѣлъ я вечеромъ у товарища по университету, Александра Ивановича Артемьева ¹⁾, известнаго своими статистическими работами и многими учеными статьями. Шла рѣчь, между прочимъ, и о томъ, что столько уже намъ не жить, сколько прожито. Года пошли подъ гору, а въ прожитомъ времени много было видано, много было слышано и не мало было такого знаемо, что весьма немногими знаемо. Надобно вести записки о прошломъ, записывая безпристрастно, *sine ira*, замѣчательные случаи жизни. Дали слово другъ другу, и я принялся за эти записки тотчасъ, по возвращеніи отъ А. И. Артемьева».

Мельниковъ дѣйствительно принялся, написалъ десять страницъ листового формата и тѣмъ покончилъ.

¹⁾ Онъ уже скончался.

Мельниковъ
Съ 1858 г.
Съ 1858 г.

I.

Родословная и семейныя отношенія П. И. Мельникова. — Его дѣтство.

Изъ найденной въ бумагахъ П. И. Мельникова собственноручно начатой имъ родословной, видно, что родъ его довольно старый, хотя его и нѣтъ не только въ Бархатной Книгѣ, но и въ Разрядахъ. По преданію, предки Мельникова вышли съ Дона. У Павла Ивановича былъ старинный образъ Спасителя, пропавшій въ Петербургѣ во время пожара 28-го мая 1862 года (когда сгорѣлъ Апраксинъ дворъ, а также часть Троицкаго переулка, въ которомъ жилъ тогда Мельниковъ въ домѣ Лукунова). На этой иконѣ была надпись, что она пожалована царемъ Иваномъ Васильевичемъ Василю Мельникову, но кто былъ этотъ Мельниковъ — неизвѣстно. Въ XVIII столѣтіи Мельниковы, небогатыя и незнатныя дворяне, служили въ рейтарскихъ полкахъ иноземнаго строя. Прадѣдъ П. И. Мельникова, Ѳедоръ Васильевичъ, жившій въ первой половинѣ XVIII вѣка и служившій также въ рейтарахъ, не имѣлъ офицерскаго чина и прожилъ наслѣдственное состояніе. Сынъ его, Иванъ Ѳедоровичъ, родился въ 1759 году. Въ послужномъ спискѣ онъ показанъ «прежнихъ службъ изъ рейтарскихъ дѣтей». Зачисленный тринадцати лѣтъ въ военную службу солдатомъ, онъ былъ, въ 1791 году, тридцати двухъ лѣтъ, уволенъ, въ чинѣ секунд-майора морскихъ баталіоновъ изъ службы за болѣзнь, такъ какъ пушечнымъ колесомъ переѣхало у него лѣвую ногу и оторвало три пальца. Въ томъ же году онъ поступилъ въ правленіе пермскаго намѣстничества совѣтникомъ, при знаменитомъ генераль-губернаторѣ Модерахѣ. Даже въ царствованіе императора Александра II превосходно сохранившіяся дороги въ перм-

скомъ краѣ слыли въ народѣ подѣ названіемъ «Моде-
раховскихъ».

Еще молодымъ человѣкомъ, Иванъ Федоровичъ влю-
бился въ дочь сельскаго священника въ казанскомъ на-
мѣстничествѣ, Лизавету Ивановну, и женился на ней.
У него родились три сына, Василій, Иванъ, Дмитрій,
и дочь Надежда. Иванъ, отецъ Павла Ивановича, ро-
дился 25-го сентября 1788 года въ Казани, гдѣ Иванъ
Федоровичъ служилъ тогда поручикомъ въ тамошнемъ
адмиралтействѣ. Надежда родилась уже въ Перми.
Вскорѣ послѣ рожденія этой дочери, Иванъ Федоро-
вичъ, бывши въ Екатеринбургѣ, влюбился въ девят-
надцатилѣтнюю красавицу Марью Степановну Федо-
рову, дочь какого-то чиновника. Въ семействѣ Ивана
Федоровича произошелъ вслѣдствіе этого раздоръ. Ли-
завета Ивановна съ дѣтьми уѣхала въ Казань, а Иванъ
Федоровичъ, въ 1796 году, будучи уже совѣтникомъ
пермской гражданской палаты, обвинчался съ молодою
красавицею въ Екатеринбургѣ, въ Успенской церкви.
Родные Ивана Федоровича, Веригины, въ Казани,
вступились за его дѣтей. Передъ самую кончину им-
ператрицы Екатерины II, до ея свѣдѣнія дошло о
бракѣ Мельникова отъ живой жены. Его отставили
отъ службы, которая пошла было у него очень хо-
рошо, потому что въ то время было очень немного
тридцатидвухлѣтнихъ совѣтниковъ въ секундъ-маіор-
скомъ рангѣ. Старшаго его сына, двѣнадцатилѣтняго
Василія Ивановича, опредѣлили въ гвардію, изъ кото-
рой онъ попалъ въ гатчинскія войска и при импера-
торѣ Павлѣ Петровичѣ получилъ 200 душъ въ Арда-
товскомъ уѣздѣ, Нижегородской губерніи (сельцо Мія-
куши). Лизавета Ивановна сошла съ ума и бѣдствовала
съ дѣтьми въ Казани, гдѣ ей помогали дальніе род-
ственники ея мужа, Веригины, и некоторые богатые
казанскіе помѣщики, Родіоновы, Болховскіе и другіе,

также братъ ея, Александръ Ивановичъ Псаломщиковъ, служившій въ правленіи казанскаго университета съ самаго основанія его.

Иванъ Федоровичъ Мельниковъ съ молодою женою уѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ поселился въ Троицкомъ переулкѣ, веселился съ своими пріятелями, потому что имѣлъ порядочное состояніе, жилъ открыто, между тѣмъ, какъ семья его бѣдствовала въ Казани. Со старшимъ своимъ сыномъ, бывшимъ въ Гатчинѣ, онъ не видался. Еще въ Пермской губерніи, въ іюлѣ 1796 года, онъ близко сошелся съ лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка сержантомъ Онуфріемъ Петровичемъ Гедеоновымъ, молодымъ, богатымъ человѣкомъ. Гедеоновъ такъ полюбился Мельникову, что послѣдній далъ ему 12.000 руб. асс., весьма значительную по тому времени сумму, подъ залогъ деревни Сосновки. Сверхъ того, у Ивана Федоровича Мельникова были въ долгахъ немалыя деньги и на другихъ лицахъ.

И. Ф. Мельниковъ умеръ въ 1799 году, но, за нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ, онъ засвидѣтельствованнымъ духовнымъ завѣщаніемъ оставилъ все свое имущество, наличныя деньги, дворовыхъ людей, долговыя обязательства и проч., законной (?) женѣ своей отъ второго брака, Марьѣ Степановнѣ, «потому что все завѣщанное онъ пріобрѣлъ на полученное за нею приданое». Въ завѣщаніи было сказано, что изъ этого имущества ничего не принадлежитъ дѣтямъ, рожденнымъ отъ перваго брака, «которымъ ни до чего выше-сказаннаго не касаться». Такимъ образомъ все имѣніе Ивана Федоровича досталось второй, незаконной его женѣ, хотя она не принесла денегъ въ приданое. Въ 1807 году, 15-го февраля, Марья Степановна обвинчалась въ Андреевскомъ соборѣ, на Васильевскомъ островѣ, съ мѣщаниномъ петербургскаго посада Иваномъ Кузьминымъ. Дальнѣйшая судьба ея не извѣстна.

У Лизаветы Ивановны съ дѣтьми изъ родового ихъ имущества осталось лишь нѣсколько образцовъ, въ томъ числѣ и пропавшіе во время пожара 1862 года, обручальное кольцо и серебряный сервизъ. Послѣ кончины Ивана Ѳедоровича Мельникова, казанскіе родные его стали хлопотать о наслѣдствѣ въ пользу его законныхъ дѣтей и объ опредѣленіи на службу второго его сына, отца Павла Ивановича. По просьбѣ восемнадцатилѣтняго своего брата Василя, котораго любилъ императоръ Павелъ I, Иванъ Ивановичъ Мельниковъ, одиннадцати лѣтъ отъ роду, не въ примѣръ другимъ, былъ опредѣленъ, 9-го марта 1800 года, въ лейбъ-гвардіи Семеновскій полкъ унтеръ-офицеромъ, но оставался при матери. По ходатайству же того же брата, Иванъ Мельниковъ, 1-го января 1801 года, былъ уволенъ изъ военной службы для опредѣленія къ статскимъ дѣламъ коллежскимъ регистраторомъ, имѣя отъ роду только 12-ть лѣтъ.

Наконецъ, бракъ Ивана Ѳедоровича Мельникова съ Марьею Степановною признанъ былъ незаконнымъ. Стали взыскивать долгъ съ Гедеонова, но въ одномъ присутственномъ мѣстѣ крысы, по просьбѣ должника, выѣли изъ заемнаго письма слова: «надцать тысячъ» до означенія въ какой губерніи и въ какомъ уѣздѣ находилась заложенная деревня Сосновка, такъ что въ заемномъ письмѣ сохранились слова: «занялъ я (Гедеоновъ) пермскаго намѣстничества гражданской палаты у совѣтника секундъ-маіора Ивана Мельникова деньги государственными ассигнаціями двѣ округѣ въ деревнѣ Сосновкѣ, принадлежащую на мою часть» и т. д. Безграмотныя крысы выѣли хорошо; подьячіе знали, гдѣ помазать бумагу. Гедеоновъ доказывалъ на судѣ, что онъ занималъ только двѣсти рублей и что, по неозначеніи, гдѣ именно находится деревня Сосновка, требовать эту деревню наслѣдникамъ

Мельникова нельзя. Гедеоновы были богаты, а Мельниковы бѣдны и не получили съ богатаго ни копѣйки.

У Марьи Степановны остались все родовыя бумаги Ивана Фѣдоровича Мельникова, кромѣ его патента на чинъ капитана. Вслѣдствіе того, при запискѣ въ родословную книгу, родъ Мельниковыхъ попалъ не въ шестую, а во вторую часть.

Отецъ Павла Ивановича, Иванъ Ивановичъ Мельниковъ, росъ и учился въ Казани. При открытіи тамъ университета, въ 1805 году, семнадцатилѣтій коллежскій регистраторъ намѣревался поступить въ студенты, въ которые принимали тогда съ самыми ограниченными свѣдѣніями, но не попалъ въ университетъ, потому что вовсе не зналъ латинскаго языка, а изъ математики былъ обученъ только четырьмя правилами ариѳметики. Но въ это же время, по случаю войны набиралось въ Россіи земское войско, или милиція. На выборахъ казанскаго дворянства Иванъ Ивановичъ былъ выбранъ сотеннымъ начальникомъ милиціи. Въ губернскіе начальники милиціи избранъ былъ Л. Н. Энгельгардтъ, авторъ извѣстныхъ записокъ о временахъ Екатерины II, умершій въ 1836 году и бывшій въ роднѣ, по женѣ, Василию Ивановичу Мельникову, дядѣ Павла Ивановича. Энгельгардтъ любилъ Ивана Ивановича и держалъ его при себѣ. Выйдя впоследствии изъ военной службы съ мундиромъ, Иванъ Ивановичъ всегда носилъ милиціонный мундиръ съ малиновымъ воротникомъ и маленькими золочеными пуговицами, съ зеленымъ перомъ на трехугольной шляпкѣ и золотую медаль на владимірской лентѣ съ надписью: «за вѣру и отечество земскому войску». Въ этомъ мундирѣ онъ завѣщалъ и похоронить себя. При роспускѣ милиціи, въ 1808 году, онъ перешелъ на дѣйствительную службу въ Уфимскій пѣхотный полкъ, но, влюбившись въ одну польку и не желая расста-

ваться съ нею, перешелъ въ каменецъ-подольскій гарнизонъ, въ которомъ и пробылъ всю войну 1812 года. Романъ Ивана Ивановича съ полькою кончился въ 1813 году выходомъ ея замужъ за какого-то пана, вслѣдствіе чего отецъ Павла Ивановича перешелъ въ дѣйствующую армію, въ Великолуцкій пѣхотный полкъ штабсъ-капитаномъ, сдѣлалъ походы за границу въ 1813 и 1814 годахъ и въ 1816 году, за болѣзнію, по окончаніи войны съ Наполеономъ, переведенъ былъ въ нижегородскій гарнизонный баталіонъ, гдѣ въ 1817 году, назначенъ былъ начальникомъ состоявшей при немъ жандармской команды. Въ то время это была обыкновенная конная полицейская стража. Между тѣмъ старшій братъ Ивана Ивановича, Василій Ивановичъ, поселившійся въ жалованномъ ему ардатовскомъ имѣніи, звалъ какъ его, такъ и другого брата, Дмитрія Ивановича, на службу въ нижегородскую губернію. На этотъ зовъ откликнулся только Иванъ Ивановичъ, потому что Дмитрій Ивановичъ, женившись на Бигловой, сдѣлался помѣщикомъ Темниковскаго уѣзда Тамбовской губерніи. Василій Ивановичъ былъ долго предводителемъ дворянства ардатовскаго уѣзда и умеръ въ августѣ 1837 года. Онъ былъ женатъ на дочери сосѣда, Любови Васильевнѣ Жуковой, мать которой была двоюродною сестрою Л. П. Энгельгардта. Братъ Любови Васильевны, Разумникъ Васильевичъ, былъ женатъ на Марьѣ Степановнѣ, извѣстной сочинительницѣ «Вечеромъ на Карповкѣ» и другихъ повѣстей, имѣвшихъ успѣхъ въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ.

Въ январѣ 1818 года, Иванъ Ивановичъ Мельниковъ женился на дочери нижегородскаго исправника, надворнаго совѣтника Павла Петровича Сергѣева, Аннѣ Павловнѣ. Первенцомъ у нихъ родился сынъ, названный въ честь дѣда Павломъ, 22-го октября 1819 года,

въ самый благовѣстъ къ обѣднѣ. Молодые супруги жили тогда въ деревянномъ домѣ П. П. Сергѣева, на углу Мартыновской и Тихоновской улицъ, въ Нижнемъ Новгородѣ. Домъ этотъ существуетъ донинѣ подлѣ удѣльной конторы. Дѣдъ Павла Ивановича Мельникова, со стороны матери, былъ въ своемъ родѣ замѣчательный человѣкъ. Онъ пользовался такимъ большимъ уваженіемъ среди дворянства, что оно избирало его въ исправники въ продолженіе тридцати шести лѣтъ. Но, между тѣмъ какъ, по тогдашнимъ правамъ, исправники въ два или три трехлѣтія наживали себѣ состояніе въ двѣ или три сотни душъ, П. П. Сергѣевъ не приобрѣлъ себѣ никакого состоянія. Учился онъ, по пословицѣ, на мѣдныя деньги, но образовалъ себя чтеніемъ. Иностранныхъ языковъ онъ не зналъ. Въ концѣ прошедшаго столѣтія и отчасти въ началѣ нынѣшняго издавали въ Россіи множество переводовъ дѣльныхъ книгъ, особенно французскихъ. П. П. Сергѣевъ не жалѣлъ денегъ на приобретеніе книгъ и у него образовалась большая бібліотека. Послѣ его смерти половина этой бібліотеки досталась матери Павла Ивановича, который и ознакомился съ нею въ ранней молодости. Въ этой бібліотекѣ были переводы греческихъ и римскимъ классиковъ, историческія сочиненія, переведенныя съ французскаго языка, описаніе различныхъ путешествій, всѣ изданія Новикова и нашей академіи, сочиненія всѣхъ русскихъ писателей, отъ Кантемира и Ломоносова до Карамзина и Жуковскаго. Когда П. П. Сергѣевъ ослѣпъ, послѣ выхода замужъ дочери Анны, то онъ заставлялъ своихъ двухъ дочерей читать ему вслухъ и все дожидался, когда его внуки выучатся грамотѣ и будутъ читать слѣпому дѣдушкѣ. П. П. Сергѣевъ, по должности исправника, умиралъ мордовскій бунтъ и производилъ слѣдствіе о мордовскомъ пророкѣ «Кузьмѣ-Богѣ». Въ «Отечествен-

ныхъ Запискахъ» 1865 года напечатана была большая статья объ этомъ «Кузькѣ-Богѣ», въ которой дѣйствительные факты, почерпнутые, вѣроятно, изъ официальныхъ источниковъ, перепутаны со множествомъ нелѣпѣйшихъ выдумокъ. Такъ, тамъ, между прочимъ, напечатано, что мордва, въ 1809 году, разорвала нижегородскаго исправника, т. е. Павла Петровича Сергѣева, какъ древляне Игоря, на деревьяхъ. Но Сергѣевъ скончался въ 1824 году въ Балахнѣ, куда онъ переселился послѣ того, какъ ослѣпъ, и гдѣ онъ купилъ себѣ домъ, слѣдовательно прожилъ пятнадцать лѣтъ послѣ такъ называемаго бунта мордвы. Впрочемъ никакого открытаго возстанія мордвы противъ властей и не было; если и было неповиновеніе, то только помѣщику, графу Сень-При.

П. П. Сергѣевъ, пользовавшійся, какъ сказано выше, уваженіемъ всего дворянства, былъ въ особенной пріязни съ нижегородскимъ уѣзднымъ предводителемъ дворянства, княземъ Петромъ Сергѣевичемъ Трубецкимъ (отцомъ декабриста), вторая жена котораго, урожденная Кромина, была родственница Сергѣевыхъ. Мать Павла Ивановича Мельникова, будучи еще молодою дѣвицею, подолгу гостила у Трубецкихъ въ ихъ имѣніи Лапшихъ и была много обязана имъ своимъ образованіемъ. Она была очень дружна съ ровесницею своею, княжною Елизаветою Петровною Трубецкою, впоследствии графинею Потемкиною. Первая жена князя Петра Сергѣевича Трубецкого была родная сестра знаменитаго нижегородскаго магната, князя Егора Александровича Грузинскаго, бывшаго (во все царствованіе императора Александра I) около сорока лѣтъ нижегородскимъ губернскимъ предводителемъ дворянства и умершаго въ 1852 году, девяноста лѣтъ отъ роду. Это тотъ самый губернский предводитель князь Грузинскій, которому императоръ Павелъ Петровичъ, въ

1797 году, въ бытность свою въ Нижнемъ, высочайше повелѣть соизволилъ: «считаться мертвымъ».

Анна Павловна Сергѣева, вышедшая замужъ за Ивана Ивановича Мельникова, была второю дочерью Павла Петровича Сергѣева. Старшая его дочь, Александра, еще въ 1815 году, вышла замужъ за имѣвшаго хорошее состояніе новгородскаго и симбирскаго помѣщика, Никиту Захаровича Жилина, внука астраханскаго губернатора, повѣшеннаго въ его симбирской деревнѣ Енгальчевѣ Пугачевымъ.

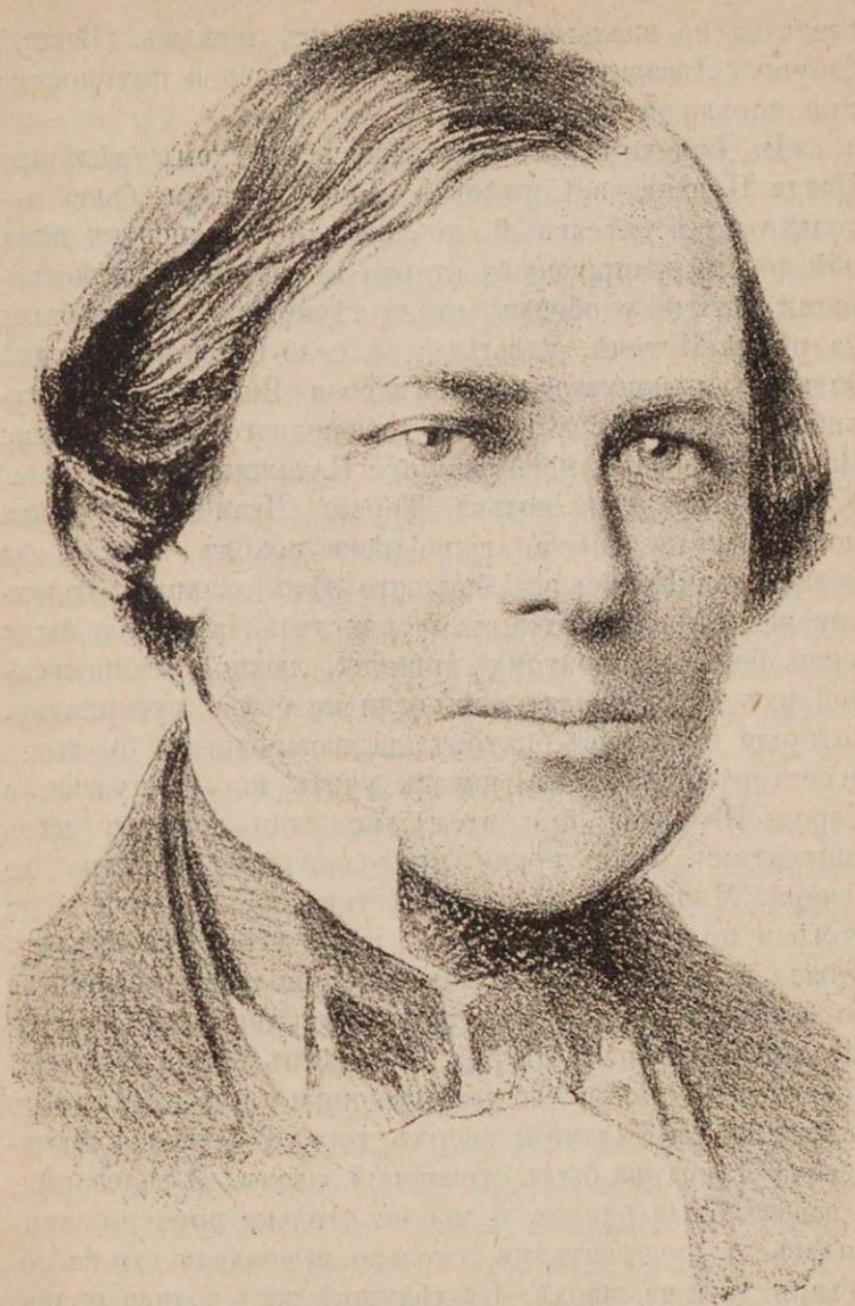
Въ рукописяхъ Павла Ивановича Мельникова, онъ сообщаетъ слѣдующее о своемъ дѣтскомъ возрастѣ:

«Связныя мои воспоминанія начинаются съ пятилѣтняго возраста. Насъ было въ это время у родителей трое сыновей: я, братъ Николай, годомъ моложе меня, и Ѳедоръ, родившійся въ 1823 году, въ Лукояновѣ, гдѣ, по выходѣ изъ военной службы, мой отецъ служилъ по дворянскимъ выборамъ. Въ томъ же Лукояновѣ жилъ родной дядя моей матери, Николай Петровичъ Сергѣевъ, у котораго была предобрѣйшая жена, впрочемъ безграмотная, вывезенная изъ Сибири, Александра Кузьминишна. Люди они были пожилые, а дѣтей у нихъ не было. Когда родился братъ Ѳедоръ, они упросили отца моего съ матерью отдать его имъ въ дѣти, за что они сдѣлають его единственнымъ своимъ наслѣдникомъ. Они согласились. Ѳедоръ былъ даже и окрещенъ въ домѣ Николая Петровича. Между тѣмъ, дѣдушка Павелъ Петровичъ сталъ очень слабъ и писалъ къ обѣимъ дочерямъ, чтобы онѣ со своими семьями пріѣзжали въ Балахну, провести съ нимъ послѣдніе его дни. Вслѣдствіе такого вызова, отецъ мой вышелъ въ отставку и поѣхалъ со всѣми нами въ Балахну, весною 1824 года. Жилины изъ новгородской деревни пріѣхали еще ранѣе. Путешествіе наше на долгихъ помню отрывочно; живо помню Арзамасъ, по-

разившій меня своею огромностью, множествомъ церквей и каменной мостовой, дотолѣ мною невиданной. Помню высокія кирпичныя стѣны строившагося тогда огромнаго собора, въ память избавленія Россіи отъ французовъ; помню даже постоялый дворъ, въ которомъ мы остановились, и громкіе крики пѣтуховъ, немилосердно кричавшихъ на крытомъ дворѣ его. Послѣ того въ Арзамасѣ я, будучи уже студентомъ, безъ труда отыскалъ этотъ постоялый дворъ. Но Нижняго Новгорода, чрезъ который мы тоже проѣзжали, совсѣмъ не помню, кромѣ дома дяди моей матери, Ѳедора Герасимовича Шебалина, преемника дѣдушки Павла Петровича по должности нижегородскаго исправника. Какъ теперь помню его въ угольной комнатѣ его небольшого, но чистенькаго дома, со множествомъ статуэтокъ изъ севрскаго фарфора, стоявшихъ въ шести этажеркахъ за стекломъ (онѣ такъ и простояли на одномъ мѣстѣ, равно какъ и вся мебель, до 1867 года, когда умеръ Ѳ. Г. Шабалинъ); помню и Ѳедора Герасимовича съ его длинною фигуροю, съ его длиннымъ чубукомъ и сухощавую красивую жену его, Анну Андреевну, дочь французскаго эмигранта де-Барраля, полковника нашей службы, бывшаго тогда командиромъ нижегородскаго гарнизонаго баталіона. Помню даже, какъ модница и щеголиха Анна Андреевна нахмурилась, когда я ее называлъ «бабушкою», и какъ она, когда мужъ ея съ мной отцомъ вышли въ другія комнаты, со слезами на глазахъ повѣряла свое страшное горе моей матери: она, дочь полковника, ѣздила въ каретѣ четвернею, а теперь, вышедши замужъ за капитана, должна ѣздить только парею. Впослѣдствіи я узналъ, что Шебалины были не въ ладахъ съ нижегородскимъ полиціеистеромъ, который говорилъ, что онъ остановитъ шебалинскую карету и собственноручно отпряжетъ фрейторскую пару, исполняя законъ, дозволявшій чет-

вернею ѣздить только дворянамъ штабъ-офицерскаго чина. Едва ли онъ даже не исполнилъ обѣщанія.

«На пути изъ Лукоянова въ Балахну, мы заѣзжали въ Міякуши, къ дядѣ, Василию Ивановичу Мельникову. Онъ, уѣздный предводитель дворянства, съ Анною на шеѣ (тогда не малая рѣдкость въ провинціи), былъ важною особою въ Ардатовскомъ уѣздѣ. Но я мало помню его; зато крѣпко врѣзалось въ моей памяти свиданіе съ бабушкою, Лизаветою Ивановною, въ тихомъ помѣшателствѣ доживавшею свой вѣкъ у старшаго сына. Какъ теперь гляжу на чистенькую, опрятную старушку, всю въ черномъ, сидѣвшую въ вольтеровскихъ креслахъ у раствореннаго окна въ тѣнистый садъ. Она вся была окружена цвѣтами. Весь флигель, занимаемый бабушкою, былъ заставленъ цвѣтущими растениями. Она очень любила цвѣты и уходъ за ними составлялъ единственное ея занятіе. Она не скоро узнала моего отца и мою мать; узнавъ, много плакала и, взявъ меня на руки, посадила къ себѣ на колѣни, и легонько похлопывала по моему лицу цвѣтами бѣлой сирени. Я зналъ, что бабушка сумасшедшая и странно боялся, чтобы она меня не съѣла. Сумасшедшихъ я до того времени никогда не видывалъ, а отъ нянекъ много слыхалъ про бабу-ягу, ѣвшую маленькихъ дѣтей. Воображеніе пятилѣтняго ребенка представило мнѣ бѣдную бабушку Лизавету Ивановну—бабой-ягой. Она меня благословила образомъ, много цѣловала, и, поставивъ насъ съ братомъ Николаемъ передъ собою, положила на наши младенческія головы свои исхудалыя, морщинистыя руки и со слезами на глазахъ говорила что-то много, часто повторяя: «Ростите, мои внучки милые, да не будьте въ дѣдушку». Впоследствии уже я понялъ и смыслъ этихъ словъ помѣшанной старушки, и тѣ слезы, которыя потекли изъ блестящихъ какимъ-то особеннымъ блескомъ голубыхъ

П. И. Мельниковъ - 1859 году.

Съ литографированнаго портрета „Русск. художествен. листка“ Тимма.

глазъ ея по впалымъ, сморщеннымъ щекамъ. Вскорѣ бабушка Лизавета Ивановна скончалась и похоронена при церкви села Пучарова.

«Въ Балахнѣ мы помѣстились въ домѣ дѣдушки Павла Петровича Сергѣева. Домъ хотя и былъ довольно помѣстительный, но когда поселились въ немъ обѣ дочери умирающаго старца съ мужьями и шестерыми дѣтьми у обоихъ, стало тѣсно. Домъ былъ на рѣчкѣ Нетечѣ, у выѣзда въ село Кубенцово, подлѣ большого каменнаго дома Николая Яковлевича Латухина, военнаго совѣтника, двоюроднаго брата жены Павла Петровича, моей бабушки Надежды Степановны. У него была жена полька, Тереза Ивановна, и дочка моихъ лѣтъ, Анюта, вышедшая потомъ замужъ за полковника Гриневича, бывшаго лѣтъ двадцать балахнинскимъ предводителемъ дворянства. Латухины были очень богатые, по тому времени, люди; у единственной ихъ дочери были двѣ, если не болѣе, гувернатки, которыя и насъ съ братомъ, да двоюродныхъ братьевъ и сестеръ Жилиныхъ, начали учить по-французски, а Тереза Ивановна при этомъ нещадно кормила насъ конфетами. Такіе уроки продолжались съ утра до вечера. Многому мы, разумѣется, не научились; да этого и не требовалось: вся цѣль этого ученья состояла въ томъ, чтобы нашего крикливаго общества не было въ дѣдушкиномъ домѣ, гдѣ догарали послѣдніе дни почтеннаго старца. Латухинъ былъ изъ балаховскихъ купцовъ; его родственники и онъ самъ имѣли солеварни въ Балахнѣ; сверхъ того, у Николая Яковлевича Латухина былъ стеклянный заводъ. И солеварни, и заводъ были близко, и мы не столько времени занимались съ гувернатками, сколько проводили его на солеварняхъ и на заводѣ. Къ дѣдушкѣ насъ водили рѣдко; онъ страдалъ водяною въ груди и рѣдко выпадали спокойныя для него часы. Онъ меня очень любилъ, меня

и Владиміра Жилина, и обоимъ любимымъ внукамъ, лаская ихъ полумертвою рукою, говаривалъ: «Учитесь, учитесь да читайте больше. Читайте «Записки Сюлли» и «Дѣянія Петра Великаго» (Голикова). Петра Великаго читите; онъ нашъ полубогъ!..» Разумѣется, мы не понимали его словъ, но имена Сюлли и Петра Великаго врѣзались въ мою память, и уже послѣ мать моя растолковала мнѣ предсмертный завѣтъ дѣдушки. Это съ раннихъ лѣтъ заставило меня полюбить исторію, и много лѣтъ спустя, когда я началъ печатать статьи свои, большею частью историческаго содержанія, у меня не рѣдко бывало на умѣ: «Ахъ! какъ бы было хорошо, если бы живы были мать да дѣдушка и прочитали бы печатныя статьи мои!»

«Въ половинѣ сентября 1824 года, утромъ мы играли въ банѣ съ моимъ ровесникомъ, двоюроднымъ братомъ Владиміромъ Жилинымъ, сдѣланными при насъ на стеклянномъ заводѣ бутылками, когда вдругъ какая-то изъ нянекъ прибѣжала къ намъ, и, схвативъ насъ за руки, бѣгомъ пустилась къ дому, говоря: «дѣдушка умираетъ». Помню тѣсную, биткомъ набитую людьми комнату, запахъ ладана, высоко поднимавшуюся грудь дѣдушки; помню, какъ онъ подалъ руку моей матери, а она положила ее на мою голову; помню унисонъ ильинскаго попа, читавшаго отходную; помню, какъ Тереза Ивановна прикладывала къ губамъ дѣдушки бритвенное его зеркальце, а потомъ клики, вопли, рыданія... Дѣдушки не стало.

«Послѣ него остались деревни въ Семеновскомъ уѣздѣ, поступившія къ моей матери и ея сестрѣ. Черезъ четыре мѣсяца по смерти дѣдушки, въ январѣ 1825 года, были дворянскіе выборы, и новые семеновскіе помѣщики были избраны дворянскими засѣдателями, отецъ мой въ земскій, а дядя Жилинъ въ уѣздный судъ. Мы переѣхали въ Семеновъ, гдѣ протекло

мое дѣтство и гдѣ лѣтъ чрезъ двадцать пять послѣ того, какъ меня привезли туда ребенкомъ,—привелось мнѣ исполнять высочайшую волю императора стносительно упраздненія Керженскихъ и Чернораменскихъ раскольничьихъ скитовъ».

Свое дѣтство П. И. Мельниковъ провелъ по большей части въ городѣ Семеновѣ, гдѣ послѣдніе годы своей жизни служилъ его отецъ, умершій въ 1837 году. Мать его умерла двумя годами ранѣе. П. И. Мельниковъ былъ крайне впечатлительный мальчикъ, чутко прислушивавшійся ко всему его окружавшему, ко всему происходившему въ его семьѣ. Онъ лежалъ, въ ноябрѣ 1825 года, въ горячкѣ, наѣвшись ледяныхъ сосулекъ, когда пришла вѣсть о кончинѣ императора Александра. Въ домѣ поднялся плачь, вопль. Плакала даже вся прислуга. Весь этотъ переполохъ усилилъ болѣзнь выздоравливавшаго мальчика, и докторъ выговаривалъ его родителямъ, что они не уберегли эту впечатлительную натуру отъ горестной для всѣхъ вѣсти.

II.

Пребываніе въ гимназіи. — Тогдашніе порядки. — Спектакли въ башнѣ Кремля. — Дѣтскія трагедіи. — Вызываніе духовъ. — Новые учителя.

Въ 1829 году, десяти лѣтъ, П. И. Мельниковъ поступилъ въ нижегородскую гимназію. Она была тамъ же, гдѣ и теперь, на площади противъ Благовѣщенскаго собора. Въ срединѣ былъ трехъ-этажный домъ (нынѣшняя средняя часть гимназическаго зданія), а на углахъ Варварской и Тихоновской улицъ стояли двухъ-этажные дома. Въ тридцатыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія, все это было соединено вмѣстѣ. Этимъ домамъ теперь слишкомъ сто лѣтъ. Въ 1767 году, когда им-

ператрица Екатерина писала Н. И. Панину из Нижняго Новгорода, «городъ сей ситуациею прекрасенъ, но строеніемъ мерзокъ», этихъ домовъ, вѣроятно, еще не было. До 1807 года они принадлежали мѣстному приказу общественного призрѣнія. Въ среднемъ домѣ, въ нижнемъ этажѣ, помѣщалось главное народное училище, открытое 22-го сентября, въ день коронованія Екатерины II, 1786 года; въ срединѣ дворянское собраніе. т. е. клубъ; въ залѣ въ два свѣта, сохранившейся донынѣ въ прежнемъ видѣ, бывали выборы дворянскіе; рядомъ съ залою помѣщалась канцелярія дворянскаго собранія; въ верхнемъ этажѣ помѣщалось малое народное училище, преобразованное въ 1807 году въ уѣздное училище. Въ домѣ на углу Тихоновской улицы былъ трактиръ пивовара купца Пальцова, называвшійся казанскимъ, а въ выходящемъ на Варваринскую улицу домѣ жили учителя и былъ винный погребокъ. Съ дворянскаго собранія, казанскаго трактира и погребка приказъ общественного призрѣнія получалъ ежегодно по 1460 р., а на содержаніе главнаго народнаго училища отпускалъ 3000 руб.

Министръ народнаго просвѣщенія, графъ Завадовскій, предполагая открыть въ Нижнемъ Новгородѣ гимназію и, не имѣя въ виду для нея помѣщенія, просилъ министра внутреннихъ дѣлъ, князя Кочубея, уступить подъ новое учебное заведеніе дома, принадлежавшіе приказу общественного призрѣнія. Кочубей согласился на такую уступку, тѣмъ болѣе, что 1460 р., получаемые приказомъ въ видѣ дохода съ отдаваемыхъ помѣщеній, положено было возвращать изъ суммы, отпускаемой на содержаніе нижегородскихъ училищъ. Поэтому нижегородская гимназія, до самаго упраздненія приказовъ общественного призрѣнія, получала изъ суммъ нижегородскаго приказа 1540 р. Первый директоръ нижегородской гимназіи, Кушелевъ, ученикъ харьковскаго

коллегіума, а потомъ петербургской учительской семинаріи, представлялъ попечителю казанскаго университета, С. Я. Румовскому, объ оставленіи въ домѣ дворянскаго собранія казанскаго трактира и погребка, но попечитель нашель, что помѣщеніе ихъ въ одномъ домѣ съ гимназіею не можетъ быть «совмѣстно съ достоинствомъ заведенія». Попечитель предписаль уѣздное училище помѣстить въ маломъ флигелѣ, гимназическіе классы въ среднемъ этажѣ большаго дома и въ верхнемъ на одной половинѣ, а другую половину предоставить для библіотеки и для храненія другихъ гимназическихъ принадлежностей. Въ двухъэтажномъ флигелѣ на Варваркѣ велѣно было отвести квартиры для помѣщенія директора и для всѣхъ восьми учителей гимназіи. Такимъ образомъ, въ нижегородской гимназіи, съ самаго ея основанія, были казенныя квартиры для всѣхъ преподавателей, за исключеніемъ времени съ 1833 по 1840 годъ, когда производилась перестройка зданія, но и тогда, съ 1836 по 1840 годъ, почти всѣ учителя имѣли квартиры въ домѣ благороднаго пансіона при гимназіи, въ 1844 году преобразованнаго въ особое среднее учебное заведеніе, подъ названіемъ Александровскаго дворянскаго института.

Для передѣлки домовъ подъ нижегородскую гимназію отпущена была изъ казны особая сумма. Постройками распоряжался одинъ Кушелевъ, и, повидимому, не такъ, какъ сдѣдовало бы. Между нимъ и попечителемъ Румовскимъ завязалась переписка, изъ которой видно, что не только перестройка зданій для гимназіи была произведена крайне небрежно, какъ оказалось изъ составленныхъ актовъ, но что Кушелевъ не отвѣчалъ на запросы по этому предмету попечителя. Вообще, съ нижегородскою гимназіею и впослѣдствіи повторялись казусы, подобные бывшему при перестройкѣ ея Кушелевымъ. Такъ, въ 1824 году, послѣ пожара, гим-

назія при директорѣ Алферьевѣ передѣлывалась уже заново, а въ 1833 году принуждены были перевести гимназію въ наемный домъ изъ опасенія, чтобы учениковъ въ одинъ прекрасный день не придавило потолками. Въ 1840 году, вновь перестроили гимназію, соединивъ три дома въ одинъ, но лѣтъ черезъ пятнадцать или двадцать и этотъ домъ вновь потребовалъ капитальныхъ передѣлокъ. Директоры: Кушелевъ, Алферьевъ, Грацинскій, были удалены отъ должностей. Грацинскій, лѣтъ десять послѣ отставки (въ 1849 году), жилъ въ Нижнемъ, и, уплачивая изъ скуднаго пенсіона сдѣланный на него начетъ, почти нищенствовалъ. Вообще, нижегородскіе архитекторы съ давняго времени умѣли набивать карманы, но не умѣли строить. Съ основанія Нижняго, въ 1222 году, въ немъ, по словамъ его старожиловъ, были только два путные архитектора и одинъ инженеръ. Это архитекторъ Монферандъ, строитель въ Петербургѣ Исаакіевского собора, построившій въ 1822—1824 гг. ярмарочный соборъ «Пронсхожденія честныхъ дровъ», и архитекторъ Л. В. Даль, умершій въ 1878 году. Изъ инженеровъ — баронъ А. П. Дельвицъ, строитель перваго нижегородскаго водопровода. Все остальные пріѣзжали въ Нижний въ шинелькахъ, подбитыхъ вѣтеркомъ, и оставляли его или свою должность съ туго набитыми карманами.

При тогдашнихъ возрѣніяхъ, дворянство не желало отдавать своихъ дѣтей въ такое учебное заведеніе, гдѣ они должны были сидѣть рядомъ съ ихъ же крѣпостными и вольноотпущенниками. Поэтому, съ самаго учрежденія нижегородской гимназіи, дворянство ходатайствовало о томъ, чтобы при ней былъ особый благородный пансіонъ, въ родѣ такого, какой былъ въ Москвѣ при университетѣ, принимая содержаніе его на свой счетъ. Въ этомъ ходатайствѣ дво-

рянству было отказано. Попечитель Румовскій, 6-го ноября 1811 года, писалъ Күшелеву: «Я не нахожу нужнымъ заведеніе при гимназій особаго пансіона для обучающихся дѣтей дворянства, которое только потому не соглашается отдавать ихъ въ гимназію, что въ оной обучаются ученики разнаго сословія. Къ тому же симъ болѣе подается способъ учителямъ къ уклоненію и небреженію о прямой ихъ обязанности, когда они, какъ сами же свидѣтельствуєте, и безъ того въ должности своей мало исправны. И такъ, чтобы охотнѣе благородное дворянство отдавало дѣтей своихъ, по мнѣнію моему, одинъ есть способъ, чтобы, чрезъ прилежное прохожденіе каждымъ должности своей, доведено было ученіе до возможной степени успѣховъ. А чтобы сдѣлать отличіе благороднымъ дѣтямъ, то во время ученія въ классахъ можно сажать ихъ особо на правой, а прочихъ на лѣвой сторонѣ; до начатія же ученія, чтобы они не имѣли сообщенія, можно держать ихъ въ особыхъ классахъ». Эта уступка дворянамъ сдѣлана была между прочимъ и потому, что въ просьбѣ ихъ объ учрежденіи пансіона было указано, что «дѣти крѣпостныхъ и разночинцевъ крайне непріятны и что на сидящихъ рядомъ съ ними дворянскихъ дѣтей переползають извѣстныя насѣкомыя, столь обыкновенныя на дѣтяхъ нисшихъ сословія». Желаніе нижегородскаго дворянства объ учрежденіи благороднаго пансіона было исполнено только въ 1836 году.

Когда П. И. Мельниковъ учился въ нижегородской гимназій, съ 1829 по 1834 годъ, это предписаніе Румовскаго уже не исполнялось, и дворянъ уже не сажали въ классахъ одесную, а разночинцевъ ошую. Въ 160 саженьяхъ отъ гимназій, въ Кремлѣ, находилось военное училище, существовавшее со временъ императора Павла Петровича. Въ началѣ сороковыхъ годовъ, это военное училище преобразовано было въ

четвертый учебный карабинерный полкъ. По упраздненіи послѣдняго, огромный домъ его вмѣстилъ въ себѣ аракчеевскую военную гимназію. Во время Мельникова лучшіе ученики этого военного училища въ мундирахъ съ желтыми воротниками ходили на уроки въ гимназію. Такъ младшій братъ Павла Ивановича, Николай, убитый въ 1844 году на Кавказѣ въ званіи ротнаго командира Житомирскаго полка, былъ въ этомъ военномъ училищѣ и ходилъ въ гимназію. Изъ него въ гимназію ходили впрочемъ не одни дворяне, но и солдатскіе дѣти. Въ числѣ ихъ былъ Румянцевъ, сынъ солдата, отданнаго въ военную службу изъ крѣпостныхъ дѣда по матери П. И. Мельникова. Онъ кончилъ курсъ въ 1830 году, былъ замѣчательно развитъ, переводилъ Непота и Саллюстія *a livre ouvert*, хорошо говорилъ по-французски, съ хорошимъ притомъ выговоромъ, изучилъ основательно нѣмецкій языкъ, писалъ русскіе стихи; особенно же былъ силенъ въ математикѣ. Но, какъ солдатскій сынъ, онъ долженъ былъ поступить въ военные писаря, снискалъ, былъ наказанъ розгами и удавился на 24-мъ году отъ роду.

Во время пребыванія П. И. Мельникова въ нижегородской гимназіи, она пришла въ такое ветхое состояніе, что даже была переведена въ частный домъ, въ ожиданіи приведенія классовъ въ болѣе безопасное положеніе.

«Это обстоятельство—пишетъ П. И. Мельниковъ:—было причиною того, что ни я, ни мои товарищи, вовсе не знали математики. Учитель ея, Д—нъ, должно быть, очень боялся погребенія подъ развалинами храма просвѣщенія. Придетъ, бывало, въ классъ, прямо къ большой, черной доскѣ, напишетъ какую-нибудь алгебраическую формулу, поговоритъ о непонятныхъ для насъ иксахъ и игрекахъ, безпрестанно повторяя: «во

я вамъ скажу», и, пробывъ съ нами не болѣе четверти часа, кончаетъ урокъ словами: «вѣ я вамъ скажу—ступайте домой». И самъ поидеть домой, слегка покачиваясь. Математическіе уроки были, какъ нарочно, всѣ послѣ обѣда и потому ни алгебры, ни геометріи мы не выучились, но зато пристрастились къ драматическому искусству. Въ Нижнемъ-Новгородѣ былъ въ то время театръ, заведенный еще въ царствованіе императрицы Екатерины помѣщикомъ княземъ Шаховскимъ. Этотъ деревянный театръ находился на углу Большой и Малой Печерскихъ улицъ. Наглядѣвшись на трагедіи, комедіи, оперы, балеты и водевили, вздумали мы устроить свой театръ. Въ пустой башнѣ нижегородскаго Кремля, именно въ Часовой, устроили мы театръ, разумѣется безъ декораций и безъ костюмовъ. Это было не безъ пользы для насъ. Многіе изъ насъ наизусть выучили Эдипа въ Афинахъ, Фингала, Дмитрія Донскаго, и хотя у насъ не было руководителя, однако мы сдѣлали не малые успѣхи въ декламациі. Бывало ждемъ, не дождемся той минуты, какъ Л—нъ скажетъ намъ: «во я вамъ скажу—ступайте домой». Дѣломъ не волоча, мы тотчасъ же веселюю гурьбою прямо на кремлевскую стѣну. Но только одно лѣто разыгрывали мы трагедіи Озерова. Башня понадобилась гарнизонному начальству подъ цейхгаузъ и баталіонный командиръ, придя ее осматривать, засталъ насъ во время представленія «Поликсены». Драматическую труппу, подъ присмотромъ солдатъ, отправили къ директору, а башню заперли. Съ нами расправились, но тогдашнему обычаю, довольно круто, а бѣдному Л—ну отказали отъ должности.

«Изъ ребяческой нашей шалости сумѣли раздуть страшную исторію. Въ городѣ рассказывали вещи несодѣянные, будто мы, одиннадцати и двѣнадцалѣтніе

мальчики, составили опасный заговоръ для ниспроверженія существующаго порядка. Одна нижегородская барыня К. поѣхала въ это время въ Казань и тамъ стала рассказывать о нашемъ злоумышленіи. Изъ учебнаго округа предписано было разобрать дѣло какъ можно строже, и съ нами въ другой разъ распорядились круто. Всего замѣчательнѣе то, что раздувать эту исторію учитель словесности Св., по понятіямъ котораго мы должны были въ первомъ классѣ, десяти-одиннадцати лѣтъ, выучить логику Кизветтера, а потомъ по Кошанскому изучить всѣ тропы и безчисленныя фигуры; все же остальное въ глазахъ его было или вздоръ да пустяки, или вольнодумство.

«Двукратная расправа не истребила въ насъ страсти къ драматическимъ представленіямъ. Мы перенесли сцену изъ запертой башни въ домъ одного товарища, Крупенина, искренняго, вѣрнаго друга моего дѣтства и юности. Домъ отца Саши былъ на Петропавловской или Кладбищенской улицѣ, съ маленькимъ садомъ, густо засаженнымъ грушами, яблонями, вишнями, въ которомъ я провелъ такъ много счастливыхъ часовъ золотой юности... Тамъ-то, въ мезонинѣ, стали мы разыгрывать трагедіи, сначала Озерова, а потомъ и собственнаго издѣлія. Большой успѣхъ имѣлъ «Мухамедъ II», трагедія, сочиненная Крупенинымъ, въ которой я игралъ византійскую царевну Ирину, а десятилѣтній братъ мой, Федоръ, пажа греческаго. Я тоже написалъ трагедію, въ пяти дѣйствіяхъ, «Вильгельмъ Оранскій», но она не имѣла успѣха.

«У Крупенина въ мезонинѣ мы еще занимались вызываніемъ духовъ. У одного изъ товарищей, Ердокимова, достали мы старинную рукопись на нѣмецкомъ языкѣ, писанную, сколько помнится, на бомбацинѣ пожелтѣвшими чернилами. На ея пергаментной оберткѣ было написано: «D. Faustens Geister Zwang.

Anno 1509» ¹⁾). Круенину, хорошо знавшему по-нѣмецки, поручено было перевести рукопись на русскій языкъ. Это стоило ему не малаго труда, потому что «Geister Zwang» былъ писанъ стариннымъ языкомъ и было множество непонятныхъ мистическихъ выраженій. Помню, что вызывались три духа: Achant, Astaoth и Aziel и что было болѣе десяти заклинаній. Сложились мы на покупку пергамента, изъ котораго должно было сдѣлать двѣ таблетки, которыя, по наставленію Фауста, должно было положить при входѣ въ кругъ, и на покупку шелковой матеріи для мантии заклинателя. Но вышло затрудненіе: въ рукописи было сказано, что кабалистическія фигуры на таблеткахъ должно написать драконовою кровью (Dracheublut). Гдѣ сыскать дракона, какъ убить его? Мы знали, что такихъ драконовъ, какого поразилъ Персей, и какой рисуется въ казанскомъ гербѣ, на свѣтѣ нѣтъ и не бывало, но у Блуменбаха ²⁾ было сказано о какой-то ящерицѣ, которая называется дракономъ. Но, увы, эта ящерица водится въ тропическихъ мѣстахъ; не найдешь ее въ Марьиной рощѣ, куда хаживали мы гулять и гдѣ били нерѣдко змѣй. Не ѣхать же за драконовою кровью въ Африку. Одни предлагали убить змѣю и ея кровью написать кабалистическія фигуры, увѣряя, что это все равно, что змѣя, что драконъ—все одинъ и тотъ же гадъ, пресмыкающееся. Я былъ того мнѣнія, что вся сила въ непонятныхъ фигурахъ, и что поэтому можно ихъ написать и чернилами. Кто-то вспомнилъ, что въ москательныхъ лавкахъ продается краска, называемая драконовою кровью, и мы единогласно рѣшили купить этой краски, потому что Фаустъ именно о ней и го-

¹⁾ Рукопись эта осталась у А. Д. Круенина.

²⁾ «Руководство къ естественной исторіи доктора Юг. Фридр. Блуменбаха, переводъ Наумова и Теряева»,—по которому мы учились зоологiи.

ворить. Купили краски, написали таблетки, сшили мантию,—все готово. Но снова возникли пренія. Фаустъ говорилъ: «Чтобы не утрашиться духа, вызывай его въ пріятномъ видѣ, напримѣръ въ видѣ короля». Но мы полагали, что и въ видѣ короля *Achant* будетъ страшень, много спорили и, наконецъ, рѣшили вызывать духа, въ видѣ маленькой, хорошенькой дѣвочки.

«Пришла первая пятница послѣ полнолунія, день, предписанный Фаустомъ. Пятеро изъ насъ стали въ кругъ; Крупенинъ надѣлъ мантию и сталъ читать «*Geister Zwang*» въ русскомъ переводѣ. Прочиталъ — не идетъ Ахантъ; въ другой разъ прочиталъ — не идетъ; семь разъ прочиталъ, — нѣтъ какъ нѣтъ Аханта.

«—Должно быть онъ не знаетъ по-русски, заклинай его, Саша, по нѣмецки, сказалъ кто-то Крупенину.

«И по нѣмецки не выходитъ Ахантъ. Три раза нарождался мѣсяць, и мы три пятницы послѣ полнолунія бились съ упорнымъ духомъ, но Ахантъ такъ-таки и не пожаловалъ къ намъ.

«Эта неудача имѣла на насъ своего рода вліяніе. Мы отъ всей души смѣялись и надъ собою, и надъ Фаустомъ, и уже болѣе не вѣрили ни духамъ, ни колдовству, ни другому чему сверхъестественному.

«Въ послѣдній годъ пребыванія моего въ гимназій сдѣлано было много уллучшеній. Послѣ того, какъ въ одной комнатѣ (къ счастью ночью) грохнулся заразъ весь потолокъ, попечительное начальство озаботилось пріисканіемъ квартиры для гимназій въ частномъ домѣ. По нѣкоторымъ предметамъ назначены были новые учителя. Александръ Васильевичъ Савельевъ, заступившій мѣсто Св., далъ живое направленіе нашимъ схоластическимъ до того времени занятіямъ. Онъ заставлялъ насъ писать сочиненія, читалъ въ классахъ и давалъ на домъ читать сочиненія современныхъ авторовъ. Тутъ мы ознакомились съ Пушкинымъ, Коз-

ловымъ, Дельвигомъ, Баратынскимъ, а до тѣхъ поръ насъ заставляли удивляться только Хераскову, Ломоносову и Державину. О Карамзинѣ Св. отзывался неодобрительно; совѣтоваль и дома не читать его, потому что сочиненія его пропитаны якобинскимъ духомъ. Впрочемъ и Ломоносова, Хераскова, Державина, знали мы только по отрывкамъ, помѣщеннымъ въ риторикѣ Кошанскаго. Особенно еще тѣмъ былъ полезенъ намъ Савельевъ, что говорилъ съ нами живымъ языкомъ. Хотя онъ былъ не изъ важныхъ педагоговъ, но живая рѣчь его, а не рабское, усыпляющее своею монотонностью, повтореніе затверженныхъ выраженій Кошанскаго, ввели насъ въ новый міръ, въ міръ мысли. Савельевъ разказами своими объ университетѣ подстрекалъ насъ къ дальнѣйшему образованію. Онъ нарочно знакомился съ отцами болѣе даровитыхъ учениковъ и уговаривалъ ихъ отправить сыновей своихъ въ университетъ, вызываясь самъ ѣхать съ ними въ Казань и быть тамъ при нихъ неотлучно до поступленія въ студенты. Мы очень обязаны А. И. Савельеву. Это былъ первый настоящій нашъ учитель; онъ первый показалъ намъ, что между учителемъ и ученикомъ могутъ существовать инныя болѣе человѣскія отношенія, чѣмъ грубыя, сопровождаемыя площадными ругательствами, розгами, потасовками, да карцеромъ, — отношенія прежнихъ нашихъ наставниковъ. Особенно люты были учителя изъ духовнаго званія; они же были и самые безтолковыя.

«Другой новый учитель, Кученевъ, быть можетъ, и самъ того не подозрѣвая, открылъ намъ новый міръ—міръ природы. Правда, и до него мы учились ботаникѣ, но это изученіе ограничивалось заучиваніемъ въ долбяжку системы Линнея, причемъ не было показано намъ ни одного живого растенія, ни одного рисунка, чтобы могли мы понять различіе между мо-

ногамією и криптогамією. Учились мы и минералогіи, долбили по системѣ Гаю сотни названій никогда невиданныхъ нами камней, удѣльный вѣсъ каждаго и даже химическій составъ ихъ, а что за звѣрь такой химія, того и во снѣ намъ не грезилось. У Кученева учились мы зоологіи по Блуменбаху. Вѣроятно, скучая классными занятіями, нашъ учитель заставлялъ одного изъ насъ читать Бюффона, а прочимъ слушать, самъ же, ходя по классу взадъ и впередъ, разсуждалъ о благосостояніи Европы. Шалить и рѣзвиться въ присутствіи его мы не смѣли, а потому волею-неволею стали мы слушать Бюффона, стали слушать и заслушались. Новый міръ, міръ жизни, предсталъ передъ нами; пытливый умъ мальчиковъ началъ работать; посыпались вопросы къ учителю. Онъ сначала неохотно и даже грубо отвѣчалъ намъ, но, впрочемъ, замѣтивъ, какъ сильно развивается въ насъ понятливость и любознательность, перемѣнилъ тонъ и живымъ языкомъ заговорилъ съ нами объ изученіи природы, о жизни животныхъ и растений. Чтеніе Бюффона, разсматриваніе иллюминированныхъ изображеній разныхъ животныхъ, сдѣлалось любимымъ нашимъ занятіемъ. Настало лѣто; по садамъ началась ловля гусениць, разныхъ букашекъ и бабочекъ; на Волгѣ по вечерамъ уженье рыбы; у Чернаго Пруда, тогда еще не совсемъ превращеннаго въ городской садъ, и въ Грузинскомъ саду—ловля лягушекъ. И всякая добыча разсматривалась и анатомировалась съ Блуменбахомъ въ рукахъ. Я усердно и съ любовью занимался зоологією, но, дойдя до рыбъ, спутался въ ихъ классификаціи, а въ насѣкомыхъ и подавно. Несмотря на то, и я, и товарищи мои хотѣли непременно и въ университетѣ продолжать занятія естественными науками, но, къ сожалѣнію, тогда еще не было особеннаго естественнаго факультета, и науки, входившія въ составъ

его, преподавались въ математическомъ факультетѣ, куда поступить намъ было невозможно, потому что рѣдкій изъ насъ смыслилъ изъ математики что-нибудь, кромѣ четырехъ ариѳметическихъ правилъ, пифагоровой теоремы, да уравненія первой степени съ однимъ неизвѣстнымъ.

«Третій новый учитель былъ шевалье Делассеръ, старый эмигрантъ, съ крестомъ св. Людовика въ петличкѣ. Прежде училъ насъ по-французски одинъ изъ остатковъ великой арміи. У него также была красненькая ленточка Почетнаго Легіона, но онъ ее носилъ только въ карманѣ. Неловко же было, въ самомъ дѣлѣ, учителю русской гимназіи носить крестъ, полученный за разгромъ Смоленска. Онъ очень любилъ карточную игру и былъ мастеръ играть: не разъ случалось, что ученикъ отвѣчаетъ урокъ, заглядывая, безъ всякаго зазрѣнія совѣсти, въ Ломондову грамматику, а кавалеръ Почетнаго Легіона преусердно мечетъ въ классѣ банкъ, отыскивая рутерку. Разумѣется, успѣхи учениковъ были не блистательны и кто не учился по-французски дома, тотъ имѣлъ такое произношеніе, которому могла позавидовать любая семинарія... Кавалеръ св. Людовика въ одинъ годъ сдѣлалъ для насъ гораздо болѣе, чѣмъ наполеоновскій соратникъ въ три года. Зато уже почти и не проходило ни одного класса, чтобы нашъ шевалье не ругнулъ хорошенько кавалера Почетнаго Легіона не за то, что онъ насъ ничему не выучилъ, а за то, что онъ, нося извѣстную фамилію, бывшую въ свойствѣ съ Монморанси и другими, унизился до того, что служилъ въ рядахъ узурпатора,—титულъ, которымъ приверженецъ Бурбоновъ постоянно величалъ Наполеона».

Въ іюлѣ 1834 года, П. И. Мельниковъ со своими товарищами выдержалъ выпускной экзаменъ въ нижегородской гимназіи. Публичный актъ происходилъ

въ залѣ дворянскаго собранія, потому что домъ гимназіи тогда развалился. Мельниковъ получилъ свой аттестатъ изъ рукъ прибывшаго на актъ гимназіи принца Петра Георгіевича Ольденбургскаго, тогда еще двад-

П. И. Мельниковъ въ 1872 году.

(Свѣтопись фотографическаго отдѣла Общ. Разв. Техн. Знаній)

цати-двухъ-лѣтняго молодого человѣка. Всѣхъ окончившихъ курсъ въ гимназіи было двѣнадцать человѣкъ, изъ которыхъ пятеро отправилось доканчивать свое образованіе въ университеты. Двое: Мизко и Безсоновъ,

отправились въ Москву, а трое: Мельниковъ, Евдокимовъ и Мальчиковскій въ Казань. Имъ всѣмъ хотѣлось ѣхать въ Московскій университетъ, но для поступленія въ него по словесному факультету надобно было знать греческій языкъ, котораго тогда въ нижегородской гимназїи не преподавали. Мизко и Безсоновъ рѣшились пробыть годъ вольными слушателями, чтобы потомъ, научившись по-гречески, поступить въ студенты; остальные же трое не рѣшились ждать такъ долго и отправились въ Казань. Нижегородская гимназїя, директоромъ которой въ 1834 году, и притомъ очень недурнымъ, былъ М. А. Никольскій, входила тогда въ составъ казанскаго учебнаго округа.

П. И. Мельникову очень желательно было поступить въ Московскій университетъ, но родители не пустили его туда. Незадолго передъ тѣмъ была извѣстная исторїя со студентами въ Москвѣ, отъ которой пострадалъ тогда въ числѣ прочихъ и Герценъ, а потому нижегородскіе дворяне перестали отправлять своихъ сыновей въ Московскій университетъ. Все къ лучшему въ этомъ мїрѣ. Если бы Мельниковъ отправился въ Москву, то навѣрное не былъ бы принятъ въ студенты. Не зная хорошо математики и имѣя нервное отвращеніе отъ мертвыхъ тѣлъ, онъ не могъ поступить ни на медицинскій, ни на математическій факультеты, а на юридическомъ надобно было быть своскошнымъ, но у родителей его не было средствъ, чтобы содержать его въ чужомъ городѣ. Средства ихъ были ограничены, даже скудны. Оставался факультетъ словесный, къ которому Мельниковъ стремился, но, какъ уже сказано, греческій языкъ, введенный во всѣхъ гимназїяхъ московскаго округа, въ нижегородской гимназїи не преподавался. Поэтому Мельниковъ не выдержалъ бы экзамена въ студенты. Мизко и Безсоновъ, бывшіе старше его и учившіеся лучше его, провали-

лись на экзаменѣ въ Московскомъ университетѣ, цѣлый годъ послѣ того вновь приготавлились ко вступительному экзамену одинъ по юридическому, а другой по математическому факультету, оставивъ попеченіе о греческомъ языкѣ.

Къ Мельникову, Евдокимову и Мальчиковскому присоединился и Василій Павловичъ Васильевъ (нынѣ заслуженный профессоръ китайскаго языка въ петербургскомъ университетѣ), бывший другомъ П. И. Мельникова съ десятилѣтняго возраста. Крупенину, окончившему гимназическій курсъ вмѣстѣ съ Мельниковымъ, нельзя было ѣхать въ университетъ, потому что ему не было еще 15-ти лѣтъ. Онъ поступилъ въ университетъ въ 1835 году. Васильевъ успѣлъ окончить гимназическій курсъ 13-ти лѣтъ отъ роду, такъ что онъ два года дожидался срока, когда ему можно будетъ поступить въ университетъ. Правило о приѣмѣ въ студенты не ранѣе 16-ти лѣтъ не очень строго соблюдалось въ тѣ времена, особенно относительно хорошо выдерживавшихъ вступительный экзаменъ. Преимникъ Магницкаго, попечитель казанскаго учебнаго округа, Михаилъ Николаевичъ Мусинъ-Пушкинъ, говаривалъ: «Государь послалъ меня сюда (въ Казань) не разгонять студентовъ (какъ дѣлалъ Магницкій), а собирать ихъ»; но, все-таки, тринадцатилѣтнему мальчику нельзя было надѣяться поступить въ университетъ.

Начало приѣмныхъ экзаменовъ въ Казанскомъ университетѣ въ 1834 году назначено было 15 августа. Времени оставалось еще довольно, и Мельниковъ поѣхалъ въ Семеновъ проститься съ больною матерью, иѣжно его любившею.

III.

Первое путешествіе Мельникова по Волгѣ.—Пріѣздъ въ Казань.

Учитель русской словесности, Александръ Васильевичъ Савельевъ, сдержалъ слово и поѣхалъ вмѣстѣ съ юношами въ Казань. Онъ отправлялся туда къ учебному начальству по какому-то дѣлу. Тогда лучшимъ путемъ для переѣзда изъ Нижняго въ Казань, какъ и нынѣ, считалась матушка-Волга. На сдаточныхъ перекладныхъ ѣхать было безпокойно и небезопасно. Троичные извозчики нанимались тогда верстѣ на полтораста и болѣе, изъ Нижняго, напримѣръ, до Ивановскаго перевоза черезъ Суру, въ Ядринскомъ уѣздѣ, или до Козьмодемьянска. Первый извозчикъ, проѣхавъ станцію верстѣ въ сорокъ, пятьдесятъ, сдавалъ сѣдоковъ другому, или какъ говорили тогда, «продавалъ ихъ», этотъ сдавалъ третьему и т. д. Условившись, напримѣръ, за 25 рублей провезти 150 верстѣ, онъ, отѣхавъ верстѣ 50, получалъ 15 рублей, и за 10 рублей передавалъ другому, который везъ тѣ же 40 или 50 верстѣ и получалъ за то 10 или 12 рублей, а затѣмъ слѣдовали станціи уже болѣе короткія, верстѣ по 15 и по 20, и за каждую платилось менѣе и менѣе, такъ что послѣднему троичнику, провезшему верстѣ двадцать, доводилось получать рубль или полтора. Чувашши, черемисы всегда честно доставляли сѣдоковъ до мѣста, хотя бы имъ за послѣднюю станцію приходилось получать и нѣсколько гривенъ мѣдыю, но съ нашими единоплеменниками иной разъ бывало не то. Пріѣдутъ на станцію отпрягутъ лошадей и разбѣгутся, такъ что хоть пѣшкомъ ступай.

Въ то время, между Нижнимъ и Астраханью, ходилъ только одинъ пароходъ, въ 60 силъ, Евреинова.

Онъ ходилъ черепашинымъ шагомъ, ставалъ на меляхъ по недѣлѣ и болѣе и перевозилъ только кладь. Пассажирами на немъ были «находившіеся при кладѣ». Буксирныхъ пароходовъ не было на Волгѣ. Всѣ подобныя попытки оказывались неудачными, потому что пароходы не могли идти съ судами противъ теченія. Причина тому заключалась въ слабосильности сооружаемыхъ пароходовъ, но на Волгѣ сложилось убѣжденіе, что «вода въ ней слишкомъ густа для пароходовъ». Нелѣпость подобнаго мнѣнія доказана была осязательно пароходомъ «Волга», пущеннымъ въ ходъ, въ 1846 году, учредившимся акціонернымъ «обществомъ пароходства по Волгѣ».

На пароходъ поэтому рассчитывать было нельзя въ 1834 году, а потому молодежь отправилась въ Казань на крытомъ дощаникѣ, или большой лодкѣ, который путь туда изъ Нижняго совершалъ въ трое сутокъ.

«Погода стояла прекрасная;—пишетъ П. И. Мельниковъ, описывая свой переѣздъ въ Казань:—солнце палило, когда мы спускались по Коровьему взвозу на берегъ Волги, гдѣ подь Пятницею ¹⁾ стоялъ нашъ дощаникъ. Сильно было нетѣриѣніе наше; хотѣлось сейчасъ же ѣхать, чтобы взглянуть на невиданныя еще мѣста Приволжья. Это я говорю про себя. Товарищей моихъ провожали родные; имъ, конечно, хотѣлось отдалить хотя сколько-нибудь минуту разлуки, но у меня родныхъ не было въ Нижнемъ; я уже простился съ ними въ Семеновѣ. Сидя въ кормѣ дощаника, зорко смотрѣлъ я на знакомый плескъ Волги и думалъ, что-то будетъ тамъ, за поворотомъ, у Печерскаго монастыря, какія-то тамъ будутъ мѣста, какая-то тамъ будетъ Волга. Рисовалась въ моемъ воображеніи далекая и

¹⁾ Ни Коровьяго взвоза, ни церкви Пятницы, нынѣ не существуетъ. На этомъ мѣстѣ устроенъ сѣздъ и разбитъ великолѣпный Волжскій садъ

еще незнакомая Казань, съ университетомъ въ срединѣ, съ мечетями вокругъ него, съ дворцами и башнями мавританской архитектуры. Столицу татарскаго царства я воображалъ Альгамброю, населялъ ее мысленно только студентами да татарами, и никакъ не могъ себѣ представить, что это такой же губернской городъ, какъ и Нижній, только побольше.

«А дощаникъ все не отчаливаетъ; то лодчички за харчами на базаръ пойдутъ да въ кабаки пропадутъ, то кормщикъ съ кумою простится сбѣгаетъ на минуточку, которая бываетъ въ добрый часъ. Вотъ раздался на горѣ и подъ горою гулъ колоколовъ съ пятидесяти колоколенъ; вотъ и вечерня кончилась; на плотяхъ рыбаки стали уже расправлять невода, чтобы закинуть ихъ ночью, когда стихаетъ шумъ и гамъ на Волгѣ—а дощаникъ все у пристани. Уже солнце сѣло за низменный долъ Балахонскаго Приволжья, а на лѣвомъ, боровскомъ, берегу Волги, на перевозѣ и рыбацкихъ стоянкахъ замелькали огоньки; уже все стихло вокругъ и сталъ слышенъ глухой шумъ отъ берега. Дощаникъ поворотилъ носомъ къ низу рѣки.

«— Молись Богу, православные!—громче прежняго крикнулъ, снимая шапку, кормчій. Бурлаки покинули весла, и мы все, бывшіе на дощаникѣ, снявъ шапки, стали креститься. Крестились и насъ крестили издали оставшіеся на берегу родные и знакомые.

«Мѣрно раздавались въ вечерней тиши всплески воды подъ веслами дружно работавшихъ лодчичковъ. Все молчали. Какъ ни заманчива была будущность, какъ ни хотѣлось намъ извѣдать неизвѣданнаго, посмотреть на новыя мѣста и на людей невиданныхъ, а все-таки грустно было расставаться съ роднымъ городомъ. Вотъ и кремль стинулъ съ глазъ нашихъ и незатѣйливый строеніа Пятницкаго конца (сломаннаго въ 1837 году), и только бѣлая, высокая церковь св. Георгія

высипалась на углу крутого сорокосаженнаго утеса. Но вотъ и она скрылась изъ глазъ; вотъ и знакомый древній Печерскій монастырь скрылся и Подновье. Прощай Нижній!

«Когда скрылись и Печера, и Подновье, мы, оторванные отъ роднаго города, разомъ всё заговорили, разумѣется, о Казани. Александръ Васильевичъ Савельевъ сталъ намъ говорить про студенческую жизнь, и въ рѣчахъ его уже звучалъ голосъ товарища, а не буки-учителя, какимъ, впрочемъ, онъ не былъ. Много говорилъ онъ намъ о союзѣ молодой дружбы, которая на скамьяхъ университета и важнаго аристократа, и сына ремесленника, и поповича, и мѣщанина соединяетъ въ одно неразрывное братство. Много онъ говорилъ намъ, какъ полезно это братство для будущей жизни, когда, скинувъ студенческій мундиръ, станемъ мы лицомъ къ лицу съ дѣйствительностью. Жадно ловили мы слова Александра Васильевича, конечно не совсѣмъ ясно понимая ихъ, и сразу выучили наизусть, со словъ его, «*Gaudeamus igitur*». Были уже глухія сумерки, когда плылъ нашъ дощаникъ мимо Великаго Врага, одного изъ самыхъ живописныхъ мѣстъ Приволжья. Дружный хоръ молодежи раздался тогда на тихой Волгѣ:

Vivat universitas!
Vivant professores!
Vivat nostra civitas!
Et qui illam regit!

«Радостно вторилъ намъ А. В. Савельевъ.

«— Вотъ,—говорилъ онъ съ необыкновеннымъ одушевленіемъ:—вотъ какая пѣснь раздается теперь на Волгѣ! Въ первый разъ раздается она здѣсь, потому что сихъ поръ мало нижегородцевъ ѣздило въ казанскій университетъ, а если и ѣздили, такъ все одиночками. Вотъ какую пѣснь поютъ теперь на Волгѣ въ тѣхъ мѣ-

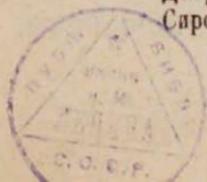
стахъ, гдѣ рядомъ стоятъ «Слопинець и Татинець, веѣмъ разбойникамъ кормилецъ»... А прежде пѣвали здѣсь буйныя свои пѣсни волжскіе разбойники, да «сарынь на кичку» кричали. Вотъ что значитъ просвѣщеніе-то! Давай Господи, давай Господи!

«Въ ознаменованіе братства и на животь, и на смерть, на первый разъ порѣшили мы собратъ во едно наши харчи и жить на дощаникѣ артелью. Но Евдокимовъ, у котораго было всякихъ припасовъ столько, что ихъ хватило бы и до Саратова, на это не согласился. Это значитъ—и жить и умереть вмѣстѣ, а ѣсть, пить врозь. И былъ же наказанъ онъ. Время стояло жаркое: гнили его рябчики, куры и яйца и бросилъ онъ, сердечный, подъ Чебоксарами все свое хозяйство въ воду. Васильевъ года два донималъ его этими рябчиками; все бывало спрашиваетъ: «А не испортились ли куры твои, Евдокимовъ?» Впрочемъ, этотъ случай не безъ пользы былъ для Евдокимова; онъ впоследствии сдѣлался прекраснымъ товарищемъ.

«Ни Слопинца, ни Татинца мы не видали—проспали. А какъ сладко спалось въ свѣжую августовскую ночь на дощаникѣ, плывшемъ по соннымъ струямъ Волги, при мѣрныхъ всплескахъ весель, при полувнятной пѣснѣ лодочниковъ. Мы проснулись у Макарьева монастыря. Было раннее утро; туманъ еще не совсѣмъ сошелъ съ поверхности Волги, и мы едва могли разглядѣть богатое Лысково, раскинувшееся на горахъ, по правому берегу рѣки, за островами, поросшими тальникомъ. Ближе къ полугорѣ виднѣлись Исады съ яблочными садами, которые будто полѣзли въ гору. Въ Макарьевскомъ монастырѣ благовѣстили къ заутренѣ, и яркій звонъ колокола разносился по волжской водной равнинѣ. Что за мѣста, что за виды! И съ каждымъ новымъ плескомъ Волги, новые да новые виды, и все лучше, все живописнѣе!

«Къ ночи были мы верстахъ въ полтора отъ Козьмодемьянска. Не знаю почему, лодочники, не дойдя до города, сдѣлали здѣсь приваль. Тихій вечеръ догоралъ; опаловый отблескъ покрывалъ поверхность рѣки; кое-гдѣ вспыхивали звѣздочки; издали неслась бурлацкая пѣсня съ ходовой расшивы. Мы вышли на берегъ и купили у рыбаковъ превосходныхъ стерлядей; хотя за нихъ заплатили мы только полтину серебра, но это была такая рыба, что хотя бы на царскій столъ. Взяли у лодочниковъ походный котелокъ, разложили на берегу огонь и, усѣвшись вокругъ него на сырой осоцѣ, принялись застряпню... Много разъ послѣ этого ѣдалъ я стерляжью уху и на годовыхъ обѣдахъ дворянскаго клуба въ Нижнемъ, и за столомъ откупщиковъ, и на великолѣпныхъ купеческихъ обѣдахъ на нижегородской ярмаркѣ, ѣдалъ сурскихъ стерлядей въ Василѣ, сылвенскихъ въ Кунгурѣ, шехонскихъ, донскихъ, камскихъ, но никакая уха, изготовленная знаменитымъ поваромъ, сваренная на шампанскомъ, поставленная на роскошно сервированномъ столѣ, не казалась мнѣ такъ вкусною, какъ наша козьмодемьянская, сваренная въ бурлацкомъ котелкѣ. И какая чудная ночь накрывала въ это время поднебесье: звѣзды чаще и чаще загорались на темносинемъ небѣ и красный мѣсяцъ выкатывался изъ-за горы. Волга тиха; не шелухнется ея стеклянная поверхность; какъ вороново крыло, почернѣла она, а два мерцавшіе вдали рыбацьи огоньки показывали, гдѣ лѣвый берегъ, уже, давно потонувшій во мракѣ. Вскорѣ мѣсяцъ серебромъ разсыпался по Волгѣ, мы поплыли дальше, и отдохнувшіе лодочники дружно подхватили удалую волжскую пѣсню:

«Ты взойди, взойди, красное солнышко,
Надъ дубравою взойди, надъ зеленою,
Обогрѣй ты насъ, добрыхъ молодцовъ,
Добрыхъ молодцовъ—сиротъ бѣдныхъ,
Сиротъ бѣдныхъ—людей бѣглыхъ.»

Мы не воры вѣдь; не воры, разбойнички,
Стеньки Разина мы вольные разбоянички...

«Такъ плыли мы три дня и три ночи, коротая время въ оживленныхъ разговорахъ или слушая бурлацкія пѣсни про Стеньку Разина и про волжскихъ разбойниковъ. Давно уже и въ поминѣ не было этихъ удалцовъ, что однимъ крикомъ «сарынь на кичку» останавливали цѣлые караваны судовъ и, спокойно проходя между рядовъ улегшихся ничкомъ бурлаковъ, дочиста опоражнивали хозяйскіе сундуки; давно не слышать про волжскихъ разбойниковъ, но преданія о нихъ были еще живы. Словоохотливый, бывалый лоцманъ нашего дощаника рассказывалъ намъ преданіе за преданьемъ, указывая на самыя мѣста разбойничьихъ подвиговъ.

— «Вотъ села Татинецъ да Слоиненецъ», говорилъ лоцманъ, «вѣзмъ ворами кормилецъ». Показалось устье какой-то рѣчки, вынавшей съ лугового, лѣсистаго берега. «Это рѣчка быстрая, омутистая, зовутъ Керженкой», продолжалъ лоцманъ: «притонъ разинцевъ и послѣ нихъ волжскихъ разбойниковъ. Тамъ, на пустынныхъ берегахъ этой рѣчки, они дувантъ дуванили и строили теплыя зимницы, чтобы пробиться въ нихъ до весны, когда вновь придетъ пора разгуливать въ косныхъ лодкахъ по широкому раздолью Волги. Вотъ села Юркино и Лысково, часто поминаемая въ разинскихъ и разбойничьихъ пѣсняхъ. Вотъ село Фокино, прозванное по имени разбойника Фоки, слывшего колдуномъ и сбравнаго подать со всѣхъ мимо него проходившихъ судовъ. Вотъ за Сурою, на высокой горѣ, узкое ущелье; тамъ жилъ знаменитый разбойникъ Галагай, который на своемъ кафтанѣ плавалъ по Волгѣ, какъ въ лодкѣ, и, сказавъ тайное слово, вѣщбу, обратилъ свою рукавицу въ птицу, и перелеталъ на ней съ одного берега на другой, а размахнувъ передъ собою кушакомъ, усыплялъ цѣлые полки

царской рати и отбиралъ у сонныхъ ратниковъ ихъ оружіе». Разсказывалъ разговорчивый лоцманъ и про русскаго князя-мурзу, что въ дни стародавніе расселилъ русскій народъ по пустыннымъ дотолѣ берегамъ Волги. «Плылъ князь-мурза внизъ по рѣкѣ на камешкѣ, въ одной рукѣ держалъ ведро привезенной изъ Руси земли, а другою бросалъ ту землю по берегамъ Волги. И гдѣ броситъ горсточку, тамъ городъ является, гдѣ броситъ щепоточку, тамъ вырастаетъ селеніе».

«Въ половинѣ четвертаго дня мы подплывали къ деревнѣ Морквишамъ, расположенной у подножья высокой, крутой горы, стоящей надъ рѣкою почти отвѣсно.

«— Вотъ и Казань! сказалъ нашъ разговорчивый лоцманъ, указывая рукою вдаль, на правую сторону.

«На краю небосклона синеватою пеленою широко разстилалась какая-то мгла, и среди нея бѣлѣлось множество какихъ-то зданій. Были ли то дома, церкви, башни, разглядѣть было еще невозможно. Быстро несется нашъ дощаникъ по всплескамъ воды, дуетъ вѣтеръ попутный, но намъ не терпится, не сидится. Новость мѣста, новость жизни, новость занятій—такъ бы и перелетѣлъ туда птицею... Эхъ, какъ бы знать да вѣдать тайное слово, чародѣйную вѣщбу Галагая-разбойника.

«Ближе и ближе подплываемъ къ Бакалдинской пристани. Зданія обрисовываются и представляются напряженному взору яснѣе. Тотъ же нашъ пріятель-лоцманъ сталъ намъ указывать и разсказывать,

«— Вонъ тамъ, лѣвѣе-то, гляди — это Кремль, а видишь красную башню съ золотымъ шаромъ, татарская царица ее ставила, когда Казань еще за татарами была, а теперь ихъ за край города выселили: гляди налѣво, вишь татарскія слободы, вишь сколько у нихъ тамъ мечетей наставлено.

«Дощаникъ отъ услонскаго берега круто поворотилъ къ Бакалдѣ. Казань стала передъ нами, какъ на ладони.

«— Гдѣ университетъ? Гдѣ университетъ?—въ одинъ голосъ спросили мы Александра Васильевича Савельева.

— «Вонъ, направо отъ тѣхъ башенъ, видите на горѣ бѣлое зданіе? Это университетъ.

«Мы невольно сняли фуражки. Я всегда былъ нервнымъ мальчикомъ: у меня слезы выступили на глазахъ; съ каждымъ взмахомъ весель яснѣе и яснѣе представлялись глазамъ нашимъ университетскія зданія. Будто растутъ, будто ширятся, будто простираютъ они къ намъ материнскія объятія, и что-то вѣщее запѣло духовнымъ ушамъ моимъ: «Сюда, сюда! здѣсь просвѣщеніе, здѣсь благо!»

«Лишь только привалили мы къ Бакалдѣ, пристани въ шести верстахъ отъ Казани, какъ наша волжская «*civitas*» разрознилась. Мальчиковскій ѣхалъ въ Казань къ своимъ роднымъ, Евдокимовъ къ знакомымъ, а у насъ съ Васильевымъ не было въ Казани ни родныхъ, ни знакомыхъ. Когда мы плыли Волгою, ни на одну минуту мнѣ и Васильеву въ голову даже не приходило, гдѣ мы будемъ жить до поступленія въ студенты; только на Бакалдѣ пришло это намъ въ голову.

— «Александръ Васильевичъ, куда же намъ ѣхать?» —заразъ спросили мы своего учителя словесности.

«Александръ Васильевичъ Савельевъ и самъ сначала немного призадумался, но тотчасъ же и самъ вышелъ, и насъ вывелъ изъ затруднительнаго положенія,

«— Въ гостиницу съ собою я васъ не возьму, — сказалъ онъ:— это не идетъ, вы еще молоды. А пойдемте-ка мы съ вами прямо въ университетъ, тамъ у меня есть старинный пріятель, Алексѣй Ивановичъ Теласковъ; человекъ онъ семейный, живетъ на казенной квартирѣ, человекъ добрый, хорошій; жена его барыня добрая; она будетъ за вами, какъ за своими

дѣтьми, смотрѣть. Я увѣренъ, что онъ приметъ васъ на хлѣба».

«Взяли мы извозчиковъ и поѣхали къ Теласкову, служившему въ правленіи университета и бывшему послѣ того казначеемъ. Онъ принялъ насъ съ Васильевымъ радушно, и мы такимъ образомъ нежданно, негадано нашли себѣ пріютъ въ университетѣ. Это насъ пріободрило, потому что обоимъ намъ было невступно по 15 лѣтъ

IV.

Пріемный экзамень.—Профессора.—Пребываніе въ университетѣ.—Памятники Магницкаго.—Буряты въ университетѣ.—Лама Мвингуевъ.—Императоръ Николай I въ университетѣ.—Выпускной актъ.

«Дня черезъ два послѣ нашего пріѣзда въ Казань—пишетъ П. И. Мельниковъ:—начались пріемные экзамены въ тамошнемъ университетѣ. Я и Васильевъ подали ректору Лобачевскому просьбы, представили свои документы и не безъ радости вступили въ залу совѣта, гдѣ профессора экзаменовали желавшихъ поступить въ университетъ. Все лица новыя, незнакомыя; изъ нихъ одинъ только Гр. Б. Никольскій, незадолго передъ тѣмъ ревизовавшій нижегородскую гимназію, былъ немножко знакомъ. Онъ экзаменовалъ изъ страшной для насъ математики. Старикъ Никольскій спрашивалъ безъ билетовъ; многіе уже у него срѣзались окончательно. Онъ наводилъ страхъ и ужасъ. Каково же было намъ, вовсе не знавшимъ математики? Самъ не понимаю, какимъ образомъ случилось, что, когда я подошелъ къ Никольскому, онъ тотчасъ же спросилъ меня:

«—А знаешь ли ты, государикъ мой, Пифагоровы штаны?»

«Я схватилъ мѣль и бойко разрѣшилъ Пифагорову теорему.

«— Хорошо,—сказалъ Никольскій:—а ну-ка, государикъ мой, уравненіе съ однимъ неизвѣстнымъ?»

«И это дѣло знакомое: уравненіе сошло съ рукъ недурно. Тутъ Никольскій спросилъ меня что-то изъ тригонометріи, и я сталъ въ пень. Онъ еще что-то такое спросилъ, но отъ меня ни гласу, ни послушанія.

«— А по какому ты факультету думаешь идти, государикъ мой?»

«Я отвѣчалъ, что по словесному.

«— Ну, коли по словесному, такъ будетъ съ тебя!—сказалъ Никольскій, справился въ бумагахъ и, увидавъ, что я дѣйствительно желаю поступить по словесному факультету, поставилъ мнѣ удовлетворительную отмѣтку.

«Зато на экзаменѣ изъ исторіи и географіи, которыми я съ ранней молодости любилъ особенно заниматься, я выдержалъ экзаменъ блистательно. Профессоръ Булыгинъ былъ въ восхищеніи отъ моихъ отвѣтовъ и сталъ задавать вопросы все труднѣе и труднѣе. Я кое-какъ отвѣчалъ, но наконецъ задалъ молчка, когда онъ спросилъ меня, изъ какихъ источниковъ заимствовалъ Несторъ свою лѣтопись. Булыгинъ какъ будто обрадовался, что вотъ сбиль же таки меня, поглядѣлъ немножко на меня, потомъ справился въ экзаменаціонномъ спискѣ и поздравилъ меня студентомъ, сказавъ:

«— А объ Несторѣ и его источникахъ вы узнаете на второмъ курсѣ.

«Это былъ послѣдній мой экзаменъ. Возвратясь къ Теласкову, я сейчасъ же взялся за перо и написалъ письмо къ отцу и матери, увѣдомляя ихъ о радостномъ событіи, а потомъ пошелъ къ портному заказывать студентское платье.

«У Васильева экзаменъ сошелъ хорошо. Попечитель

Мусинъ-Пушкинъ каждый день бывалъ на приѣмныхъ экзаменахъ съ начала до конца. Всѣ были испытаны на его глазахъ. Отвѣты Васильева до того ему понравились, что онъ распорядился о приѣмѣ его въ казеннокоштные студенты и тутъ же предложилъ ему учиться по-монгольски, обѣщая, что если онъ хорошо окончитъ курсъ, то его пошлютъ въ Китай для изученія тамошняго языка и литературы, а потомъ дадутъ каѣдру китайскаго языка, которой въ то время въ Россіи еще не было. Такъ все и вышло.

«Дней черезъ пять послѣ экзамена у Булыгина я уже щеголялъ въ вицъ-мундирѣ съ синимъ воротникомъ. Получалъ я послѣ и чины, и кресты, и перстни, и денежные награды, но не было никакого сравненія съ тою радостію, съ тѣмъ восторгомъ, который я чувствовалъ, надѣвши студентскій вицъ-мундиръ и прицѣпивъ съ боку шпагу. И всѣ бывшіе студенты единоголосно говорятъ то же самое. Иначе и быть не можетъ: это переходъ изъ дѣтства въ возрастъ юности; это первый шагъ человѣка въ жизни, первый самостоятельный шагъ. Тутъ въ первый разъ возникаетъ въ бывшемъ дотолѣ ребенкѣ сознаніе собственнаго достоинства, сознаніе независимости и самобытности. Дѣлаешься человѣкомъ, а вѣдь достоинство человѣка выше всякихъ чиновъ и титуловъ.

«Ногъ подъ собою не слыхалъ я. Идешь бывало по улицѣ въ новенькомъ съ иголки вицъ-мундирѣ, гордо посматриваешь по сторонамъ; всѣ проходящіе будто смотрятъ на тебя съ уваженіемъ, удивляются и только что пальцами не показываютъ: вонъ, дескать, идетъ новый студентъ. Мы съ Васильевымъ въ три, четыре дня облетали всю Казань, вездѣ хотѣлось побывать, людей посмотреть, себя показать. И въ Казанскомъ монастырѣ у обѣдни, и на Черномъ озерѣ, и въ Швейцаріи, и даже въ Татарской слободѣ — вездѣ

мы перебивали, все осмотрѣли, со всѣмъ ознакомились.

«Но вотъ наступило 1-е сентября. На лекціи, на лекціи! Съ замираніемъ сердца, съ внутреннимъ трепетомъ подходилъ я въ первый разъ къ аудиторіи съ тетрадью чистой бумаги въ рукахъ, на которой хотѣлъ записывать первую лекцію психологіи. Вхожу, сажусь; профессора еще нѣтъ; въ нетерпѣніи я считаю, пересчитываю минуты, скоро ли, скоро ли? Виноградскій ¹⁾, подлѣ котораго я сѣлъ, студентъ уже опытный, успѣвшій разузнать всѣ университетскіе порядки, съ усмѣшкою спросилъ меня:

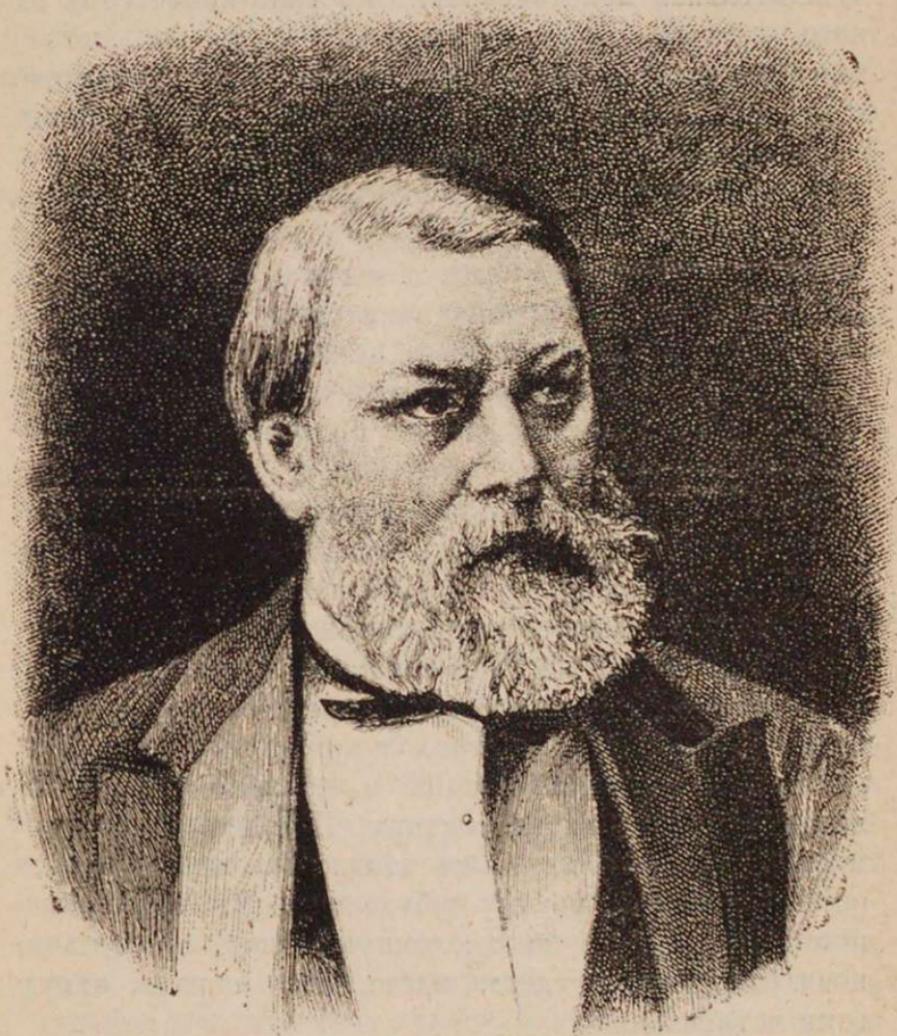
« — Зачѣмъ это ты притащилъ тетрадь-то?

« — Какъ зачѣмъ? Лекціи записывать.

«Виноградскій захохоталъ и обратился ко всѣмъ студентамъ, указывая на меня: «Господа, посмотрите-ка, Мельниковъ хочетъ лекціи психологіи записывать». Всѣ, глядя на меня, засмѣялись. Я сконфузился, не могъ ни слова отвѣчать и думалъ про себя: что же это такое значить? чему они смѣются? Но вотъ дверь отворяется, является адъюнктъ и, ходя взадъ и впередъ по аудиторіи, читаетъ лекцію: «Психологія, психологія. Психологія, говорю я! Слышите ли? Психологія. Психологія есть наука. Наука о душѣ человѣческой». И такъ далѣе, все въ этомъ родѣ. Оказалось, что Виноградскій былъ правъ. Записывать лекціи этого адъюнкта дѣйствительно не стоило; надобно было просто на просто списать курсъ психологіи, который съ незапамятныхъ временъ адъюнктъ-профессоръ читалъ своимъ слушателямъ, не измѣняя ни одной іоты. Звонитъ солдатъ, татаринъ Халитъ, ходя по корридору. Лекція окончилась. Идемъ въ другую аудиторію — учиться языку

¹⁾ Афиногенъ Васильевичъ, впоследствии олонекій и костромской вице-губернаторъ.

божественной Элады. И начинаешь: «Альфа, вита, гамма, дельта». Лекціи въ двѣ мы, однако, выучились читать и принялись за склоненія. Придетъ, бывало,

П. И. Мельниковъ.

(Съ портрета, рисованнаго его сыномъ и гравированнаго Паннемакеромъ).

профессоръ Грацинскій, начнетъ спрашивать уроки, заставитъ писать склоненія на доскѣ. Та же гимназія, но что же дѣлать? Не зная вовсе греческаго языка,

необходимо было начинать съ азбуки. Тихи, чинны, монотонны были эти лекціи. Я помню только одинъ случай, когда на лекціи Грацинскаго нарушена была усыпительная монотонность. Спросилъ профессоръ одного, другого, третьяго склоненіе какого-то слова и тѣмъ же гробовымъ тономъ, какимъ называлъ фамиліи студентовъ, сталъ задавать урокъ къ слѣдующей лекціи:

« — *Βασιλεύς* — царь, сказалъ онъ.

« — Боленъ! — хоромъ отвѣчали мы въ тотъ же тонъ.

«Профессоръ засмѣялся и мы также, разумѣется. Дѣло въ томъ, что между нами былъ студентъ Василій Аристовъ, котораго тогда не было на лекціи и мы, полагая, что Грацинскій хочетъ спрашивать у него урокъ, поспѣшили увѣдомить профессора, что Аристовъ боленъ.

«Послѣ лекціи эллинской азбуки, пошли мы въ аудиторію адъюнктъ-профессора, издававшего тогда въ Казани «Заволяжскій Муравей». Онъ читалъ теорію краснорѣчія. По первымъ же сто словамъ мы замѣтили, что его лекціи тотъ же Кошанскій. Признаюсь, первый учебный день въ университетѣ произвелъ на меня тяжелое впечатлѣніе; не того я ожидалъ, не того я искалъ. По окончаніи лекцій, я получилъ приказаніе немедленно явиться къ ректору. Призывъ къ ректору много у насъ значилъ. Онъ дѣлался не иначе, какъ по особому важному какому-нибудь дѣлу. Иное дѣло, какъ позовутъ студента на Проломную улицу, т. е. къ попечителю. Туда студентъ идетъ безъ страха, оттуда какъ встрепанный.

« — Ну, что? — спросятъ товарищи.

« — Да ничего.

« — Въ карцеръ, что ли?

« — Нѣтъ, не посадилъ.

« — А шибко зѣвалъ?

« — Какъ водится.

« — И пѣна у рта.

« — И пѣна у рта.

«И затѣмъ какъ съ гуся вода. Но ректоръ, ректоръ — это другое дѣло. Къ достоинству ректора и власти его студенты имѣли благоговѣйное уваженіе. Кому ректоръ сдѣлаетъ замѣчаніе, лица, бывало, на томъ нѣтъ; ночи двѣ, бывало, не спитъ студентъ послѣ ректорскаго спокойнаго, холоднаго, безстрастнаго выговора. Надъ другими, бывало, и остришь, другихъ и на смѣхъ поднимаешь въ пріятельскомъ кружкѣ, но, сохрани Богъ, сказать неуважительное слово о ректорѣ — весь университетъ встанетъ на дерзкаго. Да и примѣровъ тому въ наше время не бывало. Слышали мы по преданію, что былъ когда-то такой случай, и что тогда студенты всѣхъ факультетовъ потребовали, чтобы студентъ, сказавшій дерзко о ректорѣ, вышелъ изъ университета, а не то плохо ему будетъ! Онъ долженъ былъ оставить университетъ, а начальство и не узнало о причинѣ его выхода.

«Такимъ же точно всеобщимъ уваженіемъ пользовался у насъ инспекторъ студентовъ, профессоръ Федоръ Ивановичъ Эрдманъ. Онъ былъ профессоромъ арабской словесности, но, за неимѣніемъ профессора всеобщей исторіи, читалъ на первомъ курсѣ древнюю исторію, точно такъ же, какъ профессоръ словесности и эстетики, Суровцовъ, читалъ среднюю и новую исторію студентамъ второго и третьяго курсовъ. Бывало, одного слова Эрдмана достаточно, чтобы сдѣлать изъ студента все, что ему нужно. И никогда при немъ не было большихъ шалостей, ни какого-нибудь озорства: студенты боялись огорчить Федора Ивановича. Но когда мѣсто инспектора занялъ одинъ полковникъ изъ кадетскаго корпуса, мигомъ все измѣнилось, и недѣли не проходило, чтобы кто-нибудь не сотворилъ непрости-

тельной шалости. Ни карцеръ, ни арестъ въ казармѣ служителей, ни отдача въ солдаты, ничто не могло возстановить тишины и порядка, бывшихъ при Эр-манѣ.

«Надѣвъ мундиръ, шагу, трехъ-уголку, я поспѣшилъ къ ректору. Съ какимъ страхомъ, съ какимъ трепетомъ взбирался я на лѣстницу ректорскаго дома и входилъ въ залу. Черезъ минуту медленнымъ шагомъ выходитъ изъ кабинета Николай Ивановичъ Лобачевскій съ длинною трубкою, съ которою онъ дома не разставался.

«— Васъ нельзя принять въ университетъ!—сказалъ онъ. Духъ замеръ во мнѣ, слова не могу сказать, гляжу вопросительно на ректора.

«— Вамъ нѣтъ шестнадцати лѣтъ. Ну, да ужъ это наша бѣда!—продолжалъ ректоръ, немного помолчавъ:—Вы не виноваты, что мы не досмотрѣли вашихъ документовъ. Разъ принявши въ университетъ, не исключать же васъ безъ вины. Сходите къ профессору Булыгину, поблагодарите его; онъ въ совѣтѣ за васъ горю стоялъ.

«Восторгъ проникъ во весь составъ мой. Ни прежде, ни послѣ, я никогда такъ не радовался. Бѣгомъ выбѣжалъ я изъ ректорскаго дома, подхватилъ извозчика и прямо къ Булыгину. Онъ принялъ меня ласково, расспрашивалъ, какія книги читалъ я по русской исторіи и статистикѣ.

«— Вы еще, такъ сказать, черезъ годъ будете слушать у меня лекціи,—сказалъ на прощанье профессоръ:—но если у васъ будетъ время, читайте до тѣхъ поръ Эверса и Шлецера. Есть ли у васъ эти книги?

«Я отвѣчалъ, что нѣтъ, и профессоръ далъ мнѣ Шлецерова Нестора».

Мельниковъ поступилъ въ казанскій университетъ черезъ восемь лѣтъ послѣ Желтухинской ревизіи, вслѣд-

ствіе которой попечитель казанскаго округа, Магницкій, былъ отвезенъ съ жандармами изъ Казани въ Ревель. Того духа, что былъ внесенъ Магницкимъ въ университетъ, уже не было, но оставались еще нѣкоторые изъ профессоровъ, которыми онъ замѣнилъ изгнанныхъ имъ европейскихъ знаменитостей въ области науки, Литрова, Френа, Бартельса, Врангеля и друг. Разумѣется, преемники этихъ славныхъ ученыхъ, введенные въ университетъ Магницкимъ, не вели преподаванія въ его духѣ. Если бы Магницкій слышалъ то, что они говорили студентамъ съ кафедры, и если бы не былъ лишенъ силы, онъ бы, конечно, поступилъ съ ними такъ же, какъ съ профессорами петербургскаго университета во время извѣстной исторіи. Что если бы Магницкій слышалъ, какъ взысканный имъ Бульгинъ, на лекціяхъ по русской исторіи, объяснялъ принятіе великимъ княземъ Владиміромъ христіанства политическими расчетами, внутренними и внѣшними. Что онъ сказалъ бы, если бы послушалъ отысканнаго имъ гдѣ-то Суровцова, когда онъ на своихъ лекціяхъ проводилъ студентамъ параллели одъ Горация и «*Arsamandi*» Овидія съ «Пѣснями Пѣсней» царя Соломона. Сергѣевъ, возведенный въ ординарные профессора Казанскаго университета изъ учителей петербургскаго благороднаго университетскаго пансіона, бывший ближайшимъ напереникомъ Магницкаго, преподавалъ естественное право по Шмальцу и говорилъ отъ себя о происхожденіи политической власти такъ, что у Магницкаго, сокрушившаго Куницына, конечно, волосы стали бы дыбомъ.

«Въ мое время въ университетѣ—сообщаетъ П. И. Мельниковъ:—сохранялись еще нѣкоторые вещественные памятники Магницкаго, но уже лежали въ кладовыхъ, со всякимъ хламомъ. Почти половина обширнаго университетскаго зданія, вѣроятно, по неискусству

архитектора, оставалась и теперь почти пустою. Въ ней было нѣсколько комнатъ и ни одного окна. Въ этихъ комнатахъ, называвшихся темненькими, стояли зимнія рамы, ломаная мебель и сундуки съ собственными вещами казеннокоштныхъ студентовъ. Тутъ же стояло десятка полтора старыхъ кафедръ, устроенныхъ Магницкимъ. На каждой кафедрѣ, на сторонѣ, обращенной къ слушателямъ, золотыми буквами сдѣланы были надписи съ изреченіями царя Соломона и апостола Павла: «Въ злохудожну душу не видеть премудрость, ниже обитаетъ въ тѣлеса повиннѣмъ грѣху. Блюдитесь, да никто же васъ будетъ прельщая философією и тщетною лестію по стихіямъ міра». Въ тѣхъ же темненькихъ комнатахъ находилась почти уже совершенно изорванная, огромная картина, писанная на холстѣ масляными красками кистью не весьма важнаго, кажется, художника. Картина эта изображала страшный судъ и болѣе двухъ третей ея занималъ адъ, въ которомъ представлены были разнообразныя мученія грѣшниковъ, все мужчинъ и все молодыхъ. Эта картина повѣшена была въ карцерѣ съ тою цѣлью, чтобы арестованные студенты, называвшіеся «грѣшниками» (за нихъ даже молились студенты на утренней и вечерней молитвѣ), созерцая ужасы преисподней, раскаивались въ своихъ проступкахъ. Самый карцеръ устроенъ былъ недалеко отъ церкви, подъ колокольней. Магницкій сдѣлалъ это для того, чтобы «грѣшники», лишеныя слышанія церковной службы, слышали бы однако колокольный звонъ и были бы имъ побуждаемы къ раскаіанію, послѣ котораго они переводились изъ разряда «грѣшниковъ» въ разрядъ «припадающихъ», которыхъ въ церковь не пускали, но позволяли только стоять на паперти съ тѣмъ, чтобы они, клянясь низко каждому, входившему въ церковь студенту, просили его помолиться о немъ, грѣшномъ.

Карцеръ и въ наше время остался въ томъ же мѣстѣ и выраженіе «колокола караулить» означило, на языкѣ студентовъ, сидѣть въ карцерѣ.

«Много въ наше время сохранилось преданій о Магницкомъ, стремившемся обратить университетъ въ монастырь; много было знакомыхъ, вышедшихъ въ его время изъ университета и получившихъ медали «за благонравіе и преклонность къ церкви». Но вотъ каковы были плоды отъ древа, насажденнаго Магницкимъ; все до одинаго, сколько я ни зналъ ихъ, были отъявленными безбожниками и при томъ циниками, либо спивались съ круга.

«Преемнику Магницкаго, Мусину-Пушкину, Казанскій университетъ много обязанъ. Онъ, въ продолженіе болѣе чѣмъ двадцатилѣтняго управленія округомъ, возстановилъ университетъ и довелъ его до такого состоянія, въ какомъ онъ не бывалъ ни прежде, ни послѣ. Особенно хорошъ былъ факультетъ математическій, гдѣ все профессора были замѣчательные ученые, и надъ всеми ними возвышались профессора: чистой математики Лобачевскій, астрономіи Симоновъ и химіи Зининъ. Въ медицинскомъ факультетѣ были также замѣчательные профессора, а въ нашемъ словесномъ факультетѣ замѣчательные профессора восточныхъ языковъ Казембекъ, Ковалевскій, Эрдманъ и весьма полезенъ былъ для насъ старикъ Суровцовъ, преподававшій словесность и эстетику, и Фойгтъ, читавшій исторію всеобщей литературы. Юридическій факультетъ въ наше время былъ слабѣе другихъ; онъ процвѣталъ послѣ, въ сороковыхъ уже годахъ, когда на его каѳедрахъ явились такіе профессора, какъ, напри- мѣръ, Мейеръ.

«Добродушный, любимый нами старикъ, Григорій Степановичъ Суровцовъ, не былъ замѣчателенъ своими учеными трудами, да едва ли, кромѣ рѣчей для уни-

верситетскихъ актовъ, и писалъ онъ что-нибудь. Надъ нимъ подтрунивали студенты особенно другихъ факультетовъ, но кто хотѣлъ учиться, и кто внимательно слушалъ его, тому онъ много приносилъ пользы. Все преподаваніе его поставлено было на твердомъ основаніи древнихъ классическихъ писателей. Горацій и Аристотель были его кумирами: и на лекціяхъ словесности, и на лекціяхъ эстетики онъ все на нихъ основывалъ. Мы не настолько знали древніе языки, чтобы свободно читать этихъ писателей, но достаточно ознакомились съ ними и ихъ твореніями изъ лекцій Суровцова. Мы имѣли возможность усвоить, насколько могли, трогія и твердыя правила славныхъ учителей древности, и знакомство съ ними принесло намъ впоследствии большую пользу. Прекрасно зная народный языкъ и созданія народнаго творчества, пѣсни, сказки, пословицы, Суровцовъ постоянно говаривалъ, что въ нихъ заключается чистый, ничѣмъ не возмутимый источникъ для настоящаго литературнаго русскаго языка, котораго еще нѣтъ, но который будетъ, и будетъ непременно. Онъ постоянно внушалъ намъ, что неисчислимый вредъ родному языку и литературѣ приноситъ введеніе въ него множества иноязычныхъ словъ, употребляемыхъ безъ всякой нужды. Въ подаваемыхъ ему сочиненіяхъ, бывало, сохрани Богъ, написать какое-нибудь иностранное слово: засмѣетъ старикъ, тотчасъ скажетъ непремѣнную свою поговорку: «Пробавляться чужими словами все одно, что жить чужимъ умомъ», и за ней анекдотъ о Пушкинѣ, котораго зналъ лично, познакомившись съ нимъ въ то время, когда нашъ великій поэтъ ѣздилъ въ Оренбургъ собирать матеріалы для исторіи Пугачевского бунта. Однажды, говорилъ Суровцовъ, спросили Пушкина, какъ онъ находитъ даму, съ которою онъ долго говорилъ, умна ли она? Поэтъ отвѣчалъ: «Не знаю; вѣдь, я гово-

рилъ съ нею по-французски». Изъ русскихъ писателей Суровцовъ объяснялъ намъ только Ломоносова и Державина, но высоко ставилъ Пушкина. Онъ не разбиралъ его, говорилъ, что время для оцѣнки его произведеній еще не наступило; но читалъ намъ нѣкоторые стихотворенія, отрывки изъ «Бориса Годунова» и только что напечатанной тогда «Капитанской дочки».

« — Музыка перловъ! — восторженно восклицалъ онъ, послѣ прочтенія чего-нибудь изъ Пушкина.

«Суровцову пришлось возвѣстить намъ и о преждевременной кончинѣ славнаго нашего поэта. Въ пятницу, 5-го февраля 1837 года, въ 8 часовъ утра, на третьемъ курсѣ словеснаго факультета была лекція русской словесности.

«Суровцовъ, по обыкновенію, вошелъ въ аудиторию во время боя часовъ. Мы ожидали, что онъ, какъ водится, взойдетъ, слегка прихрамывая, на кафедру, сядетъ, оглядитъ студентовъ, замѣчая, кто не пришелъ на лекцію, вынетъ серебряную табакерку, положитъ ее направо, вынетъ красный фуляровый платокъ и положитъ его налѣво и начнетъ лекцію обыкновенною фразою: «Въ прошедшій разъ бесѣдовали мы, государи мои, о томъ-то». Не тутъ-то было. Григорій Степановичъ взошелъ на кафедру и, не садясь, вынулъ изъ кармана газетный листокъ, помнится, «Русскаго Инвалида», поднялъ его къ верху и, окинувъ быстрымъ взглядомъ аудиторию, громко сказалъ: «Встаньте!» Мы встали, съ изумленіемъ глядя на профессора. Дрожащимъ отъ волненія голосомъ, въ которомъ слышались горькія задушевные слезы, онъ прочелъ извѣстіе — всего нѣсколько строкъ. Живо помню первыя слова его: «Солнце нашей поэзіи закатилось — нѣтъ болѣе Пушкина!» Аудитория ахнула въ одинъ голосъ, послышались рыданія... Самъ профессоръ сѣлъ и, склонивъ на кафедру сѣдую, какъ серебро, голову,

горько заплакать... Прошло нѣсколько минутъ, онъ всталъ и сказалъ: «Князь русскихъ поэтовъ во гробѣ. Его тѣло везутъ изъ Петербурга куда-то далеко. Быть можетъ, оно еще не предано землѣ. При не закрытомъ еще гробѣ Пушкина, какъ смѣть говорить о русской словесности! Лекціи не будетъ — пойдемте молиться».

«Къ 9-ти часамъ пріѣхалъ въ университетскую церковь попечитель Мусинъ-Пушкинъ. Въ церкви собрались всѣ почти профессора и студенты, члены общества любителей отечественной словесности при Казанскомъ университетѣ, къ числу которыхъ принадлежалъ и Пушкинъ. Архимандритъ Гавріиль и четыре протоіерея отслужили панихиду, а потомъ заупокойную обѣдню по рабѣ Божіемъ, бояринѣ Александрѣ.

«Прошло болѣе двухъ мѣсяцевъ. Послѣ поста, когда мы готовились къ выпускному экзамену, на одной изъ послѣднихъ лекцій, Суровцовъ принесъ извѣстное стихотвореніе тогда еще безвѣстнаго Лермонтова и прочелъ его намъ. Кончивъ, онъ сказалъ:

« — Говорятъ, это написалъ кто-то изъ молодыхъ, Лермонтовъ какой то. Не родня ли вамъ, г. Лермонтовъ?—прибавилъ профессоръ, обращаясь къ одному студенту, ни по плоти, ни по духу не бывшему, впрочемъ, въ родствѣ съ нашимъ знаменитымъ писателемъ:—Какой стихъ! Какая сила! Какая смѣлость оборотовъ! Музыка перловъ! Нѣтъ, это не Лермонтовъ, это самъ Пушкинъ изъ гроба послалъ свой ропотъ на раннюю и ужасную кончину свою.

«Говорили потомъ, что Суровцову, за его увлеченіе и особенно за прочтеніе стиховъ Лермонтова, былъ сильный нагоняй отъ Мусина-Пушкина, который, впрочемъ, самъ съ гордостью говаривалъ намъ на экзаменѣ, что онъ происходитъ отъ одного родоначальника съ славнымъ нашимъ поэтомъ.

«Суровцовъ скончался въ Самарѣ въ началѣ шести-

десятихъ годовъ въ преклонной старости. Незадолго до того я видѣлся съ нимъ, восьмидесятилѣтнимъ старикомъ. Я въ то время уже кое-что напечаталъ. Не забуду я послѣдней встрѣчи моей съ моимъ почтеннымъ наставникомъ. Крѣпко онъ обнялъ меня и сказалъ:

«—Спасибо тебѣ, спасибо!.. Ты, вѣдь, мой, мой ученикъ. Да, нѣтъ, что я говорю? Ты послѣ меня научился. А попомнилъ же меня, старика. Я все читаю, что ты пишешь; иноязычныхъ словъ у тебя нѣтъ. Хвалю, ставлю тебѣ 5.

«Я сказалъ, что ему обязанъ первоначальнымъ образованіемъ, и когда пишу, не выпускаю изъ памяти его наставленій и наставленій Горація и Аристотеля, имъ переданныя. Заплакалъ старецъ. Онъ вообще былъ слезливъ; рѣдкая лекція обходилась безъ подавляемыхъ слезъ профессора. Добромъ только могу я помянуть незабвеннаго учителя.

«Вообще Суровцовъ совѣтовалъ намъ избѣгать малѣйшей вычурности въ выраженіяхъ, внушалъ, что простота и естественность главнѣйшія свойства изящнаго. Замѣчательно, что это говорилось съ кафедры въ тридцатыхъ годахъ, когда риторика царствовала въ нашей литературѣ и когда все преклонялось передъ Марлинскимъ. «Это фейерверкъ!» говаривалъ намъ Суровцовъ про Марлинскаго: «Избави васъ Богъ подражать ему. Огня много, но тепла ни на грошъ. Вспыхнетъ, блеснетъ, ослѣпитъ и померкнетъ». Надъ Суровцовымъ смѣялись, говорили, что онъ не знаетъ своего предмета, что онъ устарѣлъ, а мнѣ кажется, что онъ на десятки лѣтъ ушелъ впередъ.

«Другой профессоръ, имѣвшій на насъ доброе вліяніе, былъ молодой еще тогда К. К. Фойгтъ, впоследствии попечитель харьковскаго учебнаго округа, умершій въ началѣ семидесятихъ годовъ. Фойгтъ, незадолго до моего поступленія въ Казанскій университетъ, окон-

чилъ курсъ въ немъ по восточному отдѣленію словеснаго факультета и сначала преподавалъ въ казанской гимназій и въ первомъ курсѣ университета персидскій языкъ. Мы были на второмъ курсѣ, когда ему поручено было читать исторію всеобщей литературы. Какъ теперь помню первую лекцію К. К. Фойгта. Ждали новаго профессора съ равнодушіемъ, отчасти даже съ недоувѣріемъ. Но вотъ онъ начинаетъ читать лекцію. Изящность и живость блестящей рѣчи, соединенная съ простотою и естественностью (онъ также былъ ученикъ Суровцова), съ первыхъ словъ поразила насъ. Представивъ намъ картину природы въ Индіи, онъ перешелъ къ народу, издревле тамъ обитавшему, указалъ на значеніе санскрита для европейскихъ языковъ, особенно же для славянскихъ, и затѣмъ перешелъ къ памятникамъ санскритской литературы. Онъ рассказывалъ намъ содержаніе каждой изъ замѣчательнѣйшихъ эпопей и драмъ и приводилъ изъ нихъ длинные отрывки. Новость предмета, своеобразіе произведеній индійскихъ поэтовъ, передаваемыхъ живымъ словомъ, каждый разъ привлекали на лекціи студентовъ изъ другихъ факультетовъ. Аудиторія стала тѣсна, и Фойгту отвели самую большую, гдѣ помѣщалось до 200 человекъ, и каждый разъ всѣ скамьи въ ней были заняты. Отъ санскритской литературы онъ перешелъ прямо къ греческой и потомъ къ латинской. И это не была простая исторія литературы; нѣтъ, весь древній классическій міръ представлялъ передъ нами на лекціяхъ К. К. Фойгта. Онъ все-сторонне изобразилъ намъ жизнь эллиновъ и римлянъ до мельчайшихъ подробностей. Затѣмъ онъ указывалъ на книги, которыя совѣтовалъ прочитать, и, будучи въ то же время университетскимъ бібліотекаремъ, снабжалъ на свой страхъ даже самыми дорогими и рѣдкими изданіями каждаго изъ студентовъ, кто бы ни попросилъ его.

«Болѣе половины нашего курса занималась восточными языками и была освобождена отъ лекцій греческаго языка. Но большая часть и насъ, такъ называемыхъ тогда, общихъ словесниковъ, прилежно слушала нѣкоторые предметы восточнаго курса. Такъ, мы у профессора Эрдмана слушали исторію Персіи, халифата и мусульманскихъ династій до XV вѣка по арабскимъ и персидскимъ источникамъ, а также исторію литературы персидской и арабской; у профессора Ковалева исторію буддизма и исторію монгольской литературы. Такимъ образомъ, на университетскихъ скамьяхъ, мы хорошо ознакомились съ древнею литературою и съ литературою Востока, но не изучили исторіи новой европейской словесности, что, конечно, составляло важный пробѣлъ въ нашемъ образованіи. Правда, адъюнктъ Бюрно читалъ исторію французской литературы; пасторъ Фюрренъ исторію нѣмецкой, а лекторъ Турнерелли англійской, но надобно признаться, что мы не очень много вынесли изъ ихъ аудиторій. При томъ же одинъ изъ нихъ только и читалъ о провансальской поэзіи; другой, какъ и подобаеть, впрочемъ, духовному лицу, цѣлый годъ читалъ намъ о Клопштокѣ и его Мессіадѣ; и я, право, не знаю, на что эти лекціи были болѣе похожи: на лекціи нѣмецкой литературы или на лекціи протестанскаго богословія. Турнерелли что-то очень туманно рассказывалъ объ Оссіанѣ и далѣе не пошелъ.

«Курсъ философіи мы прошли полный; чистую и прикладную логику мы слушали еще въ гимназіи, а въ университетѣ начинали съ психологіи, за которою слѣдовала метафизика, нравственная философія, естественное право по Шмальцу и исторія философическихъ системъ по Гамму. Не могу сказать, чтобы преподаваніе матери наукъ у насъ было блестящее, но мы всѣ и до нынѣ благодаримъ судьбу, что выслушали полный курсъ

философіи. Много принесла она пользы, а главное выучила тому, какъ учиться, по выходѣ изъ университета.

«Изъ особенностей нашего университетскаго воспитанія могу указать на то, что мы тогда находились въ общеніи со студентами разныхъ восточныхъ племенъ. На медицинскомъ факультетѣ и на восточномъ отдѣленіи словеснаго было тогда нѣсколько десятковъ татаръ, башкиръ и киргизовъ. Они воспитывались на казенный счетъ съ тѣмъ, чтобы вышли изъ нихъ врачи для башкирскихъ кантоновъ и киргизскихъ степей и переводчики при пограничныхъ управленіяхъ. Было нѣсколько закавказскихъ армянъ, калмыковъ и въ томъ числѣ сынъ самаго хана, Джингиръ Тюменевъ. Въ 1835 году, привезли въ Казань человекъ до пятнадцати мальчиковъ бурятъ, сыновей тамошнихъ тайшей, и съ ними пріѣхалъ прелюбезный и премилый лама Галсонъ Минигуевъ, котораго мы обыкновенно называли Галстукъ Никитичъ. Буряты поступили въ первую гимназію. Галстукъ Никитичъ жилъ съ ними въ особыхъ комнатахъ и былъ при нихъ гувернеромъ, законоучителемъ и совершителемъ религіозныхъ буддійскихъ обрядовъ. Въ одной изъ занимаемыхъ ими комнатъ былъ даже устроенъ алтарь, на которомъ стояло десятка два мѣдныхъ разной величины изображеній Будды и другихъ божествъ. Лама, въ обыкновенное время ходившій въ какомъ-то особаго покроя суконномъ кафтанѣ яркоредаго цвѣта съ желтыми отворотами и въ желтой шапочкѣ, во время богослуженія надѣвалъ шелковыя мантии одну на другую, одну желтую, другую красную съ вытканными на ней драконами, а на головѣ имѣлъ что-то въ родѣ короны. Гимназисты-буряты тоже надѣвали какіе-то шелковые яркихъ цвѣтовъ балахоны и, когда лама прерывалъ чтеніе молитвъ, они что есть силы колотили въ мѣдныя тарелки, барабаны и китайскій тамъ-тамъ, пронзительно трубили въ особаго устрой-

ства мѣдныя трубы, словомъ, задавали такой концертъ, отъ котораго, бывало, поскорѣе давай Богъ ноги.

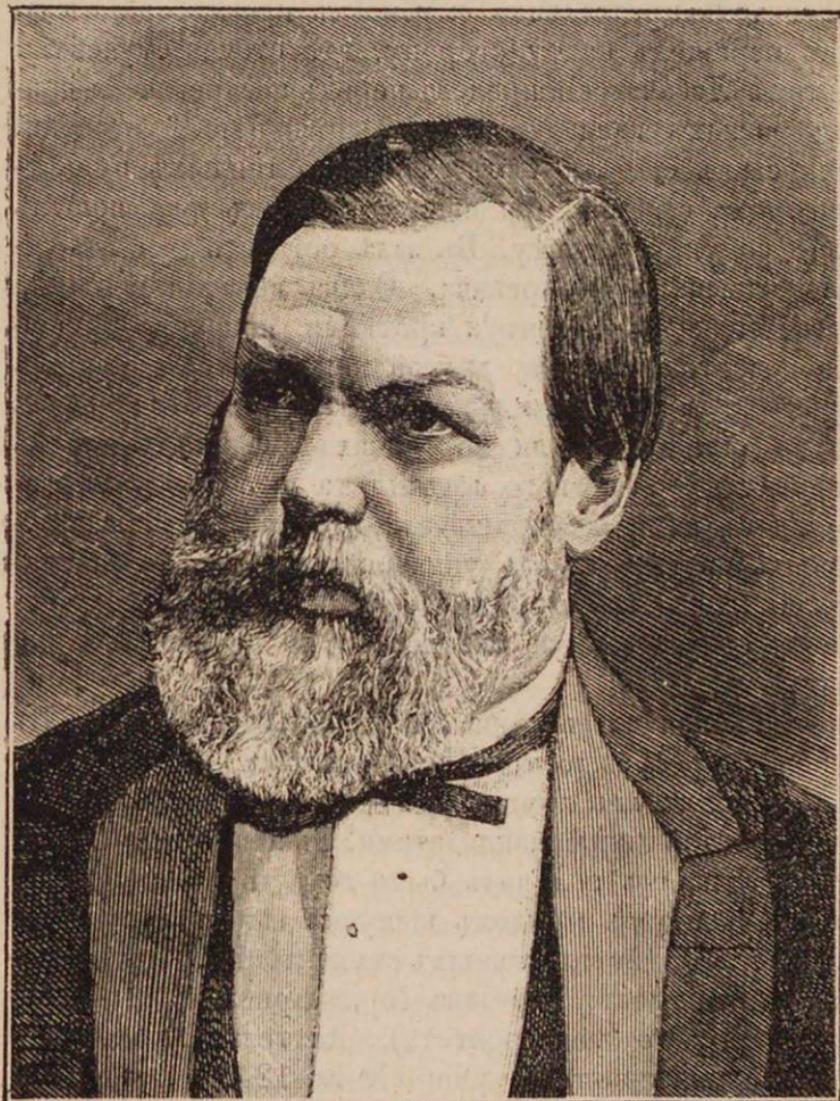
«Въ августѣ 1836 года, Казанскій университетъ былъ посѣщенъ императоромъ Николаемъ Павловичемъ. Попечитель Мусинъ-Пушкинъ, желая показать императору буддійское богослуженіе, въ одной изъ залъ устроилъ огромный буддійскій алтарь подъ балдахиномъ или, лучше сказать, въ палаткѣ изъ китайскихъ шелковыхъ матерій. Въ казанскомъ университетѣ былъ очень богатый азійскій кабинетъ, теперь находящійся въ Петербургѣ. Въ немъ было множество буддійскихъ идоловъ. Всѣхъ ихъ поставили на алтарь; передъ ними поставили курильницы съ ладаномъ, поставили своеобразной формы зажженные восковыя свѣчи. Самъ лама и его единовѣрцы-гимназисты были одѣты въ великолѣпныя платья. Когда государь вступилъ въ залу, Галстукъ Никитичъ и всѣ буряты упали ницъ, и Мусину-Пушкину стоило не малаго труда уговорить ихъ встать. — «Какъ на солнце нельзя смотрѣть, — говорилъ лама, знавшій хорошо по-русски: — такъ нельзя взирать и на повелителя многихъ народовъ». И когда, послѣ рѣшительнаго приказанія встать и начинать свой молебень, онъ исполнилъ это, то все-таки не взглянулъ на государя, а пошелъ къ своему алтарю съ зажмуренными глазами. Ставъ передъ алтаремъ, лама началъ молитву на тибетскомъ языкѣ, въ которомъ поминались имена всѣхъ особъ царской фамиліи. И лишь только онъ успѣлъ закончить, гимназисты-буряты такъ забарабанили и затрубили, что государь тотчасъ же вышелъ изъ залы, подальше отъ такой неслыханной еще, конечно, имъ музыки.

«Моего товарища и друга Васильева, для практики въ монгольскомъ языкѣ и для изученія тибетскаго, помѣстили въ гимназіи вмѣстѣ съ ламою и бурятами. Я часто бывалъ у него и очень сблизился съ Галстукомъ

Никитичемъ. Бывало, цѣлые вечера проводили Васильевъ, я и нѣкоторые другіе товарищи съ ламою. Онъ угощалъ насъ кирпичнымъ чаемъ, свареннымъ на молокѣ съ солью, жирною бараниною и объяснялъ ученіе своей вѣры. Интересныя были бесѣды. Гимназисты-буряты были очень способны и прекрасно учились, но не многіе изъ нихъ дошли до университета: всѣ перемерли одинъ за другимъ отъ непривычной европейской жизни. Остальные перемерли, будучи студентами. Кончилъ университетскій курсъ одинъ, Дорджи Бонзаровъ, необыкновенно способный молодой человекъ, вполне усвоившій себѣ европейскую жизнь. Онъ написалъ замѣчательное сочиненіе «О черной, т. е. шаманской вѣрѣ» и, защитивъ его, получилъ степень магистра. Это былъ первый и послѣдній магистръ изъ монгольскаго племени. Ему чрезвычайно хотѣлось остаться въ Петербургѣ и даже съѣздить за границу, но, по распоряженію правительства, какъ казеннокошный воспитанникъ, онъ былъ отправленъ на службу въ Иркутскъ, въ распоряженіе тамошняго генераль-губернатора. Съ годъ прожилъ онъ въ Иркутскѣ и востосковался по роднымъ мѣстамъ. Заѣхавъ въ бурятскія селенія, гдѣ съ него какъ вѣтромъ сняло весь европеизмъ, онъ спился тамъ съ круга и умеръ.

«Шли годъ за годомъ и подошли выпускные экзамены. Но и они окончились. 18-го іюня 1837 года весь университетъ собрался въ большой университетской залѣ, обыкновенно называвшейся желтою. Съ одной стороны выстроились рядомъ студенты по факультетамъ, выставивъ впереди своихъ кандидатовъ и лѣкарей первой степени. Съ другой стороны стали въ рядъ всѣ университетскіе профессора въ мундирахъ. Хотя въ залѣ было до 500 человекъ, однако тишина была невозмутимая. Вдругъ на улицѣ, подъ самыми окнами университета, сотни голосовъ закричали громкое, радо-

стное ура. Черезъ нѣсколько минутъ, сопровождаемый попечителемъ, ректоромъ и блестящею свитою, въ залу

П. И. Мельниковъ.

(Съ гравюры на деревѣ 1883 года).

вступилъ стройный, прекрасный собою, добромъ и привѣтомъ сіявшій молодой человекъ въ генераль-адъютант-

скомъ мундирѣ. Это былъ наслѣдникъ цесаревичъ Александръ Николаевичъ, путешествовавшій тогда по Россіи. Попечитель представилъ ему всѣхъ профессоровъ и затѣмъ перешелъ на ту сторону, гдѣ стояли студенты. Ректоръ Лобачевскій прочелъ передъ цесаревичемъ списокъ новыхъ кандидатовъ и лѣкарей первой степени. Цесаревичъ сказалъ намъ нѣсколько теплыхъ привѣтственныхъ словъ и, при нашихъ кликахъ *ура*, пошелъ далѣе по университету. Въ залѣ остались двое изъ сопровождавшихъ цесаревича. Одинъ высокій ростомъ, съ задумчивымъ видомъ и кроткими, сіявшими душевною красотой, глазами, другой невысокій, съ умнымъ лицомъ и провицательными глазами. Во всей свитѣ только они двое были во фракахъ. Они подошли къ кандидатамъ словеснаго факультета и ласково разговаривали съ нами, спрашивали, кто куда намѣренъ поступить по выходѣ изъ университета. То были знаменитый нашъ поэтъ Жуковскій и первый разработавшій отечественную статистику по правиламъ науки Арсеньевъ.

«Такъ кончилась наша университетская жизнь. Въ нашемъ курсѣ было только 14 человекъ. Выпускъ считался однимъ изъ лучшихъ, потому что изъ 14 человекъ шестеро вышли кандидатами. Въ наше время кандидатскій дипломъ получить было гораздо труднѣе, чѣмъ потомъ, когда въ каждомъ выпускѣ кандидатовъ было болѣе, чѣмъ дѣйствительныхъ студентовъ. Кандидатами вышли Васильевъ, Березинъ (ординарные профессора петербургскаго университета), Диттель (профессоръ того же университета, умершій въ 1848 году), я, Каратаевъ и Александровъ-Дольникъ».

V.

Мельниковъ учитель гимназіи и археологъ.

Мельниковъ поступилъ въ Казанскій университетъ своекоштнымъ студентомъ. Родители его, несмотря на небольшіе свои достатки, не жалѣли по возможности средствъ, необходимыхъ молодому человѣку для окончанія своего образованія. Это видно изъ писемъ къ нему его матери, нѣжно его любившей, которой, по словамъ П. И. Мельникова, онъ обязанъ былъ первоначальнымъ своимъ образованіемъ. Она любила литературу и исторію, сама много читала и сына своего приучила къ чтенію. Страсть къ чтенію перешла къ ней отъ отца, Сергѣева. У десятилѣтняго Мельникова были уже толстыя тетради, въ которыхъ по линейкамъ переписывалъ онъ Пушкина, Жуковского, Баратынскаго, Дельвига. По выдержаніи Мельниковымъ пріемнаго экзамена въ университетъ, его мать, между прочимъ, писала къ нему изъ Семенова 29-го августа 1834 года: «Дай Богъ, чтобы тебя приняли на казенный счетъ. Попроси о томъ, если кого знаешь, кого нужно просить... Живи хорошенько, удаляйся пороковъ и доставь намъ ту радость, что мы не для шалуна какого-нибудь старались и себя разстраивали, а для сына, котораго поведеніе доставляетъ надежду на будущее». Отъ 26-го сентября того же года, мать писала сыну изъ Семенова: «Паленька велѣлъ къ тебѣ написать, что если можно тебѣ учиться юриспруденціи, то онъ соглашается содержать тебя четыре года на своемъ содержаніи, хотя это намъ и сдѣлаетъ чувствительную растрату, но изъ твоего письма видно, что уже переменить нельзя, то, вѣроятно, такъ Богу угодно, чтобы ты учился словесности. Богъ опредѣ-

ляетъ для каждаго судьбу, и кто на него полагается и уповаешь, тотъ никогда не бываетъ несчастливъ. Равно и ты положишь на Его всемогущую волю. Буди Его святая воля!»!

Но когда въ началѣ 1835 года Мельникова зачислили въ число казеннокоштныхъ студентовъ, и онъ увѣдомилъ о томъ своихъ родныхъ, то мать 13-го февраля отвѣчала ему: «Письмо твое получила, въ которомъ ты пишешь, что принять на казенный коштъ. Слава Богу! Это намъ большое облегченіе, а то, правду сказать, мы на силу могли посылать тебѣ на содержаніе и, кажется, году не выдержали бы, тѣмъ болѣе, что изъ Приказа деньги не получены до сихъ поръ. Ты пишешь, что «закабалился въ учителя»: учись примѣрно, веди себя хорошо, и ты не только куда-нибудь въ городъ поступишь старшимъ учителемъ, но, можетъ быть, тебя оставятъ даже въ Казани. Подумай, какое жалованье тогда будешь получать, но все это зависитъ отъ тебя». И дядя его по матери, Николай Сергѣевъ, писалъ П. И. Мельникову 15-го апрѣля 1835 г.: «Очень радъ, что ты поступилъ на казенное содержаніе и уже не имѣешь больше нужды требовать большаго пособія отъ твоихъ родителей».

Мать не дожила до окончанія сыномъ университета. Она скончалась въ 1835 году. Отецъ Мельникова умеръ въ 1837 году, такъ что, по выходѣ изъ университета, Мельниковъ предоставленъ былъ самому себѣ. Какъ казеннокоштный студентъ, онъ обязанъ былъ отслужить опредѣленное число лѣтъ по учебному вѣдомству, но, какъ окончившій съ отличіемъ курсъ наукъ, онъ, по выдержаніи экзаменовъ, послѣ акта 18-го іюня 1847 года, оставленъ былъ жить въ университетѣ и и готовился къ поѣздкѣ за границу. По словамъ его ученика, профессора К. Н. Бестужева-Рюмина, Мельникова вѣдомство народнаго просвѣщенія прочило тогда

на кафедре славянскихъ нарѣчій. Но съ этою цѣлью при университетѣ онъ прожилъ только съ полгода, потому что назначеніе его измѣнилось. Не даромъ мать его еще при жизни своей неоднократно просила сына въ своихъ письмахъ: «чтобы велъ себя смириѣе. Я знаю твою горячку». На одной изъ тогдашнихъ студенческихъ пооекъ, вѣроятно, сопровождавшихъ выпускъ 1838 года, Мельниковъ до того увлекся, благодаря своей «горячкѣ», что казанскій попечитель, Михаилъ Николаевичъ Мусинъ-Пушкинъ, призвалъ его къ себѣ, объявилъ ему, что за его провинность назначаетъ уѣзднымъ учителемъ въ Шадринскъ (Пермской губерніи) и немедленно отправилъ его въ Пермь, въ качествѣ «будущаго», при университетскомъ солдатѣ. Въ Перми онъ узналъ, что гнѣвъ положили на милость, потому что его оставили въ этомъ городѣ, и 10-го августа онъ былъ опредѣленъ въ службу въ тамошнюю гимназію исправляющимъ должность старшаго учителя исторіи и статистики.

Урокъ подѣйствовалъ. Мельниковъ не только прилежно принялся исполнять обязанности преподавателя исторіи и географіи, но въ февралѣ 1839 года ему поручена была должность учителя французскаго языка въ высшихъ классахъ гимназіи съ половиннымъ окладомъ жалованья. По-французски П. И. Мельниковъ выучился еще дома, въ Семеновѣ, у Карла Ивановича Гектора. Онъ былъ врачъ наполеоновской арміи, плѣненный въ 1812 году подъ Краснымъ и присланный на житье въ Нижній Новгородъ, гдѣ принялъ русское подданство и получилъ дипломъ на званіе штабъ-лѣкаря въ Семеновскомъ уѣздѣ. Онъ лѣчилъ въ домѣ родителей П. И. Мельникова и сверхъ того обучалъ послѣдняго французскому языку. Благоволеніе учебнаго начальства къ Мельникову возвратилось, такъ что желаніе его, когда онъ подалъ прошеніе о переводѣ его въ

гимназію въ Нижній Новгородъ, гдѣ у него были родственныя и другія связи, которыхъ не было въ Перми, было исполнено, и 25-го мая 1839 года, къ новому учебному году, онъ былъ уже тамъ учителемъ исторіи и статистики, утвержденнымъ въ этой должности.

Но артистическая натура Мельникова не была создана для педагогическаго поприща. Она искала себѣ исхода въ болѣе широкой дѣятельности. Въ продолженіе своей службы въ Перми, онъ объѣхалъ нѣкоторые заводы Приуральскаго края, собиралъ свѣдѣнія о немъ, знакомился съ бытомъ русскаго народа, «лежа у мужика на полатахъ», какъ говаривалъ Мельниковъ, и положилъ первые задатки къ полному его изученію. Всѣ эти поѣздки дали ему возможность начать рядъ статей для народившагося въ 1839 году новаго журнала «Отечественныя Записки». Успѣхъ его «Дорожныхъ замѣтокъ», одобреніе со стороны редактора этого журнала, приглашеніе продолжать свое сотрудничество—вывели Мельникова на литературное поприще, которое пришлось ему по душѣ и указало на дѣйствительное его назначеніе. Мельникову только что исполнилось двадцать лѣтъ, когда первый его литературный трудъ появился въ ноябрской книжкѣ «Отечественныхъ Записокъ»¹⁾. Переходъ въ Нижній Новгородъ, сближеніе тамъ съ мѣстнымъ архіепископомъ Іаковомъ²⁾,

¹⁾ Въ письмахъ къ А. А. Краевскому (см. № 68 «Литературной газеты» 1840 года), Мельниковъ сообщаетъ, что на изученіе восточной части европейской Россіи, вошедшей въ составъ его «Дорожныхъ записокъ», онъ употребилъ три года. Третья статья его, представившая характеристику общества города Перми, надѣлала тамъ много шума и гама. «Въ 1812 году, по словамъ Мельникова, въ Перми не было такого волненія, какое оказалось въ 1810 году», когда тамъ дѣрчали статью Мельникова.

²⁾ Іаковъ былъ прежде епископомъ саратовскимъ, гдѣ и занялся изученіемъ раскола. Интересная его рукопись «О расколѣ бѣглопоповской секты по саратовской епархіи» хранится въ бібліотекѣ нижегородской семинаріи. Этою рукописью пользовалась редакція «Православнаго Собесѣдника» для твоихъ статей по расколу въ изданіи 1857 года.

знатокомъ исторіи и раскола, надѣлявшимъ Мельникова рѣдкими рукописями и матеріалами, указывавшимъ на тѣ мѣстные архивы, гдѣ ими можно пользоваться, наконецъ, съ 1840 года, съ графомъ Дмитріемъ Николаевичемъ Толстымъ, а потомъ М. П. Погодинымъ, В. П. Далемъ — увлекли окончательно Мельникова съ скромнаго поприща гимназическаго учителя на болѣе широкій путь литературной дѣтельности.

Въ 1883 году я встрѣтилъ въ Нижнемъ Новгородѣ одного изъ бывшихъ учениковъ П. И. Мельникова, родственника его, служащаго тамъ нынѣ по одному вѣдомству, современника Ешевскаго и К. Н. Бестужева-Рюмина. Онъ мнѣ говорилъ, что послѣдніе двое были любимыми учениками Мельникова, отвѣчавшими ему въ классахъ не урокъ, заданный въ классѣ, но то, что они прочитали по тому же предмету по разнымъ историческимъ сочиненіямъ. Къ лѣнчивымъ или нерадивымъ ученикамъ Мельниковъ относился съ безпощаднымъ презрѣніемъ. Такъ, одинъ изъ числа послѣднихъ, Мезенцовъ, отличался тѣмъ, что вралъ безъ милосердія своему учителю и путался на каждомъ шагу, вслѣдствіе незнанія предмета. Мельниковъ, не поправляя ошибокъ, слушалъ молча такого ученика и только, когда онъ останавливался въ своемъ враньѣ, приговаривалъ: «А дальше?» И снова начиналась невообразимая путаница. Безстрастными вопросами «а дальше» Мельниковъ доводилъ Мезенцова и другихъ ему подобныхъ лѣнтяевъ до того, что они разражались слезами.

Въ біографіи своего товарища, Ешевскаго, предпосланной собранію его сочиненій, К. Н. Бестужевъ-Рюминъ говоритъ, что въ его время въ нижегородской гимназіи самымъ лучшимъ учителемъ былъ П. И. Мельниковъ. По словамъ Бестужева-Рюмина, «П. И. Мельниковъ мало занимался самымъ преподаваніемъ, рѣдко

говорилъ въ классѣ, никогда не слушалъ отвѣтовъ учениковъ, не исполнялъ самыхъ основныхъ началъ педагогиче-
ской; говорятъ, что въ началѣ своей педагогической дѣятельности онъ усиленно работалъ для классовъ, но по неопытности требовалъ слишкомъ многого съ учениковъ. Египетскія династїи по Шамполіону, философскіе взгляды на паденіе Западной римской имперїи ¹⁾, персидская исторія въ эпоху Сассанидовъ входили въ его преподаваніе. Неудача этихъ требованій охладила его: онъ впалъ въ рутину, но если случалось ему замѣчать, что кто-нибудь изъ учениковъ интересуется историческими вопросами, онъ говорилъ съ нимъ по цѣлымъ часамъ, звалъ его къ себѣ на домъ, давалъ книги, спрашивалъ о прочитанномъ, толковалъ и такимъ образомъ поддерживалъ интересъ. Говорилъ онъ всегда превосходно; книги выбиралъ интересныя. Оттого многіе ему чрезвычайно обязаны, а между этими многими въ особенности Ешевскій и я.

О себѣ, какъ объ учителѣ, и вообще о тогдашнемъ времени, П. И. Мельниковъ оставилъ слѣдующія замѣтки.

«Какое я былъ учитель — не знаю, какъ сказать. Самому о себѣ трудно судить, но отзывы тогдашнихъ моихъ начальниковъ, прошедшихъ семинарскую премудрость, въ литературѣ не признававшихъ, послѣ Державина и Карамзина, ни одного таланта (Пушкинъ, по ихъ мнѣнію, пустомеля, не имѣющій изящнаго вкуса, и притомъ вольнодумецъ, Лермонтовъ — мальчишка, которому необходимы розги, Гоголь — сальный марака, а Бѣлинскій — сумасшедшій челоуѣкъ, который самъ

¹⁾ Эти лекціи П. И. Мельникова были напечатаны имъ въ «Литературной Газетѣ» 1840 года, именно въ № 61, подъ заглавіемъ: «Судьбы древности» (начало историческаго сочиненія «Имперія и варвары») и въ № 103 «О праздникахъ персидскихъ при Сассанидахъ» (отрывокъ изъ IX главы сочиненія: «Персія при Сассанидахъ»).

не знаетъ, что пишетъ),—отзывы такихъ людей, для меня не совсѣмъ благоприятныя, я и тогда не цѣнилъ высоко. Полагаюсь болѣе на отзывы бывшихъ моихъ учениковъ, напримѣръ, Московскаго университета профессоровъ М. Я. Китарры и С. В. Ешевскаго, а также Константина Николаевича Бестужева-Рюмина, теперь одного изъ замѣчательныхъ знатоковъ русской исторіи. Они говорятъ, что для массы учениковъ я былъ плохой учитель, но для тѣхъ немногихъ, которые хотѣли учиться, очень полезенъ. Дѣло въ томъ, что мнѣ скучно было биться съ шаловливыми и невнимательными мальчиками, и, за ихъ невниманіе къ предмету я самъ оставлялъ ихъ безъ вниманія. Въ гимназій, т. е. въ обществѣ учителей, я былъ почти лишнимъ челоукомъ. Въ это время директоръ, инспекторъ и многіе учителя были изъ семинаристовъ стараго покроя, несносные въ классѣ, дравшіе и бившіе учениковъ нещадно (каждую субботу была «недѣльная расправа» и много розогъ изводилось) и низкопоклонничавшіе не только передъ высшими чинами губернской администраціи, но и передъ совѣтниками. Я одинъ былъ изъ дворянъ и притомъ хотя незначительный, но помѣщикъ той же Нижегородской губерніи. Это обстоятельство открыло мнѣ двери въ домахъ, куда мое начальство и товарищи не могли попасть. Въ то время дворянская спѣсь процвѣтала еще во всей силѣ и не всякій рѣшался принять, какъ равнаго себѣ, какого-нибудь «учителя-кутейника». Вообще, учителя гимназій не пользовались уваженіемъ общества. Правда, ихъ принимали родители учениковъ раза по два, по три въ годъ, когда бывали, по случаю именинъ и тому подобныхъ случаевъ, «кормежки учительскія», но, если ученикъ выходилъ, знакомство прекращалось. Такъ какъ я составлялъ исключеніе, то и не могъ сблизиться съ товарищами-педагогами, которымъ весьма не нравились мои зна-

комства, выѣзды на балы и маскарады, въ собраніе и т. п. Я бывалъ въ гимназическомъ обществѣ, но какъ не игралъ въ карты и не умѣлъ вышивать громаднаго количества ерофеича, то и былъ человѣкъ лишній.

Хотя я и бывалъ въ обществѣ, но, не имѣя достаточныхъ средствъ къ жизни, не могъ, разумѣется, тянуться за всѣми. Притомъ же въ 1841 году я женился на небогатой и скорѣе бѣдной арзамасской помѣщицѣ, Лидіи Николаевнѣ Бѣлокопытовой. Пошли дѣти; жена была все больна и совершенно не выѣзжала. Расходы увеличились, а доходы не прибавлялись. Я сидѣлъ больше дома и учился ¹⁾.

«Изъ университета мы не, Богъ знаетъ какія свѣдѣнія вынесли, но вынесли, по крайней мѣрѣ, уваженіе къ наукѣ, и если не выучились, какъ учить, то выучились, какъ учиться. Еще будучи въ Перми, я началъ писать для новаго журнала: «Отечественныя Записки» и вошелъ въ переписку съ его редакторомъ, А. А. Краевскимъ. Первая моя статья помѣщена была въ 11-й книжкѣ этого журнала за первый годъ (1839). Потомъ я писалъ много въ «Отечественныхъ Запискахъ» и «Литературной Газетѣ» въ продолженіе 1840, 1841 и 1842 годовъ. О чемъ я не писалъ тогда: и о Пермской губерніи, по которой ѣздилъ лѣтомъ 1839 года, вмѣстѣ съ инспекторомъ гимназіи Лопатинымъ, и о ни-

¹⁾ Лидія Николаевна была старше однимъ годомъ своего мужа. Она скончалась 7 августа 1848 года, тридцати лѣтъ отъ роду, какъ значится въ полицейскомъ свидѣтельствѣ о ея смерти. У Павла Ивановича Мельникова было нѣсколько дѣтей отъ перваго брака, но всѣ они умерли въ младенчествѣ, вѣроятно, вслѣдствіе болѣзненнаго, чахоточнаго состоянія Лидіи Николаевны. Она была внукою или правнукою губернатора Бѣлокопытова, котораго П. И. Мельниковъ мастерски очертилъ въ «Бабушкиныхъ разсказахъ» подъ именемъ Сергѣя Михайловича Чурилина (см. стр. 12) «Разсказовъ Андрея Печерскаго», изданіе второе, 1882 г.), равно и его образъ жизни въ отставкѣ въ Зимогорскѣ (Нижегородѣ).

жегородскомъ театрѣ, и о персидскихъ праздникахъ при Сассанидахъ, и подражанія Мицкевичу; началъ печатать въ «Литературной Газетѣ» 1840 года и повѣсть, но, видя, что она плоховата, и что я мало знаю жизнь, оставилъ беллетристику. Преимущественно изучалъ я исторію и древности Нижняго и вообще бывшаго Суздальскаго великаго княжества. По нижегородской исторіи и археологіи мнѣ пришлось прокладывать непроторенную еще дорогу: я собиралъ рукописи, занимался въ архивахъ, которыхъ до того никто не касался. Нѣсколько интересныхъ актовъ послалъ я въ Археографическую Коммисію: они обратили вниманіе министра народнаго просвѣщенія на нижегородскаго учителя, и я сдѣланъ былъ корреспондентомъ Археографической Коммисіи. Это обстоятельство подняло меня въ мнѣніи начальства учебнаго округа, но вмѣстѣ съ тѣмъ подарило мнѣ сильнаго врага въ лицѣ профессора исторіи въ Казанскомъ университетѣ, Иванова. Иванова я не зналъ; онъ поступилъ на кафедру послѣ моего выхода изъ университета. Это былъ злой человекъ, но блестящій профессоръ, вскорѣ получившій огромное вліяніе. Онъ былъ того мнѣнія, что, до занятія имъ кафедры, исторія въ Казани преподавалась не хорошо, и въ этомъ былъ справедливъ. Поэтому онъ хотѣлъ замѣнить всѣ мѣста учителей исторіи въ округѣ своими слушателями. Мнѣ готовилось оставить мѣсто Ивановъ ѣздилъ въ Петербургъ, занимался тамъ въ Публичной Библіотекѣ и въ Археографической Коммисіи и очень желалъ сдѣлаться ея членомъ, что, однако, ему не удалось. Ему очень не понравилось, когда министр народнаго просвѣщенія, графъ Уваровъ, обратилъ на меня вниманіе не по представленію помещителя, а по моимъ печатнымъ работамъ и по представленнымъ стариннымъ актамъ, и сдѣлалъ корреспондентомъ той самой Коммисіи, въ которую онъ, Ивановъ,

не попалъ. Къ этому еще другое обстоятельство случилось. Ивановъ былъ сотрудникомъ Булгарина въ его изданіи: «Россія». Первые двѣ части этого сочиненія, заключающія статистику, были писаны имъ. Въ одной изъ статей моихъ: «Дорожныя записки на пути изъ Тамбовской губерніи въ Сибирь» (въ «Отечественныхъ Запискахъ»), я показалъ нѣкоторыя грубыя ошибки въ статистикѣ «Россіи» и посмѣялся надъ ними, а въ разборѣ «Начальственныхъ распоряженій по Казанскому учебному округу»¹⁾, напечатанномъ хотя и безъ подписи моея, сдѣлалъ намекъ на Иванова, какъ онъ перекраиваетъ на свой ладъ исторію. А онъ передъ слушателями своими раздѣлилъ ее на три періода: первый до Петра, второй отъ Петра до нашихъ временъ, а третій отъ нашего времени до кончины міра. Онъ обѣщался читать третій періодъ и дѣйствительно началъ читать его передъ крымскою войною, но событія этой войны не оправдали пророчесственныхъ лекцій профессора, который и перешелъ къ нѣмцамъ въ Дерптъ, гдѣ слившись съ кругомъ, долженъ былъ *volens-nolens* оставить профессуру. Отношенія Иванова ко мнѣ были открыто враждебны, но въ то же время обращенное на меня вниманіе министра не дозволяло прогнать меня, чтобы дать мое мѣсто ивановскому слушателю. Ивановъ былъ циникъ большой руки во всѣхъ отношеніяхъ. Впослѣдствіи (1846 г.), когда я уже не былъ болѣе старшимъ учителемъ въ нижегородской гимназіи, я съ нимъ познакомился и цѣлый день побесѣдовали мы съ нимъ у инспектора нижегородскаго дворянскаго института Лопатина (племянника инспектора пермской гимназіи). Ивановъ мнѣ прямо сказалъ, бывши въ веселомъ отъ пунша настроеніи духа: «Я всегда уважалъ ваши познанія, но не могъ терпѣть

1) См. «Отечественныя Записки» 1843 г.

васъ, какъ учителя, который знать не хочетъ старшихъ и мимо ихъ входитъ въ сношенія съ самимъ министромъ. Притомъ же вы не мой слушатель, а я хочу, чтобы учителя въ гимназіяхъ были моими помощниками, въ моемъ духѣ приготавлиали мнѣ слушателей».

«Отношенія мои къ Иванову горько обходились моимъ ученикамъ, поступавшимъ въ Казанскій университетъ. На приемныхъ экзаменахъ онъ ихъ всячески притѣснялъ; но мои ученики, вслѣдствіе того, что я обращалъ вниманіе только на особенно хорошихъ и давалъ полную волю учиться или не учиться, были двухъ родовъ: или прекрасно знали предметъ, нѣкоторые такъ, что хотя бы на кандидата экзаменъ держать, или ровно ничего не знали и отвѣчали на экзаменахъ въ родѣ того, что Александръ Македонскій былъ великій князь Новгородскій, а Мохамедъ основатель королевства англійскаго. Середины у меня не было. Не знавшіе исторіи вовсе не поступали въ университетъ, а которые знали и поступали, тѣ оказывались лучшими. Самъ преемникъ Иванова по кафедрѣ въ Казани, Ешевскій, былъ мой ученикъ. Лучшие ученики мои занимались у меня, какъ студенты, писали сочиненія по источникамъ, какъ на примѣръ, Ешевскій «О мѣстничествѣ», и публично защищали съ кафедры свои тезисы, какъ бы магистранты. На такихъ диспутахъ бывали и губернаторъ, и губернский предводитель дворянства, и архіерей, и дамы, всего человѣкъ по пятидесяти и болѣе»¹⁾.

Мельниковъ былъ утвержденъ въ званіи корреспондента Археографической Коммисіи 8 апрѣля 1841 года, слѣдовательно, менѣе чѣмъ черезъ четыре года послѣ окончанія университетскаго курса.

Съ какимъ рвеніемъ онъ занимался историческими и археографическими изслѣдованіями, можно видѣть

1) См. «Нижегородскія Губернскія Вѣдомости» 1846 года №№ 27 и 39.

изъ слѣдующаго его письма къ князю Ширинскому-Шихматову:

«Занимаясь въ продолженіе четырехъ лѣтъ составленіемъ полной исторіи великаго княжества Владимірскаго-Суздальскаго и всѣхъ происшедшихъ отъ него отдѣльныхъ княжествъ, изъ которой отрывки я напечаталъ въ журналѣ «Отечественныя Записки» 1840 года, я старался собрать столько матеріаловъ для этого сочиненія, сколько имѣлъ возможность собрать. Но теперь я вижу, что всѣ собранные мною матеріалы еще недостаточны для составленія совершенной исторіи; знаю теперь и то, что въ архивахъ Нижегородской, Владимірской, Костромской и Ярославской губерній хранится много матеріаловъ, большею частію еще неизвѣстныхъ, которые могли бы пополнить этотъ недостатокъ. Но, зная о существованіи ихъ, я еще не могу ими пользоваться, не могу даже осмотрѣть ихъ, потому что не имѣю на это никакого права.

«Желая собрать эти матеріалы и, главное, быть по силамъ своимъ полезнымъ для дѣйствій Археографической Коммисіи, я беру смѣлость обратиться къ вашему сіятельству съ покорнѣйшею просьбою о причисленіи меня къ ней въ качествѣ чиновника. Если я буду столь счастливъ, что ваше сіятельство удостоите меня этимъ званіемъ, то я надѣюсь сдѣлать слѣдующее для Коммисіи:

«а) Осмотрѣть архивъ нижегородскаго губернскаго правленія и нижегородской казенной палаты, въ которыхъ, какъ мнѣ извѣстно, находится много любопытныхъ бумагъ XVII и XVIII столѣтій. Хотя нѣкоторыя изъ нихъ и вошли въ составъ актовъ, собранныхъ Археографическою Коммисіею, но я знаю, что еще много осталось неизслѣдованнымъ. Въ особенности же здѣсь интересны дѣла вотчинныя. Сколь ни мало вѣрно, повидимому, ихъ достоинство, но все-

такъ въ кипахъ столбцовъ ихъ могутъ находиться болѣе или менѣе вѣрныя историческія свѣдѣнія, которыхъ мы еще не знаемъ. Въ этомъ убѣждаетъ меня то, что я, разбирая нѣкоторыя вотчинныя бумаги, частнымъ образомъ мнѣ доставшіяся, нашель, какимъ образомъ переходилъ изъ рукъ въ руки нынѣшній Семеновскій уѣздъ, какимъ образомъ, бывъ сперва достояніемъ супругъ государевыхъ, онъ сдѣлался дворцовымъ, былъ пожалованъ астраханскому князю Акубѣву и проч. Словомъ, по этимъ находящимся у меня бумагамъ, можно обработать исторію сѣверной части Нижегородской губерніи. Акты эти хранятся у семеновскаго помѣщика князя Черкаскаго ¹⁾, и я могу достать ихъ для представленія Комиссіи, если ей будетъ это угодно. Въ архивѣ нижегородской казенной палаты также есть много любопытныхъ бумагъ, относящихся къ XVII и XVIII столѣтіямъ.

«b) Въ здѣшнемъ Благовѣщенскомъ монастырѣ есть книги духовнаго содержанія, писанныя рукою Никона, ученика св. Сергія. Я могу описать какъ эти книги, такъ и нѣкоторыя корсунскія утвари, хранящіяся въ Спасскомъ соборѣ, Благовѣщенскомъ монастырѣ, семинарскомъ правленіи и въ другихъ мѣстахъ. Также различныя государевы и патріаршія грамоты съ XIV до XVIII столѣтій находятся въ церквахъ и монастыряхъ Нижегородской губерніи

«c) Я могу достать много любопытнаго у здѣшняго купца Судовщикова, старика, обладающаго многими рѣдкостями. У него есть довольно порядочный архивъ рѣдкихъ бумагъ, относящихся до Нижняго-Новгорода и даже до Нижегородскаго удѣльнаго княжества.

«d) Заведя знакомство съ раскольниками, что сдѣ-

¹⁾ Черновая этого письма Мельникова написана крайне нечетко, съ сокращеніями, а потому не ручаюсь за вѣрность этой фамиліи.

латъ я имѣю весьма рѣдкій случай, я могу, по крайней мѣрѣ, описать многія старинныя книги, у нихъ находящіяся. Какъ много у нихъ старинныхъ книгъ, этому можетъ служить доказательствомъ разговоръ мой и директора здѣшней ярмарочной конторы, графа Дмитрія Николаевича Толстаго, занимающагося также археологіею, съ однимъ изъ раскольниковъ. Мы читали ему списки старопечатныхъ книгъ. Онъ ихъ всѣ почти знаетъ и сказалъ намъ о 13 книгахъ, которыхъ нѣтъ ни въ одномъ описаніи старопечатныхъ книгъ.

«e) Я могу осмотрѣть и описать многіе памятники старины, состоящіе какъ изъ церковной утвари, такъ и изъ прочихъ вещей, надгробныхъ камней и проч. Особенно замѣчательны въ этомъ отношеніи Нижній-Новгородъ, Балахна, Городецъ, бывшій столицею Городецкаго княжества, село Богородское, въ которомъ есть паникадило, жалованное Михаиломъ Θεодоровичемъ, Спасскій нижегородскій соборъ, Арзамасъ, село Возьянъ, гдѣ находился станъ царя Ивана Васильевича Грознаго и гдѣ цѣлы до сихъ поръ царскія двери, жалованныя этимъ государемъ; Макарьевскій Желтоводскій монастырь, села Мурашкино и Работки, въ которыхъ находятся большіе архивы. О послѣднихъ архивахъ считаю необходимымъ довести до свѣдѣнія вашего сіятельства, что ихъ необходимо осмотрѣть какъ можно скорѣе, потому что они находятся въ крайнемъ небреженіи и съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе истребляются.

«f) Доставить свѣдѣнія о родѣ Мининыхъ, о могилѣ князя Пожарскаго и о пребываніи въ Нижнемъ Марѣы Посадницы. Послѣднее свѣдѣніе основывается на современномъ актѣ, который обѣщали мнѣ доставить. Этотъ актъ—перепись прихожанъ церкви Іоанна Предтечи, гдѣ сказано, что къ нимъ принадлежала и Марѣа, бывшая посадница Новгорода Великаго.

«Въ губерніяхъ Владимірской, Костромской и Ярославской я также надѣюсь собрать много любопытнаго. Списывая любопытные акты и описывая остальное, я буду присылать все это на разсмотрѣніе Археографической Коммисіи. Если вашему сіятельству угодно будетъ удостоить меня званіемъ чиновника Археографической Коммисіи и поручить мнѣ изслѣдованіе архивовъ Нижегородской, Владимірской, Костромской и Ярославской губерній, то чрезъ нѣсколько лѣтъ Археографическая Коммисія будетъ имѣть все сохранившіяся свѣдѣнія относительно великаго княжества Суздальско-Владимірскаго и прочихъ отъ него отдѣлившихся княжествъ, а также и акты, находящіяся еще на храненіи въ архивахъ сказанныхъ губерній. Изслѣдованіе архивовъ Нижняго-Новгорода и въ окрестностяхъ его находящихся я могу производить въ теченіе всего года. Для изслѣдованія другихъ архивовъ у меня остается свободнаго времени въ году два мѣсяца: августъ, половина декабря и половина апрѣля. Если же вашему сіятельству не угодно будетъ поручить мнѣ изслѣдованіе архивовъ въ четырехъ губерніяхъ, для чего потребовались бы нѣкоторыя издержки на мои разѣзды, то изслѣдованіе архивовъ одной Нижегородской губерніи не будетъ стоить Археографической Коммисіи никакихъ издержекъ».

Вслѣдствіе этого письма, Мельникову поручено было разобрать архивы присутственныхъ мѣстъ и монастырей Нижегородской губерніи. Онъ занимался этимъ разборомъ и впоследствии, когда оставилъ службу по учебной части, 21 мая 1846 года, извлекъ много интересныхъ свѣдѣній и документовъ для исторіи Нижегородскаго края. Даже лѣтъ тридцать спустя, въ іюнь 1878 года, онъ вновь обратился съ подобною просьбою къ тогдашнему министру внутреннихъ дѣлъ, генераль-адъютанту Тимашеву, который 8 іюля раз-

рѣшилъ Мельникову снять копию съ историческихъ документовъ, хранящихся въ Нижегородскомъ губернскомъ правленіи.

Добытыми изъ архивовъ матеріалами Мельниковъ воспользовался для многочисленныхъ статей своихъ, помѣщенныхъ имъ въ «Нижегородскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ», редакторомъ неофициальной части которыхъ онъ состоялъ съ 1 января 1845 года по 14 мая 1850 года. Мельниковъ желалъ сдѣлать интереснымъ порученный ему отдѣлъ, но сотрудниковъ для оживленія газеты не было, и онъ въ первые десять мѣсяцевъ 1845 года, съ свойственною ему неутомимостью, работалъ одинъ, писалъ все самъ отъ перваго слова до послѣдняго. Въ 1847 году у него уже было въ газетѣ 19 сотрудниковъ, въ томъ числѣ графъ В. А. Сологубъ и М. П. Авдѣевъ, помѣстившій первый свой фельетонъ въ «Нижегородскихъ Вѣдомостяхъ». Первые сочиненія нашего археолога, тогда еще архимандрита Макарія, начавшаго заниматься русскими древностями при содѣйствіи Мельникова, также появились въ этомъ провинціальномъ изданіи.

«Архивныя занятія, пишетъ П. И. Мельниковъ въ одной изъ своихъ собственноручныхъ замѣтокъ, повели меня къ дѣлу отысканія потомковъ Минина. Опишу подробнѣе этотъ случай. Мнѣ кажется, онъ довольно характеристиченъ. Со временъ Екатерины II, бывшей въ Нижнемъ въ 1767 году и нашедшей, что этотъ городъ «строеніемъ мерзокъ», со временъ императора Павла I, бывшаго здѣсь въ 1797 году, государи не бывали въ Нижнемъ. Въ 1834 году 10 октября приѣхалъ императоръ Николай I, и городокъ, мерзкій строеніемъ, по выраженію его бабки, сдѣлалъ городомъ красивымъ, построивъ откосы, бульвары, набережныя, казармы, сломавъ Пятницкую церковь, все частныя дома въ Кремлѣ и много другихъ виѣ его

Слѣдствіемъ этого было, что городъ Нижній остался съ цифрою долга въ разные приказы общественнаго призрѣнія столь почтенною, что она превосходила сумму долговъ всѣхъ остальныхъ городовъ Россійской имперіи, а между тѣмъ, воровавшіе общественныя деньги «Клеймихелевы дѣточки», инженеры путей сообщенія, такъ исполнили «высочайше повелѣнныя работы» ¹⁾, что оныхъ теперь и вовсе не видно ²⁾. Полезнѣйшее изъ этихъ сооруженій, нижняя набережная на самомъ берегу Волги, построенная по указанію императора Николая I, была сооружена до того неискусно и непрочно, что отъ нея осталось весьма мало слѣдовъ.

«Когда императоръ Николай Павловичъ прибылъ въ Нижній-Новгородъ, то первый его осмотръ — былъ осмотръ кафедральнаго Спасскаго собора, только что освященнаго, въ началѣ августа 1834 года. Шель дождь. На непокрытой панерти императора встрѣтилъ архіерей Амвросій съ крестомъ и длинною рѣчью. Императоръ долженъ былъ слушать краснорѣчіе владыки, между тѣмъ какъ осенній дождь обильно орошалъ его голову, начинавшую уже лысѣть. Послѣ обычнаго молебствія преосвященный Амвросій повелѣ

1) Нижегородское губернское правленіе и тамошняя городская дума долго не могли отвыкнуть именоватъ въ официальныхъ бумагахъ эти строенія «высочайше повелѣнными работами», хотя послѣ того было въ Нижнемъ не мало другихъ высочайше повелѣнныхъ работъ,

2) Такъ, въ 1843 году часть кремлевской стѣны подъ дворцомъ упала, и при этомъ была разрушена древняя церковь Св. Духа, бывшая дворцовою и только что отдѣланная, по повелѣнію императора Николая Павловича. Другая церковь Живоноснаго Источника дала такія трещины, что ее надобно было перестраивать. Причиною разрушенія было то, что инженеры, устраивая дворцовый садъ, не озаботились отвести ключи, которыхъ въ горѣ было очень много. Когда стѣна упала, оказалось, что венеціанскій архитекторъ XVI столѣтія былъ гораздо искуснѣе строителей XIX вѣка. Подъ стѣною обнаружилия огромныя кирпичныя трубы, въ которыя должны были бы отвести воду.

императора въ склепъ, гдѣ теперь устроена церковь (по мысли П. И. Мельникова). Ходъ былъ не тотъ, что теперь, а съ другой стороны; сводъ подъ лѣстницею былъ низенькій. Преосвященный Амвросій, идя передъ императоромъ во всемъ облаченіи, счелъ долгомъ предупредить августѣйшаго посѣтителя, и, не выучась въ семинаріи и академіи придворнымъ тонкостямъ, сказалъ спроста: «Ваше величество! поберегите голову». Разгнѣванный длинною, привѣтственною рѣчью владыки и долго падавшимъ на вѣщносную голову октябрьскимъ дождемъ, императоръ отвѣтилъ: «Сами, преосвященный, поберегитесь, чтобы съ васъ митра не свалилась». Митра не свалилась, но преосвященный Амвросій, пострадавшій отъ поляковъ на Волини во время польскаго возмущенія 1831 г., былъ переведенъ вскорѣ послѣ того на нисшую епархію, въ Пензу.

«Въ склепѣ императоръ Николай Павловичъ поклонился до земли передъ гробницею Минина, и, обратясь къ начальнику губерніи, Михаилу Петровичу Бутурлину, спросилъ: «Остались ли потомки послѣ Минина?» М. П. Бутурлинь (бывшій первымъ военнымъ губернаторомъ въ Нижнемъ-Новгородѣ), два мѣсяца приготавливавшійся бойко и съ ловкостью военного чело-вѣка отвѣчать на всевозможные царскіе вопросы, подобнаго вопроса не предугадалъ и чрезвычайно сконфузился. Императоръ, замѣтивъ смущеніе губернатора, сказалъ: «Отыскать; если остались, я награжу за службу предка».

«Послѣ отъѣзда императора, Бутурлинь не мало думалъ о томъ, кому поручить исполненіе такого вы-сочайшаго повелѣнія. «Отыскать», сказалъ государь; кому же отыскать? Разумѣется, тому, кто отыскиваетъ въ городѣ всякихъ людей: бѣглыхъ, безпаспортныхъ, мошенниковъ и тому подобныхъ личностей, т. е. поли-

ціймейстеру. Бутурлинъ такъ и сдѣлалъ. Полиціймейстеромъ былъ тогда Махотинъ, добрый человѣкъ, но совершенно гоголевскій полиціймейстеръ («Мертвыя Души»): братъ—бралъ и осетрами кормилъ. Во время ярмарки у него въ квартирѣ съ утра до ночи столъ былъ накрытъ, на которомъ стояли разныя кушанья, вина, фрукты: всякій приходи и кушай на здоровье. Славныя у него были кулебяки. Шипучее же вино была самодѣльщина. Покупалъ онъ у армянъ чихирь и выдѣлывалъ изъ него шампанское. Бутылка такого шампанскаго обходилась полиціймейстеру копѣекъ въ 60 ассигнаціями. Главный сбытъ этого вина былъ въ многочисленныя (въ то время до восьмидесяти) развеселые дома Кунавина, содержательницы которыхъ обязаны были покупать махотинское шампанское по 8 р. асс. за бутылку, а продавали они его своимъ гостямъ по 14 и 15 р. асс. Махотинъ былъ изъ даточныхъ или изъ кантонистовъ. Бывши солдатомъ, и храбрымъ, онъ подъ Бородиномъ потерялъ правую руку, но отлично игралъ въ карты лѣвою. Грамотный солдатъ, пройдя лѣстницу чиновъ нисшей военной іерархіи, капрала, ефрейтора, фельдфебеля, онъ получилъ офицерство, дослужился до маіора, вышелъ въ отставку и въ концѣ двадцатыхъ годовъ сдѣланъ былъ нижегородскимъ полиціймейстеромъ. На этомъ мѣстѣ онъ пробылъ до 1843 года, переведенъ былъ въ Рязань, гдѣ, прослуживъ годъ, получилъ генерала при отставкѣ и возвратился въ Нижній-Новгородъ. Здѣсь онъ дожилъ свой вѣкъ нижегородскимъ помѣщикомъ 500 душъ и почетнымъ опекуномъ дворянскаго банка. Вообще, онъ былъ хорошій человѣкъ. Что касается до взятокъ, такъ это было въ тогдашнемъ порядкѣ вещей и притомъ для его характеристики необходимо упомянуть вошедшую впоследствии въ поговорку въ Нижнемъ-Новгородѣ слѣдующую фразу о тамошнихъ полиціймейстерахъ: «Прежде

полиціймейстеръ бралъ одною рукою (безрукій Махотинъ), потомъ двое двумя (Львовъ и Зенбушъ), а одинъ и лапу запустилъ» (Лаппа-Старженецкій). Послѣ того былъ полиціймейстеромъ Цейдлеръ, который имѣя своихъ и жениныхъ болѣе тысячи крестьянскихъ надѣловъ, взятокъ, можетъ быть, и не бралъ лично, но зато съ городской казною обходился такъ, какъ и не снилось его предшественникамъ. А полиціймейстерскихъ кулебякъ со дней Махотина нѣтъ и не будетъ!

«Этому Махотину Бутурлинъ и поручилъ отыскать потомковъ Минина. Къ чести Махотина надобно сказать вотъ что: будучи женатъ на нижегородской купчихѣ, онъ не произвелъ въ потомки никого изъ своихъ многочисленныхъ родственниковъ, хотя почти всѣ купцы Нижняго и Балахны претендуютъ на родство съ Мининимъ. Хотя Махотинъ и былъ осаждаемъ многочисленными просьбами, но не произвелъ въ потомки Минина ни одного изъ своихъ родственниковъ и свойственниковъ, изъ которыхъ многимъ видѣлись впереди великія и богатія царскія милости. Не имѣя ни малѣйшаго образованія и еще менѣе зная русскую исторію, безрукій полковникъ семь лѣтъ отыскивалъ «потомковъ» и нашелъ ихъ цѣлую кучу въ средѣ купцовъ, мѣщанъ, крестьянъ и кантонистовъ. На большомъ александрійскомъ листѣ, великолѣпно написанное и разрисованное въ школѣ военныхъ кантонистовъ родословное дерево было отправлено въ Петербургъ».

Эта родословная, какъ никуда негодная, была возвращена изъ Петербурга въ Нижній, и по высочайшему повелѣнію 12 марта 1842 года Мельникову, какъ занимавшемуся разборкою архивовъ, поручено было произвести изслѣдованіе о потомствѣ Козьмы Минина. Но и Мельниковъ не отыскалъ потомковъ великаго гражданина по той причинѣ, что, какъ оказалось, единственный сынъ Козьмы Минина, стряпчій Нефедъ Козьмичъ.

умеръ бездѣтнымъ, и пожалованныя Минину имѣнія взяты были на государя. Но Мельниковъ отыскалъ въ одной купчей крѣпости, что Минина звали не Козьма Мининъ, а Козьма Захарычъ Мининъ-Сухорукъ. Составленное Мельниковымъ официальное донесеніе по этому изслѣдованію онъ передѣлалъ въ литературную статью и помѣстилъ въ «Отечественныхъ Запискахъ»¹⁾.

VI.

Дѣятельность Мельникова по расколу на административномъ поприщѣ.

«До 1847 года, живя въ Нижнемъ-Новгородѣ и занимаясь русскою исторіею,—говоритъ Мельниковъ:—я сталъ изучать расколъ и раскольниковъ. Моимъ занятіямъ способствовали два обстоятельства: поѣздки по нижегородскому Заволжью, наполненному раскольниками, и знакомство съ книжниками на нижегородской ярмаркѣ. Въ Заволжѣ, именно, въ Семеновскомъ уѣздѣ, было у меня маленькое, доставшееся послѣ матери, имѣніе; крестьяне, жившіе въ немъ, были всѣ до единого раскольники, поповщинской секты. Они были раскольники «записные», т. е. значившіеся изстари, по книгамъ земскаго суда, раскольниками; дѣды ихъ платили двойные оклады. Поэтому они были избавлены отъ притѣсненій полиціи и поповъ. Народъ этотъ былъ хорошій. Теперь вотъ болѣе пятидесяти лѣтъ, какъ имѣніе (деревня Казанцово) въ нашемъ родѣ, но въ продолженіе этого довольно долгаго періода времени не только къ нашимъ крестьянамъ не наѣзжалъ судъ по

¹⁾ 1842 года, августъ.

уголовнымъ дѣламъ, но даже ни одинъ крестьянинъ никогда не былъ прикосновененъ къ какому бы то ни было дѣлу. Вина капли въ ротъ не берутъ. Они не богаты, но зажиточны; оброкъ небольшой (12 р. съ тягла); недоимокъ почти никогда не бывало. Въ Казанцовѣ я прежде всего познакомился съ раскольниковымъ бытомъ; неподалеку отъ деревни (верстахъ въ трехъ) былъ раскольниковскій скитъ Кошелевскій (поповицкскій). Здѣсь я познакомился съ скитскими жителями. Старшина моего селенія Иванъ Петровъ, умный, грамотный и довольно развитой человекъ, большой начетчикъ и сынъ начетчика, пользовался уваженіемъ отъ своихъ и чужихъ крестьянъ-раскольниковъ. Съ нимъ много мы толковали о расколѣ. Бывало, когда пріѣдетъ Иванъ Петровъ въ Нижній, цѣлые вечера проводили мы съ нимъ, говоря о расколѣ.

«Съ 1840 года директоромъ на нижегородской ярмаркѣ былъ графъ Дмитрій Николаевичъ Толстой, бывшій впоследствии губернаторомъ калужскимъ, воронежскимъ и директоромъ департамента исполнительной полиціи (въ шестидесятыхъ годахъ). Мы съ нимъ находились въ дружескихъ отношеніяхъ. Онъ занимался исторіею русской церкви, хорошо зналъ церковный уставъ и изучалъ расколъ. Чрезъ него я познакомился съ Дементьемъ Васильевичемъ Пискаревымъ, съ Большаковымъ, съ Морозовымъ и другими раскольниками, торговавшими на ярмаркѣ старопечатными и старописьменными книгами и иконами. У нихъ бывало много раскольниковскихъ рукописей; они скупили ихъ у приносившихъ и продавали въ Москвѣ раскольникамъ и М. П. Погодину. Покупать рукописи было не по моимъ средствамъ, но торговцы давали мнѣ ихъ на прочетъ. Я много читалъ, дѣлалъ выписки. Въ 1841 году пріѣхалъ въ Нижній-Новгородъ Погодинъ и познакомился со мною. Мы съ нимъ осматривали нижегородскія

древности, ярмарку; онъ накупилъ книгъ для своего древлехранилища и просилъ меня, какъ постояннаго нижегородскаго жителя, присматривать для него на ярмаркѣ и въ городѣ у Головастика, тоже торговца старыми книгами и иконами, «рѣдкостныя вещи». Года четыре я занимался этимъ дѣломъ и еще болѣе познакомился съ раскольнической литературою. Въ это время я узналъ и Головастика, съ которымъ впоследствии пришлось встрѣтиться въ совсѣмъ иныхъ обстоятельствахъ»¹⁾. Занимаясь изслѣдованіемъ состоянія раскола въ Нижегородской губерніи, Мельниковъ замѣтилъ, что въ помѣщичьихъ имѣніяхъ расколъ сильно ослабѣвалъ или даже вовсе прекращался, если помѣщикъ послѣдовательно преслѣдовалъ его отдачею раскольниковъ въ рекруты. Поэтому Мельниковъ пришелъ къ тому выводу, что если бы повсюду, гдѣ живутъ вмѣстѣ съ православными раскольники, стали отдавать

¹⁾ Въ «Отчетѣ о современномъ состояніи раскола въ Нижегородской губерніи» П. И. Мельникова, составленномъ имъ по порученію министра внутреннихъ дѣлъ въ 1854 году, къ числу второстепенныхъ коноводовъ раскола въ этой губерніи былъ причисленъ и Алексѣй Семеновичъ Головастикъ, нижегородскій третьей гильдіи купецъ. 55-ти лѣтъ, находившійся въ то время въ бѣгахъ. Въ этомъ отчетѣ Головастикъ былъ очерченъ слѣдующимъ образомъ: «занимается торговлею старопечатными и старописьменными книгами и иконами и распространеніемъ между раскольниками сочиненій, направленныхъ противъ православія. Онъ разбѣжалъ по разнымъ губерніямъ Россіи, скупалъ книги и письменныя памятники нашей старины и продавалъ ихъ въ лавкѣ своей, на Нижнемъ Базарѣ, въ Нижнемъ-Новгородѣ, торговалъ ими и на ярмаркѣ нижегородской. Онъ раскольникъ бѣглопоповской секты, но, поступивъ лѣтъ восемь тому назадъ на городскую службу, записался въ единовѣрцы, хотя на исповѣди и у причастія никогда не бывалъ. Онъ обладаетъ быстрымъ умомъ и рѣдкою памятью; знакомъ со старинною русскою литературою, а тѣмъ болѣе съ литературою раскольническою. Съ такими знаніями онъ проповѣдывалъ расколъ въ своей лавкѣ собравшимся въ ней разнаго рода людямъ: особенно онъ занимался тѣмъ во время нижегородской ярмарки. Выбранный, по настоянію старшаго полиціймейстера Зенгбуша, въ ратманы нижегородской полиціи, Головастикъ свелъ связи съ этимъ чиповникомъ и съ частнымъ приставомъ Коротковымъ, и, подъ покрови-

въ рекруты послѣднихъ, и притомъ начали бы очередь съ богатыхъ, то, по его мнѣнію, расколъ, безъ всякаго сомнѣнія, значительно бы ослабѣлъ, такъ какъ фанатиковъ мало, а не фанатики обратились бы въ православіе. Понятно, что въ этомъ отношеніи наиболѣе затруднительнымъ дѣломъ было бы принятіе мѣръ къ отвращенію злоупотребленій, которыя непремѣнно были бы направлены въ пользу денежныхъ раскольниковъ. Эту мысль свою Мельниковъ высказалъ нижегородскому губернатору, князю Урусову, который послѣ сказалъ ему, что онъ помѣстилъ ее въ своемъ всеподданнѣйшемъ отчетѣ за 1853 годъ, и что императоръ Николай Павловичъ на томъ мѣстѣ, гдѣ эта мысль была изложена, собственноручно написалъ высочайшее повелѣніе: «Сдѣлать объ этой мѣрѣ соображеніе».

Сверхъ того, Мельниковъ предложилъ и другую мѣру для прекращенія раскола, которую онъ считалъ

тельствомъ ихъ, открыто распространялъ изъ лавки своей книги и вещи, способствующія къ поддержанію раскола. Онъ завелъ у себя и складочное мѣсто воровскихъ вещей, но когда оно было открыто мѣстнымъ штабъ-офицеромъ корпуса жандармовъ и началось дѣло, то уголовная палата предписала посадить его въ тюрьму. Полиція дала ему знать объ этомъ и способствовала его побѣгу, въ которомъ онъ и находится съ мая 1853 года. Головастикивъ—раскольникъ не по убѣжденію, но руководитъ раскольниками изъ расчетовъ корысти. Онъ знаетъ хорошо слѣдственную часть и гражданскіе законы, знакомъ и съ злоупотребленіемъ закона, извѣстнымъ подъ названіемъ крючкотворства. Всѣми этими знаніями онъ служитъ раскольникамъ. Случится ли гдѣ въ Нижегородской губерніи, а особенно въ Заволжѣ, дѣло по расколу, прикосновенные къ этому дѣлу идутъ совѣтоваться съ Головастикомъ, который имъ даетъ наставленія: какъ оказывать при допросахъ, что говорить на очныхъ ставкахъ, указываетъ на лицъ, посредствомъ которыхъ можно «обдѣлать дѣло», а также имѣть и наблюденіе за дѣлами, производящимися о раскольникахъ въ нижегородскихъ присутственныхъ мѣстахъ посредствомъ писмоводителя старшаго полиціимейстера. Раскольники не уважаютъ Головастика, но онъ имъ чловѣкъ нужный во всѣхъ отношеніяхъ и онъ руководитъ и поддерживаетъ расколъ разными своими противозаконными дѣйствіями. Торговлю книгами и иконами послѣ его бѣгства принялъ сынъ его Алексѣй».

едва ли не болѣе дѣйствительною, именно, отдачу въ кантонисты дѣтей, рожденныхъ отъ браковъ, совершенныхъ бѣглецами попами, наставниками безпоповщинскихъ сектъ или по родительскому благословенію, словомъ, отъ «браковъ, неизвѣстныхъ правительству». Но и здѣсь необходимо было, по словамъ Мельникова, принять мѣры противъ примѣнителей закона, тѣмъ болѣе, что между раскольниками уже ходилъ въ то время (1854 г.) темный слухъ о намѣреніи правительства привести такую мѣру въ исполненіе. Слухъ этотъ распространился между раскольниками послѣ высочайшаго повелѣнія 10 іюня 1850 года о порядкѣ записыванія въ девятую народную перепись женъ и дѣтей раскольниковъ безпоповщинскихъ сектъ. Установленный порядокъ, даже и безъ отдачи въ кантонисты дѣтей раскольниковъ безпоповщинскихъ, оказался бы въ послѣдствіи самымъ тяжелымъ, относительно рекрутскихъ наборовъ, ибо тогда семейства раскольниковъ, имѣющихъ замужнихъ дочерей, значительно увеличились бы, если бы были приписаны къ нимъ, подъ названіемъ незаконно-рожденныхъ, всѣ дѣти ихъ дочерей: семейства эти не сходили бы съ рекрутской очереди. Раскольники Нижегородской губерніи, услышавъ объ этомъ высочайшемъ повелѣніи, пришли въ ужасъ, сообразивъ будущія его послѣдствія, и многіе изъ нихъ хотѣли тотчасъ же обратиться въ церковь и обвѣнчаться. Но они достигли своей цѣли и безъ этого; они, какъ сказано Мельниковымъ въ отчетѣ о современномъ состояніи раскола, подкупили правителя канцеляріи губернатора, Сомова, который скрылъ предписаніе министра внутреннихъ дѣлъ отъ 20-го іюня 1850 г. за № 2808 до тѣхъ поръ, какъ ревизія была кончена. Оно 3-го ноября, т. е. чрезъ два дня по заключеніи народной переписи, было передано въ губернское правленіе, но не отъ лица начальника губерніи, который и не зналъ этого, а изъ кан-

целярїи. Губернское правленіе, въ которомъ въ это время правитель канцелярїи Сомовъ былъ уже совѣтникомъ, по журналу 6-го ноября сдѣлало извѣстнымъ высочайшее повелѣніе, чрезъ пять почти мѣсяцевъ по его полученіи, и въ то время, когда его исполнить уже нельзя было. При повѣркѣ ревизіи посланнымъ чиновникомъ подъ рукою г. Сомовымъ было приказано отнюдь не касаться этого вопроса. Когда же нижегородская городская дума донесла, что въ нижегородскомъ купечествѣ есть раскольники безпоповщинской секты, совершающіе браки по своимъ обрядамъ, и что, за силою высочайшаго повелѣнія 10-го іюня 1850 года, дума, затрудняясь, какъ писать ихъ въ паспортахъ, испрашиваетъ разрѣшеніе губернскаго правленія, то, по вліянію вице-губернатора и совѣтника Сомова, по журналу 21-го декабря 1850 года, было постановлено, что думѣ не слѣдовало вовсе входить со своимъ представленіемъ. Такимъ образомъ, высочайшее повелѣніе, при подкупности чиновниковъ, было не исполнено и раскольники въ самомъ началѣ деньгами отразили отъ себя ударъ, который имъ готовился.

«Въ 1847 году—продолжаетъ Мельниковъ:—я (оставивъ за годъ передъ тѣмъ гимназію) былъ приглашенъ на службу княземъ Михаиломъ Александровичемъ Урусовымъ, тогдашнимъ нижегородскимъ губернаторомъ, и получилъ 8-го апрѣля этого года мѣсто чиновника особыхъ порученій. О князѣ Урусовѣ надобно сказать нѣсколько словъ.

«Онъ былъ старшимъ сыномъ оберъ-камергера, князя Александра Михайловича Урусова, который возвысился въ 1826 году, послѣ коронаціи императора Николая Павловича, и жилъ до смерти въ Москвѣ. Въ двадцатыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія, въ московскомъ великосвѣтскомъ обществѣ блистали двѣ дочери князя А. М. Урусова, обѣ красавицы. Марія была въ

первомъ бракѣ за графомъ Мусинымъ-Пушкинымъ, а во второмъ, послѣ его смерти, за княземъ Горчаковымъ (свадьба ихъ была въ 1838 году), бывшимъ впослѣдствіи канцлеромъ иностранныхъ дѣлъ. Другая дочь, Софья, обратила на себя вниманіе императора Николая Павловича и была вслѣдствіе того виновницею возвышенія Урусовыхъ, до того времени не игравшихъ важной роли. Она вышла замужъ за князя Льва Радзивилла, наслѣдовавшаго отъ предковъ страсть къ медвѣжьей охотѣ, удалству и балагурству, но не наслѣдовавшему сочувствія къ полякамъ, своимъ соотечественникамъ. Братья княгини Радзивиллъ, воспитывавшіеся въ пажемскомъ корпусѣ, сдѣлали карьеру. Старшій, Михаилъ, сдѣланъ былъ флигель-адъютантомъ и впослѣдствіи генераль-адъютантомъ; второй, Павелъ, пошелъ тѣмъ же путемъ и былъ генераль-адъютантомъ, прочіе также. Они были не богаты, но женились, какъ говорится, счастливо: Михаилъ на дѣвицѣ Энгельгардъ, Павелъ на дочери министра народнаго просвѣщенія, графинѣ Уваровой, Петръ на Сипягиной (племянницѣ генераль-адъютанта Бибикова, бывшаго министромъ внутреннихъ дѣлъ), всѣ трое на богатыхъ наслѣдницахъ. Князь Михаилъ Александровичъ Урусовъ, возвратясь откуда-то изъ губерніи съ рекрутскаго набора, жилъ у отца, въ Москвѣ, которая, какъ извѣстно, славилась калачами, колоколами и невѣстами. «Что вы не женитесь, князь?» говорятъ красивому, статному флигель-адъютанту его знакомые.

— И радъ бы жениться да не на комъ!—отвѣчалъ Урусовъ.

— Да вотъ невѣста, племянница смоленскаго помѣщика Бѣлкина, *mademoiselle* Энгельгардъ. У дяди ея дѣтей нѣтъ, зато четыре тысячи душъ; племянницу Бѣлкины любятъ, какъ дочь; она воспитывалась у нихъ съ малолѣтства, крещена даже у нихъ въ домѣ, а не

у отца, богатаго дѣтьми, но не имѣніемъ. Все бѣлкинское имѣніе пойдетъ къ Екатеринѣ Петровнѣ Энгельгардъ.

«Князь М. А. Урусовъ былъ человѣкъ практическій, а Бѣлкинъ во всякомъ флигель-адъютантѣ видѣлъ полубога. Чрезъ недѣлю сыграли свадьбу. Екатерину Петровну не спрашивали; она была слишкомъ молода и могла бы отказаться «отъ счастья» быть женою флигель-адъютанта и княгинею. Она, восемнадцатилѣтняя дѣвица, назвала красиваго жениха «солдатомъ» и со слезами обвѣнчалась. Свѣтская дѣвушка назвала флигель-адъютанта «солдатомъ» въ 1840 году. Явленіе довольно рѣдкое. Екатерина Петровна имѣла все задатки, чтобы сдѣлаться замѣчательною женщиною, но пустота свѣтской женщины и затѣмъ пустота провинціальная, скука, безлюдье въ Нижнемъ убили эти задатки. Но если этимъ запискамъ суждено дойти до тѣхъ людей, которые послѣ насъ будутъ жить, пусть не умретъ свидѣтельство современника, четыре года бывшаго близкимъ человѣкомъ къ Урусовымъ, ежедневнаго ихъ гостя, знавшаго до мельчайшихъ подробностей домашній и общественный бытъ ихъ: ее оклеветали въ Нижнемъ, а съ нижегородской клеветы и въ Петербургѣ».

По должности чиновника особыхъ порученій при нижегородскомъ военномъ губернаторѣ, Мельникову пришлось совершать непрерывно поѣздки по губерніи. Какъ изучавшему расколъ, ему поручались, предпочтительно передъ другими, дѣла, имѣвшія съ нимъ соприкосновеніе. Въ первомъ же году своего состоянія при князѣ Урусовѣ Мельниковъ отличился выполненіемъ очень труднаго, но еще болѣе щекотливаго, порученія. Въ 1847 году холера появилась на окраинахъ Россіи, между прочимъ, и въ Астрахани. При общей тревогѣ, необходимо было предупредить появленіе эпидеміи на нижегородской ярмаркѣ, которая могла разстроиться въ

своихъ торговыхъ оборотахъ. Въ этомъ году, вслѣдствіе предшествовавшаго неурожая въ западной Европѣ, особенно въ Ирландіи, изъ Россіи вывезено было за границу огромное, небывалое еще количество хлѣбнаго товара. Въ Рыбинскѣ Волга въ іюнѣ покрыта была сплошными рядами судовъ всякой конструкціи на протяженіи нѣсколькихъ верстъ. Посреди этого многотысячнаго каравана съ хлѣбомъ оставленъ былъ узкій проходъ для двухъ встрѣчныхъ судовъ, которыя съ трудомъ проходили въ этомъ мѣстѣ рѣку. Мнѣ самому пришлось въ іюнѣ съ большимъ затрудненіемъ проплыть сквозь этотъ караванъ на тихвинкѣ. Въ виду появленія въ Астрахани холеры, высочайше повелѣно было осматривать всѣхъ людей и всѣ суда, направлявшіяся вверхъ по Волгѣ на нижегородскую ярмарку, но производить подобный осмотръ на столько тайно, чтобы не произвести тревоги отъ холеры въ ярмаркѣ. Этотъ секретный карантинъ порученъ былъ П. И. Мельникову. Въ послужномъ его спискѣ сказано, что онъ «съ 1 августа по 15-е сентября, осматрѣвъ до 2,500 судовъ, шедшихъ изъ низовыхъ губерній къ Нижнему-Новгороду, не подалъ повода заключить о цѣли осмотра, которая могла бы нарушить спокойствіе на нижегородской ярмаркѣ». Мельниковъ провелъ по этому случаю болѣе мѣсяца съ бурлаками, переходя съ одного судна на другое, у Печерской брандвахты на Волгѣ, подъ Нижнимъ Новгородомъ.

Въ продолженіе трехлѣтней службы своей чиновникомъ особыхъ порученій при нижегородскомъ губернаторѣ Мельниковъ, какъ сказано въ его формулярномъ спискѣ, исполнилъ, по предписаніямъ губернскаго начальства, 87 порученій, большею частию секретныхъ (т. е. раскольничьихъ), изъ которыхъ, сверхъ осмотра судовъ въ 1847 году, важнѣйшими были: произведеніе слѣдствія о раскольническомъ инокѣ Варлаамѣ, ока-

завшемся крестьяниномъ Калужской губерніи, бѣжавшимъ въ 1813 году; произведеніе слѣдствія о пожарѣ въ городѣ Семеновѣ, бывшемъ въ 1847 году; произведеніе изслѣдованія о безпорядкахъ, бывшихъ въ церкви села Пуреха, при выносѣ изъ нея чудотворнаго животворящаго креста; составленіе подробнаго описанія раскольническихъ скитовъ Нижегородской губерніи; открытіе въ часовнѣ Городца колоколовъ, которые отыскивались съ 1826 года; произведеніе слѣдствія объ открытыхъ безпорядкахъ въ раскольническомъ Керженскомъ скитѣ; обращеніе къ единовѣрію путемъ убѣжденія Керженскаго и Осиновскаго раскольничьихъ скитовъ; произведеніе слѣдствія объ оглашеніи раскольниками бывшей въ Шарпанской деревнѣ иконы Казанской Богородицы; командировка въ Сергачскій уѣздъ, по елучаю появленія тамъ раскола, раскрытіе существованія тамъ ереси, начальникъ которой обратился къ единовѣрію, вслѣдствіе увѣщаній Мельникова.

Можетъ быть, я ошибаюсь въ своемъ предположеніи, но обращеніе къ единовѣрію поповцевъ вызвано было слѣдующими обстоятельствами: у керженскаго раскольничьяго монаха Тарасія (впослѣдствіи игумень Керженскаго единовѣрческаго монастыря, скончавшійся 89 лѣтъ, 10 августа 1876 г.) украли пудъ меду. Семеновскій исправникъ, дѣлая обыскъ у подозрѣваемаго въ томъ крестьянина Арефья Иванова, превысилъ свою власть. Ивановъ, жалуясь на это губернатору, объявилъ, что въ Керженскомъ скитѣ производятся разныя безпорядки. Дознаніе поручено было П. И. Мельникову. При произведенномъ имъ въ 1848 году обыскѣ Керженскаго скита, имъ найдены были разныя запрещенныя раскольникамъ вещи и писанный рукою монаха Діонисія (Дмитрія Рахманова), подложный высочайшій указъ за подписаніемъ будто бы государя императора о свободѣ раскольническаго богослуженія всѣхъ толковъ

и сектъ. Изъ этого подложнаго ¹⁾ указа можно видѣть, что Діонисій мало былъ образованъ и не зналъ формъ государственныхъ постановленій; указъ начинался: «По указу его императорскаго величества» и т. д., а въ концѣ сказано: «На подлинномъ написано тако: Николай, министръ Волконскій, министръ финансовъ, синодальный оберъ-прокуроръ». Впрочемъ, быть можетъ, такая бессмысленная форма сильнѣе увѣряла въ истинѣ подложнаго указа легковѣрныхъ раскольниковъ.

Рахмановъ былъ братъ извѣстныхъ въ то время коноводовъ рогожскаго согласія: Алексѣя Андреевича ²⁾ и Федора Андреевича Рахмановыхъ, хлѣбныхъ торговцевъ, одинъ изъ первѣйшихъ московскихъ богачей. Третій братъ, Дмитрій, въ монашествѣ Діонисій, жилъ преимущественно въ Керженскомъ скитѣ, Семеновскаго уѣзда. Рахмановы принадлежали къ числу тѣхъ, которые рѣшились искать архіерейства. Они съ самаго начала Бѣлой Криницы изъявили желаніе имѣть особаго для Россіи епископа. Говорятъ, они думали, соединивъ всю русскую поповщину подъ духовное главенство Амвросія, назвать его «митрополитомъ кievскимъ и всея Россіи», а подначальнаго ему епископа, который жилъ бы въ Москвѣ, именовать архіепископомъ московскимъ. Рассказываютъ, будто бы личные расчеты Рахмановыхъ побуждали ихъ къ этимъ затѣямъ: имъ хотѣлось имѣть епископа, принадлежащаго къ ихъ семьѣ, чтобы посредствомъ него управлять всею

1) Въ сентябрѣ 1884 года одинъ поповецъ въ нижегородскомъ Заволжѣ, человекъ уважаемый въ своей средѣ, начитанный и очень развитой, увѣрялъ меня, что этотъ указъ не подложный, вопреки удостовѣренію П. И. Мельникова. Такое убѣжденіе, повидимому, донинѣ сохранилось въ средѣ поповцевъ.

2) Въ тѣ годы говорили, что онъ оставилъ духовное завѣщаніе, которымъ отказалъ 1.406,000 р. на разныя благотворенія, а душеприказчиаку словесно объявилъ свою волю, чтобы эти деньги были отправлены въ Бѣлую Криницу.

поповщиною, обитающею въ Россіи. По этимъ расчетамъ Діонисій и долженъ былъ получить омофоръ отъ Амвросія. Мельниковъ, производя дознаніе въ Керженскомъ монастырѣ въ 1848 году, слышалъ, что Діонисій въ тридцатыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія былъ подъ судомъ въ Костромской губерніи за пропаганду по расколу и, чтобы избавиться отъ наказанія, далъ подписку объ обращеніи къ единовѣрью, но, получивъ свободу, тотчасъ же впалъ опять въ расколъ, снова поселился въ Керженскомъ скиту и поддерживалъ связи нижегородскаго Заволжья съ Рогожскимъ кладбищемъ. Милліонеръ Діонисій высоко стоялъ въ глазахъ нижегородскихъ раскольниковъ и по своему огромному богатству, и по своему фанатизму въ расколѣ. Возвращаясь изъ своихъ частыхъ поѣздокъ въ Москву, Діонисій рассказывалъ легковѣрнымъ раскольникамъ, жившимъ въ керженской глуши, будто бы онъ, или братъ его Алексій, имѣли счастье разговаривать въ Москвѣ съ государемъ императоромъ или съ государемъ наслѣдникомъ цесаревичемъ и слышали будто отъ нихъ, что всѣ стѣсненія свободы раскольниковъ по богослуженію происходятъ безъ вѣдома императорской власти. Кончилось это тѣмъ, что Діонисій сталъ писать ¹⁾ подложные указы, за подписью будто бы государя императора о свободѣ раскольниковскаго богослуженія. Съ 1847 года Діонисій жилъ большею частію въ Москвѣ, пріѣзжая, впрочемъ, и на Керженецъ и, вѣроятно, привозя сюда для сохраненія принадлежности будущаго своего архіерейскаго служенія. При обыскѣ, произведенномъ Мельниковымъ въ Керженскомъ скитѣ, въ іюлѣ 1848 года, были имъ найдены, между прочимъ,

1) Тотъ же поповецъ удостовѣрялъ меня, что Діонисій не могъ «писать этихъ указовъ, потому что онъ вообще не занимался письменнымъ дѣломъ».

архіерейскія рипиды, посеребренныя, съ вызолоченными херувимами, совершенно новыя.

Открытіе Мельниковымъ подложнаго указа вызвало слѣдствіе, стали требовать къ нему Діонисія, который по этому случаю не только не могъ получить заграничнаго паспорта для поѣздки въ Бѣлую Криницу за омофоромъ, но и самъ долженъ былъ отъ поисковъ полиціи уѣхать изъ Москвы въ Рыбинскъ, а когда слѣдователь узналъ объ этомъ его мѣстопребываніи и, снявъ чрезъ рыбинскую полицію съ него допросъ, потребовалъ его въ Нижегородскую губернію для очныхъ ставокъ, то Діонисій скрылся отъ поисковъ полиціи. Съ 1849 года ¹⁾ онъ скрывался въ Москвѣ, въ какихъ-то особыхъ помѣщеніяхъ у своихъ братьевъ, купцовъ Рахмановыхъ ²⁾.

Подложный указъ Діонисія грозилъ карою всѣмъ монахамъ Керженскаго раскольникяго монастыря, а потому весьма возможно, что это обстоятельство усилило убѣжденія Мельникова, и скитники перешли въ единовѣріе, чтобы избѣжать уголовщины, тѣмъ болѣе, что и покровитель ихъ Діонисій скрылся.

Тогдашній министръ внутреннихъ дѣлъ, графъ Перовскій, обратилъ вниманіе на подобную разнообразную, неутомимую дѣятельность провинціального чиновника, и 19 мая 1850 года, безъ просьбы Мельникова, причислилъ его къ своему министерству, оставивъ его при нижегородскомъ военномъ губернаторѣ до окончанія

¹⁾ Во время венгерской кампаніи 1849 года, въ разныхъ мѣстахъ Россіи ходила между старообрядцами толка, будто бы война происходитъ за лже-митрополита, котораго Австрія не выдаетъ Россіи. Когда военныя дѣйствія въ 1849 году происходили недалеко отъ Бѣлой Криницы, то главные старообрядцы въ Россіи сильно опасались, чтобы ихъ іерархія не была уничтожена въ самомъ своемъ началѣ.

²⁾ Онъ скрылся наконецъ въ Черниговскую губернію, гдѣ и скончался.

начатыхъ имъ статистическихъ работъ по городамъ Нижегородской губерніи. Нѣтъ сомнѣнія, что на Мельникова указалъ графу Перовскому Владиміръ Ивановичъ Даль, бывшій прежде начальникомъ особенной канцеляріи министра внутреннихъ дѣлъ и пользовавшійся его довѣріемъ. Въ 1849 году Даль поселился въ Нижнемъ Новгородѣ, по должности управляющаго тамошнею удѣльною конторою и вскорѣ до того сблизился съ Мельниковымъ, что послѣдній все свое свободное время проводилъ въ семействѣ казака Луганскаго, уже тогда славившагося знаніемъ русскаго народа и его быта.

Мельниковъ 1850 и 1851 годы оставался въ Нижнемъ - Новгородѣ, исполняя разныя порученія своего министерства и, между прочимъ, изслѣдуя городское хозяйство въ разныхъ городахъ Нижегородской губерніи. Въ августѣ 1850 года, во время пребыванія въ Нижнемъ Новгородѣ великихъ князей Николая Николаевича и Михаила Николаевича, онъ назначенъ былъ состоять при ихъ императорскихъ высочествахъ, для объясненій мѣстныхъ достопримѣчательностей, какъ знатокъ ихъ. Мельниковъ поднесъ имъ свои и др. сочиненія: «Нижегородская ярмарка», «Балахна», и собственноручную рукопись Гермогена, патріарха московскаго, о явленіи иконы Богородицы въ Казани, за что удостоился получить отъ ихъ высочествъ брилліантовый перстень.

Въ 1852 году Мельниковъ явился въ Петербургъ. Онъ уже былъ однажды въ обѣихъ столицахъ, въ 1845 году, осенью, когда бралъ для того двухмѣсячный отпускъ, во время котораго увеличилъ свои литературныя связи и знакомства. Въ 1852 году онъ явился къ мѣсту своего новаго служенія, въ министерство внутреннихъ дѣлъ. Въ сохранившихся его письмахъ изъ Петербурга этого времени заключается много харак-

терныхъ особенностей, по отношенію къ Мельникову, и къ тогдашнимъ административнымъ порядкамъ. Вотъ что онъ писалъ, отъ 23-го марта 1852 года: «Въ среду, 19-го марта, представлялся я министру внутреннихъ дѣлъ, потому что наконецъ ему сказали обо мнѣ. Позвалъ меня въ свой кабинетъ и говорилъ съ полчаса. Скажу вамъ одно: собираясь въ Петербургъ, думалъ я не разъ о представленіи графу Перовскому, но, признаюсь вамъ, въ самыхъ пылкихъ мечтахъ не предполагалъ я такого лестнаго приѣма, какой былъ мнѣ оказанъ. Что изъ этого вышло, узнаете современемъ. Теперь же скажу только одно: я возвращаюсь, по «особому приказанію» министра въ Нижегородскую губернію и, кончивъ «особое» дѣло, по которому онъ почтилъ меня своею довѣренностію, возвращаюсь къ новому 1853 году въ Петербургъ навсегда. Ревизующимъ же городское хозяйство въ Нижегородской губерніи назначается другой; кажется, будетъ Толстой, не графъ Дмитрій Николаевичъ, а его родственникъ, Николай Васильевичъ. Я же буду чиновникомъ департамента иностранныхъ исповѣданій, и въ 1853 году придется жить либо въ Ригѣ, либо въ Одессѣ. Цѣль же моего возвращенія въ Нижній такова, что узнаютъ объ ней послѣ моего отъѣзда и тогда, можетъ быть, скоро еще не поймутъ. Приготавливается на Нижній туча. Крѣпись, князь Урусовъ! Невѣрное пока извѣстіе, а едва ли не мнѣ же и ярмарку поручатъ, вмѣсто Старикова. Предписаніе описать положеніе ярмарки я уже получилъ».

Отъ 29-го марта Мельниковъ писалъ: «Здѣсь удивляются, почему я отказываюсь отъ того, что мнѣ даютъ теперь же, и ѣду въ Нижній Новгородъ возиться съ княземъ Урусовымъ, Зенгбушами ¹⁾ и т. п. Но если бы

¹⁾ Въ 1851 году было предписано нижегородскому губернатору, одного подсудимаго скопца въ Лукояновскомъ уѣздѣ одѣть въ бавіи

я не видѣлъ въ Нижнемъ счастья, котораго никогда не доставятъ никакія служебныя положенія, то было бы въ высшей степени неблагоприятно съ моей стороны возвращаться въ Нижній-Новгородъ, тѣмъ болѣе, что теперь здѣсь, находясь въ томъ обществѣ, къ которому я всегда стремился, я стряхнулъ съ себя грязь нижегородскую. Совѣстно мнѣ самого себя, когда я вспомню, что нѣсколько лѣтъ тому назадъ я былъ прія-

сарафанъ и показать народу на базарѣ. Въмѣсто того, чтобы это исполнить подъ рукою такъ, чтобы никто не догадался, что на подобную мѣру послѣдовало высочайшее соизволеніе, мѣстное начальство облекло это исполненіе въ такія формы, которыя съ самаго начала не предвѣщали ничего добраго. Для того, чтобы одѣть скопца въ сарафанъ, командировали слишкомъ за двѣсти верстъ старшаго полиціймейстера Нижняго-Новгорода, Зенгбуша. Вся Нижегородская губернія въ то время болѣе или менѣе понимала значеніе старшаго полиціймейстера Зенгбуша, который, по своему неограниченному вліянію на губернатора, генералъ-лейтенанта князя Урусова, во многихъ отношеніяхъ, можно сказать, управлялъ всею краемъ. Командированіе такого чиновника, до тѣхъ поръ не выѣзжавшаго никуда изъ Нижняго-Новгорода, не могло не обратитъ тревожнаго вниманія, по крайней мѣрѣ, трехъ уѣзловъ, чрезъ которые онъ проѣзжалъ, тѣмъ болѣе, что тотчасъ же пошла молва, что ѣдетъ онъ по секретному высочайшему повелѣнію. Г. Зенгбушъ—нѣмецъ, лютеранинъ, не имѣлъ понятія о расколѣ и русскомъ народномъ бытѣ. Взязъ скопца изъ Лукояновскаго тюремнаго замка, онъ съ особенною торжественностью провезъ его 47 верстъ до заштатнаго города Починокъ, какъ будто въ Лукояновѣ не было базара. Мельниковъ, ревизуя городское хозяйство, былъ все это время въ сосѣднемъ городѣ Арзамасѣ «и слышалъ всеобщую народную молву, что полиціймейстеръ ѣдетъ казнить скопца. Зенгбушъ, нарядивъ скопца въ сарафанъ, хотѣлъ показать свое усердіе къ службѣ тѣмъ, что, какъ онъ выразился, кажется, даже въ рапортѣ своемъ» «пригласилъ народъ плевать скопцу въ глаза». Но на многолюдномъ базарѣ не было смѣха: смущенная толпа, вслѣдствіе распространившейся молвы о казни, ожидала появленія палача и висѣльцы. Кончилось дѣло тѣмъ, что всѣ, и раскольники, и не раскольники смотрѣли на скопца, какъ на мученика, старухи плакали, а когда скопца повезли обратно въ уѣзный городъ, то народное къ нему участіе выразилось въ необыкновенно щедромъ подаеніи ему калачами и деньгами. Скопчество и хлыстовщина отъ такой мѣры не только не уменьшились въ Лукояновскомъ уѣздѣ, но даже увеличились; чрезъ нѣсколько времени хлысты явились даже въ церковномъ клирѣ одного селенія Лукояновскаго уѣзда».

телемъ князя Гагарина ¹⁾, о которомъ и говорить-то здѣсь не прилично, и нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ былъ усерднымъ посѣтителемъ нижегородскаго клуба и находился въ близкихъ отношеніяхъ съ разными лицами, слывущими якобы за умныхъ людей. Ну, право, совѣстно за самого себя! И вспомню Екатерину Львовну, какъ, бывало, разбранить она меня за клубныя походы, да прибавить: «Хотя и жаль васъ, Павелъ Ивановичъ, а надобно васъ вонъ изъ Нижняго, въ другое общество». По возвращеніи въ Нижній, я думаю, вы меня не узнаете, тѣмъ болѣе, что мнѣ дано и официально приличное наставленіе, какъ вести себя въ провинціи. Дѣйствительно, не прилично мнѣ возиться съ помянутыми господами. Это, какъ увидаль я, можетъ повредить моей репутаціи здѣсь. Богъ и тутъ былъ ко мнѣ милостивъ: меня понимаютъ за человѣка солиднаго и положительнаго, которому можно поручить всякое дѣло. Слава Богу, здѣсь не знаютъ объ отношеніяхъ моихъ къ князю Гагарину и о клубныхъ походахъ, а то было бы дѣло дрянъ. Согласитесь, что надобно же поддержать здѣшнюю репутацію, которой я дорожу столько же, сколько пренебрегаю сужденіями нижегородскими. Возвратясь въ Нижній-Новгородъ, рѣшительно разрываю всѣ мои связи съ Нижнимъ, кромѣ васъ и Даля съ Панютинымъ. Пусть зовутъ меня гордецомъ, пусть фанфарономъ, хвастуномъ, неучемъ, какъ угодно — для меня все равно. Надобно же поддержать составленное здѣсь мнѣніе, что полезно и для службы. А во мнѣ, повѣрьте, достанетъ на это силы воли. Рѣшеніе мое твердо».

Отъ 1-го мая: «Изъ Новгорода я возвратился по желѣзной дорогѣ утромъ 24-го апрѣля, и все это время,

¹⁾ Извѣстный своими скандалами, нижегородскій помѣщикъ князь Левъ Гагаринъ, сосланный затѣмъ на житье въ Вологду.

отъ приѣзда въ Петербургъ до настоящаго дня, проведено мною въ такой служебной суетѣ, что другой на моемъ мѣстѣ, можетъ быть, сошелъ бы съ ума. Не пускаютъ изъ Петербурга, да и все тутъ. «Сдѣлайте то, да напишите мнѣ объ этомъ, дайте заключеніе томъ». И это каждый день, и утромъ, и вечеромъ. Если еще недѣля пройдетъ въ такомъ положеніи—бѣгу изъ Петербурга; иначе не вырвешься. Правду говаривалъ мнѣ Владиміръ Ивановичъ Даль, что не слѣдуетъ быть слишкомъ усерднымъ; вижу теперь справедливость его словъ... Я честолюбивъ, но брошу въ грязь всевозможную почесть и славу; я гордъ, но готовъ поклониться негодяю, если бы отъ этого зависѣло наше соединеніе ¹⁾. Слова мои искреннія, правду мою Богъ видитъ... Скажу одно: министръ ²⁾ меня приблизилъ къ себѣ. Остальное говорить подожду, потому что, хотя теперь и дѣлаются распоряженія объ измѣненіи моего положенія, но готовящееся мнѣ дѣло такъ неожиданно и такъ высоко, что мнѣ и самому не вѣрится, а совершенно повѣрю тогда лишь, какъ будетъ въ рукахъ предписаніе. Но отразятся въ Нижнемъ разговоры мои съ министромъ и отразятся добромъ... Между прочимъ, поручено мнѣ географическимъ обществомъ и министерствомъ внутреннихъ дѣлъ произвести изслѣдованіе о мордовскомъ населеніи въ Нижегородской, Тамбовской, Пензенской, Симбирской, Казанской и Самарской губерніяхъ».

Отъ 8-го мая: «Быть можетъ, до васъ дойдутъ слухи о томъ, что я арестованъ. Повѣсть «Красильниковы» имѣла сильный успѣхъ, но цензура, говорятъ, возопіяла и послала въ Москву узнать, кто такой «Пе-

¹⁾ Письма эти посылались къ его тогдашней невѣстѣ, впоследствии второй его женѣ.

Графъ Перовскій.

черскій» ¹⁾... Если это справедливо, безъ неприятностей не обойдется: здѣсь то и дѣло литераторы на гауптвахтѣ сидятъ. Авось и пройдетъ! По поводу этой повѣсти Панаевъ въ «Современникѣ» превознесъ меня. И въ самомъ дѣлѣ, «Красильниковыхъ» читаютъ на расхватъ. Панаевъ задалъ мнѣ обѣдъ; вмѣсто 50 р. за листъ, которые даетъ Погодинъ, предлагаетъ 75 р. с. за листъ. Если не запретятъ писать, надобно будетъ воспользоваться этимъ выгоднымъ предложеніемъ» ²⁾.

Отъ 16-го мая изъ Петербурга: «Не буду писать вамъ о томъ, какъ меня преобразовали здѣсь съ внѣшней стороны, и по костюму, и даже по лицу, какъ изъ меня сдѣлали модную картинку (нельзя, графъ Дмитрій Николаевичъ Толстой не велѣлъ иначе и въ люди показываться),—лучше о дѣлѣ. Принять я здѣсь очень хорошо. Н. А. Милютинъ, съ которымъ мнѣ всего нужнѣе поладить, съ перваго свиданія въ Географическомъ Обществѣ, пригласилъ завтра обѣдать. Послѣ завтра обѣдаю у Н. И. Надеждина, тоже чело-вѣка сильнаго въ министерствѣ. Товарищъ министра Лексъ принялъ меня чрезвычайно любезно. А Оржевскій, директоръ департамента полиціи исполнительной, принялъ такъ, что я и не ожидалъ. Съ перваго слова назвалъ меня «бѣглецомъ», сказалъ, что мнѣ готовились слѣдствія въ Арзамасѣ и въ Нижнемъ, что уже бумаги

1) Псевдонимъ «Печерскій» употребленъ былъ впервые Мельниковымъ не въ 1852 году, подъ повѣстью «Красильниковы», появившейся въ «Москвитинѣ», а въ 1850 году, подъ статьею: «Концерты на нижегородскомъ театрѣ», напечатанной въ № 17 «Нижегородскихъ Губернскихъ Вѣдомостей». Только въ 1850 году онъ подписался «П. Печерскій», а въ 1852 году «Андрей Печерскій».

2) Можно кстатѣ замѣтить, для исторіи говорара въ нашей журналистикѣ, что редакторъ «Петербургскихъ Вѣдомостей», Амплій Николаевичъ Очкинъ, объявляя объ изданіи ихъ (бывшихъ въ то время еще не въ арендѣ у него, на 1841 годъ, упомянулъ, что редакція за переводы платитъ отъ 30 до 60 руб. асс. съ листа, а за оригинальныя статьи отъ 100 до 200 р. асс.

написаны и проч. и проч. Ёдетъ на мое мѣсто Рожновъ, который, впередъ говорю, утопитъ полицію. Я получилъ приказаніе: одинъ часъ въ недѣлю являться къ Оржевскому, для доклада о городскихъ и земскихъ полиціяхъ. Причиною такого вниманія ко мнѣ Оржевскаго — дѣла, произведенныя мною по высочайшему повелѣнію ¹⁾. Онъ меня благодарилъ за нихъ и при этомъ сказалъ: «Да какой вы молоденькій! А я думалъ, что у васъ уже внучата растутъ». Директоръ департамента общихъ дѣлъ, Гвоздевъ (для меня, впрочемъ, не очень нужный) принялъ меня холодно, и я слышалъ отъ него разные намеки на мои отношенія къ князю Урусову. Скрипицынъ, директоръ департамента иностранныхъ исповѣданій, меня очень обласкалъ и чрезъ графа Дмитрія Николаевича Толстаго предлагаетъ мнѣ мѣсто у себя чиновникомъ особыхъ порученій, съ 1,500 р. с. жалованья, кромѣ суточныхъ во время командировокъ, что всего составитъ до 3,000 или 2,500 р. Жить въ Петербургѣ, на виду у министра, дорога широкая, словомъ быть назначеннымъ на мѣсто племянника графа Д. Н. Толстаго, который 28 лѣтъ отъ роду попалъ въ вице-директоры, и хотя мѣсто его упразднили, но графъ Перовскій выпросилъ у государя возстановленіе этого мѣста. Вотъ какая дорога: изслѣдованіе и составленіе исторіи всѣхъ иновѣрцевъ въ Россіи, кромѣ католиковъ, исторію которыхъ Толстой уже кончилъ. Дѣло бы очень хорошее, но ничего не скажу Скрипицыну. Жду вашего рѣшенія. Разумѣется, что при этомъ откладывать свадьбу на два года невозможно. Все, что могу я сдѣлать — возвратиться въ Нижній, засѣсть тамъ за работы, работать до ноября и, кончивъ въ это время одну нижегородскую думу, уѣхать совсѣмъ въ Петербургъ. Чрезъ два года придется быть

1) Т. е. порученія по раскольниковымъ дѣламъ.

въ Ригѣ, или въ Эчміадзинѣ, у армянскаго патріарха. Жду вашего рѣшенія».

22-го мая 1852 года Мельниковъ назначенъ былъ начальствующимъ статистическою экспедиціею въ Нижегородской губерніи, независимо отъ другаго порученія, возложеннаго на него тамъ же министромъ внутреннихъ дѣлъ. Это порученіе имѣло цѣлью сдѣлать самое вѣрное исчисленіе раскольниковъ. Получивъ это назначеніе, Мельниковъ писалъ изъ Петербурга отъ 20-го мая: «О томъ, что мнѣ даны три помощника изъ министерскихъ чиновниковъ, что мой штатъ усиленъ, что мнѣ поручена ревизія ярмарки, полиціи со всеми ея частями и отдѣленіями, равно и старшаго полиціймейстера и проч., о томъ, что мнѣ слѣдуетъ обозрѣть въ Нижнемъ лѣсную и соляную пристани и состояніе на нихъ рабочаго класса, о томъ, что я сдѣланъ начальствующимъ нижегородскою экспедиціею — обо всемъ этомъ вы, вѣроятно, уже слышали, ибо бумаги отъ министровъ объ этомъ посланы, равно какъ и письмо нашего министра къ губернскому предводителю о томъ, что мнѣ же поручено исчисленіе дворянъ и помѣщичьихъ крестьянъ, равно какъ и различныя объ этомъ соображенія».

Мельниковъ съ присущею ему ретивостью принялся за статистическое описаніе Нижегородской губерніи, и дѣйствительно, по своей полнотѣ и отчетливости, оно вышло образцовымъ. До такихъ же работъ земства, такимъ подробнымъ образомъ описана была у насъ еще только Ярославская губернія. Помощниками его въ этой статистической работѣ были С. Н. Аксаковъ, Огородниковъ и Зайцевскій. Мельникову Нижегородская губернія была уже хорошо знакома по разъѣздамъ по ней, при исполненіи разнообразныхъ порученій губернатора, между прочимъ по составленію инвентарей недвижимыхъ имуществъ, а также по

возложенному на него въ 1850 году министромъ внутреннихъ дѣлъ подробному обзорѣнію городского хозяйства. На Мельникова возложено было въ послѣдней работѣ: 1) обревизовать дѣйствія городскихъ учреждений и обнаружить существующій недостатокъ въ общественномъ и хозяйственномъ управленіи; 2) составить подробные инвентари городскихъ недвижимыхъ имуществъ; 3) составить статистическія описанія, долженствующія заключать въ себѣ всѣ свѣдѣнія, какія необходимы для правильнаго сужденія объ источникахъ и развитіи общественнаго и частнаго богатства городовъ, а также о состояніи наружнаго и общественнаго ихъ устройства, и 4) на основаніи собранныхъ свѣдѣній, представить соображенія о лучшемъ устройствѣ какъ хозяйственныхъ, такъ и общественныхъ дѣлъ.

Статистическое описаніе Нижегородской губерніи заняло у Мельникова весь 1852 годъ. Онъ писалъ, на примѣръ, изъ Княгинина, отъ 23-го іюля: «Никакъ не предполагаю кончить объѣзда Княгининскаго уѣзда ранѣе 15-го августа. Торопился къ Аксакову, но въ Митинѣ его не нашель. Думая, что скоро онъ подъѣдетъ, легъ спать въ тарантасѣ, на улицѣ, но Аксаковъ пріѣхалъ не ранѣе трехъ часовъ утра. Воскресенье провели въ дорогѣ. Въ Арзамасѣ, въ трактирѣ, занимались вмѣстѣ съ Аксаковымъ приготовленіемъ трапезы, въ которой чувствовали сильную потребность, и оба нашли, что каждый изъ насъ имѣеть способность къ поваренному искусству, такъ что если бы мы не были министерскими чиновниками, то непременно призанялись бы изученіемъ науки готовить снѣдь смертнымъ и, почему знать, можетъ быть, прославились бы въ Россіи такъ же, какъ прославился во Франціи поваръ Каремъ ¹⁾».

¹⁾ Мельниковъ былъ большой гастрономъ, умѣвшій не только заказывать вкусные обѣды, но и совѣтовать, какъ изготовлять то, или дру-

Между тѣмъ, графъ Левъ Александровичъ Перовскій, впавшій временно въ немилость у императора Николая Павловича, былъ уволенъ изъ министерства внутреннихъ дѣлъ. На его мѣсто былъ назначенъ генералъ-адъютантъ Бибииковъ, который 16-го января 1853 г. предписалъ Мельникову: «Съ получениемъ сего, прекратить дальнѣйшія занятія ваши, относительно изслѣдованія настоящаго числа раскольниковъ, проживающихъ въ Нижегородской губерніи, представивъ мнѣ немедленно всѣ сданныя вами доселѣ по сему предмету изысканія». Мельниковъ поспѣшилъ въ Петербургъ, и, отъ 26-го января, писалъ въ Нижній, что онъ «остался ревизующимъ городское имущество по тремъ губерніямъ: Нижегородской, Казанской и Вятской». Но 10-го іюня 1853 года состоялось высочайшее повелѣніе о приведеніи въ точную извѣстность современнаго раскола въ Нижегородской губерніи, и Мельниковъ вызванъ былъ въ Петербургъ. О своемъ пребываніи въ столицѣ онъ сообщалъ своей женѣ слѣдующія свѣдѣнія отъ 17-го іюля: «О дѣлахъ моихъ покаместъ ничего не могу сказать рѣшительнаго, ибо еще не представлялся министру. Едва ли не буду у него завтра, въ субботу, 18-го іюля. Теперь лѣто, всѣ живутъ на дачахъ и потому чрезвычайно не легко видаться съ тѣми и другими знакомыми. Въ день моего пріѣзда я обѣдалъ у Ник. Ив. Надеждина ¹⁾. Ты вѣдь знаешь, что онъ на меня сердился, но съ пяти словъ мы съ нимъ поладили попрежнему и теперь такъ же хороши, какъ и прежде. Съ Н. А. Милюти-

гое кушанье. Въ его бумагахъ я нашель, напримѣръ, собственноручно написанные имъ рецепты для приготовления соусовъ. Въ его романахъ «въ Лѣсахъ» и «На горахъ, при описаніи имъ обѣдовъ, угощений, разныхъ закусокъ, видно его умѣнье «вкусно покушать».

¹⁾ Въ то время всѣ раскольниковскія дѣла въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ сосредоточены были въ рукахъ Н. И. Надеждина.

нымъ видѣлся только два раза въ департаментѣ, хотя живу противъ того дома (на Владимірской), гдѣ его квартира, но онъ въ ней не бываетъ, потому что квартиру его передѣлываютъ; своей же дачи онъ не имѣетъ, а бываетъ на дачахъ, то у графа Киселева, то у великой княгини Елены Павловны. Стало быть, забираться къ нему уже мнѣ высоко; нашего брата туда и не пустятъ. Былъ сегодня у директора департамента общихъ дѣлъ, Гвоздева. Думаль, что будетъ иначе, нежели вышло. Принялъ онъ меня очень скоро, поважничалъ и потомъ съ иронической улыбкой сказалъ:

— «Вы такъ скоро, такъ быстро работаете; вы такъ отчетливо все дѣлаете; вы такъ знакомы съ разнообразными предметами управленія; вы одинъ изъ первыхъ статистиковъ, и мы въ правѣ были ожидать вашихъ работъ скорѣе!»

«На эти слова, съ усмѣшкою сказанныя, я отвѣчалъ, что я дѣйствительно сдѣлалъ въ началѣ ошибку, начавъ дѣло въ слишкомъ обширныхъ размѣрахъ. На это онъ, прервавъ меня, сказалъ: «Да, вы сдѣлали много ошибокъ, которыя, впрочемъ, можетъ быть, и не будутъ имѣть на васъ вліянія. Прощайте! Вамъ должно явиться къ министру». Затѣмъ онъ поклонился и ушелъ.

«И самъ не знаю, что это значить. То ли, что ему досадно, что ему не удалось свернуть меня прошлою зимою (а по милости его, министръ два раза велѣлъ меня выгнать изъ службы), то ли, что онъ еще успѣетъ что-нибудь впередъ мнѣ натворить, — не знаю. Все разъяснится, по свиданіи съ министромъ, который, какъ говорятъ Н. А. Милютинъ и Н. И. Надеждинъ, ждетъ меня съ нетерпѣніемъ. Первый изъ нихъ сказалъ мнѣ: «Новому министру наговорили объ васъ такъ много дурного и такъ много хорошаго ¹⁾, что онъ

¹⁾ Такова была участь П. И. Мельникова и ранѣе, когда онъ дѣйствовалъ только въ Нижнемъ-Новгородѣ, и впослѣдствіи: одни его пори-

не можетъ не интересоваться вашею личностью». Вообще говорятъ, что я не возвращусь въ Нижній, что меня здѣсь прочать куда-то. Но куда — не знаю, и никто не знаетъ. Милютина спросить неловко на первыхъ порахъ. Думаю, что при представленіи министру и это дѣло разъяснится. Хотя мнѣ и дано порученіе въ Нижегородскую губернію новое, но съ предписаніемъ я разѣхался. Въ чемъ состоитъ это порученіе, тоже не знаю; тоже думаю, что разъяснится при представленіи министру. Вообще я еще какъ въ лѣсу, но, повидимому, все будетъ не дурно.

«Сейчасъ возвратился отъ Н. А. Милютина. Онъ докладывалъ обо мнѣ министру. Министръ приказалъ мнѣ завтра, въ 11 часовъ утра, быть у него, но Милютинъ говоритъ, что едва ли министръ не уѣдетъ завтра въ Петергофъ къ государю, потому, вѣроятно, завтра по пустыкамъ прокачусь въ мундирѣ на Аптекарскій островъ, гдѣ дача министра, а попаду къ нему уже въ воскресенье».

Отъ 19-го іюля: «Вчера былъ у министра, но онъ былъ у государя въ Петергофѣ. Сегодня опять ѣздилъ къ нему. У него никого не было. Пришлось подождать, ибо онъ завтракалъ. Наконецъ министръ вышелъ (обо мнѣ доложили) и въ то время, какъ я говорилъ: «Имѣю честь представиться», генераль-адъютантъ Бибиковъ подошелъ ко мнѣ, положилъ мнѣ на плечо руку и сказалъ: «Здравствуйте! Наконецъ, вы пріѣхали. На первый разъ я вамъ скажу, что нынѣшній день мы съ вами о дѣлахъ говорить не будемъ. Поѣзжайте къ такому-то (одинъ важный государственный человѣкъ); переговорите съ нимъ о томъ-то, и потомъ мы съ вами потолкуемъ. Пріѣзжайте ко мнѣ завтра или послѣ завтра. О дѣлахъ экспедиціи и другихъ поговоримъ, когда воз-

дали, во что бы то ни стало, часто безъ всякихъ доказательствъ, нѣкоторые же, въ свою очередь, перевозносили его безъ всякой мѣры.

вратитесь опять въ Петербургъ. До свиданія!»! Слава Богу! министръ очень и очень хорошъ со мною. Завтра я ѣду къ графу Л. А. Перовскому, который опять въ большой силѣ при дворѣ. Въ прошломъ году я пріѣхалъ въ Петербургъ 14-го марта и представлялся министру 19-го іюля. Совершенно одинаковый пріемъ. Поневолѣ будешь суевѣренъ».

Отъ 24-го іюля: «Чрезвычайно неприятно, что я, кажется, отхожу отъ Ник. Ал. Милютина, ибо отъ самаго министра получилъ порученіе. Это очень разстраиваетъ меня».

Исполненіе высочайшаго повелѣнія объ опредѣленіи современнаго положенія раскола въ Нижегородской губерніи возложено было тогда на П. И. Мельникова. Ему поручено было собрать слѣдующія свѣдѣнія: 1) Сколько теперь въ Нижегородской губерніи раскольниковъ. Такъ какъ они не вписываются въ церковныя метрическія книги, ревизскія же сказки повѣряются большею частію только этими книгами, то нужно обратить особое вниманіе на то, нѣтъ ли между раскольниками людей, не внесенныхъ въ ревизскія сказки, сколько ихъ и кто именно. 2) Въ какихъ мѣстахъ мѣстахъ раскольники проживаютъ и по сколько именно въ какомъ городѣ, селѣ, и выселкѣ и т. п. Всѣ пункты населенія ихъ должны быть отмѣчены на географической картѣ губерніи, съ показаніемъ взаимнаго ихъ разстоянія и географическаго отношенія къ судоходнымъ рѣкамъ и къ другимъ путямъ торговыхъ и прочихъ сообщеній. 3) Къ какимъ сословіямъ принадлежатъ раскольники Нижегородской губерніи, сколько ихъ въ купечествѣ, мѣщанствѣ и крестьянствѣ разныхъ вѣдомствъ и наименованій и какихъ именно. 4) Сколько изъ раскольниковъ Нижегородской губерніи постоянно проживаетъ на мѣстѣ и сколько находится въ отлучкѣ, на какое самое продолжительное время, по какимъ на-

добростямъ; извѣстно ли, гдѣ они находятся, снабжены ли законными видами и состоятъ ли со своими земляками въ сношеніяхъ. Не приходятъ ли въ Нижегородскую губернію раскольники изъ другихъ мѣстъ, какихъ именно и по какимъ дѣламъ? 5) Скиты и другія незаконныя раскольническія сборища начало свое возымѣли въ Заонежскомъ краѣ, въ Нижегородской губерніи и въ сопредѣльныхъ съ послѣднею. Скиты эти въ прежнее время были рассадникомъ и училищемъ раскола. Впослѣдствіи многіе изъ нихъ упразднились, и въ настоящее время въ Нижегородской губерніи дѣлаются распоряженія о закрытіи нѣкоторыхъ скитовъ. Вамъ поручается негласно собрать свѣдѣнія о томъ, какое дѣйствіе по сему предмету происходитъ. Затѣмъ объ оставшихся отъ прежняго времени скитахъ и другихъ раскольническихъ сборищахъ нужно имѣть свѣдѣнія: въ какихъ находятся они мѣстахъ, съ показаніемъ ихъ на географической картѣ; чѣмъ они въ настоящее время поддерживаются и содержатся; сколько въ нихъ людей проживаетъ и кто именно эти люди: къ какимъ они принадлежатъ сословіямъ и мѣстамъ, давно ли тамъ находятся и имѣютъ ли узаконенные виды для проживанія. О скитахъ упраздненныхъ, или упраздненныхъ, слѣдуетъ объяснить, чѣмъ теперь заняты и въ какомъ положеніи находятся мѣста, на которыхъ они существовали. 6) Не составилось ли гдѣ въ Нижегородской губерніи, по отдаленнымъ мѣстамъ, новыхъ скитовъ и другихъ раскольническихъ сборищъ, правительству еще не извѣстныхъ, и если такіе составились, то гдѣ, когда, въ какомъ числѣ людей и кто эти люди? 7) До свѣдѣнія министерства внутреннихъ дѣлъ дошло, что въ Нижегородскую губернію перешли важные, подъ видомъ сектаторовъ, преступники, именующіе себя бѣгунами и скитальщиками. Вамъ поручается обратить особенное вниманіе на это обстоятель-

ство и тщательнѣйшимъ образомъ дознать, кто эти люди, гдѣ они скрываются, кто укрыватели ихъ и т. п. 8) Въ какомъ нравственномъ состояніи находятся раскольники Нижегородской губерніи по образу жизни, по занятіямъ и понятіямъ, и во всѣхъ этихъ отношеніяхъ въ чемъ именно сходствуютъ съ прочими тамошними жителями и чѣмъ отличаются; распространяется ли между ними грамотность; грамотные у какихъ людей учились, у кого теперь дѣти ихъ учатся, какого рода книги и рукописи читаютъ, откуда получаютъ ихъ и т. п. 9) На какія секты раздѣляются теперь раскольники Нижегородской губерніи; лжеученіе извѣстныхъ раскольническихъ сектъ остается ли такимъ же, какимъ было прежде, или съ теченіемъ времени измѣнилось новыми толками и какими именно, и не образовались ли между ними новые скиты и какіе. Въ какомъ направленіи и положеніи находится каждое изъ лжеученій и въ какомъ они взаимномъ отношеніи? Вообще нужно узнать о духѣ и направленіи раскольниковъ Нижегородской губерніи: какіе именно между ними ходятъ толки; въ чемъ состоятъ ихъ надежды; съ какими раскольническими обществами другихъ губерній состоятъ они въ сношеніяхъ, откуда получаютъ наставниковъ; какое производятъ дѣйствіе на прочихъ жителей; чѣмъ болѣе держится тамошній расколъ и нѣтъ ли въ немъ какихъ-либо слабыхъ сторонъ, обнаруженіемъ которыхъ можно было бы воспользоваться. 10) Всего важнѣе дознать тщательнѣйшимъ и достовернымъ образомъ личный составъ раскольническихъ обществъ и нравственное положеніе главныхъ членовъ въ каждомъ изъ нихъ, чтобы обнаружить самый скелетъ раскола, т. е., во-первыхъ, остающихся въ немъ по невѣдѣнію и недостатку церковнаго вразумленія, а можетъ быть, въ иныхъ мѣстахъ по недостатку самыхъ храмовъ; во-вторыхъ, руководителей раскола по

фанатизму и, въ-третьихъ, коноводовъ, дѣйствующихъ не по убѣжденію, а изъ личныхъ видовъ корысти, честолюбія и т. п. О послѣднихъ нужно собрать подробнѣйшія свѣдѣнія, относительно ихъ характера, средствъ, связей, отношеній и составить особенные имъ списки, съ означеніемъ соображеній вашихъ о каждомъ: какимъ образомъ слѣдовало бы поступать съ ними, чтобы сдѣлать ихъ безвредными, и нѣтъ ли между ними даже такихъ людей, которыхъ можно было бы вразумить и обратить въ пользу и вразумленіе нынѣшнихъ послѣдователей ихъ. 11) Такъ какъ вы должны находиться въ Нижнемъ-Новгородѣ во время тамошней ярмарки, на которую съѣзжаются торговцы изъ числа раскольниковъ со всѣхъ мѣстъ Россіи, то, пользуясь такою общею встрѣчею ихъ, обратите на оную особенное вниманіе, дабы дознать, что есть общаго въ духѣ и направленіи ихъ, чѣмъ именно содѣйствуютъ они взаимно одни другимъ; какія вещи, книги, рукописи и все, служащее къ поддержанію раскола, на ярмаркѣ продается и передается: какія у нихъ общія надежды и толки, въ особенности о лжеепископахъ, гдѣ они теперь находятся и кто они, и черезъ что могутъ быть открыты и средства поймать этихъ лже-епископовъ. Книги и рукописи особенно замѣчательныя постарайтесь пріобрѣсти, а продажу ихъ затруднить. При исполненіи этого порученія, сказано было въ концѣ предписанія, «вы должны дѣйствовать со всевозможною осторожностью, не обнаруживая ни предъ кѣмъ настоящей инструкціи и не подавая никакого повода раскольникамъ къ заключенію и разглашенію, что имъ готовятся будто бы стѣсненія по вѣрѣ и т. п. Дѣйствія же ваши можете объяснить порученіемъ начальства привести въ точную извѣстность всѣ мѣстности и составъ жителей Нижегородской губерніи, въ видахъ содѣйствія къ развитію промышленныхъ силъ

и для наблюденія за точнымъ исполненіемъ государственныхъ постановленій».

VI.

Различныя порученія по раскольничьимъ дѣламъ. — Столкновение съ Головастиковымъ.

Получивъ предписаніе отправиться въ Нижегородскую губернію для исполненія означеннаго порученія по расколу, «лично возложеннаго на него министромъ внутреннихъ дѣлъ», Мельниковъ выѣхалъ изъ Петербурга въ концѣ іюля 1853 года. Вся вторая половина этого года, равно и весь 1854 годъ, посвящены были имъ составленію его объемистаго «Отчета о современномъ состояніи раскола въ Нижегородской губерніи». Мельниковъ представлялъ свой трудъ министру по частямъ, по мѣрѣ изготовленія, и окончилъ его только въ исходѣ 1854 года. Вышелъ собственно не отчетъ о современномъ состояніи раскола въ Нижегородской губерніи, а точная, вѣрная картина его во всей Россіи. Жаль, что этотъ отчетъ до сихъ поръ вполнѣ не напечатанъ. Разошедшійся въ спискахъ по рукамъ высшихъ свѣтскихъ духовныхъ лицъ, отчетъ Мельникова далъ первый толчекъ къ изученію раскола въ связи съ бытовыми условіями и явленіями русскаго народа. Одновременно съ отправкою Мельникова въ Нижегородскую губернію для изученія раскола, посланы были съ тою же цѣлью другія лица въ губерніи Ярославскую, Костромскую, Саратовскую. Это была первая попытка со стороны правительства основательнымъ образомъ ознакомиться съ расколомъ. Хотя, напримѣръ, графъ Стенбокъ (впослѣдствіи предсѣдатель департамента удѣ-

ловъ, гофмейстеръ), бывшій въ числѣ этихъ изслѣдователей, и составилъ превосходное описаніе «странниковъ или бѣгуновъ, иначе Сопѣлковское согласіе (оставшееся въ рукописи), однако трудъ Мельникова оказался несравненно выше остальныхъ отчетовъ, вслѣдствіе глубокаго знакомства его съ расколомъ, добытаго предшествовавшимъ его изученіемъ. Мельниковъ неоднократно выражалъ сожалѣніе что труды экспедицій по изученію раскола не были обнародованы, и въ своихъ «Письмахъ о расколѣ» (1862 г.) осторожно замѣтилъ, что этими отчетами «по стеченію благопріятныхъ обстоятельствъ воспользовались г. Щаповъ и редакторъ «Православнаго Собесѣдника».

Командировка Мельникова въ Нижегородскую губернію съ подобнымъ порученіемъ, считавшимся въ то время «очень секретнымъ» и долженствовавшимъ повести къ раскрытію потакательствъ раскольникамъ со стороны тамошней полиціи, не могла быть пріятна ни ей, ни ея главному начальнику, губернатору князю Урусову. Между командированнымъ министромъ чиновникомъ и полицейскими властями начались неизбежныя столкновенія, вскорѣ послѣ приступа его къ порученному имъ дѣлу. На жалобы Мельникова министру внутреннихъ дѣлъ генераль-адъютантъ Бибииковъ 6-го октября 1853 года написалъ ему: «Вы должны дѣйствовать по точной силѣ возложеннаго на васъ порученія, не останавливаясь неудовлетворительными дѣйствіями нижегородской полиціи и предупреждая оныя непосредственными представленіями исправляющему должность начальника губерніи». Между тѣмъ, сверхъ главнаго порученія, отчета о современномъ положеніи раскола, генераль-адъютантъ Бибииковъ обращался къ нему и по другимъ, возникавшимъ въ это время дѣламъ по расколу: или чтобы онъ представилъ ему «свои соображенія», на примѣръ, о раскольникѣ, удѣль-

номъ крестьянинѣ Семенѣ Антоновѣ Голубевѣ, арестованномъ въ Костромской губерніи, подъ именемъ монаха Софронія (въ Костромѣ крестьяне-раскольники встрѣтили его съ открытыми головами и низкими поклонами), или чтобы онъ собралъ ему свѣдѣнія о крестьянинѣ Ѳеодорѣ Анисимовѣ (Семеновскаго уѣзда), арестованнаго въ Хвалынскѣ и признаннаго графомъ Стенбокомъ, дѣйствовавшимъ въ Саратовской губерніи, за наставника семеновскихъ скитовъ и даже за бѣглаго священника, и проч., и проч.

Одно изъ подобныхъ особенныхъ порученій коснулось книгопродавца Головастика, признаннаго «вреднымъ распространителемъ раскола». Головастикъ былъ хорошо знакомъ Мельникову. Послѣдній былъ постояннымъ посѣтителемъ этого книжника-антикварія и не разъ пользовался попадавшими къ нему со всѣхъ сторонъ рѣдкими и драгоценными остатками нашей старины. Такъ, въ 1842 году на нижегородской ярмаркѣ Мельниковъ нашелъ въ лавкѣ Головастика хронографъ XVII столѣтія, писанный въ Нижнемъ-Новгородѣ, по которому составилъ статью: «Нижній-Новгородъ и нижегородцы въ смутное время» ¹⁾. Въ 1850 году у того же Головастика на ярмаркѣ онъ отыскалъ другой хронографъ XVII столѣтія, который далъ ему «Нѣсколько новыхъ свѣдѣній о смутномъ времени» ²⁾. Вообще, безграничная преданность раскольниковъ ко всему, что носитъ на себѣ признакъ старины, принесла весьма важную услугу отечественной наукѣ сохраненіемъ памятниковъ нашей древности. Когда въ XVIII столѣтіи русскіе, при сильномъ порывѣ къ европейскому преобразованію, насмѣшливо смотрѣли на завѣтные наслѣдія предковъ и губили

¹⁾ Въ № 7 «Отечественныхъ Записокъ» 1843 г.

²⁾ Въ «Москвитяинѣ» 1850 года, № 21.

ихъ, раскольники собирали и сохранили старинные памятники. Когда же возродилось въ насъ сочувствіе къ родному, и мы стали дорожить остатками старины, надобно было обратиться къ раскольникамъ, чтобы они возвратили наукѣ то, отъ чего такъ легкомысленно отказались наши дѣды. Раскольники сначала недовѣрчиво смотрѣли на пробудившееся уваженіе къ памятникамъ старины, но вскорѣ охотно стали дѣлиться съ современною наукою сохраненными у нихъ сокровищами. Не безъ цѣли, однако, они это дѣлали: во главѣ собирателей старины стояли лица государственныя, и раскольники, въ видахъ достиженія какимъ-либо путемъ пользы своему дѣлу, выносили на свѣтъ старину, сохранившуюся у нихъ. Знаменитое древлехранилище М. П. Погодина, принадлежащее нынѣ Императорской Публичной Библіотекѣ, составлено большею частію, по словамъ П. И. Мельникова, изъ рукописей и вещей, доставленныхъ Погодину раскольниками.

Вслѣдствіе убѣжденія правительства во вредѣ отъ Головастикова, вмѣстѣ съ книжнымъ дѣломъ соединившаго въ себѣ распространителя раскола, Мельникову, 12-го октября 1853 года предписано было: «1) обсудить и приготовить въ «совершенной тайнѣ» всѣ возможные по законамъ способы къ тому, чтобы обнаружить противозаконную торговлю разными сектаторскими принадлежностями раскола, привезенными въ Нижній-Новгородъ изъ уничтоженныхъ семеновскихъ скитовъ, а также назначенными для бѣгуновъ, производимую несовершеннолѣтнимъ сыномъ раскольника Алексѣя Головастикова на Нижнемъ Базарѣ, въ Сыромятномъ ряду и у себя дома. Равнымъ образомъ приготовить также такіе же способы къ отысканію самого Алексѣя Головастикова, скрывающагося у частнаго пристава Кроткова. 2) По приготовленіи всего нужнаго, отправиться къ г. исправляющему должность началь-

ника губерніи, представить ему прилагаемое при семъ предписаніе ¹⁾ и, испросивъ у него въ тотъ же самый часъ назначеніе кого и какъ слѣдуетъ, исключая старшаго полиціймейстера ²⁾, для присутствованія при открытіи и для полного вамъ содѣйствія, отправиться немедленно въ самые мѣста означенной торговли и укрывательства Алексѣя Головастикава. Когда же и торговля, и укрывательство обнаружены будутъ, то всѣ найденныя вещи опечатать и препроводить до рѣшенія къ г. исправляющему должность начальника губерніи, равно какъ самого Головастикава для содержанія, какъ надлежитъ».

Головастикава самого Мельникову не удалось арестовать въ Нижнемъ-Новгородѣ, потому что въ 1853 году, какъ онъ писалъ въ своемъ отчетѣ о современномъ положеніи раскола, этотъ замѣчательный книжникъ-антикварій скрывался въ бѣгахъ. Былъ ли онъ вообще пойманъ, изъ бумагъ, оставшихся у Мельникова, не видно. Но изъ нихъ оказывается, что обыскъ сдѣланный имъ въ домѣ Головастикава, былъ поводомъ къ жалобѣ жены послѣдняго на Мельникова не только министру внутреннихъ дѣлъ, генераль-адъютанту Бибикову, но и въ правительствующій сенатъ на этого сановника. По словамъ прошенія министру нижегородской купеческой жены, Авдотьи Петровны Головастиковой, въ 11 часовъ вечера, 30-го ноября 1853 года, къ ея дому подъѣхали неизвѣстные ей шесть человѣкъ, при которыхъ находились шестеро евреевъ-будочниковъ, служащихъ въ штатѣ нижегородской

¹⁾ Въ этомъ предписаніи велѣно было оказать Мельникову полное содѣйствіе, помимо старшаго полиціймейстера, и было сказано, что на предметы, порученные къ дознанію Мельникову, «обращено особое его императорскаго величества вниманіе».

²⁾ Зенгбуша, котораго подозрѣвали, вмѣстѣ съ приставомъ Кротковымъ, въ покровительствѣ и укрывательствѣ Головастикава.

полиціи. Двое будочниковъ перелѣзли черезъ ворота, отворили ихъ и впустили пріѣхавшихъ на дворъ, на которомъ и былъ разставленъ немедленно караулъ. Означенные шесть человекъ вошли въ нижній этажъ дома, гдѣ Головастикова со своими домашними находилась при больной замужней своей дочери, разрѣшившейся за 18 часовъ передъ тѣмъ отъ бремени. Изъ вошедшихъ Головастикова узнала чиновника Павла Мельникова и частнаго пристава Смирнова, а другихъ двухъ представилъ ей Мельниковъ, назвавъ ихъ служащими по одному съ нимъ министерству, одного Огородниковымъ ¹⁾, другого Трубниковымъ ²⁾. Третьяго Мельниковъ не назвалъ. Мельниковъ потребовалъ ключи отъ сундуковъ и кладовыхъ, такъ какъ ему нужно сдѣлать обыскъ во всемъ домѣ, въ самыхъ сокровенныхъ мѣстахъ. На вопросъ Головастиковой: «Гдѣ же сторонніе понятые люди, при которыхъ онъ все это долженъ дѣлать?» Мельниковъ, по ея словамъ, ей отвѣчалъ: «Что намъ надобно, того и станемъ искать, а что найдемъ, то и возьмемъ, вотъ тебѣ и понятые». Затѣмъ чиновники, собравъ всѣхъ находившихся въ домѣ людей, равно и троихъ дѣтей Головастикова, заперли подъ карауломъ въ кухню, а г-жу Головастикову взяли съ собою, для указанія имъ ея кладовыхъ и для отпиранія сундуковъ, гдѣ все перерыли до послѣдняго маленькаго узелка. Не найдя, по словамъ Головастиковой, ничего тамъ предосудительнаго, чиновники отправились въ верхній этажъ, но «видя свой неуспѣхъ и въ верхнихъ комнатахъ, относительно обыска, гг. Мельниковъ, Трубниковъ, Огородниковъ и

1) Евлампій Кириловичъ Огородниковъ, бывшій старшій редакторъ статистическихъ работъ въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, умершій въ 1884 году.

2) Владиміръ Васильевичъ или Константинъ Васильевичъ, такъ какъ оба брата Трубниковы начали свою службу въ Нижнемъ-Новгородѣ.

Смирновъ, обратили уже свое мщеніе на прибѣтыя по стѣнамъ въ разныхъ комнатахъ моего дома и стоявшія въ кіотахъ драгоцѣнныя иконы разныхъ наименованій, коихъ и забрали счетомъ пятнадцать, изъ числа коихъ семь украшенныхъ въ серебряныхъ подъ золотомъ окладахъ и шесть безъ украшенія. Последнія двѣ, подъ названіемъ Божіей Матери и Троицы, работы извѣстнаго въ Россіи художника Андрея Рублева, съ неоцѣненными сокровищами, имѣющія при себѣ залитыя въ мастикѣ мощи разныхъ угодниковъ Божіихъ, которыя напередъ сего, по извѣту содержащагося и по сіе время въ нижегородскомъ тюремномъ замкѣ какого-то злодѣя, были правительствомъ отъ моего мужа отбираемы и, по освидѣтельствованіи ихъ мѣстнымъ архипастыремъ, мужу моему возвращены. Каковая святыня, какъ бы для поруганія ея, была, къ прискорбію моему, чиновникомъ Мельниковымъ отдана въ руки евреевъ, которые съ пренебреженіемъ побросали иконы, какъ ничего не стоящія доски, въ его сани». Такъ жаловалась Головастикова на Мельникова, присовокупляя, что онъ «обратилъ вниманіе и на больную мою дочь и приступилъ къ осмотру ея постели и чего-то искалъ за нею, на ея кровати, на которой она лежала, да и за оной, держа въ одной рукѣ зажженную свѣчу, и таковымъ неожиданнымъ своимъ дѣйствіемъ привелъ больную въ болѣе болѣзненное состояніе, и у ней отъ испуга произошла нервическая съ бредомъ лихорадка».

Мельниковъ обыскалъ сѣновалы, амбары, погреба, баню, коровникъ, курятникъ, но нигдѣ, по словамъ Головастиковой, не нашелъ болѣе иконъ. Въ ту же ночь на 1-е декабря, онъ запечаталъ лавку Головастикова съ иконами и книгами, на Нижнемъ Базарѣ, и кладовую въ отдаленномъ корпусѣ гостинаго двора, а также палатку съ иконами и книгами. И лавка, и

кладовая, и палатка оставались подъ арестомъ четыре дня, причеиъ обыскъ въ нихъ дѣлался Мельниковымъ только съ приставомъ Смирновымъ и съ депутатомъ со стороны Головастиковой, купцомъ Торгуевымъ. Мельниковъ «перебралъ болѣе тысячи иконъ, искалъ чего-то въ самыхъ щеляхъ лавки и кладовой, но, не найдя также ничего, напоследокъ выбралъ для себя око 50 иконъ и увезъ ихъ къ себѣ на квартиру, гдѣ и составилъ опись всему увезенному».

Жалуясь министру, а затѣмъ сенату, на «причиненіе ей убытка въ капиталѣ, на осрамленіе въ народной публикѣ ея дома и семейства, на ущербъ здоровью ея и ея дочери, на тяжкую себѣ обиду», Головастикова просила возвратить ей отобранное чиновниками у нея имущество и поступить съ ними «по точной силѣ уложенія о наказаніяхъ».

Министръ внутреннихъ дѣлъ два раза требовалъ объясненій у Мельникова по жалобѣ Головастиковой, въ декабрѣ 1853 г., когда ея прошеніе поступило къ нему, и 15-го марта 1854 года, когда оно получено было генераль-адъютантомъ Бибиковымъ при указѣ правительствующаго сената. Объясненій Мельникова я не отыскалъ въ его бумагахъ. Въ эту эпоху преслѣдованія раскола, усиленныхъ розысковъ епископовъ и священниковъ австрійскаго поставленія, Мельниковъ, даже въ своемъ излишнемъ усердіи при обыскѣ у Головастиковой, оказался, вѣроятно, правымъ и предъ своимъ высшимъ начальствомъ, и предъ правительствующимъ сенатомъ.

Въ декабрѣ 1854 года Мельниковъ окончилъ свой отчетъ по современному состоянію раскола въ Нижегородской губерніи, нѣкоторыя извлеченія изъ котораго читатель найдетъ въ слѣдующихъ главахъ, и уже 10-го января 1855 года, вслѣдствіе высочайшаго повелѣнія «о приведеніи въ точную извѣстность современ-

наго положенія раскола въ Казанской губерніи», получили предписаніе немедленно отправиться туда. Инструкція, данная Мельникову по этому порученію, была почти одинакова съ выработанною для Нижегородской губерніи, потому что только три слѣдующіе новые пункта были включены въ нее: 1) «Особенное вниманіе слѣдуетъ обратить на то, сколько до 1855 года было купцовъ-раскольниковъ, сколько изъ нихъ приписалось на 1855 годъ на временномъ правѣ и сколько представили свидѣтельства о принадлежности ихъ къ православію или единовѣрью. 2) Особенное вниманіе слѣдуетъ обратить на сношенія казанскихъ раскольниковъ по дѣламъ, касающимся буковинской лже-іерархіи, а также и на то, гдѣ нынѣ находятся лжеепископы, и кто они такіе 3) Если вы получите свѣдѣнія, по соображенію и убѣжденію вашему достовѣрныя, о мѣстѣ укрывательства лжеепископовъ и другихъ мнимо-духовныхъ лицъ, о производствѣ сектаторской переписки и проч. тому подобное, то, при содѣйствіи мѣстнаго начальства, можете приступить къ открытію и задержанію ихъ, не ограничиваясь предѣлами Казанской губерніи».

Но Мельникову не довелось составить описаніе современнаго положенія раскола въ Казанской губерніи. По приѣздѣ въ Казань, въ началѣ 1855 года, на него посыпалось отъ генераль-адъютанта Библикова одно порученіе за другимъ, правда, касавшіяся раскола, но которыя отвлекали его отъ главной цѣли поѣздки туда и наконецъ заставили почти весь этотъ годъ проѣздить по губерніямъ Казанской, Пензенской, Нижегородской, Костромской, Владимірской и Московской. Въ его послужномъ спискѣ сказано, что «съ іюля по 11-е сентября 1855 года, находился въ Москвѣ и въ губерніяхъ: Московской, Владимірской, Нижегородской и Костромской, для наблюденія за производствомъ фор-

мальнаго слѣдствія по секретному дѣлу». Сверхъ того, въ февралѣ онъ производилъ въ Казани слѣдствіе о подлогѣ, сдѣланномъ при бракѣ купца Мокѣева, причемъ присоединилъ къ единовѣрїю казанскихъ раскольниковъ Мокѣева и Плаксина. Въ январѣ ему велѣно было ѣхать въ Чебоксары, для дознанія о моленной при домѣ мѣщанина Будаева и о томъ, какіе лже-попы прїѣзжаютъ въ Чебоксары и въ окрестныя мѣста. Въ мартѣ ему поручено было ѣхать въ село Пойму Чембарскаго уѣзда Пензенской губерніи, гдѣ исправникъ захватилъ въ моленной у раскольниковъ образа, книги, паникадила и проч. и все возвратилъ обратно на другой день за 400 руб. Въ маѣ Мельниковъ командированъ былъ въ Нижегородскую губернію съ порученіемъ «секретнѣйшимъ образомъ и совершенно негласно собрать свѣдѣнія о томъ, какія распоряженія дѣлаются мѣстнымъ губернскимъ начальствомъ по извѣстнымъ вамъ предписаніямъ, посланнымъ отъ меня ¹⁾ начальнику Нижегородской губерніи о тамошнихъ раскольникахъ». Изъ этого видно, что столкновенія Мельникова съ нижегородскими властями не прекращались и въ 1855 г. Съ 18-го іюля начались поиски за старообрядческими епископами. Расколичій инокъ Кононъ (у него нашли походную церковь, одиконъ, запасные дары, что все было переслано Мельниковымъ къ своему министру), арестованный во Владимирской губерніи, далъ показанія, что посвятившій его епископъ Антоній находится въ домѣ крестьянина деревни Большой Дворъ Ѳедорова. Туда отправили мѣстнаго исправника, но никого не нашли, потому что, какъ выразился Бибииковъ, поимка Конона была слишкомъ «разглашена». Мельникову поручено было «въ экстренныхъ случаяхъ лично руководить поисками».

¹⁾ Генераль-адъютанта Бибиикова.

скола. Архієпископъ нижегородскій, Питиримъ, уничтожилъ до 1737 года почти все скиты керженскіе и чернораменскіе, такъ что уцѣлѣли только бѣдные остатки двухъ изъ нихъ, Оленевскаго и Шарпанскаго. Но послѣ указа 16-го октября 1762 года, дозволившаго заграничнымъ раскольникамъ возвратиться въ Россію, многіе изъ нихъ прибыли въ Нижегородское Заволжье, гдѣ и завели скиты, которыхъ чрезъ 26 лѣтъ было уже до 54 съ 8,000 жителей. Въ началѣ XIX столѣтія, въ Семеновскомъ уѣздѣ ихъ оставалось всего 35, изъ числа которыхъ 22 принадлежали къ поповщинѣ, 8 къ спасовому согласію, а 5 къ поморскому. Московская поповщина поддерживала своими богатыми средствами только скиты своего толка, а потому скиты другихъ согласій постепенно уменьшались въ числѣ. Во время нашествія Наполеона московскіе поповцы рогожскаго согласія удалились со своими семействами въ нижегородскіе скиты и прожили въ нихъ всю зиму. Въ это время московскіе поповцы очень охладѣли къ скитамъ, потому что прежде думали, что они населены людьми праведными, а между тѣмъ на дѣлѣ увидали совершенно противное. Поэтому послѣ 1812 года изъ Москвы подаяній въ скиты стали присылать менѣе прежняго, вслѣдствіе чего число ихъ стало сокращаться. Въ 1827 году, было уже только 28 скитовъ съ 90 обитателями, въ которыхъ жило 2,813 человекъ, въ томъ числѣ 2,304 въ поповщинскихъ.

Послѣ 1826 года послѣдоваль рядъ правительственныхъ распоряженій, имѣвшихъ цѣлью уничтоженіе скитовъ въ Нижегородскомъ Заволжьѣ. Такъ въ ноябрѣ 1838 года воспрещено было вновь приписывать раскольниковъ къ скитамъ, а 17-го сентября 1826 года 28-го апрѣля 1836 года и 26-го февраля 1842 года, воспрещено было строить новыя и поправлять старыя моленныя, устраивать ихъ въ домахъ и имѣть коло-

кола. Сверхъ того, болѣе строгій надзоръ мѣстныхъ властей за скитами, начавшійся съ 1847 года со вступленія въ управленіе нижегородскою епархіею преосвященнаго Іакова, также содѣйствовалъ уничтоженію скитовъ, потому что преосвященный нерѣдко лично объѣзжалъ скиты и о замѣчаемыхъ въ нихъ безпорядкахъ сообщалъ губернатору. По этимъ сообщеніямъ произведено было до 15-ти слѣдствій. Губернаторъ, видя потакательство скитамъ со стороны полиціи, поручилъ, съ 1847 года надзоръ за скитами своимъ чиновникамъ особыхъ порученій, а скитницы, увидавъ невозможность надѣяться болѣе на помощь всегда имъ вѣрной земской полиціи, сами добровольно стали покидать скиты. По требованію преосвященнаго Іакова, изъ скитовъ взяты были иконы, оглашаемыя раскольниками чудотворными, въ томъ числѣ икона Казанской Богородицы изъ Шарпана и икона Николая Чудотворца изъ Оленевского. Наконецъ, когда высочайшимъ повелѣніемъ 1-го мая 1853 года предписано было о высылкѣ изъ скитовъ всѣхъ постороннихъ жителей, причемъ взяты были отъ всѣхъ жившихъ въ нихъ по паспортамъ подписки, чтобы они сносили дома свои и сами выселились непременно къ 1-му ноября 1853 года, въ Семеновскомъ уѣздѣ осталось гласныхъ скитовъ 16, съ 49 обителями, съ 1,002 жителями обою пола. Мужчинъ было только 99 человекъ; остальные были женщины. Въ скитахъ къ этому сроку было 29 часовенъ и моленныхъ. Теплыхъ комнатъ было 2.128, или по $2\frac{1}{2}$ комнаты на каждую скитницу, сверхъ 200 свѣтлицъ, въ которыхъ жили только лѣтомъ, холодныхъ надворныхъ строеній было до 1,500.

Въ своемъ отчетѣ «О современномъ состояніи раскола» Мельниковъ представилъ подробное описаніе нижегородскихъ скитовъ въ историческомъ, бытовомъ и нравственномъ отношеніяхъ. Они же дали ему бо-

гатель матеріалъ для его двухъ романовъ: «Въ лѣсахъ» и «На горахъ». Посѣщая неоднократно скиты въ качествѣ чиновника особыхъ порученій нижегородскаго губернатора, сопровождая туда преосвященнаго Такова, командированнаго туда дѣйствительнаго статскаго совѣтника Алябьева, который въ 1848 году и предложилъ министру внутреннихъ дѣлъ уничтожить скиты, Мельниковъ изучилъ скиты до мельчайшихъ подробностей. Вотъ его характеристика тогдашняго нравственнаго состоянія скитскихъ жителей.

«Вообще, русскій раскольникъ, если онъ занялъ почему-либо видное мѣсто въ кругу сектаторовъ, отличается ханжествомъ и лицемеріемъ. Но нигдѣ, конечно, это лицемеріе не достигаетъ такихъ размѣровъ, какъ въ скитахъ, особенно женскихъ. Этимъ ханжествомъ скитскіе жители поддерживаютъ доброе о себѣ мнѣніе богатыхъ раскольниковъ и соблазняютъ простой народъ окрестныхъ деревень. Нерѣдко бывая въ сменовскихъ скитахъ, до высылки изъ нихъ постороннихъ лицъ, я видѣлъ живущихъ въ нихъ раскольниковъ въ домашнемъ ихъ быту. Изъ долговременнаго наблюденія этого быта я вывелъ заключеніе, что всякій скитскій раскольникъ или раскольница на каждомъ шагу употребляетъ рассчитанное ханжество и лицемеріе въ разныхъ видахъ и формахъ. Онъ ханжитъ передъ чиновниками, и притомъ иначе передъ высшимъ, иначе передъ нисшимъ, иначе передъ молодымъ, иначе передъ старымъ. Онъ ханжитъ передъ богатыми раскольниками, ханжитъ передъ простымъ народомъ. Одна обитель ханжитъ передъ другою, и въ одной обители старухи ханжатъ передъ молодыми, а молодыя лицемерятъ передъ старыми, словомъ, каждый часъ, каждую минуту скитскій раскольникъ лицемеритъ, живетъ обманомъ, съ малолѣтства до преклонной старости ходитъ въ личиѣ.

«Пріѣзжаетъ въ скитъ губернаторъ или другой чиновникъ, по званію своему имѣющій большое вліяніе на скиты: весь скитъ или вся обитель встрѣчаетъ его за воротами, кланяется въ землю разомъ, подноситъ хлѣбъ-соль, зоветъ желаннымъ, дорогимъ гостемъ, за котораго день и ночь молятся Богу. Лица всѣхъ такъ смиренны, такъ плаксивы; движенія и пріемы такъ скромны; рѣчи такъ льстивы и угодливы, что незнающій коротко скитовъ дѣйствительно подумаетъ, что это бѣдныя старухи, которыхъ напрасно хотятъ преслѣдовать. Необыкновенная чистота во всѣхъ комнатахъ, порядокъ въ домоводствѣ, видимые, хотя и ложныя, признаки трудолюбія, все располагаетъ въ ихъ пользу важнаго чиновника. Ханжи такимъ образомъ внушаютъ ему выгодное о себѣ мнѣніе, напередъ прикрывъ себя лицемѣремъ, какъ покрываютъ онѣ иноческое свое одѣяніе длинными, черными, надѣтыми въ роспускъ платками, передъ встрѣчею «желаннаго» гостя, котораго не знаютъ какъ бы поскорѣе выпроводить.

«Случалось мнѣ бывать въ скитахъ вмѣстѣ съ покойнымъ преосвященнымъ Іаковомъ. Передъ архіереемъ такое же ханжество, какъ и передъ губернаторомъ. Тотъ же пріемъ за воротами, но поклонъ въ поясъ и безъ хлѣба-соли. Тѣ же льстивыя и угодливыя рѣчи, но безъ увѣреній, что за него молятся Богу, и затѣмъ безпрестанныя предложенія покушать чаю, вина и проч. Когда преосвященный увѣщевалъ ихъ, то, отвѣчая на его доводы, онѣ кланялись ему въ ноги со словами: «Оставьте насъ на прежнемъ положеніи», или же говорили: «Мы люди темные, неученые, мы знаемъ только молитву Іесусову, какъ намъ отвѣчать на слова ваши». Называя его преосвященнымъ, инныя даже владыкою, скитницы, на предложеніе его принять единовѣріе, всѣ въ разъ одно говорили: «Какъ родители жили, такъ и насъ благословили», вслѣдъ затѣмъ снова

предлагали чаю или закуску, хотя преосвященный уже не разъ отказывался отъ такихъ предложеній. Всѣ старанія преосвященнаго, чтобы онѣ вступили съ нимъ въ бесѣду, были напрасны: уставницы притворялись неумѣющими читать и по словамъ всѣхъ никто не зналъ ничего, кромѣ молитвы Ісусовой. Послѣ онѣ сами признавали, что преосвященный много начитанъ и хорошо поучаетъ, но увѣщанія его падали на каменную почву лицемѣрія. Таковы раскольники повсюду. Преосвященный Іаковъ рассказывалъ мнѣ, что въ одномъ скитѣ Саратовской губерніи онъ очень долго увѣщевалъ нѣсколько женщинъ, которыя сначала кланялись подобно семеновскимъ, а потомъ стали слушать со вниманіемъ. Наконецъ одна старуха прослезилась, повидимому, отъ искренняго чувства. Преосвященный, обратясь къ ней, убѣждалъ ее сказать, что ее тронуло. Старуха долго не говорила, но наконецъ призналась слѣдующимъ образомъ:

— «Объ васъ плачу, ваше преосвященство.

— «Что же ты обо мнѣ плачешь?

— «Да вы таково красно говорите, таково учительно, мнѣ и жаль васъ стало.

— «Отчего же жаль?

— «Да что душенька-то ваша на томъ свѣтѣ, все-таки, къ дьяволу пойдетъ.

«Передъ чиновниками земской полиціи скитницы ханжаты и лицемѣрятъ меньше. При нихъ и платокъ на иноческое одѣяніе накидывается лѣнливо; при нихъ и лица смотрятъ не такъ пасмурно и строго; при нихъ и изъ свѣтлицъ слышится свободный, звонкій смѣхъ молодыхъ келейницъ. Въ какую бы пору ни пріѣхалъ чиновникъ полиціи, начинается угощеніе ему, его людямъ и привезшимъ его лошадямъ. Лицемѣріе здѣсь преимущественно проявляется въ гостепріимствѣ, повидимому, радушномъ и искреннемъ, но дѣйствительно при-

творномъ и расчитанномъ. Во всякомъ случаѣ скитницы достигаютъ своей цѣли: заступится ли напоенный, накормленный и задаренный скитницами чиновникъ за какого-нибудь православнаго бѣдняка, челобитчика на раскольницъ? дастъ ли онъ судъ и правду противъ гостеприимныхъ и щедрыхъ хозяекъ, особенно если еще неравнодушно слушаетъ онъ звонкій смѣхъ обитательницъ заманчивыхъ свѣтлицъ?

«Пріѣзжаетъ бывало въ скитъ богатый раскольникъ и тогда совсѣмъ иначе смотритъ обитель: въ часовнѣ или моленной чинно стоятъ рядами женщины, одѣтыя въ древнее иноческое одѣяніе; впереди старухи, сверхъ «вѣнца» надѣвающія флеровую «накидку», а между ними иногда стоятъ, опершись на посохъ, схимницы въ черной одеждѣ, расшитой красными крестами. Передъ богатымъ иконостасомъ, составленнымъ изъ древнихъ иконъ, теплятся лампады и горитъ нѣсколько десятковъ свѣчъ. Среди часовни, передъ престоломъ, стоитъ смиренная уставница; опустивъ глаза въ землю, она внятно, благоговѣнно дѣлаетъ возгласы. По клиросамъ стоятъ головщицы и чистыми, звонкими голосами стройно поютъ церковныя пѣсни. Молодыя дѣвки, въ широкихъ черныхъ передникахъ и въ такихъ же платкахъ на головѣ, стоятъ передъ налоями и читаютъ, не торопясь, съ приличнымъ благоговѣніемъ. Всѣ крестятся и кланяются въ одно время; всѣ въ разъ бросаютъ передъ поклономъ на землю подручники; всѣ въ разъ поднимаютъ ихъ; всѣ въ разъ поднимаютъ лѣстовки. Никто не скажетъ слова; никто не взглянетъ на сторону; всѣ погружены въ богомысліе и молитву, и это продолжается сряду четыре или пять часовъ... Пріѣзжій раскольникъ, чувствуя уваженіе къ отшельницамъ при видѣ такого благолѣнія, заказываетъ ямъ панихиду по своимъ роднымъ; и, видя слезы поющихъ, онъ тронуть ихъ участіемъ къ его скорби; онъ пораженъ

скитскимъ благочестіемъ и щедрѣе отсчитываетъ милостыню. Теперь ¹⁾, когда часовень болѣе нѣтъ, въ тайныхъ моленныхъ производится по временамъ такое же лицемѣрно-благоговѣнное служеніе, и приходящій туда раскольникъ еще болѣе принимаетъ участіе въ скитницахъ, видя, какъ онѣ послѣ службы передъ иконою «Богородицы умягченія злыхъ сердець» поютъ «канонъ за обидящихъ», подразумѣвая правительство, выславшее изъ скитовъ набродъ людей разнаго рода.

«Такая виѣшность общественнаго богослуженія еще сильнѣе дѣйствуетъ на простой народъ. Сродно чело-вѣку русскому уваженіе къ отшельникамъ, посвятившимъ дни свои на служеніе Богу, но, къ сожалѣнію, большая часть нашихъ монастырей, неблаговидною своею жизнію, подрываетъ это народное чувство. Но всякое врожденное народное чувство безпрестанно ищетъ удовлетворенія. Видя въ расколическихъ скитахъ всю благовидную виѣшность, простой народъ удовлетворяетъ такое чувство и безъ сомнѣнія получаетъ уваженіе къ скитницамъ, чувствуетъ привязанность и къ старымъ обрядамъ, вѣря, что только въ этихъ вертенахъ лицемѣрія и сохранилась святая вѣра Христова. И, глядя на скиты, народъ сильнѣе и сильнѣе привязывается къ расколу, тѣмъ болѣе, что скитницы въ извѣстные праздники и напойтъ, и накормятъ приходящій народъ, а доброму для нихъ расколическому, или православному, подающему надежду на отпаденіе отъ церкви, стоитъ только слово сказать въ скитѣ о ходатайствѣ передъ чиновными людьми, или передъ купцами-расколическими, какъ помощь уже готова: ходатайство «матерей» не бываетъ безуспѣшно.

«Но эта угодлиность, это ласкательство, это гостепріимство, это смиреніе и благоговѣніе, это добродушіе

1) Въ 1854 году.

и эта готовность помочь ближнему—все это ложь, ханжество, лицемеріе. Скитскіе жители угождаютъ начальству въ надеждѣ на милости, или, по крайней мѣрѣ, на снисхожденіе его. Они угощаютъ всеѣмъ, чѣмъ могутъ, полицію для того, чтобы она сквозь пальцы смотрѣла на ихъ дѣйствія. Они смиряются и благоговѣнно молятся на глазахъ богатыхъ раскольниковъ, чтобы выманить отъ нихъ больше денегъ. Они помогаютъ бѣдному крестьянину, чтобы сдѣлать изъ него дарового работника. Подъ личиною мнимыхъ добродѣтелей, въ скитахъ скрываются ненасытная алчность къ деньгамъ, своеволие, праздность, пьянство и развратъ. Корыстолюбіе внушило старухамъ мысль набирать дѣвочекъ, учить ихъ грамотѣ и расколу и, когда онѣ достигнутъ 16 или 17 лѣтъ, отправлять въ каноницы на подвиги лицемерія и разврата: за такіе подвиги своихъ воспитанницъ они получаютъ отъ богатыхъ раскольниковъ деньги. Не зная заботъ, свойственныхъ имъ, по простому ихъ происхожденію, скитскія жительницы проводятъ жизнь въ праздности и своеволии: съ молодю привыкнувъ ѣсть чужой хлѣбъ, добываемый безъ труда, и жить бѣлоручками, онѣ тяготятся обыкновенно домашними работами. Прося начальника Нижегородской губерніи ¹⁾ о дозволеніи имѣть работниковъ и работницъ, эти крестьянки говорили: «Надобно воды принести, полы вымыть, бѣлье выстирать, а мы этого не можемъ сами дѣлать». Духъ своеволія сильно развитъ въ скитахъ, и каждая скитница повинуется настоятельницѣ только до тѣхъ поръ, пока ей хочется, ибо знаетъ, что она надъ нею законной власти не имѣетъ. Замѣчательно, что при обращеніи къ единовѣрію скитовъ Керженскаго и Осиновскаго, остались въ расколѣ

¹⁾ Послѣ закрытія въ 1853 году скитовъ и высылки изъ нихъ постороннихъ лицъ, при объѣздѣ ихъ мѣстности губернаторомъ, княземъ Урусовымъ, 2-го и 3-го января 1854 года.

не особенно закоренѣвшіе въ немъ, а болѣе другихъ своевольные, которымъ страшно было принять единовѣріе, ибо они знали, что въ законной обители безпрекословно повинуются начальству. И въ самыхъ скитахъ мало теперь осталось фанатиковъ; если бы не жаль было скитницамъ разстаться съ своеволіемъ и оставить праздную жизнь, безъ труда доставляющую хорошія деньги, то нѣтъ сомнѣнія, что большая часть скитницъ давно обратилась бы къ единовѣрію ¹⁾. Съ праздностію не разлучены пьянство и развратъ, и они въ сильной степени господствуютъ въ скитахъ. Въ Комаровѣ одна игуменья пропила обитель (Кутихину). Въ близъ лежащей отъ этого скита деревнѣ Елфимовкѣ только для скитскихъ потребностей учреждена была стодневная продажа вина, производимая, разумѣется, во всѣ 365 дней года. По высылкѣ изъ скитовъ постороннихъ жителей, выручка отъ этой продажи до того упала, что едва ли не переведутъ ее въ другое мѣсто ²⁾.

«Степень разврата въ скитахъ видна изъ именного списка оставшихся въ скитахъ раскольницъ: въ немъ

1) Въ другомъ мѣстѣ своего отчета П. И. Мельниковъ говоритъ, что если бы система, принятая въ отношеніи къ скитамъ преосвященнымъ Іаковымъ съ 1847 года и повелшая въ 1848 году къ обращенію въ единовѣріе Берженскаго и Осиновскаго скитовъ, продолжалось бы еще полтора года, то весьма вѣроятно, что почти всѣ скиты обратились бы въ единовѣріе.

2) Если какой-нибудь даже сотскій, рассыльный земской полиціи, волостнаго правленія или удѣльнаго приказа, случалось ѣдетъ недалеко отъ скита, то онъ непременно заѣзжаетъ въ скитъ, гдѣ ему даютъ водку и обѣдъ. Кто бы ни пріѣхалъ въ скитъ, ямщику платятся прогоны, все равно заплатилъ ихъ ему проѣзжіи, или не заплатилъ. Для этого скитницы дѣлаютъ складчину и по приговору отводятъ по очереди въ одной обители вѣзжую годовую квартиру. Чтобы опредѣлить расходы на одну водку, достаточно упомянуть о томъ, что настоятельница обители Манефиной въ Комаровскомъ скитѣ сказывала Мельникову, что у нея въ годъ на вѣзжей квартирѣ вышло 40 ведеръ пѣннаго вина. Содержаніе же вѣзжей квартиры, съ столомъ и виномъ для пріѣзжающихъ и съ прогонами для ямщиковъ, обходилось обители въ 2 000 р. въ годъ.

то и дѣло встрѣчаются заимствованныя изъ ревизскихъ сказокъ слова «незаконнорожденная дочь». Напримѣръ въ Оленевскомъ скитѣ, при 96 именахъ, 19 разъ упоминается о незаконныхъ рожденіяхъ, а о настоятельница обители Никонориной говорится такъ: «Она незаконнорожденная дочь умершей игуменьи этой обители, Никоноры, и у нея самой есть двѣ незаконнорожденныя дочери, Анна и Хиритина, изъ которыхъ первая уже родила незаконнорожденную дочь, а другая, какъ слышно, родить въ нынѣшнемъ году». Въ Комаровскомъ скитѣ одна романовская мѣщанка имѣла открытый домъ разврата, куда во всякое время могли приходиться обительскія дѣвки со своими любовниками. Для всякаго грѣха у скитницъ есть свое извиненіе. Развратъ молодыхъ дѣвокъ онѣ извиняютъ такъ: «Блудъ не грѣхъ, а только паденіе, и всѣ святые отцы падали, да угодили Богу покаяніемъ. Не покаившись, не спасешься; не согрѣшивши, не покаешься, дѣвицъ позволено согрѣшать, а то бы ей не въ чемъ было и покаяться, а не каившись, онѣ не спасутся». Лицемѣріе и ханжество, главнѣйшія основы скитскаго быта, не исчезаютъ даже въ минуты увлеченія въ развратъ ¹⁾. Сами раскольники понимаютъ это, и ханжество своихъ сосѣдокъ, соединенное съ распутствомъ, сдѣлалось достояніемъ народныхъ поговорокъ въ ихъ средѣ ²⁾. Записка найденная при обзорѣ Улангерскаго скита, какъ

1) Такъ, одинъ православный, имѣвшій въ скиту любовницу, рассказывалъ, что проведя ночь въ ея свѣтлицѣ, онъ пилъ воду изъ стоявшей подлѣ постели кружки. Захотѣлось пить и любовницѣ его, но когда она подала ей недопитую кружку, то она оттолкнула ее, сказавъ: «Съ ума ты никакъ сошелъ: развѣ я буду пить изъ одной посуды съ табашникомъ».

2) Вотъ народная поговорка о скитницахъ: «Эй, вы, матери-келейницы суховары (т. е. наоборотъ жирныя) сидюмницы: пріѣхалъ старецъ во дворъ. — Ай, гдѣ вы? — Въ часовнѣ часы читаемъ. — Эй, вы, матери-келейницы, суховары сидюмницы: пріѣхалъ молодчакъ во дворъ. — Ай, гдѣ вы? — По кельямъ лежимъ».

нельзя болѣе характеризуетъ чудовищное смѣшеніе лживой набожности съ грубымъ развратомъ; на одной сторонѣ записки объяснено символическое значеніе лѣстовки, а на другой написанъ одинъ изъ неблагопристойнѣйшихъ акростиховъ Баркова.

«Рождаемыхъ въ скитахъ дѣвочекъ воспитываютъ въ самыхъ скитахъ, сначала тайно, а потомъ, когда дѣвочка подростаетъ, явно, объявляя тогда полиціи, которая записываетъ ее въ число скитницъ; при каждой перепискѣ вносятся онѣ и въ ревизскія сказки. Зачатую и рожденную въ скитѣ дочь зовутъ «келейною дочкою», зачатую въ то время, когда мать читала каноны на сторонѣ, зовутъ «гостейкою». Такая гостейка бываетъ баловницею всей обители, ибо болѣею частію она бываетъ дочь какого-нибудь купеческаго сынка или племянника, присылающаго въ обитель хорошія деньги на воспитаніе своего ребенка. Мальчишковъ тотчасъ по рожденіи везутъ въ село: Городецъ и, окрестивъ въ тамошней часовнѣ, подкидываютъ къ раскольнику изъ крестьянъ, государственныхъ или удѣльныхъ. Если мать солдатка или помѣщичья крестьянка, то первую заботою бываетъ, чтобы подкинуть ребенка къ государственному или удѣльному крестьянину изъ опасенія, чтобы новорожденный не попалъ современемъ въ кантонисты или въ крѣпостное состояніе. Слухъ о дѣтоубійствахъ, бывающихъ въ скитахъ, безъ сомнѣнія, ложенъ, потому что въ скитскомъ быту рожденіе дѣвкою ребенка нисколько не безславить ее, слѣдовательно, для нея нѣтъ побудительной причины къ такому страшному преступленію. Если и родила она, такъ ей стоитъ только «покрыть грѣхъ». По раскольничьему смыслу, это выраженіе значитъ «ходить, покрывши голову», а не то, что понимаютъ подъ этими словами православные—«обвѣнчаться съ отцомъ ребенка». Этого не сдѣлаетъ никакая скитская дѣвка, потому что

ей съ малолѣтства внушили, что лучше «семь разъ родить, чѣмъ одинова замужъ ходить». Притомъ же и суевѣрный страхъ препятствуетъ ей выходить замужъ: «Кто изъ обители замужъ пойдетъ, у той дѣти слѣпыми родятся» ¹⁾.

Вышеизложенная картина нравственной стороны скитской жизни была одной изъ главныхъ причинъ уничтоженія правительствомъ раскольничьихъ женскихъ обителей въ Заволжѣ, Нижегородской и сопредѣльныхъ съ нею губерній.

IX

Отчего Павелъ сдѣлался Савломъ.

Знявшись изученіемъ раскола, Мельниковъ сдѣлалъ въ этомъ отношеніи такіе успѣхи, что, какъ сказано въ его послужномъ спискѣ, «при знаніи каноническаго права и раскольническихъ сочиненій, содѣйствовалъ своими убѣжденіями къ обращенію въ единовѣріе раскольническихъ скитовъ Керженскаго и Осиновскаго, дѣйствительно обратившихся». Оба эти скита находились въ Семеновскомъ уѣздѣ ²⁾, и самое обращеніе совершено было Мельниковымъ въ 1849 году. По его словамъ, онъ изучилъ для того всѣ уважаемыя раскольниками старопечатныя и старописьменныя книги, потому что, при вразумленіи раскольниковъ, необходимо истину православія доказывать имъ ихъ же кни-

1) То же самое говорятъ о раскольникахъ, выходившихъ замужъ за православныхъ.

2) Керженскій находится на правомъ берегу рѣки Керженца, въ восточной части Семеновскаго уѣзда, а Осиновскій въ сѣверо-западномъ углу того же уѣзда, близъ границы Костромской губерніи.

гами. Съ согласіа тогдашняго архіепископа нижегородскаго и арзамасскаго Такова, Мельниковъ употребилъ этотъ способъ убѣжденія раскольниковъ и такимъ образомъ въ непродолжительное время обратилъ въ единовѣріе означенные скиты. Передъ тѣмъ прикомандированный къ чиновнику особыхъ порученій министра внутреннихъ дѣлъ, дѣйствительному статскому совѣтнику Алябьеву, который въ сороковыхъ годахъ употреблялся преимущественно по расколичьимъ дѣламъ и розыскамъ, Мельниковъ составилъ подробное описаніе расколичьихъ скитовъ Нижегородской губерніи, а въ 1848 году, при отысканіи бѣжавшаго расколичьескаго попа, открылъ въ часовнѣ, въ Городцѣ, тѣ колокола, которые секретно отыскивались по высочайшему повелѣнію еще съ 1826 года. Ихъ не могли найти отчасти по той причинѣ, что мѣстная полиція и мѣстные употреблявшіеся для этой цѣли чиновники щедро награждались расколичьиками за неусмотрѣніе колоколовъ, отчасти по незнакомству съ дѣломъ тѣхъ лицъ, на которыхъ такое порученіе возлагалось. Затѣмъ, «въ 1849 году—какъ сказано въ послужномъ спискѣ—онъ произвелъ слѣдствіе объ оглашеніи расколичьиками бывшей въ Шарпанской деревнѣ иконы Казанской Богородицы». Эта икона почиталась старообрядцами чудотворною; по ихъ преданіямъ, она находилась въ Соловецкомъ монастырѣ во времена патріарха Никона. Говорили, что она была комнатною иконою царя Алексѣя Михайловича въ первые годы его царствованія. По преданію, когда уже не было никакой надежды на избавленіе Соловецкой обители отъ осадившихъ ее царскихъ войскъ, эта икона перенесена была по воздуху, вмѣстѣ съ дивнымъ инокомъ Арсеніемъ, въ пустынные лѣса Чернораменскіе, гдѣ на урочищѣ Шарпань Арсеній и поставилъ первый скитъ въ тамошней мѣстности. Старообрядцы твердо

вѣровали, что какъ только соловецкая икона выйдетъ изъ Шарпана и будетъ поставлена въ никоніанской церкви, то древнему благочестію настанетъ неизбѣжный конецъ. Въ своемъ романѣ «На горахъ», Мельниковъ описываетъ, какъ петербургскій чиновникъ, т. е. онъ самъ, прибылъ въ Шарпанскій скитъ, открылъ въ тамошней моленной икону Казанской Богородицы и вынесъ ее оттуда ¹⁾. Она была перенесена въ Керженскій Благовѣшенскій монастырь, незадолго передъ тѣмъ обращенный къ единовѣрью Мельниковымъ изъ расколыническаго скита. Осиновскій же монастырь получилъ икону Николая Чудотворца, которая тѣмъ же «петербургскимъ чиновникомъ» была взята въ Комаровскомъ скиту ¹⁾.

Подобная дѣятельность молодого чиновника естественно обратила на него вниманіе не только свѣтскихъ административныхъ лицъ, но и высшаго духовенства, особенно когда, во время царствованія императора Николая, преслѣдованіемъ раскольниковъ, закрытіемъ ихъ молельнъ и тому подобными мѣрами, надѣялись ограничить или даже уменьшить численность раскола. Учрежденіе бѣлокриницкой митрополіи точно такъ же побуждало правительство къ строгимъ

¹⁾ Въ сентябрѣ 1884 года я слышалъ отъ многихъ поповцевъ какъ въ Семеновѣ и Городцѣ такъ и отъ современницъ разгрома скитовъ, что «матери» успѣли обмануть при этомъ П. И. Мельникова и выдали ему не подлинную икону Казанской Богородицы, но копію съ нея. Всѣ означенныя лица, равно какъ и нѣкоторыя сельскія власти, увѣряли меня, что подлинная древняя икона сохраняется донинѣ въ средѣ поповцевъ Семеновскаго уѣзда, не указывая, однако, гдѣ именно. Можетъ быть, интересы поповщины побуждаютъ ея послѣдователей утверждать подобный подвѣтъ подлинной иконы «петербургскому чиновнику», преслѣдовавшему ихъ въ тѣ времена, по распоряженію высшей власти.

²⁾ Скиты Шарпанскій и Комаровскій лежатъ къ сѣверо-западу отъ Семенова, недалеко отъ него. Шарпанъ, послѣ удаленія изъ него древней иконы, много лѣтъ представлялъ только одно пепелище, но теперь тамъ вновь поселился одинъ старикъ крестьянинъ съ женою.

мѣрамъ противъ раскольниковъ, какъ и вкоренившееся тогда убѣжденіе, что они «опасны и въ политическомъ отношеніи для государства». Въ это время самъ Мельниковъ, по его словамъ, раздѣлялъ это убѣжденіе, несмотря на то, что онъ уже тогда, лучше многихъ высокообразованныхъ духовныхъ лицъ, не говоря уже о свѣтскихъ и администраторахъ, знакомъ былъ съ расколомъ. Но только дальнѣйшее его изученіе до самаго корня побудило Мельникова отказаться отъ этого убѣжденія и въ дальнѣйшихъ своихъ докладахъ по начальству доказывать несостоятельность подобнаго взгляда на расколъ.

Доказавъ на практикѣ возможность убѣжденія раскольниковъ въ ихъ заблужденіи, Мельниковъ въ составленномъ имъ въ 1854 г. «Отчетѣ о современномъ состояніи раскола въ Нижегородской губерніи» выставилъ на видъ неподготовленность православнаго духовенства къ воздѣйствію на раскольниковъ путемъ убѣжденія. Онъ откровенно объяснилъ въ своемъ отчетѣ и тогдашнее состояніе сельскаго духовенства въ Нижегородской губерніи, и причины этого неудовлетворительнаго положенія православнаго духовенства, и вліяніе такого состоянія духовенства на расколъ.

Мельниковъ писалъ въ своемъ отчетѣ, что большинство раскольниковъ въ Нижегородской губерніи принадлежитъ къ разряду остающихся въ расколѣ по невѣдѣію или по недостатку церковнаго вразумленія. Отрасли спасова согласія, извѣстныя подъ названіемъ церковниковъ и перекупыванцевъ, образовались прямо вслѣдствіе недостатка церковнаго вразумленія. Тотъ же самый недостатокъ способствовалъ къ увеличенію и поддержанію поповщины въ Заволжьѣ. Въ уѣздахъ Сергачскомъ и Лукояновскомъ и въ большей части Арзамасскаго, Ардатовскаго и Княгининскаго уѣздовъ, расколъ, можно положительно сказать, воз-

никъ и развился по причинѣ жалкаго состоянія, въ которомъ находилось православное духовенство, далеко не соответствуя своему высокому назначенію.

«Состояніе сельскаго православнаго духовенства дѣйствительно самое жалкое—писалъ Мельниковъ министру внутреннихъ дѣлъ:—Народъ, котораго совѣсть должна была бы находиться въ рукахъ священниковъ, по свынне данному имъ праву вязать и рѣшать—этотъ народъ не уважаетъ духовенства, преслѣдуетъ его насмѣнками и укоризнами и тяготится имъ. Въ рѣдкомъ разсказѣ забавнаго содержанія народъ не глумится надъ попомъ, попадьею и поповскимъ батракомъ. Во всѣхъ народныхъ пословицахъ, присказкахъ и байкахъ, во всѣхъ народныхъ поговоркахъ и присловьяхъ, если только говорится о духовенствѣ, говорится съ насмѣшкою. Народъ чуждается духовенства и прибѣгаетъ къ нему не по внутреннему внушенію совѣсти, а поневолѣ. Преслѣдуя насмѣшкою поновъ своихъ, онъ преслѣдуетъ ею и весь родъ ихъ: никакіе подвиги, никакія заслуги не избавятъ поповскаго сына отъ браннаго прозвища «кутейникъ»; онъ умретъ съ этимъ прозваніемъ и передастъ его дѣтямъ своимъ. Въ этомъ прозваніи высказывается нелюбовь народа къ своему духовенству. Повидимому, все это мелочи, но такъ какъ эти мелочи выражаютъ понятіе народа о духовенствѣ, то онѣ и перестаютъ быть мелочами. Скорѣе злобныя насмѣшки раскольниковъ надъ нашимъ духовенствомъ можно назвать мелочами, чѣмъ эти незлобивыя насмѣшки надъ нимъ православныхъ, доказывающія, что пастыри наши народомъ не уважаются. Эту слабую сторону православія знаетъ расколъ, и, къ несчастію, давно уже ею воспользовался.

«Оттого духовенство наше не уважается народомъ, что сяншкомъ отрѣшено отъ общества. Получивъ превратное воспитаніе, оно не вноситъ въ жизнь народ-

ную живаго ученія духа, а остается при однихъ мертвыхъ формахъ виѣшняго служенія, да и тѣми пренебрегаетъ до кощунства. Оттого духовенство не уважается народомъ, что оно часто представляетъ безпрерывные примѣры неуваженія къ вѣрѣ; оттого оно не уважается народомъ, что служеніе Богу превратило оно въ доходное для себя ремесло.

«Можетъ ли народъ съ уваженіемъ смотрѣть на духовенство, можетъ ли онъ не уклоняться въ расколъ, когда то и дѣло слышитъ онъ, какъ одинъ попъ, исповѣдуя умирающаго, укралъ у него изъ-подъ подушки деньги, какъ другого народъ вытащилъ изъ непотребнаго дома, какъ третій окрестилъ собаку, какъ четвертаго, во время пасхальнаго богослуженія, діаконъ вытащилъ за волосы изъ царскихъ дверей? Можетъ ли народъ уважать поповъ, которые не выходятъ изъ кабака, пишутъ кляузныя просьбы, дерутся крестомъ, бранятся скверными словами въ алтарѣ? ¹⁾ Можетъ ли народъ уважать духовенство, когда повсюду въ средѣ его видитъ святокупство, небрежность къ служенію, безчиніе при совершеніи таинственныхъ обрядовъ? Можетъ ли народъ уважать духовенство, когда видитъ, что правда совсѣмъ исчезла въ немъ, а потворство консисторій, руководимыхъ не регламентами, а кумовствомъ и взятками, истребляетъ въ немъ и послѣдніе остатки правды? Если ко всему этому прибавить торговлю заочными записками въ исповѣдныя росписи и метрическія книги, оброки, собираемые священниками съ раскольниковъ, превращеніе алтарей въ оброчныя статьи, отдачу за поповскими дочерьми въ приданое церквей Божіихъ и проч. т. под., то вопросъ о томъ, можетъ ли народъ ува-

¹⁾ Нѣсколько страницъ можно наполнить такого рода примѣрами, означая время и мѣсто каждаго случая и не выходя притомъ изъ предѣловъ Нижегородской губерніи. Прим. Мельникова.

жать наше духовенство и можетъ ли затѣмъ не уклоняться въ расколъ—рѣшится самъ собой.

«Несчастному положенію православнаго духовенства не менѣе содѣйствовали образованіе касты и зависимость отъ народа въ матеріальныхъ средствахъ. Въ настоящее время священникомъ можетъ быть только сынъ священника. Этого въ старину не бывало. Тогда всякій, кто чувствовалъ въ себѣ призваніе, могъ свободно вступать въ клиръ церковный, если личностію своею онъ удовлетворялъ требованіямъ церковныхъ постановленій. Такіе священники по рожденію своему не были отрѣшены отъ своей паствы. Они жили съ нею общемою жизнью, имѣли къ ней сочувствіе, за которое и паства платила имъ взаимнымъ сочувствіемъ. Оттого избранный священникъ пользовался любовью прихожанъ, имѣлъ на нихъ нравственное вліяніе и, по праву вязать и рѣшать, руководилъ ихъ совѣстію не на словахъ, какъ теперь, а на дѣлѣ. Когда же образовалась духовная каста, неправильно называемая духовнымъ сословіемъ, связь клира съ народомъ разрушилась. Тотъ, кому прихожане должны были бы вручать совѣсть свою, являлся между ними не избранный ихъ совѣстью, какъ бы слѣдовало по правиламъ апостольскимъ и вселенскихъ соборовъ, а человѣкъ незнаемый, чуждый имъ и по рожденію, и по образу мыслей, и по взгляду на міръ житейскій. Естественное, что отъ этого произошло взаимное охлажденіе клира и народа и отчужденіе духовенства отъ прихожанъ. За охлажденіемъ послѣдовало неуваженіе, за неуваженіемъ насмѣшка.

«Между тѣмъ клиръ матеріальными средствами своими зависитъ отъ народа. Когда клиръ былъ приходу свой человѣкъ, приходъ достаточно обезпечивалъ его и не заставлялъ духовенство прибѣгать къ святокупству. Но когда послѣдовало охлажденіе прихода къ чуждому отъ него клиру, и духовенство неизбѣжно

должно было почувствовать всю тяжесть зависимости своей отъ прихожанъ, его не уважающихъ, то, изъ необходимости имѣть насущный хлѣбъ, оно должно было смотрѣть сквозь пальцы на беспорядки паствы, а такъ какъ снисхожденіе было корыстное, то, въ награду за него, пастыри, конечно, не могли пріобрѣсти и любви, и уваженія прихожанъ. Дошло дѣло до вымогательствъ, отъ вымогательствъ до святокупства, и это окончательно разрушило народное уваженіе къ духовенству и охладило народъ къ самой вѣрѣ. Слѣдствіемъ сего было то, что народу стало въ тяжесть духовенство съ его поборами, а духовенство получило ненасытную алчность къ стяжанію, перестало задумываться надъ средствами къ пріобрѣтенію и стало торговать алтаремъ.

«Такое печальное состояніе нашего духовенства способствуетъ усиленію раскола, послѣдователи котораго всегда указываютъ на неблаговидную жизнь священниковъ и усиливаются доказывать ею мнимую неправость православія. По алчности своей къ стяжаніямъ, духовенство не можетъ желать уничтоженія раскола: дойдя до крайней степени святокупства, оно видитъ въ расколѣ вѣрную статью дохода и оберегаетъ ее. Сельскому причту несравненно выгодиѣе, если у него въ приходѣ раскольниковъ больше, чѣмъ православныхъ: за то, чтобы «не исправлять» у нихъ требы, онъ получаетъ несравненно болѣе, чѣмъ отъ православныхъ «за исправленіе» требы. При опредѣленіи большей или меньшей выгоды прихода, всегда принимаются въ соображеніе раскольники; чѣмъ больше ихъ въ приходѣ, тѣмъ приходъ считается выгодиѣе. Само епархіальное начальство допускаетъ такого рода оцѣнку приходоѡвъ. Такъ, напримѣръ, въ Семеновскомъ уѣздѣ скиты были раздѣлены между шестью приходами, и такъ какъ приходу пафнутовскому, по географическому его мѣстоположенію, не доставалось скитовъ.

то, чтобы не обидѣть пафнутовскій причтъ передъ сосѣдними причтами, причислили къ нему скиты Улангерскій и Фундриковскій, отстоящіе верстъ на тридцать отъ границъ прихода, между тѣмъ какъ пять церквей находятся отъ этихъ скитовъ въ несравненно ближайшемъ разстояніи, чѣмъ церковь села Пафнутова. Есть, напримѣръ, въ Ардатовскомъ уѣздѣ приходъ Личадѣвскій, въ которомъ почти все прихожане тайные раскольники, отъ которыхъ священникъ получаетъ болѣе 1000 рублей серебромъ и зато даже въ Свѣтлое Воскресеніе не служитъ обѣдни. По особому условію съ раскольниками, онъ никогда не показывается на улицѣ, такъ что, въ случаѣ надобности выѣхать изъ села, онъ выѣзжаетъ изъ дома задними воротами. Въ духовныхъ росписяхъ все прихожане его показываются самыми усердными христіанами, и если бы они вздумали обратиться къ православію, то первый противъ этого былъ бы, конечно, приходскій священникъ.

«При такомъ несчастномъ положеніи вещей, возможно ли церковное вразумленіе раскольниковъ? Много ли найдется сельскихъ священниковъ, которые выгодами своими пожертвовали бы для блага церкви? На словахъ и на бумагѣ найдется много; на дѣлѣ очень мало. Составитель сего отчета получилъ положительныя свѣдѣнія, что многіе сельскіе священники въ Нижегородской губерніи, больше чѣмъ самые раскольники, боятся рѣшительныхъ мѣръ правительства противъ раскола.

«Но если бы какимъ-нибудь чудомъ нравственное состояніе духовенства улучшилось, и оно, сознавая долгъ свой, рѣшилось бы церковнымъ вразумленіемъ дѣйствовать противъ раскола, то и въ такомъ случаѣ успѣха ожидать было бы невозможно. Чтобы дѣлать церковное вразумленіе, надобно умѣть его дѣлать. А сельское духовенство, за исключеніемъ весьма немно-

гихъ священниковъ, рѣшительно неспособно къ этому, по причинѣ получаемого имъ превратнаго воспитанія. Нельзя сказать, чтобы семинарское воспитаніе вполнѣ соответствовало своей цѣли. Образцами для нашихъ духовныхъ училищъ въ свое время послужили кievскія и бѣлорусскія школы, имѣвшія цѣлью образовать духовенство, которое могло бы бороться съ уніею и католицизмомъ. Оттого въ нашихъ семинаріяхъ преобладалъ латинскій языкъ и доселѣ существуетъ мертвое схоластическое направленіе. То и другое несообразно ни съ духомъ русскаго народа, ни съ духомъ православія. Нашему духовенству не придется бороться ни съ уніею, которой уже не существуетъ, ни съ католицизмомъ, но зато на немъ лежитъ обязанность истреблять расколъ. Почему бы не ввести въ духовныя училища такое воспитаніе, которое собственно и направлено было бы для искоренія раскола? ¹⁾ При такомъ воспитаніи духовенства, при исправленіи нравственности его и при достаточномъ обезпеченіи его со стороны правительства, можетъ быть, можно было бы надѣяться на успѣхи православія противу раскола; до тѣхъ же поръ всякія мѣры правительства не достигнутъ вполнѣ своей цѣли. Само собою разумѣется, что для достиженія этой цѣли необходимо отмѣнить секретное воспрещеніе православному духовенству входить въ дома раскольниковъ и вступать съ ними въ

¹⁾ Недавно при Петербургской духовной академіи учреждены особые классы для образованія миссіонеровъ, назначаемыхъ для обращенія раскольниковъ. Если бы такіе же классы существовали при каждой семинаріи и если бы въ священники рукополагали только тѣхъ, которые съ особеннымъ успѣхомъ прошли эти классы, тогда церковное вразумленіе раскольниковъ сдѣлалось бы дѣломъ возможнымъ. Конечно, для каждаго семинариста было бы несравненно полезнѣе время, употребляемое имъ на изученіе Аристотеля и Цицерона, употребить на изученіе Аввакума, Андрея Денисова и проч. т. подобн. для того, чтобы умѣть впоследствии доказать раскольникамъ нелѣпость ученія этихъ ересіарховъ.

религіозные разговоры. Какъ же и требовать отъ духовенства церковнаго вразумленія, когда оно воспрещено особымъ повелѣніемъ ¹⁾).

«Не менѣе, чѣмъ исправленіе нравственности духовенства, необходимо для истребленія раскола возстановленіе въ церквахъ благочинія и уставной службы. Весьма много православныхъ уклоняются въ расколъ; весьма многіе раскольники не приступаютъ къ православію, единственно потому, что въ церквахъ нашихъ отправляется служба не по уставу. Повсюду не исключая и самыхъ соборовъ кафедральныхъ, не соблюдается у православныхъ церковный уставъ, что особенно замѣчается за всенощными ²⁾. Составителю сего отчета въ кафедральныхъ даже соборахъ не разъ случалось слышать замѣчанія и укорины купцовъ и мѣщанъ на несоблюденіе устава. Въ городахъ духовенство хочетъ угодить дворянству, помѣшанному на какой-то европейской жизни и, по несчастному своему полуобразованію, чуждому всего русскаго, а тѣмъ болѣе православнаго. Это дворянство не понимающее православія, не знающее его уставовъ, требуетъ только одного—

1) Для вразумленія раскольниковъ священникамъ необходимо изучать всѣ уважаемыя раскольниками старопечатныя и старописьменныя книги, ибо, при вразумленіи раскольниковъ, необходимо истину православія доказывать ихъ же книгами. Недавно умершій протоіерей единоувѣрческой цекви въ селѣ Городцѣ Георгій Иконниковъ имѣлъ намѣреніе написать въ такомъ родѣ книгу противъ раскола, но, къ сожалѣнію, не успѣлъ исполнить своего намѣренія. Примѣч. Мельникова.

Начало означеннаго труда протоіеря Иконникова было представлено П. И. Мельниковымъ при его отчетѣ въ министерство внутреннихъ дѣлъ.

2) Такъ, благословеніе хлѣбовъ бываетъ только во время двундесятыхъ праздниковъ; нѣкоторые стихиры, а иногда и всѣ пропускаются, или читаются вмѣсто того, чтобы пѣть ихъ; сѣдальны пропускаются; на хвалитѣхъ, вмѣсто пѣнія, читается и притомъ съ большими пропусками; каноны поются безъ катавасій, напѣвы гласовъ на «Господи возвахъ», на прокимнахъ, на «Богъ Господь», на ирмосахъ. на хвалитѣхъ не соблюдается, такъ что вмѣсто 6 гласа поется на 7, вмѣсто 4 на 5 и т. д.

Примѣчаніе Мельникова.

скорой службѣ, и угодливое городское духовенство вмѣсто службѣ, поетъ ему, такъ сказать, извлеченіе изъ службѣ; сельское духовенство подражаетъ городскому, а народъ, который всегда и вездѣ несравненно болѣе православенъ, чѣмъ жалкое своимъ полуобразованіемъ дворянство, ропщетъ на такое отступленіе отъ уставовъ церковныхъ, ропщетъ и потомъ мало-помалу уклоняется въ расколъ.

«Изъ всего сказаннаго видно, что распространенію и поддержанію раскола въ Нижегородской губерніи весьма много способствуютъ упадокъ нравственности духовенства, его святокупство и корыстное потворство расколу, отсутствіе благочинія въ церквахъ и пренебреженіе устава церковнаго. При такихъ несчастныхъ условіяхъ состоянія духовенства, конечно нельзя ожидать отъ него надлежащаго церковнаго вразумленія раскольниковъ, которыхъ самая значительная часть пребываетъ въ расколѣ именно по причинѣ недостатка этого вразумленія. Чрезвычайно много раскольниковъ остается въ своемъ заблужденіи единственно по невѣдѣнію. Они не знаютъ, въ чемъ состоитъ различіе церкви отъ ихъ секты¹⁾, не знаютъ правилъ своего лжеученія и раскольничаютъ, или глядя на другихъ, или оттого, что, по причинѣ торговыхъ или промышленныхъ связей съ богатыми раскольниками, находятъ раскольничество дѣломъ выгоднымъ. Къ числу такихъ раскольниковъ, остающихся въ расколѣ по невѣдѣнію и недостатку церковнаго вразумленія, можно причислить почти все молодое поколѣніе раскольниковъ. Оно

1) Были примѣры, что, при производствѣ формальныхъ слѣдствій, раскольники при всемъ желаніи своемъ разказать слѣдователямъ, въ чемъ состоятъ ихъ религиозныя убѣжденія, не могли, или лучше, не могли, что сказать, и ограничивались словами: «Въ ра наша въ томъ и состоятъ, чтобы въ два перста креститься, да въ церковь не ходить».

Примѣчаніе Мельникова.

совсѣмъ не имѣеть понятія о расколѣ, не знаетъ, для чего и на какомъ основаніи уклоняется оно отъ церкви и только ссылается на примѣръ отцовъ и дѣдовъ: «Какъ родители жили, такъ и насъ благословили».

«Изъ ста семидесяти тысячъ явныхъ и тайныхъ раскольниковъ, находящихся въ Нижегородской губерніи, едва найдется и двадцать тысячъ преданныхъ расколу по убѣжденію. Можно положительно сказать, что изъ нихъ 150,000 человекъ уклоняются отъ церкви и пребываютъ въ расколѣ, не имѣя никакого понятія ни о церкви, ни о расколѣ. Двухрестное сложеніе, молитва съ лѣстовкою, исключительное поклоненіе старымъ иконамъ, необщеніе съ православными и нехожденіе въ въ церковь—вотъ въ чемъ состоитъ все догматствованіе этихъ раскольниковъ. Такіе раскольники, конечно, присоединятся къ церкви, если съ одной стороны будетъ устранено безчиніе и святокупство духовенства, а съ другой прекратится на нихъ вліяніе фанатиковъ и коноводовъ раскола, которые, по своимъ личнымъ расчетамъ, держатъ толпу въ раскольническомъ заблужденіи для того, чтобы посредствомъ этого имѣть на нее вліяніе и руководить ею по своей волѣ».

Не надобно забывать, что такое откровенное мнѣніе объ отношеніи духовенства къ расколу было высказано тридцать лѣтъ тому назадъ молодымъ чиновникомъ, недавно только что промѣнявшимъ провинціальную службу на столичную. Подобный отзывъ не могъ понравиться вышшимъ лицамъ духовной іерархіи, хотя многія изъ нихъ сами сознавали печальную участь сельскаго духовенства. Вслѣдствіе того благоволеніе нѣкоторыхъ изъ нихъ къ П. И. Мельникову, какъ разоблачителю непривлекательныхъ сторонъ раскола, выставленныхъ имъ какъ по прежде исполненнымъ имъ порученіямъ, такъ и въ первыхъ частяхъ его отчета «О современномъ положеніи раскола», которыя онъ по-

степенно представлялъ своему начальству въ продолженіе 1853 и 1854 годовъ,—смѣнилось на немилость. Одно высокопоставленное духовное лицо, какъ разсказывалъ самъ Мельниковъ, оказывавшее ему прежде особаго рода вниманіе, по прочтеніи его мнѣнія о духовенствѣ и о расколѣ, выразило свое неудовольствіе слѣдующею остроумною игрою словъ: «Было время, когда изъ Савла вышелъ Павелъ, а нынѣ изъ Павла вышелъ Савель».

X

Оригиналь Потана Максимовича Чапурина.

Читатели двухъ романовъ Мельникова, «Въ лѣсахъ» и «На горахъ», знакомы съ личностью заволжскаго тысячника, Потана Максимовича Чапурина, своими связями въ губернскомъ городѣ и своими хорошими отношеніями къ полицейскимъ и другимъ властямъ, устранявшимъ, на сколько было возможно, бѣды и напасти отъ чернораменскихъ и керженскихъ раскольническихъ скитовъ. Зато скитскія матери не знали, какъ благодарить его и охотно прощали ему и насмѣшки его надъ образомъ жизни въ скитахъ, и выходки его самодуства. Подобный тысячникъ не представляетъ лица, вымышленнаго фантазіею автора. Въ нынѣшнемъ столѣтіи онъ жилъ и дѣйствовалъ въ Нижнемъ-Новгородѣ и оказывалъ сильное покровительство расколу въ Заволжьѣ. Почти за пятнадцать лѣтъ до появленія своего романа «Въ лѣсахъ» Мельниковъ описалъ такого старообрядца въ своемъ «Отчетѣ о современномъ положеніи раскола», въ лицѣ Петра Егоровича Бугрова, имѣвшаго въ 1853 году 65 лѣтъ отъ роду, тор-

говавшаго тогда по свидѣтельству перваго рода удѣльнаго крестьянина Семеновскаго уѣзда Чистопольскаго приказа деревни Поповой. Онъ былъ поповцемъ рогожскаго согласія и жилъ въ Нижнемъ-Новгородѣ, гдѣ занимался казенными подрядами и хлѣбною торговлею.

По словамъ «Отчета», значительныхъ коноводовъ раскола, подобныхъ московскимъ, въ Нижегородской губерніи въ то время не было. Тамошніе раскольники по большей части находились въ зависимости отъ коноводовъ Москвы, Казани, Саратова и другихъ городовъ, подчинившихъ подъ свое вліяніе второстепенныхъ коноводовъ, которые имѣли въ Нижнемъ-Новгородѣ постоянное пребываніе. Къ такимъ второстепеннымъ дѣтелямъ Мельниковъ отнесъ и Бугрова, и представилъ слѣдующую характеристику его, связавъ его съ тогдашними порядками въ Нижегородской губерніи:

«Совершенно чуждый образу жизни новаго поколѣнія раскольниковъ, Бугровъ живетъ такъ, какъ жилъ онъ прежде, будучи не капиталистомъ, какъ теперь, а рядовымъ мужикомъ деревни Поповой ¹⁾. При суровомъ образѣ жизни, столь уважаемомъ раскольниками, Бугровъ и держитъ себя со всеѣми просто: и своему работнику, и губернатору онъ говоритъ одинаково «ты». Имѣя рѣдкій умъ и смѣтливость, онъ прикидывается неучемъ и тѣмъ много выигрываетъ въ свою пользу, привлекая къ себѣ кого нужно задушевною, повидимому, простотою и дѣйствительною прямою поступковъ во всемъ, что не касается раскола. Имѣя нѣ-

¹⁾ П. Е. Бугровъ, будучи уже многократнымъ милліонеромъ, продолжалъ прежній простой образъ жизни до своей смерти. Такъ, разбѣгая по своимъ дѣламъ, онъ на пароходахъ бралъ мѣсто въ третьемъ классѣ, возилъ съ собою ржаной коровой съ огурцами или лукомъ и довольствовался подобною пищею, не прибѣгая къ услугамъ пароходнаго буфета. И его одежда, порядочно попошенная, соответствовала такому образу жизни. Сынъ его и наслѣдникъ, по отзывамъ нижегородцевъ, держится также, подобно отцу, простого образа жизни.

сколько большихъ каменныхъ домовъ въ Нижнемъ-Новгородѣ, большую водяную мельницу въ Семеновскомъ уѣздѣ и кредитъ чрезвычайно обширный, ворукая сотнями тысячъ, этотъ старикъ живетъ хуже всякаго мѣщанина средней руки и дѣлаетъ это не отъ скупости, не изъ ханжества и вообще не по какимъ-либо расчетамъ, а по привычкѣ къ простому быту.

«Для опредѣленія обширности кредита Бугрова, достаточно представить слѣдующій случай: лѣтъ пять тому назадъ Бугровъ хотѣлъ взять большой подрядъ на перевозку казенной соли изъ нижегородскихъ оптовыхъ магазиновъ. Знали, что онъ значительно спуститъ цѣны, и потому члены соляного правленія изъ своихъ расчетовъ не хотѣли допустить Бугрова къ торгамъ. Узнавъ, что у Бугрова въ наличности денегъ нѣтъ, но что онъ долженъ получить въ возвратъ залогъ свой изъ строительной комиссiи, они устроили дѣло такъ, что строительная комиссiя подъ разными предлогами задержала выдачу ему залога. Приходитъ день переторжки. Бугрову въ этотъ день приказали явиться въ строительную комиссiю за полученiемъ залога, продержали тамъ до половины двѣнадцатаго часа и затѣмъ объявили, что залога онъ не можетъ получить ранѣе слѣдующаго дня. Оставалось только полчаса до переторжки. Бугровъ опрометью бросается на Нижній Базаръ и тамъ, сказавъ торговцамъ: «Братцы, давайте денегъ скорѣе», снялъ передъ ними свой малахай. Черезъ четверть часа въ малахай было накидано 20,000 р. серебр., съ которыми Бугровъ поспѣлъ на переторжку во-время, и поставка осталась за нимъ¹⁾.

«Въ ветхой шубенкѣ, крытой крашениной, въ истертомъ малахѣ, на простыхъ роспускахъ, запряжен-

¹⁾ См. такой же случай съ Чапуринымъ, рассказанный «Въ лѣсахъ», изд. 1875 года, часть первая, стр. 8.

ныхъ неказистою клячею, разѣзжаетъ онъ по городу, чтобы посмотрѣть за работами, взятыми имъ съ подряда, или побывать у людей чиновныхъ, съ которыми говоря о дѣлахъ по постройкамъ и подрядамъ, онъ въ случаѣ надобности ловко ввертываетъ хитрое словцо, которымъ убѣждаетъ нужнаго человѣка дѣйствовать въ пользу раскола. Въ той же шубенкѣ, въ которой, глядя на мостовщика, не знающаго снаровки, Бугровъ самъ садится на заподряженную имъ мостовую и бьетъ молотомъ будыжникъ, съ шуточною приговоркою, что достался же крѣпышъ своему хозяину, — въ той же шубенкѣ онъ приходитъ и въ пріемную губернатора, но не остается въ ней долго: въ то время какъ болѣе или менѣе важные чиновники часа по два ожидаютъ выхода начальника губерніи, Бугровъ немедленно выпускается въ губернаторскій кабинетъ. Тамъ толкуетъ онъ съ начальникомъ губерніи о разныхъ дѣлахъ по подрядамъ, шутя и балагурия, уступаетъ цѣны на заготовляемые матеріалы, берется сдѣлать безплатно сверхсметныя работы и, пріобрѣтая такимъ образомъ расположеніе начальника губерніи, ходатайствуетъ въ то же время передъ нимъ за того или другаго раскольника, но всегда заводитъ о томъ рѣчь осторожно, стороною. Такія ходатайства угодливаго Бугрова имѣютъ весьма сильное вліяніе на положеніе дѣлъ о раскольникахъ въ Нижегородской губерніи, ибо двѣ копѣйки пониженія цѣны на какую-нибудь поставку губернаторъ, генераль-лейтенантъ князь Урусовъ, считаетъ дѣломъ, безъ всякаго сравненія, важнѣйшимъ и полезнѣйшимъ, нежели прекращеніе развивающагося по безпечности его въ Нижегородской губерніи раскола. Ходатайству Бугрова семеновскіе скиты обязаны тѣмъ, что губернаторъ смотритъ на возобновленіе ихъ сквозь пальцы; ходатайству Бугрова обязаны скиты тѣмъ, что князь Урусовъ въ 1853 году писалъ даже о необходимости

оставить скиты въ прежнемъ положеніи; ходатайству Бугрова обязана городецкая часовня тѣмъ, что губернаторъ, имѣя въ виду высочайшее повѣленіе уничтожить ее при удобномъ случаѣ, оставляетъ ее неприкосновенною ¹⁾.

«Съ полиціею Бугровъ дѣйствуетъ, конечно, съ меньшею осторожностію, чѣмъ съ губернаторомъ, и притомъ напрямикъ, т. е., просто даетъ чиновникамъ ея годовой оброкъ, или условную за дѣло плату. Оттого полицейскіе чиновники дозволяютъ ему имѣть школы для обученія раскольниковскихъ дѣтей, оттого дозволяется ему имѣть моленныя; оттого дозволяется ему въ деревнѣ Поповой устраивать обители для высланныхъ изъ скитовъ раскольниковъ. Пользуясь такимъ покровительствомъ губернатора и имѣя на своей сторонѣ подкупную полицію, Бугровъ ни мало не стѣсняется въ своихъ сектаторскихъ дѣйствіяхъ. Напрасно преосвященный Геремія ²⁾ обращаетъ на него вниманіе князя Урусова; напрасно преосвященный представляетъ Святѣйшему синоду о вредѣ, приносимомъ Бугровымъ; напрасно г. министръ внутреннихъ дѣлъ, по сообщенію Св. синода, предписываетъ губернатору принять мѣры относительно Бугрова, губернаторъ убѣжденъ, что все это говорятъ и пишутъ ему несправедливо и не дѣлаетъ рѣшительно никакихъ распоряженій, чтобы сколько-нибудь обуздать этого раскольника. Да и какъ сталъ бы онъ дѣлать противъ него распоряженія? Въ то время, какъ начались объ немъ настоянія преосвященнаго и предписанія министра внутреннихъ дѣлъ, генераль-лейтенантъ князь Урусовъ, посредствомъ подставнаго лица (помощника директора ярмарочной кон-

¹⁾ Она построена въ 1771 году съ дозволенія Екатерины II и существуетъ донинѣ.

²⁾ Бывшій епископъ нижегородскій, живущій еще, на покоѣ, въ Благовѣщенскомъ монастырѣ, въ Нижнемъ-Новгородѣ.

торы, Смолькова) содержащей постоянно въ Нижнемъ-Новгородѣ и временно въ Костромѣ труппу актеровъ и только что потерявшей убытокъ отъ пожара, истребившаго старый театръ, — былъ до высшей степени обрадованъ угодливостью Бугрова, который на свой счетъ взялся построить ему каменный театръ. Оттого онъ никогда не выдастъ его и, дозволяя ему дѣлать, что ему угодно, всегда будетъ защищать передъ высшимъ правительствомъ этого коновода раскола, столь обязательно споспѣшествовавшаго увеличенію его театральныхъ домовъ ¹⁾. Бугровъ имѣетъ сильное вліяніе на раскольниковъ: всѣ издержки на покупку мѣстныхъ властей принимаетъ онъ на свой счетъ, думая тѣмъ дѣлать богоугодное дѣло, и потому всѣ бѣглопоповцы Нижегородской губерніи считаютъ его своимъ ходатаемъ и покровителемъ. Дома Бугрова открыты для всякаго единомысленнаго съ нимъ сектатора, и если въ нихъ не было пріюта лжеепископамъ, то единственно потому, что Бугровъ не признаетъ правильности ихъ хиротоніи. Значительная переписка сектаторская раскольниковъ Нижегородской губерніи, особенно заволжскихъ, съ Москвою, Казанью, Саратовомъ, Сибирью и другими мѣстами производится черезъ Бугрова. Особенно силь-

1) Въ Нижнемъ Новгородѣ и вообще въ Нижегородской губерніи посылается всеобщій слухъ даже о томъ, будто бы князь Урусовъ имѣетъ частныя сдѣлки по всѣмъ подрядамъ какъ съ Бугровымъ, такъ и съ Губинымъ. До какой степени вѣроятенъ этотъ слухъ, составитель сего отчета (Мельниковъ) сказать не можетъ, но считаетъ не излишнимъ упомянуть, что князь Урусовъ, имѣя съ нимъ (Мельниковымъ) въ сентябрѣ 1854 года, частный разговоръ о томъ, какое неблагоприятное вліяніе имѣетъ на внутреннюю торговлю Нижняго ярмарка, сказалъ слѣдующія слова: «Неужели вы думаете, что здѣшніе купцы дѣйствительно богаты? У всѣхъ у нихъ гроша нѣтъ за душою. Вотъ, напримѣръ, Мичуринъ (городской голова, православный), Бугровъ, Губинъ, у нихъ часто не бываетъ денегъ для залоговъ, и я имъ свои деньги даю, потому что цѣны, ими предлагаемыя, для казны чрезвычайно выгодны, а безъ залога ихъ нельзя допустить къ исполненію подрядовъ. Я знаю, что объ этомъ въ городѣ много ходитъ сплетень, но я дѣйствую для пользы казны».

ное вліяніе имѣеть этотъ коноводъ на Семеновскій и Балахнинскій уѣзды. Тамошніе раскольники всѣ у него подъ рукою, особенно же удѣльные крестьяне Чистопольскаго приказа, въ которомъ и головою выбранъ находящійся въ полномъ повиновеніи у Бугрова однодеревенскій съ нимъ раскольникъ.

«Какое бы ни возникло въ Нижегородской губерніи дѣло по расколу, Бугровъ всегда является его заступникомъ и ходатаемъ и даетъ ему направленіе по своему усмотрѣнію. Занимаясь постройками и подрядами, Бугровъ имѣеть у себя много работниковъ и, отдавая явное предпочтеніе раскольникамъ, способствуетъ уклоненіямъ въ расколъ православныхъ. Никакими вразумленіями на него нельзя подѣйствовать. Составитель сего отчета имѣлъ съ нимъ нѣсколько разъ разговоръ объ этомъ предметѣ, но Бугровъ всегда старался уклониться отъ прямого отвѣта на это и всегда говорилъ одно и то же: «Какой я раскольникъ? У меня вонъ сколько работы подряжено; мнѣ не то, что раскольничать, а лба перекрестить некогда».

«Помогая бѣднымъ, иногда изъ какихъ-либо расчетовъ и православнымъ, дѣлая пожертвованія ¹⁾ на общепользныя учрежденія и предпріятія и ведя вообще жизнь трудолюбивую и притомъ честную, Бугровъ даже и прямого начальника своего, управляющаго удѣльною конторою, статскаго совѣтника Даля, хорошо знающаго и расколъ, и раскольниковъ, поставилъ въ такое убѣжденіе, что будто бы онъ не вреденъ въ сектаторскомъ отношеніи.

¹⁾ Такихъ пожертвованій, дѣйствительно, сдѣлано Бугровымъ очень много. Даже послѣ его смерти, по его завѣщанію, они не прекращаются. Такъ, въ настоящее время (1884 г.) въ нижнемъ Новгородѣ, сооружается домъ для помѣщенія 50 вдовъ съ семьями. Къ этому пожертвованію присоединили свою лепту и Блиновы, а городское управленіе безплатно уступило землю, необходимую для этого зданія.

«Когда, въ декабрѣ 1853 года, составитель сего отчета запечаталъ моленную у раскольника Блинова¹⁾ и лавку у книгопродавца Головастикова, Бугровъ на другой же день явился къ нему «похлопотать о дѣлѣ». У составителя сего отчета, въ восьми верстахъ отъ Нижняго-Новгорода, есть небольшая деревня²⁾, изъ которой хлѣбъ продается не зерномъ, а мукою. Бугровъ, приѣхавъ къ нему, сначала сталъ просить о томъ: «нельзя ли повести дѣло Блинова полегче; нельзя ли не подуть на него холоднымъ вѣтромъ». Когда же Бугровъ получилъ на то отказъ, то сказалъ: «Да вѣдь я, баринъ, къ тебѣ не за тѣмъ приѣхалъ, а вотъ что: продай мнѣ изъ Ляхова муку-то; надобно въ казенные магазины ставить, а муки ни куля». Когда ему было сказано, что мука уже вся продана, Бугровъ, повидимому, не вѣря этому, сказалъ: «Эхъ, баринъ, поищи-ка у себя въ амбарахъ-то я бы тебѣ полтора рубля за пудъ далъ». А мука въ то время продавалась въ Нижнемъ-Новгородѣ по 1 руб. ассиг. за пудъ. Вотъ образецъ ходатайства Бугрова».

П. Е. Бугровъ скончался нѣсколько лѣтъ тому назадъ милліонеромъ, оставившимъ послѣ себя добрую память въ Нижнемъ-Новгородѣ. По слухамъ, онъ оставилъ послѣ себя семь милліоновъ рублей капитала и 180.000 десятинъ лѣса, по нижегородской желѣзной дорогѣ и по шоссе отъ Нижняго до Владиміра, а также въ Семеновскомъ уѣздѣ. Увѣряютъ, что принадлежащія ему лѣсныя богатства оцѣниваются въ 14 милліоновъ рублей. «Это цѣлое княжество, въ нашей губерніи», говорятъ нижегородцы, недовольные пере-

1) Умеръ, осенью 1883 года, восьмидесятилѣтнимъ старцемъ, оставивъ послѣ себя милліонное состояніе. Онъ вмѣстѣ съ Бугровымъ принадлежалъ къ числу немногихъ дѣйствительныхъ капиталистовъ Нижняго-Новгорода.

2) Ляхово, селцо, не П. И. Мельникова по его второй жены.

ходомъ дворянскихъ земель къ купцамъ. Для разработки этого лѣсного богатства устроено нѣсколько паровыхъ лѣсопиленъ, соединенныхъ рельсовыми вѣтвями съ нижегородскою желѣзною дорогою. Огромный садъ въ самомъ Нижнемъ-Новгородѣ, бывшій князя Грузинскаго, также принадлежитъ наслѣдникамъ Бугрова.

Въ своемъ «Отчетѣ о современномъ состояніи раскола» Мельниковымъ приводится нѣсколько примѣровъ и случаевъ, въ которыхъ нижегородскій губернаторъ князь Урусовъ оказывался на сторонѣ раскольниковъ. Такъ, къ числу закоренѣлыхъ фанатиковъ-раскольниковъ, временно проживавшихъ въ Нижегородской губерніи, Мельниковъ отнесъ въ своемъ отчетѣ также крестьянина деревни Поспѣлихи Кинешемскаго уѣзда Костромской губерніи, Захара Никитина, послѣдователя Нѣтовской секты. По словамъ Мельникова, онъ «распространялъ въ народѣ нелѣпныя раскольническія сочиненія объ антихристѣ, направленныя противъ православія и правительства, и велъ гласную проповѣдь раскола. Въ 1854 году на нижегородской ярмаркѣ онъ распродалъ, по крайней мѣрѣ, до ста самыхъ вредныхъ раскольническихъ сочиненій и, сидя у дверей лавки № 59 по Холщевой линіи, гдѣ имѣлъ пристанище, бывалъ постоянно окруженъ раскольниками. Среди бѣлаго дня Никитинъ, сидя на складномъ стулѣ у лавки, съ счетами въ рукахъ, проповѣдывалъ ученіе о воцареніи антихриста, въ лицѣ государя императора, и на счетахъ дѣлалъ вычисленія апокалипсическаго числа 666. О распространеніи Никитинымъ на ярмаркѣ книгъ и о публичной его проповѣди раскола я неоднократно докладывалъ нижегородскому губернатору, прося его о немедленномъ пресѣченіи этому раскольнику возможности распространять привезенныя имъ на ярмарку книги и проповѣдывать расколъ. Генераль-лейтенантъ

князь Урусовъ принялъ это со свойственною ему безпечною и не сдѣлалъ относительно Захара Никитина никакихъ распоряженій. При одномъ моемъ докладѣ о Никитинѣ, князь Урусовъ сказалъ, что онъ это дѣло поручить своему адъютанту, но адъютантъ, занятый разсылкою приглашеній на балъ, данный княземъ Урусовымъ, и устройствомъ самаго бала, не имѣлъ ни времени, ни возможности заняться Захаромъ Никитинымъ, который благополучно продалъ весь свой товаръ и также благополучно уѣхалъ изъ Нижняго».

Вотъ еще случай. Посланія объ учрежденіи митрополіи въ Бѣлой Криницѣ проникли впервые въ Нижегородское Заволжье въ 1847 году, одновременно изъ Саратова и изъ Москвы, съ прибывшими изъ этихъ городовъ скитницами Оленевского и Комаровскаго скитовъ. Въ 1848 году Мельниковъ, состоя чиновникомъ особыхъ порученій при нижегородскомъ губернаторѣ, «получилъ въ Семеновскомъ уѣздѣ списки съ двухъ бѣлокриницкихъ воззваній, которые и представилъ губернатору, но послѣдній не сдѣлалъ никакихъ распоряженій по этому предмету. Князь Урусовъ въ то время не вѣрилъ возможности епископства, а нынѣ (въ 1854 году) совершенно равнодушенъ къ этому дѣлу, считая все это «пустяками, не стоящими никакого вниманія». Это были собственныя выраженія князя Урусова».

Этими случаями столкновенія чиновника особыхъ порученій съ своимъ губернаторомъ, особенно когда первый считалъ, что послѣдній не выполняетъ строгихъ предписаній о преслѣдованіи раскола, которые присылались тогда изъ Петербурга, объясняется удовольствіе Мельникова, когда, въ 1850 году, онъ былъ причисленъ къ министерству внутреннихъ дѣлъ, слѣдовательно былъ освобожденъ въ своихъ дѣйствіяхъ отъ зависимости мѣстнаго начальника губерніи. Испол-

няя возлагаемая на него министрами внутреннихъ дѣлъ порученія, Мельниковъ не щадилъ ни губернатора, ни полицію, ни богатыхъ раскольниковъ, несмотря на ихъ попытки пріобрѣсти себѣ его благоволеніе или, по меньшей мѣрѣ, снисхожденіе. По какимъ именно внутреннимъ побужденіямъ князь Урусовъ мирволилъ раскольникамъ: по тѣмъ ли, о какихъ заставляетъ подозрѣвать «Отчетъ о современномъ положеніи раскола», или по другимъ, но онъ только предупредилъ, такъ сказать, тотъ снисходительный къ нимъ образъ дѣйствія, который, съ воцареніемъ новаго императора, замѣнилъ прежнія преслѣдованія. Жаркимъ сторонникомъ такого снисхожденія сдѣлался впоследствии самъ П. И. Мельниковъ.

XI

Всеподданнѣйшій отчетъ 1855 года.—Рядъ повѣстей и рассказовъ Андрея Печерскаго.—Прошенія поповщины.—Историко-догматическое описаніе раскола.

Съ назначеніемъ Сергѣя Степановича Ланскаго министромъ внутреннихъ дѣлъ, П. И. Мельникову приходилось служить при третьемъ лицѣ на одномъ изъ важнѣйшихъ государственныхъ постовъ въ Россіи. Несмотря на краткое, въ повелительномъ тонѣ, приказаніе «немедленно прибыть» въ Петербургъ изъ Нижняго-Новгорода, С. С. Ланской принялъ Мельникова, по пріѣздѣ его въ столицу, столь же ласково и внимательно, какъ и его предшественники, графъ Перовскій и генераль-адъютантъ Бибиковъ. Искренній давнишній другъ Мельникова, графъ Дмитрій Николаевичъ Толстой, вновь оказалъ ему услугу, рекомендо-

вань его С. С. Данскому съ самой лучшей стороны и тѣмъ предупредилъ интриги недоброжелателей Мельникова. Новый министръ встрѣтилъ Мельникова слѣдующими словами: «Вы мнѣ нужны; я выбралъ васъ для составленія всеподданнѣйшаго отчета. Этотъ отчетъ долженъ быть совѣмъ особеннымъ, новымъ. Государь новый, министръ новый, а каково при этомъ положеніе государства?.. Вы получите нѣсколько десятковъ отчетовъ ¹⁾ и, можно напередъ сказать, найдете въ нихъ оффиціальную неправду, фантазію, вымыслы и уже непремѣнно самохвальство: каждый губернаторъ считаетъ теперь себя спасителемъ отечества. Въ моемъ отчетѣ должна быть одна правда, какъ бы она горька ни была, и ни малѣйшаго самовосхваленія. Необходимо вполнѣ ознакомить государя съ его наслѣдіемъ, во всей его наготѣ, отнюдь не скрывая язвъ. Онъ посланъ къ намъ Богомъ, какъ лѣкарь, чтобы исцѣлить Россію отъ хроническихъ ея болѣзней—дай только Богъ долготѣνια ему царствованія: онъ исцѣлитъ насъ. А передъ лѣкаремъ язвъ не скрываютъ... Впрочемъ, я набросаю на бумагѣ мои мысли относительно этого и завтра пришлою вамъ... Я желаю, чтобы мой отчетъ нисколько не пахнулъ канцеляріею, чтобы въ немъ былъ живой духъ, выраженный живымъ слогомъ, а не мертвая буква. Я знакомъ съ вашимъ перомъ; вы пишете немножко рѣзко; это для канцеляріи, конечно, неприятно, но для меня теперь нужно... А главное правда, строгая правда. Пишите такъ, какъ бы стали вы говорить самому государю, если бы онъ спросилъ васъ... Мало того, пишите такъ, какъ бы вы отвѣчали самому Господу Богу на страшномъ судѣ».

И порученіе, и довѣріе новаго министра были не-

¹⁾ Департаментовъ министерства внутреннихъ дѣлъ, разныхъ подвѣдомственныхъ ему отдѣльныхъ управленій и губернаторовъ.

обыкновенно лестны Мельникову. При графѣ Перовскомъ всеподданнѣйшіе отчеты составлялъ Н. И. Надеждинъ, а послѣ его смерти другіе наиболѣе выдающіеся чиновники министерства. Поэтому дѣло, порученное С. С. Ланскимъ Мельникову, разомъ выдвигало его впередъ. Онъ усердно принялся за работу и къ іюлю 1856 года отчетъ былъ окончательно обработанъ, одобренъ министромъ и представленъ государю императору, передъ отъѣздомъ его на коронацію въ Москву. На этомъ отчетѣ императоръ Александръ Николаевичъ собственноручно написалъ: «Читалъ съ большимъ любопытствомъ и благодарю въ особенности за откровенное изложеніе всѣхъ недостатковъ, которые съ Божіею помощію и при общемъ усердіи, надѣюсь съ каждымъ годомъ будутъ исправляться». Сверхъ того, на поляхъ отчета было множество собственноручныхъ замѣчаній государя и высочайшихъ повелѣній, имѣвшихъ важное значеніе для Россіи.

Отчетъ министра внутреннихъ дѣлъ за 1855 годъ подвинулъ впередъ крестьянскую реформу, указалъ на необходимость предоставленія большей самостоятельности въ хозяйственномъ управленіи уѣзда, на необходимость довѣрія въ этомъ отношеніи къ мѣстнымъ жителямъ, на неотлагательность отдѣленія слѣдственныхъ дѣлъ отъ обязанностей полиціи и проч. По поводу матеріальнаго и нравственнаго положенія земской и городской полиціи было выражено, что «настоящая картина указываетъ на необходимость преобразованій въ полицейской части». Въ этомъ же всеподданнѣйшемъ отчетѣ было сказано, что «въ настоящее время господствуетъ вездѣ преобладаніе формъ и бумажнаго производства, въ ущербъ самому дѣлу. Упрощеніемъ этихъ обрядовъ можно достигнуть уменьшенія числа должностныхъ лицъ, и тогда можно будетъ дѣлать выборъ хорошихъ чиновниковъ изъ соискателей».

Мельниковъ до конца жизни гордился своимъ участіемъ въ составленіи всеподданнѣйшаго отчета, за 1855 годъ, что, между прочимъ, видно и изъ его «Воспоминаній о графѣ Ланскомъ», помѣщенныхъ имъ въ Русскомъ Архивѣ» 1879 годда. С. С. Ланской, увидавъ, что Мельниковъ оправдалъ выборъ егс для этого труда, приблизилъ его къ себѣ болѣе другихъ своихъ чиновниковъ, такъ что онъ имѣлъ къ нему доступъ во всякое время и преимущественно являлся для бесѣды по воскресеньямъ, послѣ обѣдни.

По составленіи всеподданнѣйшаго отчета, С. С. Ланской 31-го іюля 1856 г. предписалъ Мельникову «немедленно отправиться на Нижегородскую ярмарку гдѣ, при собраніи свѣдѣній о ходѣ торговли восточными товарами, войти въ сколь возможно близкія сношенія съ прибывшими туда послѣдователями армяно-григоріанскаго исповѣданія какъ русскими подданными, такъ и находящимися въ подданствѣ султана турецкаго и шаха персидскаго и узнать отъ нихъ о характерѣ и дѣйствіяхъ верховнаго патріарха гайканскаго народа, Нерсеса, и о томъ, какое впечатлѣніе производитъ на армяно-григоріанъ, состоящихъ въ подданствѣ Россійской имперіи, незамѣченіе остающихся вакантными архіерейскихъ каѳедръ и мѣстъ членовъ эчміадзинскаго синода. Свѣдѣнія сіи предлагаю вамъ собрать совершенно секретно и представить мнѣ». Мельниковъ составилъ пространное описаніе дѣйствій патріарха Нерсеса, причемъ доказывалъ въ своемъ докладѣ, что главными причинами безпорядковъ въ Эчміадзинѣ были: 1) невѣжество и низкая нравственность армянскаго духовенства, до которыхъ оно доведено тяжелымъ владычествомъ мусульманъ; 2) слабое управленіе патріарха Іоакима, предшественника Нерсеса; 3) непомерное своеволие Нерсеса, который, при преклонныхъ лѣтахъ, не привыкъ признавать другой вла-

сти, кромѣ собственныхъ побужденій, большею частью честолюбивыхъ и корыстныхъ и 4) бездѣйствіе мини-стерства внутреннихъ дѣлъ.

На досугѣ, отдыхая въ подгородномъ сельцѣ Ляховѣ, имѣни его второй супруги, Елены Андреевны, урожденной Рубинской, П. И. Мельниковъ, послѣ четырехлѣтняго перерыва, вновь принялся за беллетристику. За подписью «Андрей Печерскій» поивился въ «Русскомъ Вѣстникѣ» 1857 года рассказъ: «Старые годы». Это было начало ряда рассказовъ («Полярковъ», «Дѣдушка Поликарпъ», «Медвѣжій уголь» «Непремѣнный» «Бабушкины рассказы»), которые въ 1857 и 1858 годахъ сдѣлали Андрея Печерскаго однимъ изъ любимѣйшихъ писателей русскаго общества. Эти рассказы были третьимъ приступомъ Мельникова къ исключительно беллетристической формѣ своихъ литературныхъ произведеній. Первый приступъ его къ тому былъ въ 1840 году. Въ № 52 «Литературной газеты» 1840 года (въ послѣдній годъ редактированія ея А. А. Краевскимъ) появился рассказъ, за подписью П. М—н—к—въ, «О томъ, кто такой былъ Эльнидифоръ Перфильевичъ, и какія приготовленія дѣлались въ Черноградѣ къ его именинамъ» (начало повѣсти, которая, можетъ быть, будетъ окончена, а, можетъ быть, и не будетъ, какъ объявилъ авторъ). Въ № 80-мъ продолженіе этой повѣсти, уже за подписью П. И. Мельниковъ, появилось подъ заглавіемъ: «О томъ, какія были послѣднія приготовленія Эльнидифора Перфильевича, и какъ собрались къ нему гости». Третьяго продолженія повѣсти не появилось, и такимъ образомъ публика не узнала вполнѣ ея героя, уѣзднаго исправника. Повѣсть эта, попытка Мельникова подражать Гоголю, была слабымъ произведеніемъ, написаннымъ въ юмористическомъ духѣ, въ которомъ чувствовался, однако, невѣрный, невыдержанный тонъ. Мельниковъ

самъ остался недоволенъ своимъ первымъ беллетристическимъ произведеніемъ и въ письмѣ къ брату Николаю, убитому въ 1844 году на Кавказѣ сообщалъ: «Ты пишешь, что въ Кубанской глуши добылъ «Литературную газету» и восхищался Эльпидифоромъ и Художникомъ ¹⁾. Плохой же у тебя вкусъ, если только восхищеніе твое не произошло единственно отъ родственнаго чувства. Никогда не прощу себѣ, что я напечаталъ такую гадость; если бы можно было, я собралъ бы все листки «Литературной газеты» не только на Кубани, но и по всей Великой, Малой и Бѣлой Россіи и все бы ихъ въ печку. Я еще мало знаю людей, чтобы писать повѣсти, и даю тебѣ и себѣ честное слово не писать ни стиховъ, ни прозы до тѣхъ поръ, пока не узнаю жизнь лучше. Исторія и статистика особая статья. Покаюсь тебѣ, кстати, еще въ грѣхѣ: написалъ я повѣсть, и повѣсть большущую, въ четырнадцать главахъ, подъ названіемъ: «Звѣзда Троеславля» ²⁾, да этого еще мало—послалъ ее къ Краевскому, но, слава Богу, онъ возвратилъ мнѣ ее для передѣлокъ: я ее и передѣлалъ на фидибусы; раскуривалъ трубку этими фидибусами чуть не полгода. Вотъ какая огромная звѣзда была!»

Двѣнадцать лѣтъ Мельниковъ не принимался за беллетристику. Изслѣдуя городское хозяйство въ Нижегородской губерніи, онъ написалъ, въ 1852 году, въ Нижнемъ-Новгородѣ повѣсть: «Красильниковы» и прочелъ ее В. Далю. Тотъ уговорилъ его напечатать эту повѣсть: и она появилась въ № 8-мъ «Москвитянина», за подписью «Андрей Печерскій». Это былъ второй приступъ П. И. Мельникова къ беллетристикѣ.

¹⁾ Въ № 55 «Литературной Газеты» 1840 года помѣщено было стихотвореніе Мельникова «Великій художникъ» (переводъ съ польскаго, Мицкевича).

²⁾ Ярославля.

Тогдашніе журналы обратили вниманіе на это произведеніе и осыпали его похвалами. По словамъ «Современника», передъ «самою сжатостью и безыскусственностью» разсказа Андрея Печерскаго, въ которомъ нѣтъ ни одной слабой, или невѣрной черты, ни одного неумѣстнаго, вычурнаго слова, гдѣ дѣйствительность является безъ прикрасть, безъ подмалевокъ, безъ ухищреній фантазій, блѣднѣютъ даже нѣкоторые разсказы лучшихъ и талантливѣйшихъ современныхъ писателей. По вѣрности, дѣйствительности, по мѣткости и по силѣ впечатлѣнія, этотъ разсказъ можетъ быть поставленъ на ряду только съ лучшими произведеніями».

И «Старые годы» произвели сильное впечатлѣніе на читателей. По выраженію «Библиотеки для чтенія» 1857 года, этотъ разсказъ «глубоко поэтическая панихида надъ нашими безпутными годами. Выведенныя въ «Старыхъ годахъ» личности не только этнографически, но и психологически вѣрны: онѣ думаютъ, говорятъ, дѣйствуютъ, движутся какъ живые люди, а это несомнѣнно обнаруживаетъ въ авторѣ поэтической талантъ. Есть мѣста, гдѣ его исторической этюдъ переходитъ въ драматическія сцены, исполненныя удивительно-художественно». Знавшіе всевдомимъ Мельникова привѣтствовали его и благодарили частными письмами за «Старые годы». Близкій къ нему товарищъ его по казанскому университету, извѣстный своими статистическими работами, А. И. Артемьевъ (онъ тремя годами позже Мельникова кончилъ курсъ), писалъ къ нему, съ границъ Финляндіи, отъ 23-го іюля 1857 года:

+

«Такъ начинали въ «старые годы» ¹⁾. Начнемъ же постародавнему. А дѣйствительно безпутны были

1) Т. е. крестомъ.

«старые годы», хотя во время оно и начиналось все съ «Господи-благослови», а оканчивалось славословіемъ...

«И нельзя не порадоваться, что прошли, миновали эти «старые годы». И дай Богъ, чтобы не возвращались они. И нѣтъ сомнѣнія, что не возвратятся они!

«Только за одно можно похвалить «старые годы», и ради этого одного можно порадоваться продолженію ихъ...

«Въ «старые годы» былъ у насъ Печерскій, возсоздавшій въ своей «Повѣсти» старые годы съ ихъ князьями, съ ихъ дикимъ нестыдѣніемъ къ невѣсткамъ и проч.

«И теперь у насъ есть новый Печерскій, также возсоздавшій передъ нами «старые годы» съ ихъ князьями Иванамъ Алексѣевичами, Алексѣями Юрьевичами...

«И дай Богъ, чтобы въ этомъ отношеніи шло все постарому, чтобы Печерскіе, возсоздатели «старыхъ годовъ», не прекращались на многія лѣта впредь, ради наученія современниковъ и потомства.

«А теперь позвольте, г. Андрей Печерскій, выразить предъ вами искреннее желаніе, чтобы и вашему художественному возсозданію «старыхъ годовъ» выпала доля вашего соплеменника Печерекаго Нестора: благородная доля—быть предметомъ уваженія для 800 лѣтъ потомства».

Все рассказы Андрея Печерекаго появились въ журналахъ съ разрѣшенія тогдашней цензуры, но наибольшая ихъ часть была напечатана въ «Русскомъ Вѣстникѣ», цензоръ котораго, фонъ-Крузе, допускалъ для его редакціи такую свободу печати, которая заставляла завидовать петербургскихъ редакторовъ своему московскому собрату. Успѣху «Русскаго Вѣстника» въ первые годы его появленія подъ редакціею М. П. Каткова, много содѣйствовалъ фонъ-Крузе усвоенною

имъ себѣ системою цензуры. Но когда петербургскій книгопродавецъ А. Давыдовъ предпринялъ отдѣльное изданіе «Разказовъ А. Печерскаго» и представилъ ихъ для того въ цензуру, то вышелъ своего рода курьезъ. Цензоръ московскаго комитета, фонъ-Крузе, одобрилъ къ печати эти «Разказы» 18 іюня 1858 г., но когда потребовалось разрѣшеніе петербургскаго цензурнаго комитета, вслѣдствіе печатанія этого изданія въ Петербургѣ, то комитетъ опредѣлилъ: «Возвратить издателю безъ одобренія», причѣмъ зачеркнулъ и разрѣшеніе московской цензуры, равно какъ и приложенную къ нему печать московскаго комитета. Книгопродавцу Давыдову, въ его сборникѣ: «Для легкаго чтенія», разрѣшено было перепечатать только два разказа: «Красильниковъ» и «Поярковъ». Обличительный тонъ остальныхъ разказовъ, не понравившійся въ тѣ годы многимъ лицамъ высшей администраціи, былъ причиною цензурнаго ихъ запрещенія въ новомъ изданіи. Впослѣдствіи разказы Андрея Печерскаго разошлись въ нашей публикѣ въ двухъ изданіяхъ.

Но, сверхъ своихъ беллетристическихъ занятій, П. И. Мельниковъ и въ 1857 году не оставлялъ своего излюбленнаго по преимуществу вопроса о расколѣ. Особенный случай далъ ему вновь поводъ высказаться по этому вопросу, разумѣется, непечатано. Во время коронаціи въ Москвѣ, въ августѣ 1856 года, тамошніе поповцы подали всеподданнѣйшее прошеніе государю императору о дозволеніи имъ принимать отъ церкви бѣглыхъ священниковъ. Эта просьба была оставлена безъ послѣдствій, подобно тому, какъ и прежде имъ было въ томъ отказываемо, при неоднократныхъ ихъ подобныхъ прошеніяхъ. Правительство находило, что такое дозволеніе было бы несообразно съ достоинствомъ православной церкви. Св. синодъ находилъ, что самый побѣгъ священника къ раскольникамъ есть уже пре-

ступленіе уголовное. Наконецъ и желаніе старообрядцевъ возвращать епархіальному начальству попа, почему-либо сдѣлавшагося для нихъ негоднымъ, ни въ какомъ случаѣ не могло быть исполнено, ибо тогда православная церковь представилась бы какимъ-то вмѣстилищемъ, куда поповцы могутъ кидать все имъ ненужное и въ то же время брать изъ него все, что есть получше. Впрочемъ, невозможность удовлетворить желаніе раскольниковъ, дозволеніемъ имъ брать изъ православной церкви поповъ, сознавали сами поповцы, по крайней мѣрѣ, тѣ изъ нихъ, которые были развитѣе и безпристрастиѣе.

Но въ мартѣ 1857 года московскій военный генераль-губернаторъ, графъ Закревскій, представилъ новую просьбу тамошнихъ поповцовъ подобнаго же содержания, причемъ во всеподданнѣйшемъ докладѣ ходатайствовалъ, въ видахъ успокоенія раскольниковъ, «даровать имъ поповъ не подчиненныхъ духовному начальству» и для осуществленія этой цѣли придумалъ три способа. На докладѣ графа Закревскаго императоръ Александръ Николаевичъ изволилъ написать: «Дѣло это внести неотлагательно на разсмотрѣніе Секретнаго Комитета, причемъ обращаю вниманіе гг. членовъ на важность сего государственнаго и, можно сказать, жизненнаго для насъ вопроса и ожидаю полнаго и откровеннаго ихъ мнѣнія, для успокоенія колеблющейся моей совѣсти въ этомъ важномъ дѣлѣ, т. е. какъ согласовать выгоды нашей церкви съ государственными выгодами, ибо дѣло идетъ о успокоеніи умовъ 5 милл. людей».

Приглашенный министромъ внутреннихъ дѣлъ, Ланскимъ, дать свое мнѣніе по докладу графа Закревскаго, Мельниковъ доказалъ всю несостоятельность предложенныхъ имъ трехъ способовъ удовлетворенія просьбы поповцевъ. Особенно онъ возсталъ противъ второго

способа, который, по словамъ Мельникова, долженъ былъ уронить въ глазахъ народа всякое уваженіе къ достоинству правительства, прибѣгающаго ко лжи, ради соблюденія формальности. Именно гражданское правительство должно было бы, по предложенію графа Закревскаго, отвѣчать епархіальному архіерею, что попъ находится при своемъ мѣстѣ, тогда какъ онъ собственно пребываетъ уже у старообрядцовъ, и архіерей долженъ повѣрить этой лжи и въ своихъ бумагахъ глатъ, что бѣглый попъ находится при своемъ мѣстѣ. «А ложь (писалъ Мельниковъ), какого бы рода она ни была, по каноническимъ правиламъ, разрушаетъ санъ архіерейства, а по дворянской грамотѣ разрушаетъ дворянство. Слѣдовательно и гражданское и епархіальное начальства, исполняя волю правительства, то и дѣло разрушали бы свое достоинство. Ни правительство, прибѣгающее въ затруднительныхъ вопросахъ ко лжи, ни церковь, принимающая ложь за правду, не могутъ быть уважаемы народомъ. Правда, что распоряженіе это будетъ сдѣлано секретно, но секретъ въ дѣлѣ, касающемся до пяти милліоновъ людей, не есть секретъ. Онъ будетъ существовать только на бумагахъ». Въ заключеніе своей записки Мельниковъ полагалъ, что «единственнымъ выходомъ изъ этого дѣла есть дарованіе раскольникамъ своихъ архіереевъ изъ православнаго духовенства. Это успокоило бы умы пяти милліоновъ подданныхъ его императорскаго величества, прекратило бы дальнѣйшее развѣтвленіе раскола и образованіе новыхъ сектъ, которое послѣдуетъ при всякой другой мѣрѣ и, что всего важнѣе въ государственномъ отношеніи—это тотчасъ же не только уничтожило бы зловредное вліяніе на Россію Австріи, но и окончательно убило бы Бѣлую Криницу».

Министръ внутреннихъ дѣлъ Ланской представилъ въ Секретномъ Комитетѣ свое мнѣніе, въ которомъ го-

ворить, что не сообразно было бы ни со святостью церкви, ни съ достоинствомъ правительства, дозволить священникамъ бѣгать къ раскольникамъ и терпѣть такихъ бѣглецовъ. Для успокоенія же раскольниковъ поповщинской секты онъ предлагалъ осуществить обѣщаніе, данное правительствомъ при Императрицѣ Екатерины Великой, но не исполненное: «Дать единовѣрцамъ ообыхъ архіереевъ», даровать совершенно полное устройство единовѣрческой церкви. Это предположеніе Ланского осталось безъ послѣдствій.

Возбужденное графомъ Закревскимъ ходатайство въ пользу раскольниковъ обратило вниманіе на нихъ правительства въ 1857 году, и Мельниковъ составилъ для великаго князя Константина Николаевича особую записку о русскомъ расколѣ, которая появилась въ печати только въ 1866 году, но безъ конца, съ пропусками и искаженіями, въ «Сборникѣ правительственныхъ распоряженій о расколѣ», изданномъ В. И. Кельсиевымъ въ Лондонѣ.

Въ бумагахъ П. И. Мельникова осталось нѣсколько черновыхъ отъ его мнѣній по вопросу о расколѣ, изложенныхъ имъ въ 1857 году. Въ одной изъ такихъ записокъ, онъ, между прочимъ, излагалъ: «Исторія двухъ сотъ лѣтъ достаточно показала, что ни крутыя мѣры Петра Великаго, ни казни, совершенныя въ его царствованіе, ни публичное осмѣяніе раскола, ни анафема, произнесенная въ 1667 году, ни полемическія и увѣщательныя сочиненія духовныхъ пастырей, ни полумѣры правительства, предпринимаемыя безъ всякой послѣдовательности, а единственно по случайнымъ обстоятельствомъ, или по личнымъ взглядамъ на этотъ предметъ государей и высшихъ сановниковъ государства, изучавшихъ расколъ преимущественно по официальнымъ бумагамъ,—ничто не могло уврачевать эту язву, болѣе и болѣе распространяющуюся на госу-

дарственномъ тѣлѣ нашего отечества. Все это, а въ особенности непослѣдовательность полумѣръ по воздвигаемымъ преслѣдованіямъ раскола, то оставившихъ его безъ всякаго вниманія, то стѣснявшихъ гражданскія права раскольниковъ, то дававшихъ имъ неумѣстныя льготы,—все это не только не ослабило раскола, но значительно усилило его и увеличило число его послѣдователей. При Петрѣ Великомъ раскольниковъ едва ли было болѣе полумилліона; теперь ихъ до десяти милліоновъ обоего пола. Если и на будущее время будутъ приниматься такія же полумѣры, какія были предпринимаемы въ послѣднія двѣсти лѣтъ, то, безъ сомнѣнія, расколъ будетъ усиливаться, и число раскольниковъ будетъ увеличиваться въ той же пропорціи. Такимъ образомъ можно ожидать, что въ ХХ столѣтіи всѣ великороссы, за исключеніемъ дворянства и духовенства, будутъ въ расколѣ. Сдѣлаются ли раскольниками малороссіяне — Богъ знаетъ, но жители Новороссійскаго края и юго-западныхъ губерній послѣдуютъ за великороссами: между ними и теперь расколъ сильно распространяется, а близость Вѣлой Криницы, конечно, не остается безъ вліянія на Бессарабію, Вольну, Подолію.

«И какая страшная опасность угрожаетъ Россіи въ будущемъ! Событія послѣднихъ годовъ, кажется, достаточно доказали, что Россія не можетъ разсчитывать на дружбу и доброжелательство Австріи. Мы потеряли, можетъ быть, навсегда возможность грозить Вѣнѣ славянскимъ вопросомъ, а австрійское правительство на границахъ нашихъ поставило страшную для насъ каѳедру Вѣлокриницкую. Наполеонъ I сдѣлалъ страшную ошибку, войдя въ Москву. Если бы онъ, притворявшійся въ Египтѣ мусульманиномъ, вмѣсто того, чтобы превращать кремлевскіе соборы въ конюшни, взялъ бы съ Рогожскаго кладбища раскольническаго попа,

заставилъ бы его отслужить въ Успенскомъ соборѣ общину и объявилъ бы возстановленіе въ Россіи старой вѣры и стараго быта, обошелъ бы съ раскольниками крестнымъ ходомъ Кремль Московскій — война 1812 года имѣла бы другой исходъ. Напрасно думаютъ, что онъ, какъ иностранецъ и иновѣрецъ, не нашелъ бы сочувствія въ народѣ русскомъ. И тогда какъ онъ своими необдуманнѣйшими поступками возбудилъ ненависть къ себѣ народа русскаго, считавшаго его антихристомъ — явилась же въ Россіи и до сихъ поръ втайнѣ существующая секта наполеоновская, признающая Наполеона I сыномъ Божиимъ ¹⁾!

«Австрійцы съ Бѣлокриницкою митрополіею обходятся не такъ, какъ Наполеонъ I обходился съ православіемъ. Изъ перваго манифеста Бѣлокриницкаго (въ ноябрѣ 1846 г.), разосланнаго по Россіи, русскіе раскольники узнали, что митрополитъ Амвросій былъ милостиво принятъ императоромъ Фердинандомъ, получилъ отъ него охранную грамоту, съ почетомъ былъ принятъ львовскимъ губернаторомъ и съ торжественностію слѣдовалъ изъ Львова въ Бѣлую Криницу. Во время послѣдней войны русскіе раскольники узнали, что 6-го января 1855 года, когда митрополитъ Кирилль совершалъ крестный ходъ для освященія воды, его сопровождалъ эрцгерцогъ австрійскій, и, когда Кирилль погружалъ крестъ, австрійская артиллерія дѣлала выстрѣлы. Между русскими раскольниками распространена исторія Бѣлокриницкой митрополіи, въ которой говорится съ уваженіемъ объ австрійскомъ императорѣ, а о императорѣ Николаѣ Павловичѣ говорится въ такомъ духѣ: «и царь русскій зѣльно уязвился злобою на преосвященнаго Амвросія... и по наговору русскаго

1) До 1848 года никто въ Россіи и не подозрѣвалъ этой секты. Первый намекъ на нее сдѣлалъ извѣстный путешественникъ Гакстгаузенъ.

царя и за помощь его противъ венгерцевъ новый австрійскій Юзефъ сослалъ преосвященнаго митрополита Амвросія въ заключеніе въ Тироль, въ городъ Цилль».

«Преданность бѣлокриницкому митрополиту и вслѣдствіе того сочувствіе покровительствующему Бѣлой Криницѣ австрійскому правительству съ каждымъ годомъ усиливается между русскими раскольниками. Бѣлая Криница составляетъ ихъ гордость, ихъ надежды. Изъ Бѣлой Криницы чають они спасенія. Лжеепископы, которыхъ теперь въ Россіи шесть, если не болѣе, и множество лжепоповъ, поддерживаютъ это сочувствіе нѣсколькихъ милліоновъ русскихъ людей къ иноземному правительству.

«Что если у насъ произойдетъ разрывъ съ Австріею, и впереди австрійскихъ войскъ явится на русской землѣ митрополитъ Кирилль въ древнемъ облаченіи русскихъ святителей? Что если онъ возгласитъ: «Я гряду, христіане древяго благочестія, подъ прикрытіемъ австрійскихъ солдатъ, очистить мерзость заустѣнія ¹⁾), въ священномъ Кремлѣ Московскомъ и во всемъ государствѣ русскомъ»? Своимъ осмиконечнымъ крестомъ онъ принесетъ тогда намъ въ сто разъ больше вреда, чѣмъ штуцеры и улучшенныя осадныя орудія англо-французовъ. Изъ края въ край восколебнется тогда земля русская — и двуглавый орелъ австрійскій въ самомъ центрѣ Россіи восторжествуетъ надъ нашимъ двуглавымъ орломъ. Австрія намъ страшнѣе всякаго другого врага. Она страшнѣе намъ всей остальной Европы, ополчившейся на насъ».

Таковъ былъ въ 1859 году взглядъ П. И. Мельникова на политическое значеніе для Россіи Бѣлокриницкой митрополіи, учредившейся въ Австріи. Разрывъ

¹⁾ Такъ зовутъ раскольники православное богослуженіе въ древнихъ церквахъ.

впослѣдствіи съ митрополіею той части поповщины, которая не признаетъ «австрійскаго священства», придаетъ этому мнѣнію Мельникова нынѣ одно «историческое» значеніе. Но это мнѣніе находило въ то время многихъ сторонниковъ среди лицъ высшей администраціи Россіи.

Пользуясь расположеніемъ и довѣріемъ къ нему С. С. Ланскаго, Мельниковъ въ это время своей жизни стремился всѣми силами направить вопросъ о расколѣ на тотъ путь, на которомъ, по его убѣжденію, могло послѣдовать его разрѣшеніе въ смыслѣ, наиболѣе полезномъ для государства и для народа. На этомъ основаніи онъ представилъ министру внутреннихъ дѣлъ докладъ, въ которомъ разъяснилъ, что расколъ остается все еще недостаточно изслѣдованнымъ, потому что исторія и догматика всѣхъ нашихъ разнообразныхъ вѣроученій и сектъ неизвѣстны не только нашему правительству, но даже и большинству самихъ раскольниковъ. Мельниковъ предлагалъ ассигновать до 10,000 р. въ годъ на постепенное изданіе исторіи и догматики раскола, поручивъ критическую разработку каждаго предмета лицамъ, заявившимъ уже свои познанія по этому вопросу. Докладъ Мельникова совпалъ съ замѣчаніемъ государя императора, что исторія, статистика и законодательство раскола еще весьма мало обработаны, и что незнаніе всѣхъ его обстоятельствъ затрудняетъ правительство не только при рѣшеніи частныхъ случаевъ о раскольникахъ, но въ особенности при избраніи правильной и твердой системы дѣйствія въ отношеніи къ расколу вообще. 18-го октября 1857 года С. С. Ланской поручилъ П. П. Мельникову, совмѣстно съ Александромъ Ивановичемъ Артемьевымъ, «составленіе возможно полнаго историко-догматическаго изложенія ученія разныхъ раскольниковскихъ сектъ въ Россіи». Имъ было предоставлено пользоваться книгами

и рукописями Императорской Публичной Библиотеки и Румянцевскаго Музея, открытъ былъ архивъ министерства внутреннихъ дѣлъ, разрѣшенъ былъ осмотръ дѣлъ Секретнаго Комитета по расколу и извлеченіе изъ нихъ выписокъ, а также было выдано «на приобретеніе необходимыхъ рукописей» 150 руб. Вслѣдъ затѣмъ, въ мартѣ 1858 года, послѣдовало особое высочайшее повелѣніе министру внутреннихъ дѣлъ о составленіи подробнаго описанія раскола, согласно съ планомъ, выработаннымъ Мельниковымъ. Сверхъ себя и Артемьева, онъ предлагалъ воспользоваться услугами для того и другихъ лицъ, въ томъ числѣ и экстраординарнаго профессора Московской духовной академіи Субботина, извѣстнаго знатока раскола.

При участіи гг. Субботина, Мельникова и имъ подобныхъ дѣятелей, означенный трудъ по расколу обѣщаль быть капитальнымъ. Съ разрѣшенія С. С. Ланскаго, Мельниковъ вошелъ въ сношенія съ разными лицами въ Россіи, которыя стали сообщать ему всѣ замѣчательные случаи проявленія раскола. Мельниковъ и Артемьевъ издали три тома «Сборника постановлений, относящихся къ расколу». Въ 1861 году начатыя работы были прерваны съ замѣной С. С. Ланскаго, въ званіи министра внутреннихъ дѣлъ, статсъ-секретаремъ П. А. Валуевымъ, тѣмъ болѣе, что и суммъ, необходимыхъ на осуществленіе предположеннаго въ обширномъ размѣрѣ труда о расколѣ, уже не отпускалось. Черезъ три года, 6-го марта 1864 года, министръ внутреннихъ дѣлъ, П. А. Валуевъ, «предложилъ» Мельникову немедленно ему донести, «въ какомъ положеніи находится нынѣ порученное вамъ въ 1857—1858 году составленіе историко-догматическаго описанія раскола». Мельниковъ представилъ ему, рапортомъ отъ 14-го марта, положеніе порученнаго ему труда, но такъ какъ отвѣта не послѣдовало, то онъ и прекратилъ возло-

женную на него работу. Такимъ образомъ цѣлесообразно задуманное и высочайше одобренное ознакомленіе правительства, общества и раскольниковъ съ однимъ изъ важнѣйшихъ явленій въ жизни русскаго народа осталось однимъ предположеніемъ.

5-го ноября 1857 года, въ годовщину основанія Казанскаго университета, впервые, по почину Мельникова и нѣкоторыхъ его университетскихъ товарищей, собрался кружокъ бывшихъ воспитанниковъ этого высшаго учебнаго заведенія. Обѣдъ бывшихъ казанцевъ и рѣчи, произнесенныя на немъ, въ свое время подробно были описаны и сообщены въ «Русскомъ Вѣстникѣ». На этомъ обѣдѣ рѣшено было издать сборникъ трудовъ бывшихъ воспитанниковъ Казанскаго университета съ тѣмъ, чтобы чистый доходъ, послѣ покрытія издержекъ на бумагу и печать, предоставить въ пользу бѣдныхъ студентовъ. Сборникъ этотъ вышелъ въ 1859 году подъ заглавіемъ «Братчина», подъ редакцію Мельникова. Это названіе придумано было Сергѣемъ Тимофеевичемъ Аксаковымъ, оказавшимся въ 1857 году старѣйшимъ бывшимъ студентомъ Казанскаго университета. На обѣдѣ 5-го ноября, Мельниковъ, провозглашая «здоровье старѣйшаго казанца», назвалъ С. Т. Аксакова «первымъ» русскимъ писателемъ. Это обстоятельство вызвало слѣдующее любопытное письмо С. Т. Аксакова къ Мельникову отъ 8-го ноября 1857 года, изъ Москвы: «Вчера возвратился сынъ мой изъ Петербурга, и я узналъ отъ него, какъ много обязанъ вамъ за ваши лестные обо мнѣ отзывы, высказанные вами на обѣдѣ 5-го ноября, а равно и за то сочувствіе, съ какимъ приняты были ваши одушевленные слова всѣми бывшими студентами Казанскаго университета. Примите, милостивый государь, мою душевную благодарность; вы доставили мнѣ такія отрадныя минуты, которыя никогда не изгладятся изъ моей памяти. Теперь

я обращаюсь къ вамъ съ покорнѣйшею просьбою: вы назвали меня въ своей рѣчи «первымъ» русскимъ писателемъ, и мнѣ сказалъ мой сынъ, что все это будетъ напечатано. Не нужно говорить, какъ мнѣ лестенъ и дорогъ отзывъ человѣка, талантъ котораго уже обратилъ на себя вниманіе и одобреніе всей читающей публики, и котораго статьи недавно были выслушаны мною съ наслажденіемъ; но вы слишкомъ благосклонны ко мнѣ и потому сдѣлались несправедливы къ другимъ. Не согласитесь ли вы измѣнить ваше выраженіе въ печати и, вмѣсто «перваго» писателя, назвать меня однимъ изъ первыхъ. Слово «первый», котораго я не заслуживаю, оскорбитъ и возстановитъ противъ меня многихъ. Въ изустной рѣчи, при всеобщемъ сочувствіи и увлеченіи и притомъ въ извѣстномъ кругѣ людей, болѣе или менѣе ко мнѣ расположенныхъ, это слово могло быть принято съ одобреніемъ; но въ печати — совсѣмъ другое дѣло».

Когда С. Т. Аксаковъ скончался въ 1859 году, Мельниковъ напечаталъ нѣсколько прочувствованныхъ о немъ словъ въ своемъ «Русскомъ Дневникѣ». Этотъ отзывъ вызвалъ слѣдующее письмо къ Павлу Ивановичу Мельникову отъ Ивана Сергѣевича Аксакова изъ Москвы отъ 2-го іюня 1859 г.: «По порученію матушки, брата, всего нашего семейства и по собственному своему побужденію, приношу вамъ искреннюю, сердечную благодарность за ваши прекрасныя строки объ отцѣ моемъ. Вы въ немногихъ словахъ сказали больше и полнѣе, чѣмъ другіе въ длинныхъ статьяхъ. Вы такъ рельефно изобразили его внутреннюю духовную сторону, что трудно повѣрить, что вы никогда не видали его, не знали его лично! Все это въ моихъ глазахъ свидѣтельствуется въ одно время какъ о силѣ таланта вашего, такъ о тонкости и вѣрности вашего душевнаго разумѣнія. Еще разъ благодаримъ васъ за то утѣше-

ніе, которое доставили ваши строки всему нашему семейству».

ХІІ.

Дневникъ 1838 года. — Я. И. Ростовцовъ. — Князь В. А. Долгоруковъ.

Въ 1858 году предположено было ихъ императорскими величествами совершить поѣздку по нѣкоторымъ мѣстамъ Россіи, причемъ посѣтить и приволжскіе города. Мельникову, какъ знатоку приволжекаго края, поручено было министромъ внутреннихъ дѣлъ, по волѣ императрицы Маріи Александровны, составить указатель достопримѣчательностей на пути и очеркъ нижегородской ярмарки. Указатель былъ составленъ изъ отдѣльныхъ 14 частей. Какъ указатель, такъ и очеркъ ярмарки не были пущены въ продажу, составляютъ библиографическую рѣдкость и были напечатаны безъ одобренія цензуры и безъ означенія типографіи. Въ библіотекѣ, оставшейся послѣ П. И. Мельникова, оказался экземпляръ этого указателя, съ слѣдующею собственноручною надписью автора: «По приказанію Государыни Императрицы, въ 1858 году написалъ и напечаталъ отдѣльными брошюрами въ ограниченномъ числѣ экземпляровъ». Въ этихъ брошюрахъ были вкратцѣ описаны: 1) Тверь, 2) Клинь, 3) Дмитровъ, 4) Переяславль-Залѣскій, 5) Ростовъ (Ярославскій), 6) Ярославль, 7) Волжскій путь отъ Ярославля до Костромы, 8) Кострома, 9) Волжскій путь отъ Костромы до Нижняго, 10) Нижній-Новгородъ, 11) Вязники, 12) Владимиръ-на-Клязьмѣ, 13) Покровъ, 14) Богородскъ.

Съ 1858 года началась усиленная дѣятельность губернскихъ комитетовъ по крестьянской реформѣ. Хотя

Мельниковъ, состоя помѣщикомъ Семеновскаго уѣзда, а по имѣнію жены и Нижегородскаго уѣзда, могъ бы принять участіе въ занятіяхъ по реформѣ, но онъ не былъ приглашенъ къ нимъ ни въ Петербургѣ, ни въ Нижнемъ-Новгородѣ.

Но этотъ вопросъ не могъ не интересовать Мельникова, знатока крестьянскаго дѣла. Дѣйствительно, въ бумагахъ Мельникова оказался дневникъ его, который онъ началъ было вести, съ 24-го марта 1858 года, но выдержалъ свое намѣреніе только въ продолженіе не многихъ дней. Если бы онъ не прекратилъ своего дневника, то въ немъ отразилась бы интересная картина тогдашняго времени, преисполненная заботъ, волненій, предположеній о готовившейся крестьянской реформѣ. Мельниковъ, сочувствуя этому важному дѣлу, не могъ не волноваться въ своемъ дневникѣ, при томъ или другомъ слухѣ, извѣстїи, касавшихся задуманнаго преобразованія. На этомъ основаніи и привожу вполнѣ его дневникъ 1858 года, тѣмъ болѣе что онъ можетъ служить своего рода документомъ для этой интересной эпохи.

«Марта 22-го. Великая суббота. День прекрасный ясный, теплый. Часу во второмъ пошелъ я на Невскій; тамъ толпа огромная. Совершенно неожиданно встрѣтился съ Сергѣемъ Васильевичемъ Шереметевымъ и ходилъ съ нимъ по Невскому и по Литейной болѣе двухъ часовъ. Онъ сегодня поутру прїѣхалъ въ Нижняго, гдѣ засѣдалъ въ комитетѣ объ освобоженіи крестьянъ депутатомъ отъ Горбатовскаго уѣзда. Онъ, разумѣется, противъ освобожденія. Бранилъ насъ свѣтъ стоитъ губернатора Муравьева и членовъ комитета, особенно Штевена, Карамзина и друг., которые горячо стоятъ за крестьянъ. «Людей-то у насъ много, да головъ мало!» замѣтилъ онъ. Муравьевъ дѣйствительно уже черезчуръ гонитъ дѣломъ; ему

хочется, чтобы къ 20-му августа непременно было все кончено, но это не возможно. Дѣло дѣлается навѣкъ. Нельзя же его вокругъ пальцевъ обвести. Шереметевъ сказалъ, между прочимъ, что еще будутъ перемѣны въ этомъ дѣлѣ, но какія не говорилъ. Онъ въ связяхъ и родствѣ съ великими міра сего и, конечно, говорить не безъ основанія. Что же это будетъ? Народу обѣщали свободу, назначили срокъ и правила; народъ ждетъ; вездѣ тихо, спокойно, несравненно спокойнѣе, чѣмъ прежде, и вдругъ, если Шереметевъ правду говоритъ, пойдетъ дѣло въ оттяжку. Такихъ дѣлъ откладывать нельзя, а то, чего добраго, и за топоры примутся.

«Марта 23-го. У заутрени и обѣдни былъ въ церкви министра внутреннихъ дѣлъ. Въ началѣ обѣдни пріѣхали изъ дворца Ланской съ дочерью; новостей не узналъ. Въ 11 часовъ былъ на общемъ представленіи у министра и здѣсь узналъ новости: Княжевичъ замѣнилъ Брока (министра финансовъ), Ковалевскій ¹⁾ Порова (министра народного просвѣщенія); князь Вяземскій, товарищъ министра народного просвѣщенія, тоже уволенъ. Все остальное незначительно. А Панинъ сидитъ себѣ да сидитъ, а пора бы и ему, по вошедшему обыкновенію, съѣздить безсрочно за границу. Назначеніе Княжевича произвело во всѣхъ живѣйшее удовольствіе;—одного жаль—старъ. За Ковалевскаго говорятъ два обстоятельства: то, что онъ отстоялъ цензора Крузе ■ прекрасно велъ исторію о побѣдѣ студентовъ московскаго университета полицейскими разбойниками въ октябрѣ 1857 года ²⁾.

1) Бывшій попечителемъ московскаго учебнаго округа. У.

2) Извѣстное столкновеніе студентовъ московскаго университета съ полиціею, которая оскорбила студентовъ. Судъ и высочайшая воля рѣшили дѣло въ пользу студентовъ. Виповные чины полиціи были наказаны по закону. У.

перемѣнѣ министровъ Норова и Брока положительно говорили уже недѣли полторы тому назадъ, но объ нашемъ (Ланскомъ) и рѣчи не было, тогда какъ съ новаго 1857 года, передъ каждымъ праздникомъ, молва смѣняла его и назначала то Булгакова, то Буткова, то Суковкина, то Игнатьева.

«Марта 25-го. Праздникъ храмовой у министра. Послѣ обѣдни у Петра Ермолаевича Волкенштейна обѣдъ; было человекъ до тридцати, но никого изъ властей не было. Волкенштейнъ старостою церковнымъ при домово́й церкви (министра внутреннихъ дѣлъ). Шуринъ его, Евгенийъ Пеликанъ, теперь профессоръ медико-хирургической академіи, будетъ вице-директоромъ медицинскаго департамента министерства внутреннихъ дѣлъ, на мѣсто нашего казанца Козлова, котораго Енохинъ (директоръ медицинскаго департамента военнаго министерства) взялъ къ себѣ въ вице-директоры, а Ланской далъ ему на прощанье станиславовскую звѣзду. Пеликанъ теперь въ Парижѣ и обратилъ тамъ на себя большое вниманіе французскихъ медиковъ, сдѣлавъ членомъ-корреспондентомъ парижской Академіи наукъ. Всѣхъ Пеликановъ я знаю, кромѣ него, но говорятъ, что онъ лучше всѣхъ, а Пеликаны люди хорошіе.

«Марта 27-го. Завернулъ въ министерство и услышалъ вновь возникшіе слухи объ увольненіи Ланскаго и объ назначеніи на мѣсто его Якова Ивановича Ростовцова. Вѣроятно, сказки. Ростовцовъ вѣкъ свой управлялъ кадетами, а вѣдъ, министерство внутреннихъ дѣлъ не кадетскій корпусъ. Впрочемъ, чего не бываетъ на свѣтѣ.—Охтенскіе поселяне уволены изъ адмиралтейскаго вѣдомства; имъ предоставлено перечислиться къ городскимъ или сельскимъ сословіямъ и образовать отдѣльное подгородное общество, а такъ какъ они большею частію ремесленники и промышлен-

ники, то предположено образовать у нихъ ремесленную управу, по примѣру петербургской, и подчинить ее петербургской городской думѣ. Прекрасная записка (историческо-административная) по этому дѣлу составлена Чернавскимъ. Она въ хозяйственномъ департаментѣ.

«Марта 28-го. Былъ въ министерствѣ. Слухи о назначеніи Ростовцова растутъ. Говорятъ, что это будетъ 17-го апрѣля, въ день рожденія государя. Товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ, Левшинъ, говорилъ въ статистическомъ комитетѣ, что министръ «будто бы» самъ ему сказывалъ, что онъ болѣе не останется министромъ. Левшинъ при этомъ объявилъ, что онъ не останется товарищемъ ни при какомъ министрѣ. Великаго князя или принца крови, конечно, не назначать министромъ внутреннихъ дѣлъ, а Левшинъ со своими александровскими алмазами, иначе какъ у высочества или, по меньшей мѣрѣ, у свѣтлости товарищемъ быть не можетъ!!! Левшинъ приказалъ нѣкоторыя срочныя бумаги готовить, какъ можно скорѣе, чтобы перемѣна министерства не застала врасплохъ.

«Марта 30-го. Растутъ и растутъ слухи о Ростовцовѣ. Но Ланской ничего не говоритъ. Гвоздеви (директоръ департамента общихъ дѣлъ) прислалъ мнѣ записку, что министръ ждетъ меня завтра поутру съ работами о раскольникахъ. Эту работу еще въ январѣ обѣщаль я сдѣлать къ 1-му апрѣля, но Ланской, шутя сказавъ, «что онъ боится *«poisson d'avril»*; я ему отвѣчалъ: «Въ такомъ случаѣ къ 2-му апрѣля». — Нѣтъ, уже лучше къ 31-му марта! — отвѣчалъ онъ. — Вспомнилъ старикъ.

«Марта 31-го. Поутру былъ съ докладомъ. Министръ былъ очень веселъ и любезенъ и совершенно не замѣтно, чтобы что-нибудь походило на его увольненіе. Впрочемъ, говорятъ, его дѣлаютъ графомъ, ка-

кимъ-то первымъ чиномъ двора и оставляютъ все содержаніе; стало быть, унывать ему нечего. Но не захочется ему разстаться съ дѣломъ освобожденія крестьянъ, которое онъ съ великимъ княземъ Константиномъ Николаевичемъ, да отчасти съ графомъ Блудовымъ двинули, а то бы оно и до сихъ поръ лежало въ проектѣ. Секретный комитетъ собирался бы по субботамъ, Панинъ сказывалъ бы членамъ его сказки, и вопросъ не подвинулся бы ни на шагъ. Особенно золь князь Орловъ ¹⁾ на Ланского. Онъ еще около новаго года, когда закладывалъ свое имѣніе, сказалъ: «Ланской графство-то получить, а шею-то себѣ, все-таки, сломить» ²⁾. Орловъ предводитель тайной партіи; Панинъ, Ростовцовъ его сподручники. Закревскій, другъ Орлова, свирѣлствуетъ въ Москвѣ. Князь Долгоруковъ слишкомъ ограниченъ, чтобы имѣть какое-нибудь мнѣніе, а Мих. Ник. Муравьевъ заботится не о свободѣ крестьянъ, а о свободѣ своего кармана, о лентахъ владимірской и андреевской. Изъ-за денегъ да изъ-за лентъ онъ отца родного зажарить ³⁾. Княжевичъ едва-ли будетъ дѣйствовать рѣшительно по крестьянскому дѣлу. Что

1) Бывшій тогда предѣдателемъ государственнаго совѣта и комитета министровъ.

2) Ланской остался министромъ внутреннихъ дѣлъ до весны 1861 года и уже послѣ крестьянской реформы получилъ графское достоинство и былъ назначенъ оберъ-камергеромъ. У.

3) Подобныя мнѣнія о князѣ Вас. А. Долгоруковѣ и Мих. Ник. Муравьевѣ, дѣйствительно, были распространены въ то время въ обществѣ, особенно въ той его части, которая нетерпѣливо ожидала рѣшенія крестьянскаго вопроса, такъ что Мельниковъ былъ только отголоскомъ этихъ мнѣній, но ихъ слѣдуетъ считать преувеличенными и не соответствующими истинѣ. Замѣчательно, что Мих. Ник. Муравьевъ, бывшій противникъ Я. П. Ростовцова въ реформѣ 19 февраля 1861 года, исправилъ ея недостатки относительно крестьянъ западнаго края, вкравшіеся вслѣдствіе искуснаго образа дѣйствія представителей польскихъ помѣщиковъ, когда самъ сдѣлался могущественнымъ генералъ-губернаторомъ въ Вильнѣ и увидѣлъ на дѣлѣ, на поселянахъ, послѣдствія ловкой польской интриги. У.

дѣлаеть тамъ князь Павелъ Павловичъ Гагаринъ ¹⁾, не слышно, но онъ, сколько мнѣ извѣстно по нижегородскимъ его дѣламъ, пропитанъ помѣщичьимъ духомъ съ ногъ до головы. Итакъ, кто же остается? Великій князь Константинъ Николаевичъ, графъ Блудовъ и Ланской. Но Блудовъ очень боленъ, почти совсѣмъ разрушается; весною онъ ѣдетъ на свадьбу къ сыну за границу, со свадьбы на воды, чтобы лѣчиться, но вѣроятно, оттуда пріѣдетъ прямо на кладбище Александроневской лавры ²⁾. Затѣмъ, если еще Ланского не будетъ, кто же въ главномъ комитетѣ останется изъ людей преданныхъ общественной пользѣ Россіи—одинъ великій князь Константинъ Николаевичъ. Темная партія съѣтъми опутываетъ государя. Добраго что-то не предвѣщаетъ настоящее. Тучки набѣгаютъ на ясное небо Россіи, а Муравьевъ съ Ростовцовымъ мѣтятъ въ Аракчеевы.

У министра внутреннихъ дѣлъ былъ Салтыковъ Михаилъ Евграфовичъ; откланивался передъ отъѣздомъ въ Рязань на вице-губернаторство. Ланской говорилъ ему, между прочимъ, чтобы онъ былъ поосторожнѣе въ литературныхъ дѣлахъ, потому что Богъ знаетъ, съ которой стороны вѣтеръ подуесть. Салтыковъ въ приемной у министра мнѣ говорилъ, что, «если будетъ министромъ внутреннихъ дѣлъ Ростовцовъ, намъ съ нимъ лафы не будетъ». Клингенбергъ, вновь назначенный губернаторомъ въ Рязань, прежде былъ у насъ въ хозяйственномъ департаментѣ чиновникомъ особыхъ

¹⁾ Гагаринъ былъ въ то время вліятельнымъ членомъ государственнаго совѣта, Муравьевъ министромъ государственныхъ имуществъ, Панинъ министромъ юстиціи, князь Долгоруковъ шефомъ жандармовъ, Ростовцовъ главнымъ начальникомъ военно-учебныхъ заведеній, Закревскій московскимъ генералъ-губернаторомъ. У.

²⁾ Графъ Блудовъ возвратился изъ-за границы совершенно здоровымъ и послѣ князя Орлова былъ предсѣдателемъ государственнаго совѣта и комитета министровъ. У.

порученій, потомъ перешель въ штабъ военно-учебныхъ заведеній и былъ протезе́ Ростовцова, который и сдѣлалъ его управляющимъ дѣлами совѣта военно-учебныхъ заведеній, далъ чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника и камергерскій ключъ въ какіе-нибудь четыре года и наконецъ исходатайствовалъ у государя назначеніе его губернаторомъ, такъ что Ланской подавалъ о немъ всеподданнѣйшій докладъ по приказанію. Когда Клингенбергъ ¹⁾ явился къ Якову Ивановичу благодарить его, Ростовцовъ сказалъ, между прочимъ: «Ну очень радъ, мой милый, что ты получилъ губернію; губернія прекрасная, близко отъ Москвы...» и проч., и проч.. «одно жаль, вице-губернатора къ тебѣ назначили какого! Пишетъ все это губернскіе очерки — человекъ безпокойный!» Это было еще великимъ постомъ, когда никакихъ слуховъ о назначеніи Ростовцова министромъ внутреннихъ дѣлъ еще не было и Клингенбергъ рассказалъ Салтыкову этотъ разговоръ. Ну, а уже я съ Салтыковымъ по одной дорожкѣ иду: что Щедрина, то и Печерскому. Гвоздевъ, горюя о Ланскомъ, когда мы до доклада сидѣли въ кабинетѣ его въ особенной канцеляріи, сказалъ мнѣ прямо, что если министромъ будетъ Ростовцовъ, то первый я улечу изъ министерства внутреннихъ дѣлъ. Ростовцовъ другъ и пріятель съ Чевкинымъ, и сынъ Чевкина у него адъютантомъ ²⁾, а Чевкинъ не можетъ мнѣ простить «Медвѣжьяго угла» ³⁾, а еще болѣе того, что онъ жало-

1) Клингенбергъ вель у Я. И. Ростовцева переписку съ высокопоставленными лицами и ѣздилъ съ нимъ вмѣстѣ во дворецъ въ дни всеподданнѣйшихъ докладовъ по дѣламъ военно-учебныхъ заведеній. Клингенбергъ читалъ эти доклады, между тѣмъ какъ императоръ съ Ростовцовымъ ходилъ по кабинету. У.

2) Это не вѣрно. Сынъ Чевкина не былъ адъютантомъ у Ростовцова, но послѣдній былъ въ дружбѣ съ Чевкинымъ, какъ своимъ товарищемъ по воспитанію. У.

3) Въ этой повѣсти Мельниковъ рассказалъ неблаговидныя предѣлки

вался на меня государю и ничего изъ этого не вышло, а послѣ государь его же попрекнулъ, сказавъ: «Вѣрно, Мельниковъ лучше васъ знаетъ, что у васъ дѣлается». Это было еще въ декабрѣ 1857 года, и Чевкинъ былъ двѣ недѣли послѣ того боленъ».

Далѣе 31-го марта П. И. Мельниковъ въ 1858 году не продолжалъ своего дневника; но мнѣ изъ разныхъ источниковъ извѣстны тогдашнія отношенія Я. И. Ростовцова.

Передъ кончиною императора Николая Павловича, въ февралѣ 1855 года, Яковъ Ивановичъ Ростовцовъ находился въ Тулѣ, гдѣ осматривалъ тамошній кадетскій корпусъ. Въ этомъ городѣ 19-го февраля онъ получилъ телеграмму отъ императора Александра Николаевича съ извѣстіемъ о кончинѣ Николая I и съ приглашеніемъ немедленно возвратиться въ Петербургъ. Я. И. Ростовцовъ явился на призывъ и въ самое непродолжительное время сдѣлался вліятельнымъ чело-вѣкомъ въ царствованіе новаго императора, приближеннымъ къ которому онъ уже былъ при Николаѣ I, по совмѣстному управленію военно-учебными заведеніями. Никто въ то время не ожидалъ подобнаго повышенія Я. И. Ростовцова. Въ своихъ «Воспоминаніяхъ»¹⁾ я уже говорилъ, какъ Я. И. Ростовцовъ, въ октябрѣ 1855 года, зналъ уже о рѣшеніи прекратить войну съ англо-французами и о предстоявшихъ предварительныхъ переговорахъ о мирѣ.

Князь Василій Андреевичъ Долгоруковъ, назначен-

и способы личнаго обогащенія со стороны инженеровъ путей сообщенія въ Нижегородской губерніи. Для Чевкина это было неприятно еще и потому, что, при вступленіи своемъ въ главноуправляющіе путями сообщенія въ 1856 году, онъ говорилъ молодымъ офицерамъ своего вѣдомства, предупреждая ихъ отъ взятокъ отъ подрядчиковъ на казенныхъ работахъ, что онъ «надѣлъ мундиръ инженеровъ путей сообщенія, съ цѣлію искоренить взяточничество въ этомъ вѣдомствѣ».

¹⁾ «Историческій Вѣстникъ» 1882 года, февраль.

ный въ коронацію, 26-го августа 1856 года, шефомъ жандармовъ, не смотря на свой новый важный постъ, чувствовалъ преобладающее вліяніе на дѣла Я. И. Ростовцова и неоднократно указывалъ на это обстоятельство лицамъ, которымъ онъ болѣе всего довѣрялъ. Незадолго передъ новымъ назначеніемъ своимъ, уволенный изъ военныхъ министерствъ, князь Долгоруковъ считалъ себя тогда какъ бы въ опалѣ, не зная что дѣлать, а между тѣмъ уже въ 1857 году, говоря, что Ростовцовъ будетъ министромъ внутреннихъ дѣлъ, и что въ этомъ званіи онъ возьметъ верхъ надъ нимъ, шефомъ жандармовъ, по своему личному вліянію, прибавлялъ: «или я, или онъ, кто-нибудь долженъ уступить». Уже въ это время князь Долгоруковъ сталъ носиться съ проектомъ уничтоженія III Отдѣленія собственной канцеляріи, или слиянія его съ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, но при всеподданнѣйшемъ докладѣ о томъ получилъ въ отвѣтъ резолюцію, «что еще не время». Князь Орловъ, князь Меншиковъ, графъ Владиміръ Ѳедоровичъ Адлербергъ, графъ Гурьевъ, князь Павелъ Павловичъ Гагаринъ и другія лица, съ вліяніемъ въ предшествовавшее царствованіе, также съ неудовольствіемъ взирали въ то время на возростающее значеніе генераль-адъютанта Я. И. Ростовцова. Многія изъ этихъ лицъ всеми способами парализовали ходъ крестьянскаго дѣла, хотя бы только въ имущественныхъ цѣляхъ, состоя крупными помѣщиками и земельными собственниками. Но эта оппозиція не была дѣломъ небывалой политической партіи, какъ стараются нѣкоторые писатели выставить подобное сопротивленіе волѣ государя.

Между тѣмъ императоръ Александръ Николаевичъ, отправившись въ продолжительное путешествіе по Россіи, взялъ съ собою князя Василя Андреевича Долгорукова, графа Александра Владиміровича Адлер-

берга, молодыхъ генераловъ и флигель-адъютантовъ своей свиты, но генераль-адъютанта Ростовцова оставилъ въ Петербургѣ. Что произошло во время этой поѣздки—для сообщавшихъ мнѣ обо всемъ рассказываемомъ осталось неизвѣстнымъ, но только по возвращеніи императора въ Петербургъ, Я. И. Ростовцовъ замѣтилъ какъ бы охлажденіе къ нему государя. Это охлажденіе особенно выразилось на смотрѣ военно-учебныхъ заведеній весною 1858 года. По настоятельному требованію врачей, Я. И. Ростовцовъ въ началѣ мая отправился за границу. Во время его отсутствія происходила парадъ. Государь императоръ на немъ выразилъ рѣзко свое неудовольствіе, во всѣхъ отношеніяхъ, кадетскими корпусами. Никогда еще подобнаго неудовольствія не слышали отъ государя. Очевидно было для всѣхъ, что положеніе Я. И. Ростовцова пошатнулось, хотя еще въ февралѣ 1858 года циркуляры къ губернаторамъ, по крестьянскому дѣлу, составленные по указаніямъ Ростовцова его тогдашнимъ секретаремъ Ѳ. П. Еленевымъ, безъ всякихъ измѣненій подписывались С. С. Ланскимъ и разсылались по принадлежности. Такимъ образомъ, не будучи министромъ внутреннихъ дѣлъ, Я. И. Ростовцовъ по крестьянскому дѣлу былъ уже въ то время полноправнымъ распорядителемъ въ этомъ вѣдомствѣ. Такая податливость и услужливость С. С. Ланского, не мѣшавшаго ходу крестьянскаго дѣла, а равно сближеніе Ростовцова съ Н. А. Милутинымъ, котораго онъ прежде чуждался, не вынуждали уже его искать поста министра внутреннихъ дѣлъ, хотя ранѣе 1858 года онъ высказывалъ своимъ приближеннымъ подобное желаніе. Изъ-за границы онъ началъ писать къ государю императору письма по крестьянскому вопросу. Письма эти были посланы изъ Вильдбада, отъ 17-го и 23-го августа, изъ Карлеруэ отъ 28-го августа и изъ Дрездена отъ

3-го сентября. Извлеченіе изъ этихъ всподданнѣйшихъ писемъ было напечатано, по высочайшему повелѣнію, въ 1858 году для соображеній главнаго комитета по крестьянскому дѣлу, но въ продажу не поступало. Главная сущность этихъ писемъ состояла: 1) въ необходимости дарованія крестьянамъ не одной усадьбы, но и земельного надѣла и 2) въ необходимости дарованія имъ земли не во временное пользованіе, но въ постоянное. Представившись императору, по возвращеніи изъ заграничнаго отпуска, въ Варшавѣ, Я. И. Ростовцовъ убѣдился, въ указанномъ ему приѣмѣ, что неблаговоленіе къ нему государя, высказанное на парадѣ весною, не прекратилось. «Мои противники достигли своей цѣли,—сказалъ Я. И. Ростовцевъ по возвращеніи въ Петербургъ:—но я не боюсь интриги». Дѣйствительно, осенью же 1858 года къ Я. И. Ростовцову возвратилось благорасположеніе императора, видѣвшаго въ немъ незамѣнимаго сотрудника въ важной реформѣ. По рассказамъ Я. И. Ростовцова, письма его изъ-за границы были прочитаны императоромъ и императрицею, выразившими ему за нихъ свою благодарность. Послѣдствіемъ было назначеніе Ростовцова въ февралѣ 1859 года предѣдателемъ редакціонныхъ комиссій, учрежденныхъ для составленія положенія о крестьянахъ. Членомъ Секретнаго Комитета по улучшенію быта крестьянъ онъ состоялъ уже съ начала 1857 года.

Если уже въ 1857 году князь Долгоруковъ говорилъ про Я. И. Ростовцова: «Или онъ, или я», намекая на ожиданіе видѣть въ немъ министра внутреннихъ дѣлъ, то понятно то волненіе, которое господствовало въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ при подобныхъ слухахъ объ увольненіи С. С. Ланского, оставшагося однако на своемъ посту до пасхи 1861 года. Между тѣмъ и вліяніе князя В. А. Долгорукова,

съ назначеніемъ его шефомъ жандармовъ, стало усиливаться, вслѣдствіе личнаго довѣрія къ нему императора. Оно не ослабѣло по самый выходъ князя изъ должности шефа жандармовъ, послѣ событія 4-го апрѣля 1866 года, когда онъ, несмотря на нежеланіе государя согласиться на его прошеніе объ увольненіи, сказалъ, что «не считаетъ себя достойнымъ занимать этотъ постъ, когда онъ не сумѣлъ охранить особу государя отъ покушенія Каракозова». Тогдашнее значеніе князя В. А. Долгорукова можно видѣть изъ слѣдующаго случая, рассказаннаго мнѣ очевидцемъ. Для разсмотрѣнія всеподданнѣйшаго отчета военнаго министра генераль-адъютанта Сухозанета за 1856 годъ была учреждена особая коммиссія, подъ предсѣдательствомъ члена государственнаго совѣта, графа Гурьева, въ квартирѣ котораго, на Фонтанкѣ, у Аничкова моста, и происходили ея засѣданія. Членомъ этой коммисіи былъ также и шефъ жандармовъ, князь Долгоруковъ. Однажды, во время занятій коммисіи, князю Долгорукову доложили, что пріѣхалъ министръ внутреннихъ дѣлъ Ланской и желаетъ его непременно видѣть. — «Пусть подождетъ!» отвѣчалъ шефъ жандармовъ. Сужденія членовъ коммисіи продолжались попрежнему, и министру Ланскому пришлось прождать въ пріемной гостиной около четверти часа. Князь Долгоруковъ наконецъ вышелъ къ С. С. Ланскому и, переговоривъ съ нимъ, сказалъ, возвратившись въ комнату, гдѣ заѣдала коммиссія:

— Вотъ каковъ министръ внутреннихъ дѣлъ! вотъ зачѣмъ онъ пріѣзжалъ ко мнѣ!

Оказалось, что, по какому-то возникшему между министромъ внутреннихъ дѣлъ и шефомъ жандармовъ дѣлу, С. С. Ланской привозилъ князю Долгорукову показать черновую заготовленнаго къ нему письма и спросить, можетъ ли онъ въ такой редакціи письма отвѣчать ему.

Я. И. Ростовцовъ скончался 6-го февраля 1860 года. Передъ скончавшимся своимъ подданнымъ, пожертвовавшимъ собою на великое дѣло освобожденія, императоръ Александръ Николаевичъ простоялъ болѣе получаса на колѣняхъ, заставивъ и другихъ присутствовавшихъ послѣдовать его примѣру.

Въ вышедшей вскорѣ послѣ его смерти книжкѣ «Отечественныхъ Записокъ», въ самомъ началѣ ся, въ траурной каймѣ было напечатано извѣстіе о кончинѣ этого государственнаго человѣка, въ теплыхъ о немъ выраженіяхъ. Редакторъ журнала, А. А. Краевскій, былъ немедленно приглашенъ въ III Отдѣленіе собственной канцеляріи, гдѣ ему былъ сдѣланъ за черную кайму необыкновенно строгій выговоръ, необыкновенный по рѣзкимъ выраженіямъ, которыми онъ сопровождался. Миѣ его передали вслѣдъ затѣмъ, «въ поученіе быть осторожнымъ самому», какъ редактору «Сѣверной Пчелы». А. А. Краевскій очень долго не могъ забыть выговора, полученнаго имъ за некрологъ Я. И. Ростовцова.

ХІІІ.

«Русскій Дневникъ». — «Письма о расколѣ». — «Русская Правда и Польская Кривда».

Составивъ себѣ имя въ литературѣ своими беллетристическими произведеніями, историческими и статистическими трудами и пользуясь покровительствомъ министра внутреннихъ дѣлъ, С. С. Ланского, П. И. Мельниковъ легко выхлопоталъ себѣ разрѣшеніе на изданіе съ 1859 года ежедневной газеты, подъ названіемъ «Русскій Дневникъ». Въ то время, несмотря

на облегченіи въ цензурѣ, новыхъ ежедневныхъ газетъ еще не разрѣшали. Въ программу «Русскаго Дневника» вошли внутреннія извѣстія, науки и искусства, словесность и библиографическія извѣстія. Иностраннаго политическаго отдѣла не существовало въ новой газетѣ, что не мало способствовало ея неуспѣху. Этотъ отдѣлъ былъ особою привилегіею нѣкоторыхъ тогдашнихъ газетъ и просматривался цензурою министерства иностранныхъ дѣлъ, такъ что, напримѣръ, даже «Московскія Вѣдомости» имѣли право заимствовать иностранныя политическія извѣстія только изъ петербургскихъ газетъ.

«Русскій Дневникъ» составлялъ собственность нѣсколькихъ лицъ, а не одного Мельникова, который подписывался подъ газетою только «редакторомъ» ея, но не «издателемъ». Такъ какъ въ то время закономъ не требовалось, какъ нынѣ, обязательная подпись издателя или издателей, то они и оставались неизвѣстными. Мельниковъ принялъ на свою отвѣтственность только литературную часть газеты, что не воспрепятствовало ему, однако, при прекращеніи газеты, 5-го іюля 1859 года на № 141, взять на себя обязанность удовлетворить подписчиковъ тѣмъ или другимъ способомъ, за недоданные нумера годового изданія. Главнымъ помощникомъ Мельникова по изданію газеты былъ Александръ Ивановичъ Артемьевъ, усидчивая, спокойная натура котораго уравновѣщивала недостатки нервной, порывистой работы Мельникова въ ежедневномъ изданіи. Въ «Русскомъ Дневникѣ» появилось много интересныхъ корреспонденцій изъ разныхъ мѣстъ Россіи, много статей, разнообразныхъ свѣдѣній, часть которыхъ почерпалась изъ донесеній губернаторовъ министру внутреннихъ дѣлъ, который разрѣшилъ Мельникову пользоваться этимъ матеріаломъ. Рядъ передовыхъ статей, за подписью П. М. (передовыя статьи въ «Русскомъ

«Дневникъ» подписывались заглавными буквами фамилій ихъ авторовъ), принадлежалъ редактору газеты. Нѣкоторыя статьи газеты не нравились высшимъ административнымъ сферамъ, изъ которыхъ инныя непріязненно относились въ то время къ расширенію свободы печатнаго слова. Редактированіе газеты выдающимся чиновникомъ министерства внутреннихъ дѣлъ было причиною, что ее стали считать его органомъ. Вслѣдствіе того министру С. С. Ланскому приходилось выслушивать замѣчанія и неудовольствія на «Русскій Дневникъ», какъ бы виновнику или вдохновителю статей, появившихся въ немъ. Такое положеніе оказалось настолько непріятнымъ для С. С. Ланского, что онъ наконецъ призвалъ къ себѣ П. И. Мельникова и предложилъ ему на выборъ: или выйти въ отставку изъ министерства внутреннихъ дѣлъ и продолжать изданіе, не въ качествѣ его чиновника, или прекратить «Русскій Дневникъ» и остаться въ такомъ случаѣ на государственной службѣ. Не имѣя состоянія, Мельниковъ, какъ онъ самъ мнѣ говорилъ, предпочелъ остаться на государственной службѣ, дававшей ему средства къ жизни. При недостаточномъ числѣ подписчиковъ, всего 1518, на полугодовое изданіе «Русскаго Дневника» не только были израсходованы всѣ деньги, собранныя съ подписчиковъ, но и затрачена была, сверхъ того, довольно значительная сумма. Такъ, Мельниковъ получилъ въ ссуду изъ суммъ министерства внутреннихъ дѣлъ 3,000 р. на изданіе «Русскаго Дневника». По его прекращеніи, эту ссуду стали вычитать изъ скромнаго жалованья П. И. Мельникова, такъ что онъ былъ сильно стѣсненъ въ средствахъ къ жизни. Долгъ этотъ былъ ему прощенъ только впоследствии, благодаря ходатайству тогдашняго директора департамента общихъ дѣлъ, графа Петра Андреевича Шувалова.

Въ «Русскомъ Дневникѣ» стала появляться за подписью Андрея Печерскаго повѣсть «Заузолицы»¹⁾, которая послужила началомъ его романа «За Волгой» и «Въ Лѣсахъ». Всего напечатано было въ 1859 г. семь фельетоновъ о «Заузолицяхъ». Въ «Заузолицяхъ» Потапъ Максимовичъ Чапуринъ явился подъ именемъ Лукьяна Никитина, дочери его назывались Груша и Липа. Отца Алексѣя Лохматова звали въ этой повѣсти Пахомъ Ононкинъ. Многое изъ «Заузолицовъ», слово въ слово, перешло въ романъ «Въ Лѣсахъ». Въ «Русскомъ же Дневникѣ» появился впервые рассказъ Андрея Печерскаго «На Станціи». Повѣсть свою «Заузолицы» П. И. Мельниковъ началъ подъ вліяніемъ неоднократно данныхъ ему совѣтовъ министромъ внутреннихъ дѣлъ, С. С. Ланскимъ, который, зная перо и обширныя свѣдѣнія Мельникова о русскомъ народѣ и его бытѣ, почти настоятельно убѣждалъ своего чиновника приступить къ его описанію съ наибольшими подробностями.

Во время изданія «Русскаго Дневника», у Мельникова произошло столкновение съ редакціею «Русскаго Вѣстника», вслѣдствіе слѣдующаго обстоятельства. Въ февралѣ 1859 года, послѣ запрещенія цензурою отдѣльнаго изданія «Разказовъ Андрея Печерскаго», у книгопродавцевъ появились въ продажѣ «Старые годы» и «Медвѣжій уголь», вырѣзанными изъ «Русскаго Вѣстника» 1857 года и сброшюрованными въ особой оберткѣ. Оказалось, что редакція продала оставшіеся у ней неразошедшимися по подпискѣ 400 экземпляровъ «Русскаго Вѣстника» этого года, а книгопродавецъ Свѣшниковъ, приобрѣтя ихъ, пустилъ въ продажу означенные разказы по 1 р. с.

1) Т. е. живущіе за рѣкою Узолою, которая, протекая по заводской части Балахнинскаго уѣзда, впадаетъ въ Волгу выше Балахны. Къ числу заузолицевъ П. И. Мельниковъ отнесъ жителей Балахнинскаго и Семеновскаго уѣздовъ.

за экземпляръ. Въ этомъ поступкѣ редакціи журнала не было ничего предосудительнаго, потому что она была въ правѣ располагать своимъ изданіемъ. Иначе посмотрѣлъ на эту продажу Мельниковъ и въ № 59 «Русскаго Дневника» напечаталъ за своею подписью слѣдующее заявленіе: «Хотя я и обѣщаль редакціи «Русскаго Вѣстника» помѣстить въ этомъ журналѣ мой романъ «Свадьба уходомъ» и другія статьи, но, послѣ продажи г. Свѣшниковымъ моихъ сочиненій не считаю себя обязаннымъ исполнить это обѣщаніе: названный романъ и другія статьи, назначенныя для «Русскаго Вѣстника», будутъ напечатаны, думаю, въ «Современникѣ», частію въ «Русскомъ Дневникѣ». Понятно, что для редакціи «Русскаго Вѣстника» разрывъ съ нею Мельникова былъ непріятенъ, и она желала примиренія. Такъ, въ январѣ 1860 года одинъ литераторъ писалъ мнѣ изъ Москвы: «М. Н. Катковъ радъ возрожденію «Сѣверной Пчелы». Намѣренія его журнала къ вашей газетѣ очень дружественны. Желательно было бы, чтобы П. И. Мельниковъ послалъ въ «Русскій Вѣстникъ» хотя одну статью Печерскаго, въ знакъ прекращенія какихъ-то недоразумѣній, мнѣ неизвѣстныхъ, впрочемъ». Но первая статья Мельникова въ «Русскомъ Вѣстникѣ» появилась только въ концѣ 1862 года.

Для удовлетворенія подписчиковъ «Русскаго Дневника», за невысланные имъ нумера этой газеты, Мельниковъ въ ноябрѣ 1859 года принялъ мое предложеніе разослать имъ газету «Сѣверная Пчела», которая обновлялась, подъ моею редакціею, съ 1-го января 1860 года. Съ тѣмъ вмѣстѣ, онъ принялъ дѣятельное участіе своими статьями въ моей газетѣ, которое продолжалось въ теченіе 1860, 1861 и 1862 годовъ. Это его участіе уже описано въ моихъ «Воспоминаніяхъ о Павлѣ Ивановичѣ Мельниковѣ», появив-

шихся въ 1883 году въ «Новомъ Времени» ¹⁾. Сверхъ многихъ статей разнообразнаго содержанія, Мельниковъ помѣстилъ въ эти годы въ «Сѣверной Пчелѣ»: разборъ «Грозы», Островскаго (№ 41 и № 42, 1860 г.), рассказы Андрея Печерскаго: «У Макарья» (№ 144 1860 г.) и «Въ Чудовѣ» (№ 30 1862 г.), «Преданіе о судьбѣ Таракановой» (№ 39 1860 г.) и наконецъ пять «Писемъ о расколѣ». Послѣднія появились безъ подписи автора, но его всѣ узнали немедленно по знанію предмета, по ясности, убѣдительности изложенія. Эти «Письма» были переверстаны изъ «Сѣверной Пчелы» въ особую брошюру и изданы въ числѣ 500 экземпляровъ. «Письма о расколѣ» были капитальнымъ даромъ Мельникова газетѣ. Мнѣ стоило двухлѣтнихъ усилій убѣдить П. И. Мельникова начать писать о расколѣ въ газетѣ. Онъ не рѣшался взяться за этотъ трудъ и по своему служебному положенію, и изъ опасенія, что цензура не дозволитъ ему высказать свои взгляды ясно, откровенно, согласно его убѣжденію. По этому предмету у меня были продолжительныя переговоры съ тогдашнимъ цензоромъ «Сѣверной Пчелы», Егоромъ Егоровичемъ Волковымъ, благоволившимъ къ моей газетѣ. «Письма о расколѣ» произвели сильное впечатлѣніе въ нашемъ духовномъ мірѣ. Вотъ, что писалъ преосвященный Нектарій, епископъ нижегородскій, въ письмѣ къ П. И. Мельникову изъ Нижняго отъ 14-го мая 1862 года: «Примите мою живѣйшую благодарность за то величайшее утѣшеніе, которое доставили мнѣ «Письма о расколѣ» за вашимъ подписаніемъ и съ вашею надписью, свидѣтельствующею о вашемъ добромъ, глубоко чувствуемомъ мною и высокоцѣннымъ расположеніи ко мнѣ. Хотѣлъ я писать къ вамъ, достоуважаемый Павелъ Ивановичь,

1) См. № 2528 и 2537.

не прежде, какъ по прочтеніи этихъ «Писемъ», но, къ сожалѣнію моему, дѣла, посѣтители, просители и служба дозволили мнѣ прочитать до сихъ поръ только три письма, а завтра отправляюсь обозрѣвать епархію, именно, Горбатовскій уѣздъ, гдѣ особенно силенъ расколъ, и беру съ собою «Письма» ваши. Впрочемъ, не только изъ трехъ писемъ, но и изъ первыхъ строкъ видно, что малъ золотникъ, да дорогъ. Видно и то, что вы умѣли задобрить цензора... Въ самомъ дѣлѣ, есть очень, очень смѣлыя выраженія и предположенія».

Начавъ свои «Письма о расколѣ», П. И. Мельниковъ задался идеею представить историческій очеркъ каждаго религіознаго разномыслія, его догматику обрядность. Въ послѣднемъ, пятомъ, письмѣ онъ обѣщаль продолженіе своего труда, но оно не появилось въ «Сѣверной Пчелѣ». Онъ не хотѣлъ браться за анализъ раскола, говоря, что для того не наступило еще время и что прежде всего необходимо сообщить о немъ факты и факты, которыхъ собрано имъ много. Они и стали появляться съ 1863 года въ «Русскомъ Вѣстникѣ» подъ разными заглавіями: «Старообрядческіе архіереи» (№ 4—6 1863 г.), «Историческіе очерки поповщины» (№ 5 1864 г., № 5 и 9 1866 г., № 2 1867 г. «Русскаго Вѣстника»), «Счисленіе раскольниковъ» (№ 2 «Русскаго Вѣстника» 1868 г.), «Тайныя секты» (№ 5 1868 г.), «Бѣлые голуби, рассказы о скопцахъ и хлыстахъ» («Русскій Вѣстникъ» № 3 и 5 1869 г.).

Появившееся въ то время въ нашей литературѣ мнѣніе, первоначально, впрочемъ, высказанное нѣкоторыми представителями нашей іерархіи, будто бы расколъ составляетъ готовую почву для переворота, зараженъ демократическими поползновеніями, а потому и имѣетъ не только церковное, но и политическое значеніе, заставило П. И. Мельникова въ № 142 «Сѣверной Пчелы» 1862 года напечатать особое заявленіе

о его взглядѣ на расколъ. Въ немъ онъ объявилъ, что въ его «Письмахъ о расколѣ» имъ проведена была слѣдующая мысль: «Раскольники не заключали и не заключаютъ въ себѣ ничего опаснаго для государства и общественнаго благоустройства: двухсотлѣтнее преслѣдованіе ихъ и ограниченіе въ гражданскихъ правахъ поэтому было совершенно излишне и даже вредно, и раскольники вполнѣ заслуживаютъ того, чтобы пользоваться всѣми гражданскими правами». Далѣе: «Я самъ прежде смотрѣлъ на расколъ такъ же, какъ и другіе авторы; но занимаясь изученіемъ его не со вчерашняго дня, пришелъ къ убѣжденію, что раскольники вовсе не заключаютъ въ себѣ тѣхъ элементовъ, за мнимое присутствіе которыхъ они два вѣка подвергались то преслѣдованіямъ, то ограниченіямъ гражданскихъ правъ. Вѣроятно, вамъ желательно, чтобы я объ этомъ предметѣ говорилъ противное: чтобы я говорилъ, что расколъ включаетъ въ себѣ тѣ элементы, за подозрѣніе которыхъ преслѣдовали его послѣдователей. Не буду. Потому не буду, что это было бы ложно и по отношенію къ раскольникамъ крайнею несправедливостью и даже клеветою. Конечно, можно сдѣлать и доказать, на примѣръ, что въ раскольникахъ есть присутствіе демократизма. Чего нельзя доказать? Нужна только извѣстная ловкость. Для этого надобно лишь исказить изъ любви къ искусству историческіе факты; переносить ихъ изъ столѣтія въ столѣтіе; изъ официальныхъ актовъ и раскольничьихъ сочиненій выдергивать нужные клочки, не вставляя тѣхъ, которые ослабляютъ или вовсе уничтожаютъ мысль, высказанную въ этихъ клочкахъ; кое-гдѣ присочинить, кое-что не договорить, кое о чемъ вовсе умолчать; но не думаю, чтобы въ такомъ сочиненіи могла быть правда. Цѣль оправдываетъ средства, но какова бы цѣль ни была, дѣло

все-таки будетъ не хорошо, если въ основаніе его положена ложь. Притомъ же это правило старое; оно уже сильно поизносилось еще отцами іезуитами, которыхъ, кажется, нельзя заподозрить въ политической честности»¹⁾.

Политическія событія 1863 года доказали вѣрность взгляда П. И. Мельникова на раскольниковъ, когда не только русскіе старообрядцы, но даже и турецкіе (некрасовцы), подускиваемые поляками, отказались дѣйствовать за одно съ врагами русскаго царя.

Въ то время, когда П. И. Мельниковъ принадлежалъ къ числу главныхъ сотрудниковъ «Сѣверной Пчелы», онъ получилъ въ августѣ 1861 года приглашеніе отъ попечителя покойнаго цесаревича великаго князя Николая Александровича, генераль-адъютанта графа Сергѣя Григорьевича Строганова, прибыть въ Нижній-Новгородъ для руководства его императорскаго высочества при обзорѣ нижегородской ярмарки и затѣмъ сопровождалъ цесаревича въ Казань и обратно въ Нижній. Эта поѣздка, по словамъ П. И. Мельникова, имѣла вліяніе на появленіе впоследствии его художественныхъ произведеній «Въ лѣсахъ» и «На горахъ». Во время поѣздки по Волгѣ на пароходѣ Мельниковъ передавалъ цесаревичу разныя сказанія о тѣхъ мѣстахъ нагорнаго и лугового береговъ рѣки, мимо которыхъ они плыли. Цесаревичъ, любившій преданія, повѣрья, сказанія про русскій народный бытъ, съ интересомъ внималъ рѣчи талантливаго рассказчика. Когда около Лыскова Мельниковъ распро-

1) Этотъ взглядъ на раскольниковъ былъ высказанъ Мельниковымъ не въ его «Письмахъ о расколѣ», какъ утверждаетъ Д. И. Иловайскій, въ своей статьѣ «П. И. Мельниковъ и его тридцатипятилѣтняя литературная дѣятельность» («Русскій Архивъ» 1875 г., стр. 83), а въ отдѣльной статьѣ, въ полемическомъ отвѣтѣ автору внутренняго обозрѣнія въ «Современникѣ».

страился о жизни народа за Волгою, о тамошнихъ скитахъ, лѣсахъ и промыслахъ, цесаревичъ сказалъ:

— Чтобы вамъ, Павелъ Ивановичъ, все это написать; изобразить повѣрья, преданія, весь бытъ заволжскаго народа.

Когда Мельниковъ сталъ уклоняться отъ подобнаго труда, отговариваясь неимѣнемъ времени при служебныхъ занятіяхъ, цесаревичъ замѣтилъ:

— Итъ, непременно напишите. Я за вами буду считать въ долгу повѣсть о томъ, какъ живутъ «въ лѣсахъ» за Волгою.

Преждевременная кончина цесаревича Николая Александровича и присутствіе на его погребеніи въ Петропавловской крѣпости П. И. Мельникова не только воскресили въ его памяти разговоръ 1861 года на пароходѣ подъ Лысковомъ, но и побудили его приняться за осуществленіе мысли, данной ему покойнымъ великимъ княземъ.

Между тѣмъ въ служебной карьерѣ Павла Ивановича Мельникова произошла невыгодная для него перемѣна. Въ 1861 году, на мѣсто С. С. Ланскаго, министромъ внутреннихъ дѣлъ былъ назначенъ П. А. Валуевъ. вмѣсто прежняго благосклоннаго вниманія, которое ему оказывали предшествовавшіе три министра, къ Мельникову почувствовали какое-то нерасположеніе. вмѣсто прежняго довѣрія къ его знаніямъ, опытности, къ его умѣнію исполнять самыя трудныя административныя порученія, новый министръ сталъ пренебрегать своимъ чиновникомъ особыхъ порученій держать его, что называется, въ «черномъ тѣлѣ». Такое обхожденіе сильно огорчало Мельникова, дорожившаго коронною службою, какъ единственнымъ вѣрнымъ источникомъ содержанія его семьи и ея обезпеченія въ будущемъ. Почти двадцатипятилѣтняя служба давала ему основаніе надѣяться, что и онъ

имѣть право на занятіе болѣе обезпеченной должности, чѣмъ постъ чиновника особыхъ порученій, благосостояніе котораго зависѣло отъ командировокъ, дополнявшихъ его скудный бюджетъ.

Новый министръ внутреннихъ дѣлъ испросилъ высочайшее разрѣшеніе издавать съ 1-го января 1862 г. ежедневную газету «Сѣверная Почта», вмѣсто прежняго ежемѣсячнаго «Журнала Министерства Внутреннихъ Дѣлъ». Редакторомъ новаго органа своего министерства П. А. Валуевъ избралъ не изъ служащихъ въ своемъ вѣдомствѣ, а профессора и академика А. В. Никитенко. Выборъ этотъ оказался неудачнымъ. Не такое лицо нужно было П. А. Валуеву, желавшему сдѣлать свою газету первенствующимъ органомъ въ нашей печати. П. И. Мельниковъ надѣялся, что выборъ падетъ на него, какъ на извѣстнаго литератора; но на мѣсто А. В. Никитенко редакторомъ «Сѣверной Почты» назначенъ былъ также талантливый беллетристъ И. А. Гончаровъ. Мельникову было предложено сотрудничать въ газетѣ его министерства, но онъ уклонился, потому что для его самолюбія было обидно, что ему предоставляютъ второстепенное мѣсто, когда онъ могъ бы съ пользою исполнять обязанности главнаго редактора. Это уклоненіе Мельникова было одною изъ главныхъ причинъ нерасположенія къ нему новаго министра. П. А. Валуевъ говорилъ, что если «его чиновникъ умѣетъ писать статьи для другихъ газетъ, то долженъ умѣть ихъ писать и для «Сѣверной Почты».

Разгорѣвшійся польскій вопросъ заставилъ однако, министра обратить вниманіе на П. И. Мельникова. Въ 1863 году, по видамъ правительства, найдено было необходимымъ написать изложеніе тогдашнихъ польскихъ событій, которое легко было бы усвоено народомъ. Составленіе подобнаго сочиненія поручено было министромъ внутреннихъ дѣлъ П. И. Мельникову. Онъ

написалъ «Письмо къ православнымъ христіанамъ», которое при слѣдующей докладной запискѣ представилъ 11-го іюля 1863 года Петру Александровичу Валугеву: «Въ виду настоящихъ политическихъ событій, сопровождаемыхъ попытками враговъ Россіи, посредствомъ распространенія прокламацій и фальшивыхъ манифестовъ, вовлечь крестьянъ въ безпорядки и тѣмъ произвести внутреннія замѣшательства въ Великой Россіи, ваше превосходительство изволили поручить мнѣ написать брошюру для крестьянъ, которая служила бы пропагандою противъ возмутительной пропаганды.

«Представляя присемъ на благоусмотрѣніе вашего превосходительства «Письмо къ православнымъ христіанамъ», долгомъ поставлю покорнѣйше просить взглянуть на него не болѣе, какъ на образецъ и быть самымъ строгимъ судьею. По крайнему моему разумѣнію, все, что писано въ этомъ письмѣ, полезно при настоящихъ обстоятельствахъ распространить въ народѣ, но до какой степени сообразно оно съ высшими видами и намѣреніями правительства, я не знаю. Въ такомъ важномъ дѣлѣ, какъ обращеніе къ народной массѣ въ столь знаменательную историческую минуту, какова настоящая, самолюбіе всякаго автора, если онъ истинно русскій, должно умолкнуть. Вполнѣ сознавая это, я покорнѣйше прошу ваше превосходительство не оставить меня своимъ руководствомъ и наставленіями и смотрѣть на меня, не какъ на литератора, имѣющаго нѣкоторую извѣстность, а какъ на ученика.

«Относительно изложенія дозволяю себѣ представить нѣсколько соображеній. Большинство нашихъ писателей, обращаясь къ простонародью, или говорятъ съ нимъ, какъ съ дѣтьми, или до приторности наполняютъ рѣчь свою разнаго рода прибаутками. Мнѣ кажется, что ни то, ни другое никуда не годится. До

какой бы степени ни былъ неразвитъ русскій народъ (а онъ вовсе не до того неразвитъ, какъ обыкновенно думаютъ, но лишь имѣеть своеобразное міросозерца-ніе), во всякомъ случаѣ обращаться къ нему, какъ къ ребенку, нельзя. Вѣдь, этому ребенку тысяча лѣтъ. Такой тонъ для него оскорбителенъ и довѣрія внушить не можетъ; сочиненій, въ родѣ дѣтскихъ книжекъ, онъ не любитъ и даже смѣется надъ ними. На сочиненія же, приправленныя не въ мѣру и некстати прибаутками, смотритъ, какъ на скоморошество. Такою рѣчью можно потѣшить молодежь деревенскую, но ничего серьезнаго ею достигнуть невозможно. Современники московскаго разоренія утверждаютъ, что самыя растопчинскія афишки нравились только гулякамъ и пьяной толпѣ; люди же болѣе серьезные изъ московскаго простонародья, особенно старообрядцы, смотрѣли на нихъ весьма неблагосклонно. Мнѣ кажется, что въ сочиненіяхъ, обращаемыхъ къ народу, особенно въ важные историческіе моменты, должно говорить серьезно и съ достоинствомъ, говорить тѣми своеобразными оборотами рѣчи, тѣми выраженіями, которыя, въ теченіе столѣтій народъ выработалъ изъ чтенія книгъ церковныхъ, изъ былинъ и сказаній, изустно изъ поколѣнія въ поколѣніе передаваемыхъ; это тѣ обороты рѣчи, тѣ выраженія, которыя не доступны для изученія въ аудиторіяхъ и кабинетахъ, но которыя могутъ быть усваиваемы образованнымъ человѣкомъ не иначе, какъ посредствомъ долгаго и близкаго знакомства съ простонародьемъ, сопровождаемаго изученіемъ церковной литературы, лѣтописныхъ сказаній и изустныхъ былинъ и преданій.

«На сколько могъ, я старался говорить такимъ языкомъ, и въ основу «Письма» положилъ религіозное чувство народа и преданность его царю.

«Затѣмъ дозволяю себѣ войти въ нѣкоторыя со-

ображенія относительно распространенія представленнаго «Письма», если ваше превосходительство изволите найти его достигающимъ предначертанной вами цѣли.

«Я полагалъ бы напечатать его въ Москвѣ и называть «Письмомъ изъ Москвы». Простонародье имѣетъ къ Москвѣ благоговѣйное уваженіе, какимъ Петербургъ не пользуется. Москва и Кіевъ города святые, по понятіямъ народа. Въ то время, когда народный духъ возбужденъ, когда по сельщинѣ и деревеньщинѣ раздаются, какъ теперь, старинные наши голоса: «За домъ Пресвятой Богородицы и за православнаго царя!» съ народомъ удобнѣе говорить изъ Кремля, чѣмъ съ Невскаго проспекта. Петербургъ имѣетъ высокій правительственный авторитетъ въ глазахъ народа, основанный на томъ, что государь императоръ имѣетъ въ немъ постоянное пребываніе. Москва же имѣетъ авторитетъ религіозный и народный, не будучи лишена и царственнаго авторитета. Кореннымъ царскимъ городомъ народъ все-таки считаетъ Москву.

«Если ваше превосходительство изволите признать мысль о напечатаніи «Письма» въ Москвѣ основательною, то я охотно принялъ бы на себя распоряженія и самый надзоръ за печатаніемъ предварительно посоветовавшись съ московскими литераторами, знающими русскій народъ лучше, чѣмъ петербургскіе, и принимающими близко и горячо совершающіяся событія къ своему русскому сердцу.

«Полагаю, что брошюру непременно надо продавать, хотя за самую ничтожную плату. Бесплатная раздача сильно можетъ повредить успѣху дѣла. Чтобы брошюра получила болѣе сочувствія въ народѣ, слѣдовало бы ее продавать, на примѣръ, въ пользу семействъ тѣхъ солдатъ и крестьянъ, которые убиты польскими мятежниками, что и напечатать на оберткѣ. Распространять ее надо преимущественно изъ Москвы и съ

нижегородской ярмарки, посредствомъ офеней или кустарниковъ. Если угодно будетъ вашему превосходительству, то, имѣя довольно значительное знакомство съ торговцами нижегородской ярмарки, я съ полною готовностью принялъ бы на себя распространеніе брошюры на этомъ всероссійскомъ народномъ съѣздѣ.

«Настоящія событія, теперешнее положеніе дѣлъ таковы, что и непосвященному въ государственныя тайны и высшія соображенія правительства, безошибочно можно сказать, что одинъ Богъ знаетъ, что предстоитъ намъ въ близкомъ будущемъ. Если потребуется перо для народа и если ваше превосходительство признаете, что я могу владѣть имъ, то не оставьте меня своею начальническою милостью: доставьте мнѣ и впередъ, если то нужно будетъ, возможность сослужить посильную службу всемилостивѣйшему государю моему и русскому народу, къ которому принадлежу по праву рожденія, по вѣрѣ и по воспитанію».

На этой запискѣ сохранилась слѣдующая надпись ея автора: «Записка Мельникова, представленная министру Валуеву (тогда еще тайному совѣтнику). Вслѣдствіе этой записки на отпущенныя изъ казны деньги напечатано 40,000 экземпляровъ брошюры «О русской правдѣ и польской кривдѣ» въ Москвѣ, въ типографіи Каткова и Комп. Посредствомъ офеней распродана вся мѣсяцевъ въ пять или шесть. Продавалась (четыре листа печатныхъ) по 6 коп.».

Желаніе Мельникова было исполнено. Онъ отправился въ Москву и на нижегородскую ярмарку, причемъ ему поручено было министромъ внутреннихъ дѣлъ въ тогдашнее смутное время ознакомиться съ настроеніемъ общества и народа въ Россіи, для чего ярмарка представляла наиболѣе удобное время. Мельниковъ 18-го іюля отправился въ Москву. Тамъ его брошюра, вмѣсто своего прежняго заглавія «Письмо къ

православнымъ христіанамъ», получила другое заглавіе: «О русской правдѣ и польской кривдѣ». М. Н. Катковъ, въ виду патріотической цѣли брошюры, согласился напечатать ее по такой дешевой цѣнѣ, что сдѣлалось возможнымъ пустить ее въ продажу по 6 коп. за экземпляръ. Даль и Погодинъ, съ которыми совѣтовался Мельниковъ, настаивали напечатать не 40,000, а 100,000 экземпляровъ, но такое количество, вѣроятно, не разошлось бы въ народѣ въ теченіе и всего года. Брошюра одобрена была къ печати цензурою 25-го іюля и заключала въ себѣ 56 страницъ. Она была «писана добрымъ православнымъ христіанамъ изъ царствующаго града Москвы» и т. д., какъ было сказано въ заголовкѣ и начиналась слѣдующимъ образомъ:

«Господи Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй насъ!
Аминь.

Православные христіане!»

На первой страницѣ былъ приведенъ стихъ изъ Голубиной Книги о томъ, что правда сходилась съ кривдою, что правда преодолѣла кривду, и правда пошла на небо къ самому Христу, Царю Небесному, а кривда осталась на сырой землѣ и пошла по сырой землѣ, по всѣмъ четыремъ по сторонушкамъ. Кто станетъ жить у насъ съ правдою, тотъ наслѣдуетъ царство небесное, а кто станетъ жить съ кривдою, тотъ обреченъ будетъ на муки вѣчныя. Вообще вся брошюра «О русской правдѣ и польской кривдѣ» отличалась своеобразными особенностями, указывавшими на умѣнье ея автора удовлетворить требованіямъ русскаго простолюдина, предъявляемымъ имъ къ наиболѣе излюбленнымъ имъ произведеніямъ печати. Брошюра заканчивалась текстомъ молитвы изъ рукописи XVI столѣтія и молитвами: «Спаси, Господи, люди твоя» и «Вѣруемъ и исповѣдуемъ».

Если бы напечатать коллекцію частныхъ писемъ, посланныхъ Мельниковымъ министру внутреннихъ дѣлъ въ июлѣ и августѣ 1863 года, то она представила бы интересную картину настроенія московской печати вообще, дворянства, купечества, народа въ эпоху польской смуты, въ первые годы крестьянской реформы, эпохи неудовольствія на мировыхъ посредниковъ, введенія уставныхъ грамотъ, вслѣдъ за неудавшеюся попыткою размѣна кредитныхъ билетовъ на золото, разныхъ толковъ въ торговомъ сословіи по поводу начинавшаго установлять иные порядки новаго министра финансовъ и т. д. Къ сожалѣнію, въ бумагахъ П. И. Мельникова не оказалось ни черновыхъ этихъ писемъ, ни вообще какихъ-либо замѣтокъ его объ этой эпохѣ, когда общество, публика, народъ въ Москвѣ и Нижнемъ-Новгородѣ были въ крайне враждебномъ настроеніи ко всѣмъ посягательствамъ на цѣлость и достоинство Россіи.

XIV

Редакторъ «Сѣверной Почты» Д. И. Каменскій.—Мельниковъ редакторъ ея внутренняго отдѣла.—Редактированіе этой газеты П. А. Валуевымъ.—Новая записка Мельникова по расколу.—Столкновеніе его съ генералъ-губернаторомъ Огаревымъ.

Не прошло и трехъ лѣтъ со дня появленія «Сѣверной Почты», а министру внутреннихъ дѣлъ приходилось искать для своей газеты третьяго редактора. Первые два не удовлетворили тѣмъ условіямъ, которыя онъ желалъ найти въ подобномъ лицѣ. П. И. Мельниковъ, какъ извѣстный уже литераторъ, какъ чиновникъ, исполнявшій разнообразныя порученія своего министра, между прочимъ, и по составленію подобной

брошюры, каковою явилась «Русская правда и польская кривда», полагаль, что онъ имѣеть право быть редакторомъ «Сѣверной Почты». Таково было и мнѣніе нѣкоторыхъ лицъ съ вліяніемъ въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, говорившихъ въ пользу Мельникова Петру Александровичу Валуеву; но не таково было желаніе послѣдняго. Редакторомъ газеты министерства внутреннихъ дѣлъ былъ назначень, на мѣсто И. А. Гончарова, Дмитрій Ивановичъ Каменскій, сотрудничавшій передъ тѣмъ въ газетѣ «Голосъ» и въ «Современной Лѣтописи», прибавленіи къ «Русскому Вѣстнику», и послѣ преобразования «Сѣверной Почты» въ «Правительственный Вѣстникъ» при новомъ министрѣ внутреннихъ дѣлъ, генераль-адъютантѣ А. Е. Тимашевѣ, назначенный членомъ совѣта главнаго управленія по дѣламъ печати. П. И. Мельникову предложено было быть помощникомъ редактора «Сѣверной Почты». Онъ отказался отъ этой обязанности потому, что считаль за собою болѣе Д. И. Каменскаго правъ быть редакторомъ органа своего министерства. Сверхъ того, многимъ было извѣстно, что Д. И. Каменскій не питаль особаго расположенія къ П. И. Мельникову, хотя оба они сходились въ своихъ чувствахъ расположенія и привязанности къ М. Н. Каткову. Полагаю, что П. И. Мельниковъ догадывался о нерасположеніи къ нему Д. И. Каменскаго. Но такъ какъ П. А. Валуевъ настаиваль на сотрудничествѣ Мельникова въ «Сѣверной Почтѣ» и выражалъ неудовольствіе на участіе его въ другихъ частныхъ періодическихъ изданіяхъ, то, въ видахъ сохраненія за собою положенія въ администраціи и тѣхъ преимуществъ, которыя пріобрѣтены были слишкомъ двадцатипятилѣтнею службою, Мельниковъ, послѣ продолжительныхъ переговоровъ, согласился быть редакторомъ внутренняго отдѣла въ «Сѣверной Почтѣ», самостоятельнымъ, отвѣтственнымъ.

Естественно, что подобное его положеніе въ редакціи не могло нравиться главному редактору газеты Д. И. Каменскому.

П. И. Мельниковъ представилъ своему министру пространную программу для внутренняго отдѣла «Сѣверной Почты», какъ онъ предполагалъ бы вести его. Самой программы въ бумагахъ Мельникова не оказалось, но я нашелъ критическій разборъ ея, сдѣланный министромъ внутреннихъ дѣлъ. Изъ замѣчаній послѣдняго, въ большинствѣ основательныхъ и вѣрныхъ, видно, какъ П. А. Валуевъ смотрѣлъ, съ своей точки зрѣнія, на оффиціальный органъ, и чего онъ для него требовалъ отъ его редакторовъ.

На слова программы: «Полная, по возможности, лѣтопись дѣятельности министерства внутреннихъ дѣлъ во внутреннемъ отдѣлѣ «Сѣверной Почты»,—министръ замѣтилъ: «Можно, но вовсе не главная цѣль. Министерство издаетъ «Сѣверную почту», но не для себя, въ видахъ самописанія. Полная лѣтопись большею частію скучная лѣтопись. Министерство должно имѣть въ виду приобрѣтать нравственное вліяніе и силу. Слѣдовательно, въ лѣтопись должно входить преимущественно то, что способствуетъ къ этому приобрѣтенію».

На слова программы, что «внутреннія извѣстія «Сѣверной почты» должны быть, сколь возможно, полны и свѣжи», министръ возразилъ, что «это—точка зрѣнія всякой вообще газеты; и извѣстія «Сѣверной Почты» должны быть: своевременны, точны, разборчивы».

П. И. Мельниковъ полагалъ, что «выборъ статей «Сѣверной Почты» согласуется со взглядомъ и цѣлями министерства», противъ чего П. А. Валуевъ коротко написалъ: «конечно».

Относительно руководящихъ статей министръ замѣтилъ: «совершенно такъ». Касательно словъ программы, что «мелкія извѣстія заимствуются «Сѣверною

Почтою» изъ другихъ газетъ», П. А. Валуевъ выразилъ, что «ихъ вообще слѣдуетъ весьма мало заимствовать».

На предположеніе П. И. Мельникова, что «фельетонъ вообще исключается изъ «Сѣверной Почты», какъ газеты серіозной и официальной» послѣдовалъ слѣдующій отвѣтъ министра: «конечно, но, устраняя всякій юмористическій, литературный или до ежедневной жизни относящійся фельетонъ, нѣтъ однакоже повода отказываться отъ подстрочнаго (т. е. на мѣстѣ фельетона) помѣщенія отдѣльныхъ статей библиографическаго, научнаго и тому подобнаго содержанія».

На слова программы, что «Сѣверная Почта» не проходитъ молчаніемъ замѣчательныхъ явленій въ наукахъ, искусствахъ и вообще въ литературѣ», министръ замѣтилъ, что «все это большею частію относится не только для внутренняго отдѣла «Сѣверной Почты», но и до иностраннаго».

Предположенія о сношеніяхъ редактора внутренняго отдѣла съ учеными, художниками и литераторами вызвали слѣдующій отвѣтъ министра: «Все это вообще правильно; но случаи примѣненія неизбежно будутъ рѣдки. Съ практической точки зрѣнія слѣдуетъ прежде всего имѣть въ виду то, что встрѣчается или встрѣтится часто».

Въ программѣ Мельникова были выяснены отношенія редактора внутренняго отдѣла къ главному редактору. Это обстоятельство дало поводъ П. А. Валуеву высказать слѣдующее: «Обо всемъ этомъ я нѣсколько сожалею, какъ о признакъ опасеній, которыхъ я не желалъ бы встрѣчать. Замѣчательно, что у насъ вообще предусматриваются такого рода препятствія и затрудненія, которыя имѣютъ личный характеръ, и предусматриваются какъ нѣчто, могущее повторяться часто, между тѣмъ какъ подобные случаи могутъ быть

только рѣдко. Полезнѣе обождать подобнаго случая въ конкретной формѣ».

На слова Мельникова о «необходимости извлеченія секретаремъ при директорѣ департамента общихъ дѣлъ министерства для «Сѣверной Почты» свѣдѣній изъ входящихъ бумагъ всего министерства», П. А. Валуевъ съ своей стороны замѣтилъ: «Все это можетъ быть исполнено съ тѣмъ, чтобы не задерживать теченіе входящихъ бумагъ; но повторяю, что свѣжести и полности свѣдѣній приписывается преувеличенное значеніе. Это видно, напримѣръ, изъ того, что говорится во всѣхъ бумагахъ, а въ сущности думается о донесеніяхъ, о происшествіяхъ и о какихъ-либо особыхъ административныхъ распоряженіяхъ или событіяхъ, напримѣръ, открытіи земскихъ и дворянскихъ собраній, учрежденіи банковъ, устройствѣ путей сообщенія и т. п.».

Въ программѣ было также сказано, что «статьи, составленныя въ департаментахъ министерства внутреннихъ дѣлъ, по относящимся до нихъ предметамъ, поступаютъ на окончательное разсмотрѣніе редактора внутренняго отдѣла «Сѣверной Почты». На это министръ возразилъ: «Здѣсь есть отгѣнокъ. Если статья составлена, по распоряженію директора департамента, то помѣщеніе ея не можетъ зависѣть отъ редакціи. «Сѣверная Почта» обязана помѣщать то, что министерству нужно, и молчать о томъ, что для него неудобно. Въ случаѣ разногласія слѣдуетъ спрашивать министра».

Мельниковъ писалъ въ программѣ, что въ «Сѣверной Почтѣ» помѣщаются отчеты губернаторовъ, врачебныхъ управъ и другихъ мѣстъ». П. А. Валуевъ замѣтилъ на это: «всякое извлеченіе изъ всеподданнѣйшихъ отчетовъ можетъ быть печатаемо не иначе, какъ по прочтеніи въ корректурѣ министромъ».

На желаніе Мельникова, чтобы «въ распоряженіи редактора внутренняго отдѣла находился особый писарь», министр написалъ, что «вопросъ объ одномъ писцѣ есть вопросъ совершенно второстепенный».

Касательно «способа выборки изъ газетъ текущихъ новостей», предложеннаго Мельниковымъ, министр замѣтилъ, что «здѣсь я не встрѣчаю повода ближе всматриваться въ дѣло, предоставляя способъ разрѣшенія взаимному согласію главнаго редактора и завѣдующаго внутреннимъ отдѣломъ».

На предложеніе Мельникова имѣть корреспондентовъ для внутренняго отдѣла «Сѣверной Почты», по одному въ губерніи, П. А. Валувевъ написалъ слѣдующую резолюцію: «Развѣ для того, чтобы не печатать ихъ корреспонденцій? Здѣсь снова примѣръ радикальнаго различія съ моимъ взглядомъ. «Сѣверная Почта» не можетъ быть ведена въ перегонку съ «Голосомъ», или съ «Московскими Вѣдомостями». Она не можетъ печатать ⁹⁹/₁₀₀ частныхъ корреспонденцій, потому что въ нихъ непремѣнно затрагиваются дѣла самого министерства или другихъ министерствъ. Если у насъ нѣтъ фельетонистовъ, то у насъ еще менѣе корреспондентовъ. «Московскія Вѣдомости» тому доказательствомъ. Частные корреспонденты, кромѣ научныхъ предметовъ, у насъ для «Сѣверной Почты» траченія деньги. Министерство должно настоять на томъ, чтобы губернскія вѣдомости доставляли нужные обиходные матеріалы, и чтобы необходимые для того доставлялись самими губернаторами».

Что касается до «расходовъ на устройство внутренняго отдѣла», то министръ замѣтилъ убѣдительно: «предоставляю себѣ распорядиться впоследствии».

Вполнѣ самостоятельнымъ, какъ бы независимымъ отъ главнаго редактора, редакторомъ внутренняго отдѣла «Сѣверной Почты» П. И. Мельникову не уда-

лось сдѣлаться. Сверхъ понятнаго желанія Д. И. Каменскаго быть самому на первомъ планѣ, требованія П. А. Валужева, предъявляемыя имъ къ лицамъ, которыя становились во главѣ редакціи его органа, были иногда до тонкости неуловимы. П. А. Валуевъ, вступивъ въ апрѣлѣ 1861 года въ управленіе министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, сейчасъ же обратилъ вниманіе на значеніе печати и познакомился съ тѣми редакторами главныхъ газетъ, которыхъ онъ до того не зналъ. Желаніе его быть руководителемъ тогдашней печати выразилось въ созданіи «Сѣверной Почты». Его «министерство должно было имѣть въ виду пріобрѣтать нравственное вліяніе и силу» при посредствѣ такой газеты. Оно, несомнѣнно, и пріобрѣло бы ихъ, если бы П. А. Валуеву возможно было, оставаясь министромъ внутреннихъ дѣлъ, найти время на то, чтобы въ то же время быть дѣятельнымъ редакторомъ своей газеты. Онъ, впрочемъ, былъ имъ въ дѣйствительности, на сколько ему позволяли его многочисленныя административныя обязанности. П. А. Валуевъ прочитывалъ статьи въ корректурахъ, исправлялъ ихъ, передѣлывалъ до того, что инныя являлись, вслѣдствіе подобной редакціи, самостоятельными его произведеніями; дѣлалъ указанія на то, чего не слѣдовало помѣщать въ газетѣ, сообщалъ, какъ слѣдуетъ относиться къ общественному явленію, событію и проч. Административный тактъ, какъ бы определенная, намѣченная программа дѣйствія, желаніе тонкими штрихами отдѣлываться въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ другіе накладывали на картину слишкомъ густую тѣнь, проглядывали во всѣхъ замѣткахъ П. А. Валужева и въ исправленіяхъ имъ статей. Онъ руководствовался, можно сказать, въ этомъ отношеніи французскою поговоркою, *que le ton fait la musique*. Но весьма немногіе изъ редакторовъ и сотрудниковъ, ко-

торыхъ П. А. Валуевъ приглашалъ или допускалъ для своего органа, удовлетворяли его требованіямъ или желаніямъ. П. А. Валуеву необходимо было найти для «Сѣверной Почты» другого себя, съ его познаніями, перомъ и, важнѣе всего, съ его тактомъ и тономъ,—и онъ не находилъ подобнаго лица. Болѣе другихъ подошелъ къ его образцу Д. И. Каменскій, и онъ долѣе первыхъ двухъ своихъ предшественниковъ остался редакторомъ «Сѣверной Почты». Можетъ быть, П. А. Валуеву прискучило уже отыскиваніе «идеальнаго» редактора, и онъ сталъ удовлетворяться Д. И. Каменскимъ; можетъ быть, упроченію послѣдняго способствовало и то обстоятельство, что онъ ежедневно по нѣсколько разъ письменно или словесно испрашивалъ у министра указаній, приказаній, распоряженій, посылалъ ему въ корректурныхъ листахъ статьи, каждое самостоятельное извѣстіе, каждый фактъ, наводившій главнаго редактора на сомнѣніе.

П. И. Мельниковъ сталъ писать руководящія или передовыя статьи для «Сѣверной Почты», относившіяся до порученнаго ему внутренняго отдѣла. Въ бумагахъ его я нашелъ двѣ его статьи въ корректурныхъ листахъ, бывшія на разсмотрѣніи П. А. Валуева. Обѣ статьи касались до состоянія хлѣбныхъ полей и видовъ на урожай въ Россіи. Одну статью П. А. Валуевъ рѣшительно не одобрилъ и написалъ на ней слѣдующую резолюцію: «Все это слишкомъ безпокойно, не твердо, не увѣренно. Мимоходомъ замѣчу, что «утѣшатся» не административное чувство; «если»—неудобопримѣнимый оборотъ рѣчи въ оффиціальной газетѣ, а «безнадежность»—слово, которому въ ней нѣтъ мѣста. Не тотъ складъ. Такъ можетъ писать губернаторъ въ конфиденціальной торопливости. Такъ не можетъ говорить «Сѣверная Почта». Прошу Павла Ивановича на меня не сѣтовать. Наши оффиціальныя органы потому

имѣли и имѣютъ мало вліянія, что пренебрегаютъ тактическими приѣмами и легко сходятъ съ должнаго уровня».

Замѣченія П. А. Валугевымъ, по его мнѣнію, неудобныя выраженія были употреблены П. И. Мельниковымъ въ слѣдующаго рода фразахъ: «Получаемыя въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ извѣстія изъ разныхъ губерній о состояніи полей съ каждымъ днемъ утѣшительнѣе»; или «Изъ Самарской губерніи получены слѣдующія весьма утѣшительныя извѣстія»; наконецъ: «Если бы и случился болѣе или менѣе повсемѣстный неурожай, котораго, при настоящемъ состояніи полей въ Россіи, благодаря Бога, и предполагать невозможно, народное продовольствіе не было бы безнадежнымъ».

Другую передовую статью Мельникова, также о видахъ на урожай, П. А. Валугевъ принялся было переправлять карандашомъ, но затѣмъ не одобрилъ ее всю въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Вся статья написана слишкомъ въ тонѣ отвѣта на обвинительный актъ или на допросъ въ судѣ. Оправдываться никогда не слѣдуетъ. Правда, что мы могли заговорить ранѣе, но если не спохватились, то нечего въ томъ признаваться. Это не даетъ авторитета, а его колеблетъ. Въ такихъ случаяхъ слѣдуетъ становиться въ роль сфинкса, говорящаго или безмолвствующаго по произволу. Конецъ статьи ¹⁾ слишкомъ явно показываетъ намѣреніе успокоить. Это неловко. Тѣ же цифры можно напечатать мимоходомъ чрезъ три или четыре дня».

П. И. Мельниковъ составилъ для «Сѣверной Почты» извлеченіе изъ всеподданнѣйшаго отчета министра вну-

1) Въ концѣ статьи были сообщены оффіціальныя цифры о количествѣ наличнаго хлѣба въ сельскихъ запасныхъ магазинахъ и въ магазинахъ министерства государственныхъ имуществъ, а равно размѣры продовольственнаго капитала по этому вѣдомству и по министерству внутреннихъ дѣлъ.

треннихъ дѣлъ за 1862 годъ. Это извлеченіе представлено было ему въ рукописи. Въ седьмомъ отдѣлѣ названномъ: «Дѣла духовныя», сказано было, что «по дѣламъ духовнымъ, на обязанности министерства внутреннихъ дѣлъ лежитъ: а) охраненіе православія; б) управленіе дѣлами иностранныхъ исповѣданій». Противъ подобной систематики П. А. Валуевъ написалъ: «нельзя считать полицейскихъ дѣйствій дѣяніями духовными. Подъ рубрику: «дѣла духовныя», т. е., духовнаго вѣдомства, въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ подходятъ только дѣла духовныя иностранныхъ исповѣданій. Дѣла по расколу и полицейскому содѣйствію къ охраненію православной церкви должны быть отдѣлены. О расколѣ статья можетъ быть составлена г. Волкенштейномъ, съ доведеніемъ до извѣстной ему моей записки¹⁾ включительно. По части полиціи, буде найдется матеріаль для особой статьи, нужно ее составить по справкѣ въ департаментахъ полиціи и общихъ дѣлъ. О церковныхъ постройкахъ въ Западномъ краѣ составить особую статью, для которой справки будутъ доставлены г. Батюшковымъ».

Изъ этой замѣтки видно, что П. А. Валуевъ считалъ тогдашняго начальника раскольническаго отдѣленія въ департаментѣ общихъ дѣлъ, П. Е. Волкенштейна (извѣстнаго садовода), болѣе компетентнымъ лицомъ для составленія статьи о расколѣ, чѣмъ П. И. Мельникова, котораго новый министръ внутреннихъ дѣлъ устранялъ какъ бы отъ раскольническихъ дѣлъ. Но это не воспренятствовало Мельникову подать новую записку о расколѣ, когда, въ февралѣ 1864 года, по высочайшему повелѣнію, былъ учрежденъ особый временный комитетъ, подъ предѣдательствомъ статсъ-

¹⁾ Представленной государю императору и, какъ кажется, имѣвшей послѣдствіемъ образованіе «особаго комитета 1864 года», подъ предѣдательствомъ графа Панина.

секретаря графа Панина, изъ духовныхъ и свѣтскихъ членовъ, для обсужденія представленныхъ П. А. Валуевымъ государю императору соображеній о необходимости измѣненій въ дѣйствующихъ постановленіяхъ о раскольникахъ. Мельниковъ писалъ, между прочимъ:

«Доведенные оскудѣніемъ священства до послѣдней крайности, раскольники основали въ 1846 году такъ называемую Бѣлокриницкую іерархію. По требованію русскаго правительства, митрополитъ Амвросій былъ высланъ въ 1847 году изъ Бѣлой Криницы, но до того онъ посвятилъ двухъ архіереевъ: намѣстника себѣ Кирилла и другого архіерея для раскольниковъ, живущихъ въ Турціи. По выѣздѣ Амвросія изъ Бѣлой Криницы, Кириллъ, мѣстный уроженецъ, заступилъ его мѣсто и сдѣлался митрополитомъ. Онъ посвятилъ нѣсколькихъ епископовъ въ Россію изъ русскихъ подданныхъ. Затѣмъ, на основаніи каноническаго права, въ Россіи находившіеся епископы, собравшись вдвоемъ или втроемъ, посвящали новыхъ епископовъ. Наконецъ, въ 1862 году въ Москвѣ былъ учрежденъ особый «духовный совѣтъ», въ родѣ синода, а въ 1863 году русскіе раскольники разорвали связи съ Бѣлокриницкимъ митрополитомъ, чтобы не имѣть дѣла съ иностранными епископами, и своего архіепископа Антонія возвели въ санъ «митрополита московскаго и всея Россіи». Турецкіе раскольники признали надъ собою духовную власть московскаго митрополита и также расторгли связи съ Кирилломъ. Ихъ епископы перешли въ Россію ¹⁾. Теперь въ Россіи около 15-ти архіереевъ и много поповъ.

¹⁾ Последнему, Аркадію, который въ 1863 году написалъ адресъ некрасовцевъ государю, и который проповѣдью своею удержалъ некрасовцевъ отъ соединенія съ находящимися въ Турціи поляками, дозволено пріѣхать въ Россію. По доносу извѣстныхъ Кельсіевыхъ и обвиненію ими въ государственной измѣнѣ, онъ успѣлъ убѣжать отъ турокъ въ Измаиль въ ноябрѣ 1863 года. Примѣчаніе Мельникова.

«Такимъ образомъ раскольники поповщинскаго толка образовали у себя правильно, т. е., на точномъ основаніи церковныхъ постановленій, іерархію и, надобно сознаться, устроили ее болѣе согласно съ правилами апостоловъ, вселенскихъ и помѣстныхъ соборовъ, нежели устроена администрація современной русской церкви, ибо «Духовный Регламентъ», а также учрежденіе или уставъ о консисторіяхъ, заключаютъ въ себѣ много антиканоническаго. Раскольники поповщинскаго отдѣла не нуждаются болѣе въ бѣглыхъ отъ церкви православной полахъ и не просятъ ихъ. Правительству не предстоитъ болѣе суровой необходимости отказывать въ просьбахъ о христіанскомъ утѣшеніи милліонамъ полезныхъ гражданъ, доказавшихъ и словомъ, и дѣломъ, всю непоколебимую вѣрность Царю и русской землѣ и совершенное отвращеніе отъ подстрекательства революціонной партіи, которая, въ лицѣ лондонскихъ агитаторовъ (Герцена, Кельсіева и друг.), всячески старалась поколебать въ нихъ уваженіе и преданность къ законному правительству.

«Успокоеніе пяти милліоновъ раскольниковъ поповщины, успокоеніе, столь сильно и столь искренно желаемое государемъ императоромъ, теперь можетъ быть достигнуто безъ нарушенія достоинства православнаго правительства и безъ оскорбленія св. церкви дозволеніемъ ея священнослужителямъ бѣгать тайно къ раскольникамъ. Теперь возможно согласить выгоды церкви съ желаніями милліоновъ русскихъ людей, двѣсти лѣтъ тому назадъ отъ нея удалившихся въ силу неотразимыхъ историческихъ событій. Теперь государю не съ «колеблющеюся совѣстью», а съ твердымъ духомъ Царя-Христіанина и Царя-Освободителя, предлагаетъ историческая судьба—новый великій подвигъ освобожденія—освобожденіе одной седьмой части его вѣрноподанныхъ отъ стѣснительныхъ мѣръ, въ прошедшее

время предпринятыхъ противъ религіозныхъ убѣжденій и противъ дѣла совѣсти значительной части коренного русскаго народа.

«Теперь раскольники поповщинской секты просятъ прежде всего терпимости ихъ архіереевъ и поповъ, или, какъ они выражаются, «высшаго и нисшаго ихъ духовенства», причемъ желаютъ, чтобы они, по примѣру православнаго духовенства и терпимыхъ въ Россіи христіанскихъ исповѣданій, были избавлены отъ податей и пользовались бы другими предоставленными духовнымъ лицамъ правами и привилегіями. Согласиться на это правительству, сдѣлать столь рѣзкій переходъ отъ строгаго преслѣдованія архіереевъ старообрядческихъ къ предоставленію имъ всѣхъ правъ и преимуществъ, которыми пользуются архипастыри господствующей церкви, едва ли возможно; это было бы торжественнымъ признаніемъ, что церковь и правительство двѣсти лѣтъ были неправы передъ раскольниками и самое господствующее исповѣданіе неправославно. Не надобно забывать, что расколъ, собственно такъ называемый, т. е., поповщина и безпоповщина, есть порожденіе грубости и невѣжества ¹⁾, и что онъ долженъ современемъ уничтожиться, когда просвѣщеніе проникаетъ въ нисшіе слои народа. Передъ свѣтомъ общечеловѣческаго образованія не устоятъ расколу, если не будутъ воздвигаться на него новыя преслѣдованія и новыя гоненія. Но есть разница, и разница большая между терпимостью и покровительствомъ. Въ видахъ государственной и народной пользы, терпимость необходима, но покровительство положительно вредно. Не забудемъ, что, употребляя вмѣсто терпимости покровительство, русское правительство XVIII

¹⁾ Молокане, духоборцы, общіе и т. п. не подходятъ подъ это. Они тоже въ православіи, что протестанты въ римско-католичествѣ и имѣютъ свою будущность.

Примѣчаніе Мельникова.

столѣтія утвердило и распространило между киргизами и башкирами мохамеданство, тогда какъ при одной терпимости, безъ покровительства мулламъ и проч., они были бы теперь непременно христіанами. Не забудемъ, что покровительствомъ ламамъ, какимъ они нигдѣ не пользуются не только въ Китаѣ, но и въ Тибетѣ, гдѣ владычествуетъ Далай-Лама, мы утвердили между бурятами и калмыками буддизмъ, котораго они не понимали до тѣхъ поръ, пока русское правительство не взяло его подъ свое покровительство. Если духовенство раскольническое только «терпѣть», оно само впоследствии приведетъ раскольниковъ къ воссоединенію съ церковью, и расколъ рано или поздно уничтожится: если ему «покровительствовать», онъ укрѣпится, получитъ крѣпкую организацію, и тогда надобно совершенно отказаться отъ надежды, что впоследствии, когда-нибудь цѣлость и миръ въ русской православной церкви будутъ восстановлены.

«Терпимость относительно высшихъ и нисшихъ лицъ раскольническаго духовенства (поповщинской секты) должна состоять въ томъ, чтобы было «допущено» (а не разрѣшено) отправлять имъ богослуженіе по своему обряду и исполнять другія свои обязанности (наприм. судъ епископовъ надъ священниками и проч. т. под.). Но официально пусть они будутъ купцами, мѣщанами, крестьянами, словомъ пользовались бы гражданскими преимуществами, которыя имъ по праву рожденія, а не по праву посвященія принадлежать. Словомъ, пусть они будутъ у насъ находиться точно въ такомъ положеніи, въ какомъ находятся римско-католическіе священники, епископы и даже кардиналы въ Англіи. Тамъ еще можно было опасаться, что это духовенство составляетъ легионъ слугителей папы, естественнаго врага англійскаго государства, у насъ же подобнаго опасенія существовать не можетъ. По

разрывѣ связей съ Бѣлою Криницею, наши поповщинскіе раскольники имѣютъ центръ духовной власти въ Москвѣ.

«Дано же позволеніе задунайскому старообрядческому епископу Аркадію, пострадавшему отъ турокъ за преданность государю императору и Россіи, возвратиться въ Россію съ паспортомъ, гдѣ бы онъ не былъ названъ «епископомъ Аркадіемъ», а его мірскимъ именемъ. Вотъ примѣръ и относительно другихъ старообрядческихъ духовныхъ лицъ.

«Двѣсти лѣтъ тому назадъ архіереи (Павель Коломенскій и другіе) и попы (Аввакумъ, Никита и многіе другіе), во время исправленія обрядовъ Никономъ, увели часть народа изъ церкви въ расколъ. «Кто увель, тотъ только и привести можетъ». Только раскольническіе архіереи могутъ воссоединить раскольниковъ съ церковью. Это не историческая только теорія; она у насъ на опытѣ доказана. Кто увель изъ православія бывшихъ уніатовъ? Митрополитъ Михаилъ Рагоза и другіе епископы западнаго края. Кто привель въ православіе уніатовъ? Митрополитъ Іосифъ Сѣмашко и другіе митрополиты западнаго края.

«Урокъ, данный русскому правительству исторіею, долженъ ли пропасть даромъ?

«Упомяну объ одномъ обстоятельстве, ничтожномъ, но, мнѣ кажется, такомъ, которое современемъ дастъ въ руки правительству большую силу. Старообрядческое духовенство чрезвычайно падко на вишіе знаки отличія, несмотря на то, что наперстные кресты, камилавки и скуфы учреждены гораздо позже патріарха Никона (при императорѣ Павлѣ I); архіереи старообрядческіе раздаютъ ихъ своимъ попамъ, и попы весьма дорожатъ ими. При совѣщаніяхъ о томъ, какъ подавать просьбу государю и чего просить, старообрядческіе архіереи, говорятъ, высказали желаніе, чтобы

въ числѣ испрашиваемыхъ милостей, было и пожалованіе ихъ «орденами за усердную службу». Такое стремленіе старообрядческихъ архіереевъ къ почестямъ и отличіямъ, раздаваемымъ по пожалованію государемъ императоромъ, можетъ быть современемъ могущественнымъ орудіемъ для правительства въ дѣлѣ воссоединенія къ церкви старообрядцевъ.

«Если государю императору благоугодно будетъ даровать высочайшую свою милость вѣрнымъ ему старообрядцамъ, и онъ повелитъ: не покровительствуя старообрядческому духовенству, отъ Амвросія, митрополита бѣлокриницкаго, происшедшему, терпѣть его, то неминуемо возникаетъ вопросъ: «Какъ огласить такое повелѣніе?» Надобно ожидать, что этотъ вопросъ возбудитъ недоумѣнія и можетъ быть, даже опасенія. Опасенія эти весьма умѣстныя и вполнѣ справедливыя. Могутъ сказать, и сказать совершенно основательно: буряты прежде толпами обращались въ христіанство, но съ тѣхъ поръ какъ правительство регламентировало ихъ церковную администрацію (чего нѣтъ ни въ Китаѣ, ни въ Тибетѣ) и даже учредило достоинство Бондидо-Хамбы (чего и китайское правительство никогда не дѣлало), то буряты перестали обращаться въ христіанство, говоря, что не хотятъ отойти отъ «царской» вѣры (полагая, что государь все это утвердилъ самъ, послѣдуя буддизму) и не смѣютъ быть послушниками царя, который поставилъ надъ ними Бондидо-Хамбу. Дѣйствительно, «въ настоящее время», когда въ памяти народной еще такъ свѣжи преслѣдованія раскола, а особенно архіерейства, торжественное объявленіе не покровительства даже, а только терпимости старообрядческаго духовенства, — будетъ ли оно выражено въ манифестѣ, будетъ ли изложено въ высочайшемъ указѣ — произведетъ сильныя толки и тогда не только не будетъ новыхъ обращеній изъ раскола въ православіе,

но неминуемо послѣдуютъ и самыя отпаденія въ расколь, ибо надобно никогда не забывать, что «девять десятыхъ великороссійскаго простонародья, принадлежащаго къ православію, сочувствуютъ старообрядству и свою новую вѣру далеко не такъ уважаютъ, какъ вѣру старую». Если простонародье узнаетъ о «торжественномъ покровительствѣ» государя старообрядству, оно поголовно перейдетъ въ расколь, и тогда православнымъ архіереямъ и священникамъ останется пастырствовать (на Великой Россіи) только надъ дворянствомъ и чиновниками.

«Поэтому «терпимость» старообрядческаго духовенства должно огласить не иначе, какъ посредствомъ циркуляра отъ лица министра внутреннихъ дѣлъ къ начальникамъ губерній о томъ, чтобы они предписали полиціямъ ни въ какія религіозныя дѣла старообрядцевъ не мѣшаться, преслѣдуя лишь такія дѣянія ихъ, которыя прямо нарушаютъ общественное благочиніе, причемъ губернаторовъ снабдить секретнымъ предписаніемъ, чтобы они въ случаѣ настояній мѣстныхъ епархіальныхъ архіереевъ объ арестованіи и т. п. старообрядческихъ духовныхъ лицъ, оставляли эти настоянія безъ послѣдствій, донося лишь о томъ до свѣдѣнія министра внутреннихъ дѣлъ.

«Конечно, это полумѣра, но на первый разъ и она будетъ благодѣтельна. Впослѣдствіи правительству предстоитъ составить подробную программу дальнѣйшихъ своихъ дѣйствій и слѣдовать ей неуклонно, путемъ расширенія правъ старообрядческаго духовенства, сообразно со степенью близости его къ воссоединенію съ господствующею церковью. Но главное въ этомъ отношеніи: «школы, школы и школы». Повторяю — передъ лицомъ просвѣщенія расколу не устоять. Теперь старообрядцы просятъ «свскихъ гимназій». Если ихъ желаніе будетъ удовлетворено, лѣтъ черезъ пят-

надцать, черезъ двадцать они попросятъ и «университета». Не опасаясь быть лжепророкомъ, скажу: первый старообрядческій архіерей, вышедшій изъ этого университета, будетъ новый Іосифъ Сѣмашко. По вѣроятностямъ человѣческаго долголѣтія, государь не будетъ утѣшенъ при жизни своей этимъ великимъ въ русской исторіи явленіемъ, но одинъ изъ его преемниковъ непременно будетъ имѣть утѣшеніе подписать: «Благодарю Бога и принимаю» на докладѣ о воссоединеніи старообрядцевъ. Это утѣшеніе будетъ несравненно большимъ того, которое испыталъ покойный государь 26-го марта 1839 года, когда писалъ эти слова на докладѣ синода о воссоединеніи униатовъ».

Произведенный въ апрѣлѣ 1864 года въ дѣйствительные статскіе совѣтники, Мельниковъ въ продолженіе этого года участвовалъ въ ревизіи текущаго дѣлопроизводства департамента своего министерства, а затѣмъ въ іюлѣ былъ командированъ въ Нижній-Новгородъ по нѣсколькимъ порученіямъ. На него возложено было собрать на мѣстѣ свѣдѣнія о причинѣ пожара, случившагося на мѣстѣ расположенія нижегородской ярмарки 4-го іюня этого года, а равно и о томъ, были ли приняты всѣ мѣры къ предупрежденію распространенія пожара, и, сверхъ того, представить свои соображенія относительно мѣръ къ предупрежденію повторенія подобныхъ случаевъ на будущее время. При этомъ ему было поручено собрать необходимыя свѣдѣнія по устройству пожарной части въ Нижнемъ-Новгородѣ. Сверхъ того, П. И. Мельниковъ долженъ былъ осмотрѣть ярмарочный гостиный дворъ и представить свои соображенія о томъ, на какихъ основаніяхъ можетъ быть допущена продажа лавокъ этого двора въ собственность купечества безъ убытка для казны и безъ вреда для торговли. Пожаръ 4-го іюня 1864 года потому потребовалъ командировки въ Ниж-

ній-Новгородъ особаго чиновника изъ Петербурга, что онъ произошелъ въ то время, когда на ярмаркѣ еще вовсе не бываетъ съѣзда торговцевъ, когда товары едва начинаютъ туда прибывать, а между тѣмъ пожаръ принялъ такіе большіе размѣры, что имъ было истреблено 40 корпусовъ съ 1514 лавками и 148 отдѣльныхъ зданій. Также обращено было вниманіе и на то обстоятельство, что въ продолженіе послѣднихъ семи лѣтъ одна и та же часть ярмарочныхъ зданій три раза истреблялась пожаромъ.

Въ 1864 году генераль-губернаторомъ на нижегородской ярмаркѣ былъ генераль-адъютантъ Огаревъ, облеченный особыми полномочіями. Ему было непріятно, что чиновникъ особыхъ порученій министра внутреннихъ дѣлъ, Мельниковъ, былъ присланъ на ярмарку для слѣдствія о пожарѣ, для наблюденія за могущими тамъ произойти чрезвычайными случаями и съ тѣмъ вмѣстѣ не былъ ему подчиненъ. При первомъ же важномъ обстоятельстве произошло столкновеніе между генераль-губернаторомъ и чиновникомъ особыхъ порученій, вѣроятно, дававшимъ понимать прочему служащему міру на ярмаркѣ и въ Нижнемъ Новгородѣ свое независимое положеніе отъ главной, находившейся тамъ власти. Въ письмѣ изъ Нижняго Новгорода отъ 29-го іюля Мельниковъ писалъ:.. «Жду, не дождусь окончанія ярмарки, до того мнѣ надоѣло все. Къ тому же пошли непріятности съ генераль-адъютантомъ Огаревымъ, которому досадно, что я не въ его распоряженіи, какъ въ прошломъ году. Третьяго дня, по случаю посланной мною министру телеграфической депеши о начавшемся было 27-го числа подлѣ главнаго дома пожарѣ, у насъ было весьма крупное объясненіе, которое хотя и кончилось поцѣлуями, но встревожило меня и подняло во мнѣ всю желчь! Писалъ министру и если бы онъ исполнилъ мою просьбу! Прошусь возвратиться

въ Петербургъ и докончить дѣло тамъ, что возможно. Генераль-адъютантъ Огаревъ стараго закала человѣкъ; онъ добрый, пріятный господинъ, но съ нимъ надобно держать себя осторожно: играй, какъ съ медвѣдемъ, все ничего, все ничего, а какъ вдругъ озлится, да ни съ того, ни съ сего и тянетъ»...

Министръ внутреннихъ дѣлъ отвѣчалъ Мельникову слѣдующимъ письмомъ: «Аптекарскаго острова, ³¹/VII. 64. Вы очень хорошо сдѣлали, что мнѣ телеграфировали. Прошу такъ поступать и впредь. Вы въ моемъ, а не въ чьемъ иномъ распоряженіи, и монополія телеграфовъ никому не присвоена. — Но вы неправильно поступили, если, являясь генераль-адъютанту Огареву, вы не доложили ему о данныхъ вамъ порученіяхъ. Я не упомянулъ о нихъ въ разговорѣ съ генераломъ Огаревымъ, потому что полагалъ, что онъ не могъ о нихъ забыть, и потому что я вообще не распространяюсь, о грядущемъ и не люблю будущаго наклоненія глаголь. Когда дѣло подвигается, настаетъ время о немъ толковать. Передайте мой поклонъ А. А. Одинцову ¹⁾, преданный Валувъ».

Письмо это успокоило Мельникова, и онъ остался въ Нижнемъ-Новгородѣ до половины сентября, выполняя возложенныя на него тамъ дѣла. Начавшіеся на ярмаркѣ обѣды служили, впрочемъ, ему немалымъ развлеченіемъ. О нѣкоторыхъ изъ нихъ онъ сообщилъ слѣдующія подробности въ письмѣ отъ 19-го августа: «...А у насъ здѣсь были литературныя обѣды съ купцами. На одномъ изъ нихъ Арсеньевъ ²⁾ (Илья Александровичъ) ни съ того, ни съ сего въ рѣчи своей

¹⁾ Въ то время начальникъ Нижегородской губерніи.

²⁾ Арсеньевъ былъ въ первые два года (1862 и 1863 г. завѣдывающимъ иностраннымъ политическимъ отдѣломъ въ «Сѣверной Почтѣ» и одно время вмѣстѣ съ Михаиломъ Павловичемъ Розенгеймомъ издавалъ сатирическую журналъ «Заноза».

отъ имени всей литературы обругалъ все купечество подлецами. Самое неприятное вышло положеніе. Вступился за купцовъ графъ Шуваловъ, бывшій на обѣдѣ. Онъ флигель-адъютантъ и заводчикъ; у него желѣзные заводы. Но вышло еще хуже. Онъ началъ рѣчь, но по-русски говорить не умѣлъ: заговорилъ, да и спутался, а на французскій языкъ перейти было неудобно. Смѣху сколько надѣлалъ! Якушкинъ (Павель Ивановичъ), бывшій тоже на обѣдѣ, напился пьянъ. Вообще былъ скандалъ громадный. Я и еще нѣсколько московскихъ литераторовъ, чтобы показать, что мы тутъ сторона, встали изъ-за стола и въ углу залы подѣли къ нѣмкамъ, играющимъ на арфахъ и скрипкахъ, и стали съ ними любезничать, потчевать ихъ шампанскимъ и фруктами. Это имѣло свой эффектъ. Купцы обидѣлись на Арсеньева. Затѣмъ былъ другой обѣдъ подъ предсѣдательствомъ Владиміра Павловича Безобразова: обѣдъ чинный, приличный и удавшійся какъ нельзя лучше. Арсеньева на этотъ обѣдъ не пригласили. На обѣдѣ рѣчь говорилъ я одинъ о сближеніи сословій и о тому подобномъ, другими словами мировую. Ну и помирились. Все прошло хорошо.

«Якушкинъ, вѣчно пьяный, безобразничаетъ на ярмаркѣ. Генераль-губернаторъ Огаревъ хотѣлъ выслать его съ ярмарки, для чего уже и жандармы были готовы. Передъ тѣмъ генераль-губернаторъ обругалъ Якушкина какъ нельзя хуже. Генераль-адъютантъ Огаревъ спросилъ у меня моего совѣта по этому дѣлу. Я сказалъ ему, что выслать Якушкина онъ въ правѣ, но что, по моему мнѣнію, ругаться не слѣдуетъ и высылку надобно сдѣлать помягче. Огаревъ и пересолил: вмѣсто высылки, началъ обниматься и цѣловаться съ Якушкинымъ и оставилъ его здѣсь. Якушкинъ теперь и вретъ, что онъ отдѣлалъ генераль-адъютанта и проч., и проч. Вообще здѣсь скандалъ за скандаломъ. Такъ, вчера

предсѣдатель нижегородскаго ярмарочнаго биржеваго комитета, дѣйствительный статскій совѣтникъ Шиповъ ¹⁾ въ трактирѣ пѣсни пѣлъ. Ужасъ, что за безобразія».

Сотрудничество въ «Сѣверной Почтѣ» П. И. Мельникова не имѣло успѣха. Онъ не могъ подчинить своего пера требованіямъ министра внутреннихъ дѣлъ, или, вѣрнѣе, онъ не попадалъ въ тотъ тонъ, который желателенъ былъ П. А. Валуеву. Возвращеніе статей Мельникова съ вышеприведенными резолюціями, ежедневныя вѣжливыя препрательства съ Д. И. Каменскимъ, отстаивавшимъ свои права, какъ главнаго редактора, сдѣлали невозможнымъ дальнѣйшую дѣятельность Мельникова, въ качествѣ редактора внутренняго отдѣла въ официальной газетѣ. Между тѣмъ скуднымъ жалованьемъ чиновника особыхъ порученій трудно было существовать съ семьей въ Петербургѣ. Съ крестьянскою реформою 1861 года прекратился прежній доходъ съ небольшого подгородняго нижегородскаго имѣнія Ляхово, принадлежавшаго его супругѣ. Заглазное управленіе имъ изъ Петербурга ничего, кромѣ убытка, не приносило. При такихъ условіяхъ Мельникову сдѣлался необходимъ литературный заработокъ въ извѣстномъ размѣрѣ, болѣе или менѣе опредѣленномъ. Въ тогдашнихъ петербургскихъ газетахъ и журналахъ онъ не могъ его получить, тѣмъ болѣе, что польскія смуты, какъ онъ говорилъ, измѣнили кореннымъ образомъ его взглядъ на многіе предметы и заставили отшатнуться отъ многихъ его прежнихъ симпатій и увлеченій. «Московскія Вѣдомости» болѣе другихъ изданій, своимъ направленіемъ съ 1863 года, соотвѣтствовали новымъ стремленіямъ Мельникова. Во

¹⁾ Александръ Павловичъ Шиповъ съ 1864 года смѣнилъ купца Губина въ должности предсѣдателя нижегородскаго ярмарочнаго биржеваго комитета.

время проѣздовъ чрезъ Москву въ Нижній-Новгородъ въ 1861, 1862, 1863, 1864 годахъ, онъ видался съ М. Н. Катковымъ и П. М. Леонтьевымъ и возобновилъ съ ними прежнія близкія отношенія, прерванныя въ 1859 году его заявленіемъ въ «Русскомъ Дневникѣ». Такимъ образомъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ» въ концѣ 1862 года появилась его статья о Преобррженскомъ кладбищѣ, подписанная буквою S, которая была назначена и обѣщана собственно для «Сѣверной Пчелы»¹⁾; въ 1863 году появились «Старообрядческіе архіереи», а въ 1864 г. «Историческіе очерки поповщины». Всѣ эти статьи, касавшіяся раскола въ Россіи, были собственно продолженіемъ «Писемъ о расколѣ», какъ возвѣщено было самимъ Мельниковымъ въ послѣднемъ (пятомъ) письмѣ²⁾. Новое сближеніе Мельникова съ Катковымъ и Леонтьевымъ имѣло послѣдствіемъ приглашеніе его принять дѣятельное участіе въ редакціи «Московскихъ Вѣдомостей».

XV.

Обогащеніе Мельникова новыми свѣдѣніями по расколу.

Въ 1866 году Мельникову дано было изъ министерства внутреннихъ дѣлъ новое порученіе по расколу, которое, по его словамъ, обогатило его знанія по этому дѣлу и разъяснило ему новыми данными нѣкоторыя его стороны. Такое признаніе знатока раскола само уже указываетъ на интересъ тѣхъ изслѣдованій, которыми онъ занялся въ Москвѣ. Официальная про-

¹⁾ См. его письмо ко мнѣ, отъ 12-го ноября 1862 года, въ № 2328 «Нов. Времени» 1883 г.

²⁾ См. № 13 «Сѣверной Пчелы» 1862 года.

грамма по этому порученію, данная 24-го апрѣля 1866 года Мельникову, гласила:

«Собрать совершенно негласнымъ образомъ слѣдующія свѣдѣнія: 1) Въ какихъ отношеніяхъ находятся нынѣ русскіе раскольники къ заграничнымъ, особенно же къ австрійцамъ, своимъ единовѣрцамъ; 2) О личномъ составѣ раскольнической, такъ называемой, іерархіи (біографическія подробности, характеристика каждаго архіерея, степень его нравственнаго вліянія на раскольниковъ, связи, отношенія и т. п.); 3) Съ какою дѣйствительною цѣлью составлено было «окружное посланіе», и что намѣрены дѣлать раскольники теперь, по уничтоженіи его на соборѣ 1-го ноября 1865 года; 4) Какое вліяніе произвело на раскольниковъ совершившееся въ 1865 году присоединеніе къ единовѣрію нѣкоторыхъ изъ ихъ архіереевъ, и не предпринимаютъ ли раскольники теперь какихъ-либо мѣръ къ ослабленію этого вліянія; 5) Какія намѣренія имѣютъ раскольники относительно дальнѣйшаго существованія поколебавшейся отъ внутреннихъ раздоровъ ихъ іерархіи; въ чемъ ихъ надежды на будущее; 6) На основаніи собранныхъ свѣдѣній и раскольничьихъ документовъ, «которые можно будетъ достать, составить записку о современномъ состояніи поповщинскаго раскола въ Россіи»; 7) Въ какомъ смыслѣ и значеніи представляется раскольникамъ предположеніе о дарованіи имъ правъ гражданскихъ, и затѣмъ нѣкоторыхъ духовныхъ, подѣ условіемъ внесенія во списокъ лицъ, признающихъ бракъ и молящихся за царя; 8) Степень значенія въ расколѣ интересовъ промышленныхъ, мануфактурныхъ, торговыхъ и вообще противополицейскихъ; 9) Степень значенія въ расколѣ лицъ, стоящихъ внѣ іерархическихъ его интересовъ, Солдатенкова, Хлудова, Рахманиновой и другихъ; 10) Какою дѣйствительною смыслѣмъ стремленія ту-

рецкихъ раскольниковъ къ переселенію въ Россію? въ какомъ отношеніи къ этому расколу Гончаровъ, Чайковскій и задунайское раскольниковъ священство? 11) Степень значенія раскола въ Сибири».

Изъ черновыхъ съ писемъ Мельникова къ министру внутреннихъ дѣлъ, посланныхъ имъ изъ Москвы въ 1866 г., сохранились въ его бумагахъ далеко не всѣ. Въ самомъ началѣ своего пребыванія въ Москвѣ Мельниковъ писалъ:

«Вотъ уже болѣе недѣли, какъ я нахожусь въ Москвѣ, но до сихъ поръ еще не имѣлъ времени прочесть то множество доселѣ даже и не подозрѣваемыхъ документовъ, которые у меня въ настоящее время подъ руками. Вотъ ихъ краткій перечень: 1) Всѣ документы австрійскаго правительства, отъ императорской грамоты до бумагъ Черновицкаго Крейсамта. относящіяся до тамошнихъ раскольниковъ съ 1783 года по 1817 годъ; 2) Всѣ документы австрійскаго правительства о признаніи митрополіи въ Бѣлой Криницѣ и о дозволеніи буковинскимъ раскольникамъ имѣть своего епископа; 3) Уставъ Бѣлокриницкой митрополіи, составленный въ 1841 году и утвержденный австрійскимъ правительствомъ; это огромная тетрадь листовъ въ двадцать, если ее напечатать; 4) 213 протоколовъ Бѣлокриницкой митрополіи, съ 12-го (24-го) октября 1846 года по 25-е апрѣля (7-го мая) 1863 года; 5) 194 документа московско-владимірской раскольниковъ архіерейской кафедрѣ съ ея основанія, 4-го февраля 1853 года, до 4-го февраля 1864 года; 6) Огромная переписка съ заграничными раскольниками; особенно замѣчательны письма Аркадія Славскаго съ 1854 года до 1866 года о дѣйствіяхъ Гончарова и о польско-раскольниковъ партіи въ Турціи; 7) Много записокъ обратившихся въ едино-вѣріе архіереевъ.

«Обѣщана, но пока еще самъ не беру, хотя и приносили, вся переписка, по составленію окружнаго посланія и послѣднихъ соборовъ въ Москвѣ. Пока одного не прочту, за другое не возьмусь.

Изъ этого вы усмотрѣть изволите, что я въ настоящее время испытываю въ нѣкоторомъ смыслѣ положеніе Танталя. Списать все—нѣтъ возможности; едва ли успѣю и самыя краткія выписки сдѣлать, а между тѣмъ ежедневныя личныя сношенія съ раскольниками отнимаютъ много времени, хотя эта потеря и вознаграждается пріобрѣтеніемъ интересныхъ свѣдѣній; не мало его тратится на разговоры пустые, но въ моемъ положеніи необходимыя, для поддержанія довѣрія ко мнѣ раскольнической интеллигенціи. А между тѣмъ, по извѣстнымъ вамъ обстоятельствамъ¹⁾, не имѣю ни малѣйшей возможности пробыть въ Москвѣ еще болѣе двухъ недѣль, и то едва ли. Съ горькимъ чувствомъ предвижу, что далеко не сдѣлаю всего, что могъ бы сдѣлать, пользуясь моими отношеніями, и чего, могу смѣло сказать, едва ли кто изъ вашихъ подчиненныхъ сдѣлать можетъ.

«Но дѣлать нечего, придется ограничиваться лишь тѣмъ, что можно будетъ сдѣлать въ столь короткое время. Даже на выборъ интересныхъ свѣдѣній, для выписки ихъ, не имѣю времени: списываю то, что попадается подъ руку и, конечно, многого любопытнаго не запишу. Вѣдь, у меня теперь въ квартирѣ цѣлый архивъ, который, стоитъ слово сказать, сейчасъ удвоится.

«Лицъ, имѣющихъ эти любопытные документы, я убѣждаю все напечатать. Они боятся не правительственной цензуры, а своихъ. Что касается до первой, то на мой взглядъ (который, впрочемъ, не смѣю

1) Неимѣніемъ денегъ на житье въ Москвѣ.

считать компетентнымъ въ цензурномъ отношеніи) можно было бы все напечатать, за исключеніемъ нѣкоторыхъ рѣзкихъ выраженій о покойномъ императорѣ Николаѣ Павловичѣ и о митрополитѣ московскомъ Филаретѣ. А это было бы драгоценное собраніе.

«Ваше высокопревосходительство! Могу ли я предложить имъ свое участіе въ ходатайствѣ передъ вами о напечатаніи всѣхъ актовъ? Они сами наводятъ разговоръ на это, но я уклоняюсь отъ отвѣта, не зная, какъ вы изволите на это взглянуть. Прикажите увѣдомить меня поскорѣе, могу ли я взять на себя такое ходатайство, или—подходить ли это собраніе документовъ подъ статью закона 6-го апрѣля 1865 года, о печатаніи безъ цензуры оригинальныхъ сочиненій болѣе десяти печатныхъ листовъ; само собою разумѣется, что ни имъ не хочется подпасть подъ судъ и подвергнуть секвестру свое изданіе, ни мнѣ ввести ихъ въ такое положеніе.

«Частію по бумагамъ, но еще болѣе по рассказамъ я начинаю уяснять себѣ до нѣкоторой степени загадочное дѣло о злоумышленіи на жизнь императора Николая Павловича въ 1853 году. Это было дѣломъ Равскаго, Жуковского и Осипа Гончарова, дѣломъ революціонно-польско-некрасовской партіи, во главѣ которой теперь находятся Аркадій Славскій и Михаилъ Бакунинъ, пріѣхавшій недавно въ Румынское княжество и въ Славу. Тогда случилось одно странное обстоятельство. Неумѣнье читать по-славянски ротмистра Родзянки и петербургскаго оберъ-полиціймейстера Кокوشкина обратило розыскъ и слѣдствіе совершенно въ сторону. Изъ записки, найденной въ Измаилѣ, о посланныхъ въ Петербургъ убійцахъ, видно, что изъ нихъ одинъ вошелъ въ Москвѣ въ сношенія, но не съ раскольниками, а съ людьми совсемъ иного сорта (въ дѣлахъ министерства есть на

то указанія), а другой назначался на цареубійство, если первый промахнется. Первый названъ въ запискѣ ^{и рекъ}. Родзянко и Кокошкинъ верхній ^и приняли за знакъ, и слово «имярекъ» прочитали «Иракъ». Въ Москвѣ не обратили на эту ошибку вниманія и пошли отыскивать Ирака, но какъ такого имени нѣтъ, то стали искать «Ираклія», и графъ Закревскій (тогдашній московскій генераль-губернаторъ) указывалъ даже на «Ираклія», выходца изъ-за границы, ранѣе пріѣхавшаго. Тѣмъ дѣло и кончилось. Купецъ Бѣляевъ, у котораго найдена была записка, года четыре просидѣлъ въ Петропавловской крѣпости, а потомъ, какъ купецъ города Измаила, отошедшаго отъ Россіи по Парижскому трактату, былъ отпущенъ въ свой городъ.

«Зная отчасти, что дѣлаетъ теперь партія Бакунина, Гончарова, Кельсиева и другихъ, собравшихся на нашихъ границахъ въ Добруджѣ и Румыніи и единомышленныхъ съ ними Аркадія Славскаго и немногихъ некрасовцевъ, я долгомъ поставляю представить соображенія мои, весьма, можетъ быть, ошибочныя, относительно происшествія 4-го апрѣля 1866 года. Нѣкоторые изъ нашей несчастной, сбитой съ толка, молодежи ушли въ Женеву и Добруджу. Женевскій станъ Герцена и компаніи и станъ Бакунина и Гончарова въ Добруджѣ и Румыніи находятся между собою въ самыхъ дѣятельныхъ сношеніяхъ. Бакунинъ во время рѣзни 3-го апрѣля былъ въ Яссахъ и, кажется, не одинъ; но несправедливо, что тамъ же находился и находится Алимпій Милорадовичъ, бывшій съ Бакунинымъ на сеймѣ 1848 года въ Прагѣ депутатомъ ¹⁾ отъ русскихъ. Онъ теперь въ Москвѣ и, можетъ быть, мнѣ удастся съ нимъ познакомиться. Президентъ общества «Земля и Воля», издавшій въ

¹⁾ Самозванцемъ.

1862 году известную прокламацію къ «Молодой Россіи» (которая напечатана была не за границею и не въ Петербургѣ, а въ какой-то деревнѣ, недалеко отъ Динабурга), живетъ то въ Женевѣ, то на нашей границѣ съ Румыніею. Изъ словъ единовѣрцевъ, живущихъ въ Чудовскомъ монастырѣ (изъ нихъ Пафнутій въ 1862 году былъ въ Лондонѣ у Герцена и проживалъ у Кельсіева, когда они думали устроить въ Лондонѣ раскольническую церковь и архіерейскую кафедру), видно, что Кельсіевъ указывалъ имъ на мѣсто въ Петербургѣ, гдѣ можно узнать всѣ адреса членовъ общества «Земля и Воля». Я нисколько не сомнѣваюсь въ словахъ чудовской братіи, и потому не вышелъ ли Каракозовъ изъ лагеря Бакунина и общества «Земля и Воля»? Вотъ мое заключеніе, выведенное изъ разговоровъ съ разными здѣсь лицами».

Согласія на напечатаніе всѣхъ документовъ, доставленныхъ Мельникову старовѣрами и раскольниками въ 1866 году, не послѣдовало, потому-то такого сборника издано не было.

Въ другомъ позднѣйшемъ письмѣ Мельниковъ писалъ своему министру:

«Занятія мои приближаются къ концу, и я надѣюсь недѣли черезъ полторы имѣть честь представиться вашему высокопревосходительству. Все интересное мною записано. Списывать все сполна оказалось невозможно: это дѣло, по крайней мѣрѣ, полугода, и притомъ хотя значительнѣйшая часть бумагъ оказалась весьма интересною, но для министерства едва-ли пригодною. Это полемика богословскаго содержанія, богословскіе трактаты, выписки изъ твореній св. отцовъ съ замѣчаніями и толкованіями, разсужденія о церковныхъ правилахъ и т. п. Весьма важныя для Св. синода, эти бумаги всегда могутъ быть ему доступны чрезъ профессора московской духовной ака-

доміи Субботина и чрезъ инока Пафнутія, бывшаго епископа коломенскаго, человѣка въ высшей степени замѣчательнаго и могущаго принести огромную пользу св. церкви, если захотятъ имъ воспользоваться, относясь сколь можно осторожнѣе къ нему, чтобы какъ-нибудь не оскорбить его самолюбія ¹⁾).

«Независимо отъ извлеченія свѣдѣній изъ документовъ, я много записалъ какъ изъ разсказовъ братій новаго монастыря (единовѣрческаго), такъ и изъ разсказовъ раскольниковъ. Изъ нихъ особенно замѣчательны: 1) разсказъ бывшаго намѣстника митрополіи, епископа Онуфрія, о Бѣлой Криницѣ; 2) разсказъ бывшаго іеромонаха Іосафа о типографіяхъ и цѣляхъ поѣздки въ Россію арестованнаго Палладія Лединскаго; 3) разсказъ бывшаго епископа Пафнутія о поѣздкѣ его въ Лондонъ (въ 1861—1862 г.) для учрежденія тамъ архіерейской каѳедры, высшаго училища, типографіи, журнала, дома для пристанища раскольниковъ и о сношеніяхъ его съ Герценомъ, Кельсіевымъ, М. Бакунинимъ и др.; 4) о поѣздкѣ Кельсіева въ 1862 году въ Москву и проч.

«Первые два разсказа составлены самими Онуфріемъ и Іосафомъ; третій записанъ мною со словъ Пафнутія,

«Возвратясь въ Петербургъ, я буду имѣть честь представить вашему высокопревосходительству постепенно цѣлый рядъ записокъ на основаніи собранныхъ мною свѣдѣній. Теперь въ самомъ краткомъ очеркѣ представляю о попыткахъ внѣшнихъ и внутреннихъ недоброхотовъ Россіи сдѣлать раскольниковъ своимъ орудіемъ.

«Учрежденіе Бѣлокриницкой митрополіи было дѣ-

¹⁾ Недавно инокъ Пафнутій покинулъ единовѣріе и сдѣлался по-
прежнему поповцомъ. У.

ломъ: 1) поляковъ, оставившихъ наши предѣлы послѣ революціи 1831 года, 2) австрійскихъ государственныхъ людей, католическаго и униатскаго духовенства (въ отомщеніе за воссоединеніе униатовъ) и эрцгерцога Людовика, 3) русскихъ государственныхъ людей, графа Бенкендорфа и князя Паскевича, дѣйствовавшихъ, вѣроятно, по непониманію того, что они дѣлали. Графа Бенкендорфа въ это дѣло вовлекъ купецъ Громовъ, князя Паскевича Алексѣй Петровичъ Мельниковъ ¹⁾, братъ министра путей сообщенія.

«Возникшая на Иргизѣ въ 1831 году мысль объ учрежденіи іерархіи была одобрена въ 1832 году въ Москвѣ. На осуществленіе ея собрано было 2¹/₂ миліона рублей ассигнаціями. Хлопотать стали въ Петербургѣ Громовы. Сергѣй Громовъ сказалъ объ этомъ министру внутреннихъ дѣлъ, графу Блудову; онъ напомнилъ ему Петропавловскую крѣпость. Графъ Бенкендорфъ же одобрилъ мысль раскольниковъ. Какъ не русскій человекъ и лютеранинъ, онъ сказалъ, что если у нихъ будетъ за границею архіерей, то поставленные ими попы будутъ приняты въ вѣдѣніе департамента духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій (объ этомъ есть и въ дѣлахъ министерства внутреннихъ дѣлъ за 1854 годъ). У меня есть копии съ писемъ громовскаго приказчика, Алексѣя Великодворскаго, который, подъ псевдонимомъ пономаря Аркадія Смирнова, велъ въ 1834—1844 годахъ переписку съ австрійскими расколь-

¹⁾ Алексѣй Петровичъ Мельниковъ скончался въ концѣ семидесятыхъ годовъ, въ чинѣ генерала-отъ-кавалеріи, въ отставкѣ. Это былъ человекъ со своими убѣжденіями. У него былъ домъ въ С.-Петербургѣ, въ Галерной улицѣ, гдѣ всѣ контракты на квартиры были заключены у нотариусовъ на полумишеріальную монету. Онъ предупредилъ ими новѣйшій проектъ министра финансовъ. А. П. Мельниковъ мнѣ говорилъ (я жилъ въ его домѣ три года), что онъ не признаетъ «деньгами» кредитные рубль, и что только золотая монета служить дѣйствительнымъ мѣриломъ цѣны.

никами. О томъ же говоритъ и бывшій намѣстникъ Бѣлокриницкой митрополіи, Онуфрій. Это, наконецъ, распространено между русскими и заграничными раскольниками отъ Иркутска до Египта и отъ Архангельска до Ливанскихъ горъ и до Багдада.

«Генераль-фельдмаршалъ князь Паскевичъ купилъ у графа Румянцова Гомельское имѣніе ¹⁾ и послалъ служившаго при немъ Алексѣя Петровича Мельникова для осмотра покупки и совершенія купчей крѣпости. Осматривая имѣніе, Мельниковъ посѣтилъ четыре монастыря раскольниковъ, въ немъ находившіеся, и познакомился съ игуменомъ Лаврентьева монастыря Аркадіемъ (теперь епископъ славскій въ Добруджѣ). Изъ Лаврентьева монастыря вышли всѣ главные дѣятели Бѣлокриницкой митрополіи, ободренные Мельниковымъ. Аркадій съ другимъ монахомъ, Іоилемъ, въ 1835 году были привезены Мельниковымъ въ Варшаву и заявили князю Паскевичу о своемъ намѣреніи, одобренномъ графомъ Бенкендорфомъ. Какъ Паскевичъ принялъ эти заявленія, неизвѣстно, но его подлинный открытый листъ можетъ свидѣтельствовать до нѣкоторой степени о томъ, какъ его свѣтлостію была принята мысль раскольниковъ. Въ дѣлахъ министерства 1854 года вы увидите этотъ документъ за подписью намѣстника царства Польскаго и его печатью. Обратите вниманіе на выраженія этого открытаго листа, о причинахъ поѣздки раскольниковъ въ Варшаву и о вниманіи намѣстника къ поднятому ими труду. Это было въ 1835 году, а въ Сводѣ Законовъ, изд. 1832 года, уже было напечатано о именованіи раскольниковъ иноковъ»

¹⁾ За взятіе Варшавы въ 1831 году князь Паскевичъ, сверхъ другихъ наградъ, получилъ отъ императора Николая I одинъ миліонъ рублей ассигнаціями, на который и купилъ Гомельское имѣніе, подаренное императрицею Екатериною фельдмаршалу графу Румянцову. Сыновья послѣдняго не имѣли законнорожденныхъ дѣтей.

«иноками». Я зналъ одного дворянскаго засѣдателя, котораго въ 1835 году отдали подъ судъ за именованіе въ официальной бумагѣ одного раскольника «инокомъ». Бумаги по этой подсудности я знаю, ибо этотъ дворянскій засѣдатель былъ мнѣ близкій родственникъ, но онъ былъ капитанъ, а не фельдмаршалъ. Замѣчаніе это не кстати, но смѣю думать, что нѣсколько извинительно сыну этого капитана, человѣка простаго, но хорошаго.

«Хорошій былъ салонъ графини Стадіонъ въ Вѣнѣ, блестящій былъ салонъ княгини Меттернихъ. Въ этихъ салонахъ около 1843 года съ чрезвычайною предупредительностью, какъ дорогіе гости, приняты были мѣщанинъ посада Крылова Алимпій Звѣревъ-Милорадовъ и валдайскій ямщикъ Петръ Великодворскій (инокъ Павелъ), родной братъ вышеупомянутаго громовскаго приказчика. Алимпій, не нуждаясь въ вилкѣ и ножѣ, ѣлъ руками; постоянно пьяный человѣкъ, который, живя въ Бѣлой Криницѣ, никогда не возвращался домой безъ синяковъ и рѣдко безъ окровавленнаго лица, имѣющій привычку сморкаться выстрѣлами въ сторону, посредствомъ прижиманія пальцемъ противоположной ноздри — подобный человѣкъ въ салонѣ княгини Меттернихъ! Дѣло объясняется преданностью графини и княгини католической церкви и вліянію на нихъ іезуитовъ.

«Изъ разсказовъ бывшихъ раскольниковыхъ архіереевъ (нынѣ иноки Онуфрій и Пафнутій) и изъ раскольниковской переписки оказывается, что польско-революціонная партія много содѣйствовала къ учрежденію заграничной раскольниковей іерархіи, что нѣкоторая часть заграничныхъ раскольниковъ доселѣ находится въ связи съ этою партією и съ русскими революціонерами, которые старались вовлечь въ свое дѣло и раскольниковъ, живущихъ въ предѣлахъ Россіи, но напрасно.

«Раскольники не рѣшались приступить къ дѣлу, пока въ 1836 году графъ Бенкендорфъ не указалъ купцу Громову на учрежденіе за границею епископской кафедры, какъ на единственный, по его мнѣнію, исходъ изъ затруднительнаго положенія, въ которое они были поставлены воспрещеніемъ имѣть поповъ, бѣглыхъ отъ православной церкви. Это подтверждается, сверхъ переписки раскольниковъ, словами бывшихъ епископовъ Онуфрія и Пафнутія и архидіакона Бѣлокриницкой митрополіи Филарета. То же говорятъ и многіе московскіе раскольники, въ свое время принимавшіе участіе въ учрежденіи іерархіи. По словамъ тѣхъ и другихъ, никто не рѣшился бы на такое дѣло, если бы въ такомъ участіи близкаго къ покойному государю человека не видѣли они нѣкотораго ручательства въ томъ, что задуманное ими дѣло не навлечетъ на себя царскаго гнѣва.

«Теперешній епископъ славскій и экзархъ некрасовцевъ, Аркадій, другъ Гончарова, человекъ не безызвѣстный и Наполеону III, рассказываетъ, что около того же времени, т. е. 1835 или 1836 года, мысль эта была одобрена намѣстникомъ царства Польскаго, княземъ Паскевичемъ, съ которымъ Аркадій былъ будто бы близокъ и ѣздилъ къ нему въ Варшаву въ гости. Одобрять ли князь Паскевичъ затѣю раскольниковъ, не зналъ ли вовсе о ней, но Аркадій, одинъ изъ дѣятельнѣйшихъ людей въ дѣлѣ учрежденія іерархіи, показывая охранный листъ, данный ему намѣстникомъ и оставшійся въ рукахъ раскольниковъ до 1853 года, много способствовалъ распространенію между раскольниками убѣжденія, что такіе сильные люди, какъ Паскевичъ и Бенкендорфъ, сочувствуютъ ихъ замысламъ, не противнымъ и волѣ государевой.

«При такомъ убѣжденіи русскіе раскольники принялись за дѣло, причинившее много вреда православ-

ной церкви и надѣлавшее много хлопотъ правительству, которыя однако успѣхомъ не увѣнчались. Упрекать названныхъ государственныхъ людей въ сознательномъ дѣйствіи противъ интересовъ церкви и государства, конечно, нельзя, но неосторожность ихъ очевидна.

«Если въ Россіи успѣху затѣяннаго раскольниками дѣла способствовали высокіе по положенію люди, вслѣдствіе непониманія раскольниковъ или неосторожности, то высокія лица за границую, желая нанести вредъ Россіи, способствовали этому успѣху вполне сознательно. Въ Австріи хорошо знали, что наше правительство въ прошедшее царствованіе было убѣждено, что расколъ составляетъ политическую язву Россіи (убѣжденіе это и мною вполне раздѣлялось, пока я не изучилъ раскола до его корней)¹⁾. Тамъ, можетъ быть, и не вѣрили тому, что въ расколѣ заключаются разрушительныя начала. Какъ бы то ни было, австріяцы воспользовались этимъ.

«Въ 1839 году у насъ воссоединены униаты. Уніатскій митрополитъ въ Австріи, Михаилъ Левицкій, не безъ вѣдома папы римскаго, подалъ буковинскимъ липованамъ (раскольникамъ), между которыми уже бродила занесенная изъ Россіи мысль о епископѣ, совѣтъ, чтобы они обратились къ австрійскому правительству съ просьбою объ учрежденіи кафедры раскольничьяго митрополита. Онъ составилъ имъ программу дѣйствій и обнадежилъ въ покровительствѣ сильныхъ лицъ. Это была мсть за воссоединеніе униатовъ. Приведенный сейчасъ фактъ не подлежитъ сомнѣнію, но слѣдующій

¹⁾ Не принадлежавъ и не принадлежа къ числу людей, составляющихъ правительство, я однако исполнялъ важныя по этому дѣлу порученія, и слова моихъ донесеній переходили иногда въ правительственные акты. Говорю съ тою цѣлю, чтобы вы не приписали моей фразѣ значенія глупаго хвастовства. Примѣч. Мельникова.

требуетъ повѣрки, для которой у меня нѣтъ подь руками матеріаловъ. Говорятъ, что князь Меттернихъ съ 1815 года получалъ отъ Россіи жалованье, въ видѣ дипломатической субсидіи, какія въ XVII и XVIII столѣтіяхъ были весьма обыкновенны въ кругу европейскаго дипломатическаго корпуса. Говорятъ, что около 1840 года Россія прекратила выдачу субсидіи этому «другу», державшему насъ на уздечкѣ и принесшему намъ не мало бѣдъ. Недочетъ въ ежегодномъ бюджетѣ поставилъ «отца дипломатіи» въ такое положеніе, что онъ тайное намъ недоброжелательство смѣнилъ на болѣе явное и, подь вліяніемъ той же мысли, что расколъ есть наша политическая язва, задумалъ изъ Буковины сдѣлать арсеналь для оружія, всегда готоваго проникнуть въ сердце Россіи, какъ только австрійское правительство признаетъ нужнымъ направить его выстрѣлы не изъ штуцеровъ и пушекъ, а изъ раскольниковыхъ лѣстовокъ и двупѣрстнаго благословенія іерарховъ.

«Объ участіи князя Меттерниха въ этомъ дѣлѣ, по слухамъ между нашими раскольниками, я доносилъ бывшему министру внутреннихъ дѣлъ, Д. Г. Бибикову, въ 1854 году. Теперь, изъ разговоровъ съ бывшимъ намѣстникомъ Бѣлокриницкой митрополіи, вижу, что слухи эти были не въ одной Россіи и имѣли свое основаніе. Но повторяю, что фактическихъ доказательствъ на это и теперь не имѣю, хотя вникнувъ въ ходъ дѣла, остаюсь вполне убѣжденнымъ, что это правда.

«И римскій дворъ, какъ говорятъ, мѣтя за униатовъ, принималъ участіе въ дѣлѣ образованія раскольниковой іерархіи. Для подтвержденія этого, еще въ 1854 году представленнаго мною г. министру, слуха фактическихъ доказательствъ также немного, но изъ письма Аркадія Славскаго къ митрополиту Кириллу Бѣлокриницкому изъ Константинополя отъ 3-го октября

1858 г. видно, что раскольники и въ это время рассчитывали на папу. Рѣчь въ письмѣ идетъ о неосвобожденіи русскимъ правительствомъ изъ Суздаля архіепископа Аркадія ¹⁾ и о стѣсненіяхъ вѣры. Вотъ отрывокъ слово въ слово. «Г. Гончарову письмо вручили и жалобу во Францію мы читали. Сходно съ моими мыслями. Я всегда помышлялъ, чтобы нашу обиду донести европейскимъ державамъ и папѣ, но только какъ за свое мнѣніе, такъ и за ваше (разумѣются письменныя мнѣнія) недоумѣваю, что будутъ они въ пользу. Если бы посовѣтоваться съ сѣверными (т. е. русскими раскольниками), какъ они скажутъ! Если бы тѣ просили, то мы оба (Аркадій и Гончаровъ) поѣхали бы въ Парижъ и подали бы жалобу Наполеону и папѣ. Но на это нуженъ совѣтъ всего сѣвера. Гончаровъ составилъ стихъ (статью) отъ себя противъ Николая и читалъ въ Царѣградѣ; у него просили европейцы (поляки, судя по другимъ мѣстамъ переписки), хотѣли въ газетахъ напечатать, но Гончаровъ не далъ имъ афишку, подхватятъ (поляки для печати), только просимъ повторенія, да если бы и отъ сѣвера было приглашено».

Слѣдующее письмо П. И. Мельникова дополняетъ свѣдѣнія, сообщенныя имъ въ предшествовавшемъ.

«Изученіе любопытныхъ матеріаловъ, находящихся у меня подъ руками, а еще болѣе знакомства, сдѣланныя мною съ обратившимися къ единовѣрію епископами и другими лицами раскольнической духовной іерархіи, доставили мнѣ возможность довольно обстоятельно узнать объ отношеніяхъ къ русскому расколу револю-

¹⁾ Аркадій Славскій былъ арестованъ 24-го апрѣля 1854 г. и отправленъ первоначально въ Кіевъ, потомъ въ Москву и наконецъ, 20-го октября, былъ заточенъ въ монастырѣ въ Суздали. Онъ родился въ 1809 году и 19 лѣтъ принялъ монашество въ Мануиловскомъ скиту, въ Молдавѣ, затѣмъ поселился въ Славскомъ скиту, въ Добруджѣ. Въ мірѣ снѣ назывался Андрей Спиридоновъ. Отецъ его, старообрядецъ, былъ жителемъ дер. Кунички, въ Бессарабіи.

ціонной въ Европѣ партіи, враждебныхъ намъ поляковъ и отчасти нашихъ доморощенныхъ соціалистовъ.

«Первоначально мысль образованія собственной іерархіи возникла въ началѣ царствованія покойнаго государя на Иргизѣ. Въ 1832 году въ Москвѣ былъ на Рогожскомъ кладбищѣ соборъ, на которомъ были депутаты отъ разныхъ раскольническихъ обществъ, живущихъ въ предѣлахъ Россіи. Иргизская мысль была одобрена, но рѣшено было сначала попытаться въ Петербургѣ: нельзя ли будетъ исходатайствовать у правительства разрѣшенія имѣть попрежнему дозволенныхъ бѣглыхъ поновъ. Для сего поѣхали три богатые купца: изъ Москвы Ѳеодоръ Рахмановъ и Иванъ Окороконъ и города Вольска Суетинъ, впоследствии сосланный въ Кутаисъ. Съ ними былъ хвальинскій купецъ, секретарь въ Иргизѣ, Аванасій Кочуевъ, которому принадлежалъ починъ учрежденія архіерейства и который впоследствии умеръ въ заточеніи въ Суздальскомъ монастырѣ.

«Въ Петербургѣ принялъ горячее участіе въ этомъ дѣлѣ купецъ Сергій Громовъ, у котораго поселился Кочуевъ. Когда ходатайство раскольниковъ о дозволенныхъ понахъ оставлено было безъ послѣдствій, Громовъ обратился къ графу Бенкендорфу. Велѣдствіе его указанія объ учрежденіи архіерейской кафедры за границею, раскольники сначала обратились было съ просьбою къ нѣкоторымъ изъ православныхъ епископовъ, приглашая ихъ къ себѣ, но никто разумѣется, не захотѣлъ измѣнить св. церкви. Это подтверждается разсказомъ преосвященнаго Іереміи, въ то время кіевскаго викарія, а теперь живущаго на покой, въ нижегородскомъ Печерскомъ монастырѣ ¹⁾. Онъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ разсказывалъ мнѣ о дѣланномъ ему предложеніи около 1840 года.

¹⁾ Въ настоящее время преосвященный Іеремія живетъ на покой въ Благовѣщенскомъ монастырѣ, въ Нижнемъ-Новгородѣ.

«Не найдя изъ русскихъ православныхъ епископовъ ни одного, который согласился бы на переходъ въ расколъ, раскольники рѣшились искать архіереевъ за границую. Нашлись люди рѣшительные, дѣятельные, которые предприняли путешествія въ отдаленныя страны Востока. Въ то время существовалъ еще раскольничій монастырь Лаврентьевъ Могилевской губерніи Гомельскаго уѣзда, уничтоженный въ 1845 году. Находясь на земляхъ канцлера графа Н. П. Румянцова, этотъ монастырь пользовался особымъ покровительствомъ означеннаго сановника. Когда Гомельское имѣніе перешло къ фельдмаршалу князю Варшавскому, то и онъ оказывалъ покровительство монастырю. Настоятель его, Аркадій, нынѣшній раскольничій епископъ Славы ¹⁾, звено соединяющее раскольниковъ съ революціонною партією, какъ увѣряютъ съ согласія князя Паскевича, отправилъ нѣсколько монаховъ своего монастыря за границу для отысканія архіереевъ и для устройства епископской кафедрѣ въ Буковинѣ. Въ числѣ ихъ былъ Онуфрій, намѣстникъ бѣлокриницкаго митрополита, нынѣ единовѣрческій инокъ, но онъ не путешествовалъ, а прямо поселился въ Буковинѣ.

«Путешественники съ 1836 по 1846 годъ нѣсколько разъ отдѣльными партіями обходили Малую Азію, придерживаясь берега Чернаго моря до персидской границы, Палестину, Сирию и далѣе до Багдада, гдѣ нашли нѣсколько раскольниковъ изъ некрасовцевъ Мехмета-Али египетскаго; другіе были въ Египтѣ, доходили до Нубіи; третьи обошли европейскую Турцію и были на Черной Горѣ, но нигдѣ не нашли, чего искали. На ихъ путешествія московскіе раскольники и собрали 2¹/₂ милліона рублей ассигн. Затѣя раскольниковъ въ это

¹⁾ Его не пужно смѣшивать съ вышеупомянутымъ Аркадіемъ Славскимъ.

время, конечно, и кончилась бы, если бы не стали во главѣ дѣла трое замѣчательныхъ по своимъ способностямъ и ничѣмъ непреодолимой энергіи раскольниковъ: Геронтій, Павелъ и Олимпій (Алимпій), и если бы имъ не помогли недоброхоты русскаго государства. Геронтій, помѣщичій крестьянинъ Серпуховскаго уѣзда Московской губерніи (теперь въ Петропавловской крѣпости, если не умеръ), устроилъ Бѣлокриницкій монастырь, дотолѣ совершенно ничтожный, обогатилъ его московскими деньгами, сдѣлался его настоятелемъ и приготовилъ мѣсто для «Липованской митрополіи», пользуясь грамотой императора Юсифа II отъ 9-го октября 1783 года, данной раскольникамъ, выходцамъ въ новопріобрѣтенную тогда Австрією Буковину; ямщикъ города Валдая, потомъ приказчикъ Громова, потомъ инокъ Павелъ и затѣмъ основатель и дѣйствительный правитель митрополіи (умеръ въ 1854 году) и наконецъ мѣщанинъ посада Крылова Алимпій Звѣревъ, бѣжавшій за границу и назвавшій себя Милорадовымъ ¹⁾,—были главными дѣятелями учрежденія заграничной раскольниковъ митрополіи. Но безъ враговъ Россіи они ничего не сдѣлали бы. Уніатскій митрополитъ въ Австріи, Михаилъ Левицкій, далъ имъ совѣтъ обратиться къ австрійскому правительству съ просьбой объ епископѣ, указалъ имъ все пути, составилъ программу и обнадежилъ въ покровительствѣ сильныхъ лицъ. И онъ не обманулъ раскольниковъ: все исполнилось по его программѣ, составленной имъ въ отомщеніе за воссоединеніе уніатовъ.

¹⁾ Онъ теперь въ Москвѣ, но раскольники мнѣ его не показали, отзываясь, что онъ уже уѣхалъ. А съ сыномъ перваго митрополита Амвросія я видѣлся, но на самое короткое время. Онъ поѣхалъ на нѣсколько дней въ Петербургъ и воротится чрезъ недѣлю, и тогда я надѣюсь поговорить съ нимъ поподробнѣе. Зовутъ его Георгій Андреевичъ; онъ австрійскій подданный, не раскольникъ, имѣетъ законный паспортъ.

«При тайномъ содѣйствіи католическаго высшаго духовенства, лицъ высшаго вѣнскаго круга, даже нѣкоторыхъ дамъ, валдайскій ямщикъ и крыловскій мѣщанинъ проникли въ министерскіе кабинеты, представлялись эрцгерцогу Райнеру и самому императору Фердинанду. Переводчикомъ у нихъ былъ сербъ Константинъ Ефимовичъ Огняновичъ, котораго нелѣпый и положительно для успѣховъ православія вредный игумень Гуслицкаго монастыря, Парѣеній, сдѣлалъ въ своей книгѣ жидомъ. Напрасно православные духовные, митрополитъ Карловичскій и епископъ Буковинскій, Евгенийъ Гакманъ, протестовали: австрійское правительство согласилось на существованіе отдѣльной епархіи липованъ (раскольниковъ) и потребовало «устава».

«Уставъ для представленія правительству писалъ Павелъ, но когда онъ представилъ его, то австрійское правительство, не найдя существенной разницы въ вѣрѣ липованъ отъ православной вѣры, кромѣ незначительныхъ обрядовъ, и не понимая, разумѣется, той догматической важности, которую раскольники приписываютъ двуперстію, ходамъ пѣсолонь, двойной аллилуйи и т. п., рѣшило дозволить учрежденіе особой епархіи, но съ подчиненіемъ ея Карловичскому митрополиту. Какъ громъ, поразила эта новость раскольниковъ: то, отъ чего они бѣжали изъ Россіи, представлялось имъ и теперь, даже и болѣе того. Подчиненіе Карловичскому митрополиту — тоже единовѣріе. Но былъ ли бы этотъ митрополитъ столь же снисходителенъ къ ихъ обрядамъ, какъ нашъ Св. синодъ — это еще вопросъ.

«Богъ знаетъ, заумствовался ли Павелъ, съ умысломъ ли онъ сдѣлалъ дѣло, ничѣмъ неизвинительное, но, переправляя возвращенный правительствомъ уставъ, онъ внесъ въ него богословіе, въ которомъ коснулся самыхъ главныхъ догматовъ христіанства и изложилъ

ихъ еретически. Именно онъ провелъ мысль, что до сотворенія міра существовалъ одинъ Богъ-Отецъ, пребывавшій въ молчаніи, имѣя Сына, слово Божіе, только въ умѣ своемъ. Когда же изрекъ: «Да будутъ вѣщы», это слово осуществилось во второмъ лицѣ св. Троицы, выйдя изъ ума Бога; въ то же время Богъ-Отецъ отрыгнулъ отъ сердца своего Духъ Святый, и сбылось сказанное пророкомъ: «Изъ чрева прежде денницы родихъ Тя». Слѣдовательно, второе и третье лица св. Троицы небезначальны.

«Видя столь существенную разницу въ догматствованіи липованъ отъ догматствованія не только православныхъ, но и вообще всѣхъ христіанскихъ исповѣданій, какія только есть въ предѣлахъ австрійскихъ владѣній, вѣнское правительство признало липованскую вѣру за особое исповѣданіе и дозволило ему іерархію императорско-королевскимъ декретомъ 18-го сентября 1844 года. Этимъ же декретомъ разрѣшено было имъ искать себѣ епископа въ иностранныхъ государствахъ и водворить его въ Бѣлой Криницѣ. Подлинныя декреты и уставъ были у меня въ рукахъ. Декретъ списанъ, а «уставъ» я не списывалъ, потому что въ непродолжительномъ времени обращенный въ едино-вѣріе бывшій епископъ Пафнутій напечатаетъ его съ благословенія митрополита Филарета. Это будетъ сильный ударъ расколу: по причинѣ еретическаго богословія, «уставъ» бѣлокриницкій содержался въ тайнѣ между весьма немногими лицами, и даже русскіе раскольничьи епископы вполнѣ его не знаютъ, а только по отрывкамъ. Разумѣется, когда напечатается «уставъ», наши раскольники скажутъ, что это клевета, что это правительственная выдумка, но опроверженіе находится въ рукахъ правительства и церкви. Подлинникъ на русскомъ и нѣмецкомъ языкахъ, за подписью братства Бѣлокриницкаго, въ томъ числѣ и Павла, утверж-

денный императоромъ Фердинандомъ, теперь въ Чудовомъ монастырѣ у Пафнутія. Стоитъ только вынести его въ одинъ изъ праздниковъ на кремлевское преніе ¹⁾).

«Бѣлокриницкій уставъ» и другіе подлинныя акты находились въ послѣднее время у архидіакона Филарета, правителя дѣлъ Бѣлокриницкой митрополіи. Въ 1864 году Филаретъ съ священноинокомъ Иосафомъ были посланы въ Россію, въ качествѣ митрополичьихъ пословъ. Боясь оставить архивъ въ рукахъ невѣжественныхъ монаховъ (умные и начитанные монахи въ Бѣлой Криницѣ или перемерли, или выѣхали въ Россію; осталось 15—20 совершенно ничтожныхъ людей, изъ коихъ самый ничтожнѣйшій митрополитъ Кирилль), Филаретъ взялъ его съ собой и, обратившись къ единовѣрцію, не возвратилъ его раскольникамъ. Такимъ образомъ важнѣйшіе документы раскола сдѣлались достояніемъ церкви. Говорятъ, что заграничныя раскольники хлопчуть, чтобы австрійское правительство вытребовало эти бумаги у нашего путемъ дипломатическимъ. Но въ настоящее время австрійскому правительству не до того, да притомъ у липованъ уже нѣтъ такихъ ходатаевъ, какихъ имѣли прежде: Геронтій въ крѣпости, Павелъ умеръ, Пафнутій и Филаретъ въ единовѣрческомъ монастырѣ, а Алимпій, сиживавшій въ салонѣ графини Стадіонъ, теперь въ Россіи и пьетъ мертвецки. Развѣ поляки помогутъ.

«Павелъ и Алимпій въ 1845 году отправились въ Константинополь и добыли тамъ митрополита Амвросія, бывшаго до 1841 года въ Босніи. Всѣ свѣдѣнія о личности Амвросія и о томъ, какимъ образомъ добыли его

¹⁾ На кремлевскихъ преніяхъ Пафнутій рѣшительно побѣдоносенъ. Пять разъ я былъ тому свидѣтелемъ. Онъ овладѣваетъ совершенно толпою противниковъ въ 150—200 человекъ и въ полномъ смыслѣ заграждаетъ имъ уста. Что за умъ! Что за начитанность! Что за умѣнье овладѣть слушателями!

раскольники, свѣдѣнія, какъ имѣющіяся въ дѣлахъ министерства, такъ и напечатанныя въ разныхъ нашихъ журналахъ и отдѣльныхъ книгахъ, напримѣръ, епископа Будинскаго, Платона Аванецкевича, игумена Пароенія, профессора петербургской духовной академіи Нильскаго, а въ особенности извратившаго свѣдѣнія о расколѣ до крайнихъ предѣловъ нелѣпости г. Ливанова («Отечественныя Записки» 1865 года), — оказываются совершенно ложными. Имѣю честь представить возстановленіе истины, основанное на документахъ и другихъ самыхъ неоспоримыхъ источникахъ, на которые и буду ссылаться въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ.

«О личности митрополита заимствую изъ сказанія Стаки Скендеровой ¹⁾, изъ бумагъ австрійскихъ, изъ разсказовъ бывшаго намѣстника митрополичьяго, Онуфрія, изъ разсказовъ Василія Васильевича Борисова, бывшаго раскольника, скрывшагося въ 1847 году и тѣмъ избавившагося отъ Шлиссельбургской крѣпости, куда, по повелѣнію покойнаго государя, былъ помѣщенъ товарищъ его, Жигаревъ. Этотъ Борисовъ, те-

¹⁾ Стака Скендерова, дочь купца въ городѣ Сараевѣ, дѣвушка высокой нравственности и, можно сказать, первая просвѣтительница своего народа, знавшая лично и близко Амвросія, когда онъ былъ осно-сараевскимъ митрополитомъ, прислуживала въ церкви св. Архангеловъ, единственной православной церкви во всемъ Сараевѣ, и написала о митрополитѣ Амвросіи сказаніе въ своей стихотворной «Лѣтописи Босніи». О Стакѣ Скендеровой и ея высоконравственныхъ качествахъ узнала графиня А. Д. Блудова и доложила о ней государынѣ императрицѣ. Въ 1856 и 1857 годахъ отъ щедротъ императрицы Стака Скендерова получила капиталъ на открытіе перваго въ Босніи женскаго училища, содержимаго доселѣ на счетъ ея величества. Такая дѣвушка, какъ Скендерова, безъ малѣйшаго сомнѣнія, можетъ служить достовѣрнымъ свидѣтелемъ. Вотъ какъ Скендерова отзывается объ Амвросіи въ своей «Лѣтописи»:

Тай владика свести чоекъ био,
 Сиротню много є угледо,
 Тай є родомъ отъ Бугара био,
 Сребра нисє ни мало любю

перь уже лѣтъ десять усерднѣйшій единовѣрецъ ѣздилъ въ 1847 году съ Жигаревымъ, въ качествѣ пословъ къ митрополиту Амвросію отъ Москвы и всего старообрядческаго міра въ Россіи, жилъ съ Амвросіемъ два мѣсяца и крестилъ его новорожденного внука. Наконецъ, принимаю въ соображеніе разсказъ митрополитчяго сына.

«Амвросій не грекъ, а болгаринъ, уроженецъ города Эноса; фамилія его Подповичъ. Въ мірѣ назывался Андреемъ Георгіевичемъ. Онъ стариннаго іерейскаго рода: со дней императора Алексѣя Комнина двадцать одно поколѣніе Подповичей служило передъ православнымъ алтаремъ. Родившійся въ 1791 году, Георгій Подповичъ былъ двадцать-вторымъ священникомъ ¹⁾. Въ 1811 году греческимъ эносскимъ митрополитомъ Матвѣемъ онъ рукоположенъ въ іереи и былъ приходскимъ священникомъ въ Эносѣ. Въ 1814 году онъ овдовѣлъ; у него остался малолѣтній сынъ Георгій, находящійся теперь въ Петербургѣ и надняхъ ожидаемый въ Москву. По строго соблюдаемому у грековъ обычаю, молодой вдовецъ не можетъ долгое время оставаться бѣлымъ священникомъ, и потому отецъ

Радъ би био да є народъ заранъ
Да народу не има зулума...

—
Єра му є био доди яло,
Гледаючи одъ народа яда,
Што су наше народу чиниле...

Въ переводѣ эти строки значатъ: «Тотъ владыка былъ святой чело-вѣкъ; онъ много заботился о бѣднякахъ; онъ былъ болгарскаго рода нимало не былъ зребролюбивъ и заботился лишь о томъ, чтобы народу было спокойно, чтобы народъ не терпѣлъ притѣсненій... Ему опротивѣло глядѣть на страданія, которыя причинили народу наши».

Примѣч. Мельникова.

1) Прошеніе Амвросія о подданствѣ, поданное императору Фердинанду лично въ Вѣнѣ 11-го іюня 1846 года.

Примѣч. Мельникова.

Андрей Подповичъ въ 1816 году постригся и принялъ имя Амвросія. До 1823 года онъ жилъ при домѣ митрополита эносскаго, а въ этомъ году сдѣлался игуменомъ монастыря Пресвятой Троицы на островѣ Халки, при которомъ есть училище для образованія православнаго духовенства, содержимаго на счетъ константинопольской патріархіи и частію на русскія деньги, посылаемыя Св. синодомъ. Въ 1826 году Амвросій сдѣланъ былъ предстоятелемъ церкви въ Мегаремѣ (Арнауть-Кіюѣ), что въ Босфорѣ, со всеми правами епископа, кромѣ рукоположенія и другихъ епископскихъ священнодѣйствій. Вскорѣ патріархъ Константиій сдѣлалъ его протосингеломъ великой патріархіи Цареградской, членомъ Константинопольскаго синода и правителемъ его дѣлъ, а въ 1835 году митрополитомъ Босносараевскимъ ¹⁾.

«Столь высокія должности, занимаемыя Амвросіемъ, не фанариотомъ, а болгаринномъ (едва ли не единственный примѣръ въ нетерпящей болгаровъ фанариотской патріархіи), кажется, вполне могутъ свидѣтельствовать, что онъ былъ далеко не дюжинный человѣкъ, не дуракъ, не мошенникъ, не хриstopродавецъ, какимъ, съ голоса Платона Будинскаго, представляютъ его отечественные писатели, съ недѣлѣйшимъ Пареніемъ во главѣ ихъ. Для этихъ господъ, если кто раскольникъ, то уже непременно негодай, тогда какъ среда раскольническая, несмотря на религіозныя ея заблужденія, имѣетъ въ себѣ немало хорошихъ сторонъ, которыхъ каждый истинно русскій человѣкъ не можетъ не пожелать и себѣ, и всемъ своимъ православнымъ собратамъ. Дай Богъ, чтобы, въ виду проявившагося между раскольниками въ послѣднее время стрем-

¹⁾ Прошеніе Амвросія императору Фердинанду 11-го іюня 1846 года. Разсказъ митрополичьяго сына. Примѣч. Мельникова.

ленія къ образованію, правительство наше пошло вѣрнымъ путемъ и не было бы шаткимъ въ своихъ распоряженіяхъ. Тогда (мы, конечно, не доживемъ до этого) образованное старообрядчество внесетъ въ нашу жизнь «новые» элементы, или, лучше сказать, «старые», забытые нами отъ наплыва западныхъ понятій и обычаевъ, несродныхъ ни русской землѣ, ни русской душѣ, элементы времянъ добраго Михаила Федоровича, кроткаго и мудраго Алексѣя Михайловича (до мельчайшихъ подробностей подобнаго нашему возлюбленному государю), благодушнаго и симпатичнаго Федора Алексѣевича, элементы, подорванные Петромъ по закону исторической необходимости, которые онъ, однако (встань онъ изъ гроба), первый бы, по безпредѣльной любви его къ Россіи, теперь, въ пору благовременную, стали бы возстановлять... Разумѣю не тѣхъ quasi-образованныхъ старообрядцевъ, которые зовутся «раскольниками въ палевыхъ перчаткахъ», не того, который, отстоявъ уставную службу съ лѣстовкою и по рогожскому закону «съ поясомъ ниже пупа», совѣщается съ московскими литераторами о переводѣ Шекспира, въ которомъ не понимаетъ ни уха, ни рыла, или власть наговаривается о судьбахъ Европы и Россіи съ самопервѣйшимъ умникомъ міра сего, самимъ Александромъ Ивановичемъ. Не тѣхъ раскольниковъ, что образовали изъ себя новый типъ русскихъ людей—«раскольниковъ-нигилистовъ», въ родѣ , людей до тошноты отвратительныхъ во время разговора съ ними, разумѣю я подъ «будущими образованными раскольниками», а тѣхъ, первообразами которыхъ теперь: Пафнотій, бывший епископъ Коломенскій, а теперь простой инокъ; Филаретъ, бывший архидіаконъ Бѣлкриницкій, жившій въ Вѣнѣ, Парижѣ и Лондонѣ и хотя не бывавшій въ салонѣ графини Стадіонъ, но пользовавшійся расположеніемъ нашего вѣнскаго свя-

щенника Раевского, въ Черновицахъ профессора православной академіи Хибайлы (Гакмана), Палацкаго и другихъ, и, наконецъ, инокъ Θεодосій, молодой чело-вѣкъ, лѣтъ двадцати трехъ, бывшій діаконъ раскольничаго тобольскаго епископа Савватія, а передъ тѣмъ бѣгунъ, странникъ, скрывавшійся въ верхотурскихъ лѣсахъ... Вамъ новы эти рѣчи? Не правда ли? Новы и для меня впечатлѣнія, подѣ влияніемъ которыхъ пишу эти рѣчи. Ваше высокопревосходительство! Пославъ меня сюда, вы сдѣлали мнѣ благодѣяніе: вы утвердили во мнѣ вѣру въ незыблемость дорогой нашей матери Россіи. Живя въ Петербургѣ, чело-вѣку, прожившему и дѣтство, и молодость въ коренной русской землѣ, втянувшись въ ложную жизнь великолѣпно-разукрашеннаго чухонскаго болота, чуть не каждый день приходится отчаиваться за русскую будущность, но въ той средѣ, въ которой я теперь нахожусь, свѣтло и радостно смотрится впередъ и вполне вѣрится, что всѣ эти социализмы, и коммунизмы, и спиритизмы, и космополитизмы, и самое 4-е апрѣля — наносныя болячки на русскомъ здоровомъ тѣлѣ: немножко сѣрной печенки, и чесотка пройдетъ. А главный оплотъ будущаго Россіи все-таки вижу въ старообрядцахъ, которые не будутъ раскольниками, ибо расколу старообрядства передъ свѣтомъ просвѣщенія не устоять. Старообрядцы — Лотова жена, обратившаяся назадъ и окаменѣвшая. Два столѣтія пронеслись надъ этимъ «сланымъ столпомъ», онъ не двинулся, а мы-то въ это время куда зашли? До 4-го апрѣля дошли!

«Я всегда говорилъ, что надобно воздвигнуть памятникъ польскому возстанію 1863 года. Оно отрезвило насъ; оно сорвало съ русскихъ глазъ повязку, съ которою кто не щеголялъ! Оно соединило насъ; оно вновь скрѣпило тысячелѣтнія узы русскихъ сословій, которыя наносными идеями уже разслабѣвали было;

оно заставило постарому биться русское сердце. Сбылась русская пословица: «Свои собаки грызутся, чужая не приставай». И во благо посужило намъ это глубоко-мудрое, хотя и не весьма граціозное, изреченіе тысячелѣтняго народа.

«Это было «знаменіе во благо». Да будетъ же «знаменіемъ во благо» и событіе 4-го апрѣля. Что это будетъ такъ, духъ Москвы, сердца Россіи, говорить. Что онъ такъ говоритъ, «тому послухъ есмь», говоря языкомъ нашихъ пращуровъ. Въ субботу, 21-го мая, буду въ Кремлѣ въ толпѣ народной и напередъ предвкушаю то русское чувство, которымъ «Москва заговорить», при видѣ государя.

«А возстановленіе русскаго духа, старобытной нашей жизни, все-таки, произойдетъ отъ образованныхъ старообрядцевъ, которые тогда не раскольники будутъ.

«Я такъ далеко отвлекся отъ прямого предмета, что мнѣ слѣдуетъ уже не возвращаться немедленно къ нему, а еще далѣе отвлечься.

Простите мнѣ, ваше высокопревосходительство, эти отвлеченія, но отнюдь не увлеченія. Говорю, что думаю, и «нѣсть лести во языкѣ моемъ». Не имѣя чести быть вашимъ приближеннымъ, не имѣю и возможности выражать мои убѣжденія вамъ лично, словесно. Но вы дозволили, вы даже приказали мнѣ писать къ вамъ письма подъ впечатлѣніями, которыя буду испытывать. Исполняю ваше приказаніе. Сухой, чиновничій рапортъ позвольте написать, по возвращеніи въ Петербургъ».

Вотъ еще одно письмо П. И. Мельникова, относящееся къ 1866 году, къ исполненію даннаго ему въ то время порученія министромъ внутреннихъ дѣлъ:

«Въ послѣдніе годы въ старообрядческихъ обществахъ, вообще въ Россіи, особенно же въ Москвѣ произошло сильное движеніе. Преслѣдованія раскола прекращены. Слѣдствіемъ этого было то же самое

явленіе, какое было и при Екатеринѣ II, по прекращеніи преслѣдованій раскола: начались споры и ожесточенная полемика между раскольническими сектами, поповщиною и безпоповщиною. Когда были преслѣдованія и тѣхъ, и другихъ, былъ общій непріятель, и частные раздоры умолкли; общаго непріятели не стало, старинные раздоры поповщины съ безпоповщиною возникли съ прежнею силою.

«Въ прежнее время безпоповцы постоянно брали верхъ надъ поповцами. Когда говорили они имъ, что у нихъ нѣтъ церкви, ибо нѣтъ архіереевъ, а попы хотя и есть, но отъ никоніанъ краденные, поповщинѣ отвѣчать было нечего. Приходилось или отдѣлываться разными изворотами, или молчать. Теперь не то. Теперь у поповщины 12 или 15 архіереевъ и множество своихъ не краденныхъ поповъ. Ихъ церковь организована совершенно, и притомъ съ нынѣшняго года сдѣдалась самостоятельною, разорвавъ связи съ Бѣлокриницкимъ митрополитомъ на томъ основаніи, что онъ подданный не русскаго государя и имѣетъ пребываніе во враждебной намъ Австріи. Митрополитъ Кириллъ, недавно бывшій въ Петербургѣ (пріѣхалъ туда изъ Берлина) и въ Москвѣ, уѣхалъ чуть не выгнанный. Онъ очень умалъ духомъ, ибо чувствуетъ, что Бѣлой Криницѣ приходитъ конецъ: митрополия тамошняя и вообще заграничныя старообрядческіе архіереи поддерживались московскими деньгами, а теперь старообрядцы рѣшили не давать ни гроша въ Австрію.

«Замѣчательно, что старообрядцы, имѣя теперь возможность сдѣлать особаго московскаго митрополита, или даже патріарха, не сдѣлали его, ибо на то по правиламъ надобно соизволеніе царя. Они учредили, по примѣру нынѣшней православной церкви, свой синодъ, подъ названіемъ «духовнаго совѣта», находящагося въ Москвѣ. Нынѣ члены его слѣдующіе: 1) Ава-

насій, епископъ Саратовскій, въ качествѣ первоприсутствующаго; 2) Антоній, архіепископъ Владимірскій (бывшій и всея Россіи); 3) епископъ Онуфрій, присланный въ концѣ 1861 года изъ-за границы, но присоединившійся къ россійской старообрядческой церкви и разорвавшей связи съ австрійскими; 4) Іовъ, епископъ Кавказскій; 5) Пафнутій, епископъ Казанскій; 6) Варлаамъ, епископъ Балтовскій; 7) епископъ Іустинъ; 8) Константинъ, епископъ Оренбургскій (онъ находится въ своей епархіи, а, вмѣсто него, въ духовномъ совѣтѣ засѣдаетъ уполномоченный имъ іеродіаконъ Викентій); 9) Савватій, епископъ Тобольскій. Прочіе епископы не члены духовнаго совѣта: Софроній Симбирскій, Виталій, Измаиль, Сергій, Пафнутій. Изъ нихъ двое находятся подъ запрещеніемъ: Софроній за святокупство, Пафнутій за то, что на Кузнецкомъ мосту своей пріятельницѣ бурнусъ покупалъ. Сергій Тульскій, въ нынѣшнемъ году посвященный митрополитомъ Кирилломъ, въ назначенной ему епархіи не принять, на томъ основаніи, что онъ, какъ австрійскій подданный, не можетъ быть вѣренъ русскому царю и не можетъ пасти стадо Христово, изъ вѣрноподанныхъ русскому государю состоящее. Онъ собирается уѣхать за границу, если уже не уѣхалъ. Вотъ современный личный составъ старообрядческой іерархіи, самостоятельной и отъ Бѣлокриницкаго митрополита болѣе не зависимой.

«Безпоповцы Преображенскаго кладбища съ 1860 года обнаружили сильный прозелитизмъ, направленный на общество поповщины. Православныхъ они болѣе не привлекаютъ въ свою вѣру, опасаясь возобновленія преслѣдованій, и если дѣлаются совращенія православныхъ, то весьма рѣдко и весьма тайно; зато много они перекрестили изъ поповщины, особенно тѣхъ, которые сомнѣваются въ правильности новой старообрядческой іерархіи.

«Это очень озаботило поповщину. Влѣдствіе того былъ присланъ еще въ концѣ 1861 года изъ Бѣлой Криницы епископъ Онуфрій. Онъ, вмѣстѣ съ русскими старообрядческими архіереями, имѣлъ 24-го февраля 1865 года въ Москвѣ соборъ и составилъ окружное посланіе. Главныя положенія этого собора слѣдующія:

«I. Отвергнуты десять сочиненій, написанныхъ въ прежнее время безпоповцами; объявлены лжесоставленными, со св. писаніемъ несогласными и здравому разуму противными. Эти сочиненія слѣдующія:

«а) «Апокалипсисъ седмитолковый», въ которомъ четвероконечный крестъ злославится, въ имени Іисусъ, господствующею церковью употребляемомъ, имя антихриста толкуется; евхаристія господствующей церкви нарицается зміннымъ блеваніемъ и антихристовымъ агнцемъ и проповѣдуется истребленіе священной хиротоніи во всей вселенной.

«б) Книга «Евстафія Богослова», гдѣ сказано, что антихристъ убилъ три царя великіе: вѣру, надежду и любовь, и семь таинствъ церковныхъ покорилъ подъ себя, и что нынѣшнія таинства отъ звѣря морского, котораго Даніиль пророкъ видѣлъ (Даніиль, глава 7).

«в) «Толкованіе Амфилохіево» на вторую пѣснь Моисееву.

«г) «Слово отъ старчества», гдѣ сказано, что будто инокъ Захарія ученику своему сказалъ, что священство не будетъ до скончанія міра стоять, а будетъ истреблено, что уже и случилось.

«д) «Толкованіе десяти перстѣ ногъ тѣла, показаннаго Навуходносору, и 10 роговъ четвертаго звѣря, видѣннаго Даніиломъ», въ которой книгѣ сказано, что тѣ десять роговъ суть: Алексѣй, Θεодоръ, Петръ I, Екатерина I, Анна, Елисавета, Екатерина II, Павель, Александръ I и Николай I.

«е) «Слово о бражникѣ». Оно напечатано въ «Памятникахъ древней русской литературы».

«ж) «О винномъ сотвореніи», гдѣ говорится, что хмѣль (растеніе) діаволомъ созданъ.

«з) «О губьбѣ или картофелѣ», будто оный отъ діавола, и ѣсть его будто нельзя.

«и) «О духовномъ Антихристѣ», наполненное ругательствами на православіе.

«і) Тетрадь, означающая день и время кончины міра.

«Всѣ эти книги соборъ отвергъ и отметнулъ, имѣть и читать ихъ запретилъ, подъ страхомъ клятвы церковной».

«II. Господствующая въ Россіи и восточная греческая церковь признана не еретическою. «Вѣруетъ не во иного Бога, но во единого съ нами».

«III. Велѣно употреблять имя Ісусъ, но хулу глаголатъ на имя Ісусъ воспрещено, ибо Ісъ и Исъ одного Спасителя означаютъ, только что слово Исъ неправильно.

«IV. Запрещено ругаться четвероконечному кресту.

«V. О таинствахъ господствующей церкви повелѣно говорить съ уваженіемъ, ругательство же имъ объявлено богохульнымъ и душепагубнымъ.

«VI. «Иже отъ высочайшія и вседержація Божія десницы поставленнаго, и славою, и честію вѣнчаннаго, самодержавнѣйшаго, богохранимаго великаго государя Александра Николаевича, и всего августѣйшаго дома его, и о всей палатѣ, и о воехъ его творите моленія о здравіи, и о спасеніи, и о царстѣй побѣдѣ. О немъ же на св. праскомидіи божественныя литургіи, въ числѣ великихъ седми, пятая да приносится просфора и приносится будетъ, якоже о немъ, тако и о будущихъ преемницѣхъ престола и скипетра его, въ родъ и родъ и до вѣки, яко да Господь Богъ соблюдетъ его здрава,

мирна, и долгоденствующа, да подасть ему побѣду на врага, да оградить державу его миромъ, и да покорить подъ нозѣ его всякаго врага и супостата и да вложитъ въ сердцѣ его благая и полезная о святѣй церкви ¹⁾, яко да и мы тихое и безмолвное житіе поживемъ во всякомъ благочестіи и честности.

«VII. Кривосказательныхъ ученій (безпоповскихъ) бѣгати и лжесоставленныхъ (ими же) книгъ не принимати.

«VIII. О пришествіи Ілии и Еноха предъ кончиною міра вѣровати, якоже учить св. церковь (Это противъ безпоповцевъ, которые говорятъ, что они уже были духовно и убиты уже антихристомъ).

«IX. О антихристѣ вѣровать со св. церковью, что онъ будетъ «чувственно, видимо и самообразно», а не духовно, какъ говорятъ безпоповцы, полагая, что антихристъ есть господствующая церковь.

«X. Испытословити о времени, днѣ и часѣ кончины міра воспрещается.

«Наконецъ сказано слѣдующее: «Объявляемъ всѣмъ православнымъ христіанамъ, яко, помогающу Богу, составленъ будетъ «Уставъ», или краткое изложеніе догматовъ и преданій, древле-православно-каѳолическаго исповѣданія единыя, святыя, соборныя и апостольскія церкви, который и преподанъ будетъ въ руководство и окормленіе ²⁾ всѣмъ православнымъ, священнымъ же и мірскимъ, во еже правѣ и извѣстнѣ вѣдати о догматахъ вѣры, и о семи таинствахъ церковныхъ, и о инѣхъ нужныхъ и благословныхъ винахъ».

«Этотъ уставъ еще не составленъ. Онъ будетъ разсмотрѣнъ въ духовномъ совѣтѣ и разосланъ по всѣмъ поповщинскимъ обществамъ для строгаго наблюденія

1) Т. е. старообрядческой.

2) Отъ слова корма, не **окормленіе** (отрава) а **окормленіе**.

его. Отъ достовѣрныхъ людей я слышалъ, что тогда же старообрядцы пошлютъ депутацію отъ разныхъ городовъ къ министру внутреннихъ дѣлъ и будутъ просить представить этотъ уставъ государю императору, какъ ихъ *profession de foi*. У государя же будутъ просить: дать имъ на столько гражданскихъ правъ и на столько свободы богослуженія, на сколько государь признаетъ возможнымъ, прочитавъ этотъ уставъ.

«Безпоповцы послѣ собора 24-го февраля 1862 года стали смущать нѣкоторыхъ поповцевъ, говоря, что архіереи ихъ признали правильность господствующей церкви, слѣдовательно отступили отъ завѣтовъ отцовъ и пращуровъ и древняго благочестія. Многие были смущены; иные отпали въ непоповщину; другіе представляли духовному совѣту и Аѳанасію Саратовскому письменныя и словесныя прошенія, даже съ укоризнами.

«Поэтому 26-го іюня 1863 года было въ Москвѣ засѣданіе духовнаго совѣта. Присутствовали: архіепископъ Антоній, епископы: Аѳанасій, Онуфрій, Іовъ, Пафнутій, Варлаамъ, Іустинъ, Савватій и іеродіаконъ Викентій, вмѣсто Константина Оренбургскаго. Аѳанасій Саратовскій на этотъ разъ уступилъ предсѣдательское мѣсто Антонію, какъ архіепископу, но душою совѣта былъ не Антоній, а Аѳанасій. Написано: соборное опредѣленіе на окружное посланіе. Оно начинается такъ:

«Божіею милостію, мы, освященный російскій соборъ, слушали относительно окружнаго посланія представленныя письменныя и словесныя прошенія и съ глубокою скорбью въ душѣ видимъ, что нѣкоторые изъ христіанъ находятся въ смущеніи, полагая, что будто бы духовенство святой древле-православной церкви окружнымъ посланіемъ признаетъ имя Іисуса за истинное имя Господа нашего *Iѣа Х^рта*, а также и трехперетное сложеніе, поливательное крещеніе, упот-

ребленіе, идѣ же не показано, четвероконечнаго креста будто бы почитаетъ за правильное. А потому освященный соборъ вынужденнымъ себя находить для успокоенія христіанъ издать нижеслѣдующее».

«Затѣмъ слѣдуетъ разъясненіе тѣхъ мѣстъ окружнаго посланія 24-го февраля 1862 года, которыя подали поводъ къ соблазну. Здѣсь, равно какъ и въ окружномъ посланіи, говорится о соединеніи старообрядчества съ православіемъ. Вотъ условія, на которыхъ оно соединилось бы.

«1666 года на московскомъ соборѣ ужаснѣйшая клятва и анаѳема на содержащихъ древля церковныя преданія произнесести. И строгое гоненіе, и преслѣдованіе воздвижеся мученіемъ. И по сихъ поръ отъ пастырей, поборующихъ по новоизложеннымъ догматамъ и преданіямъ, бранныя книги издашася, въ нихъ же святѣйшее имя Христа Спасителя нашего Іс злохульно перечено, аки бы не знаменуетъ Спасителя и исцѣлителя душъ нашихъ, но нѣкоего инаго Ісуса—равноухаго ¹⁾. Къ сему же, але дерзости, именованіе чудовищнымъ и ничего не значащимъ ²⁾ двоеперстное сложеніе тако перечено: аріанствомъ, македоніанствомъ, несторіанствомъ, злобжнымъ раздѣленіемъ, арменствомъ, арменскою ересію, арменскимъ кукишемъ, аріевою пропастію, адовыми вратами, волшебнымъ знаменіемъ, демоносидѣніемъ и чертовымъ преданіемъ ³⁾... Сихъ ради совѣсть наша не допускаетъ насъ быти въ подчиненіи пастыремъ тоя церкви, иже, къ крайнему сожалѣнію здравомыслящихъ, не обращаютъ должнаго вниманія на исправленіе своихъ полемическихъ (спорныхъ) книгъ и не уничтожаютъ означенныхъ жесто-

1) Розыскъ Дмитрія Ростовскаго, часть I, глава 15, листъ 18.

2) Отвѣты Никифора Астраханскаго, стр. 87.

3) Розыскъ Дмитрія Ростовскаго, обличенія Теофилакта Лопатинскаго и отвѣты Никифора Астраханскаго

кословныхъ порицаній, порицаній отвратительныхъ. благочестивому слуху невмѣстимыхъ и христіанскимъ пастыремъ отноду несвойственныхъ. Аще же нѣкогда, благодатию Божіею озарившеса, отложатъ вышеупомянутыя порицанія и соборнѣ оставятъ свои новодогматствованія, а святую старожитность возлюбятъ и порученнымъ себѣ хранить ю повелятъ и начнутъ послѣдовати древле-церковнымъ преданіямъ неизмѣнно, и устроится церковь въ такой точности догматовъ и преданій, яко же бѣша отъ лѣтъ равноапостольнаго князя Владиміра... и мы безъ всякаго увѣщанія человѣческаго пойдѣмъ къ общенію ея... И сего ради нѣсь мы раскольницы и раздорницы, но чада единыя, святыя, соборныя, апостольскія. древлеправославныя каѳолическія церкви.

«Въ соборномъ опредѣленіи 26-го іюня 1863 года сказано: «покудова великороссійская церковь соборно, т. е. публично, не откажется отъ своихъ новодогматствованій и оскорбительныхъ для божества порицаній, до тѣхъ поръ мы ни подъ какимъ видомъ соединиться съ нею не можемъ».

«Собственно, говоря, старообрядцы желаютъ, чтобы отвергнуты были тѣ порицанія, которыя были сдѣланы на имя Іс и на двуперстное сложеніе въ прошломъ столѣтіи. Это, по моему мнѣнію, вещь возможная, ибо дѣйствительно эти порицанія въ высшей степени возмутительны и совершенно противны духу православія. Остановки, затрудненія могутъ быть въ томъ, что Димитрій Ростовскій, написавшій (?) «Розыскъ», признанъ святымъ. Но и это не можетъ помѣшать. Посмотрите въ синодскій и другіе архивы, не найдется ли чего о томъ, какъ оклеветано было имя Димитрія, какъ приписано было этому великому человѣку то, о чемъ онъ и не думалъ. «Розыска» онъ не писалъ — свидѣтельство тому въ самомъ

«Розыскѣ». Это—нечистое дѣло архіереевъ елисаветинскаго времени. Сказать правду не грѣхъ: мы не отвѣтчики за дѣло тупоумныхъ фанатиковъ, которые уже сто лѣтъ въ могилахъ лежатъ, и которые своимъ неразумнымъ словомъ совершили отдѣленіе отъ насъ пяти милліоновъ поповщины.

«Старообрядцы сами знаютъ, что Димитрій Ростовскій не писалъ «Розыска», что имя его употреблено для бѣльшаго авторитета, употреблено святотатственно въ то самое время, когда открыты его мощи. Его соименникъ Димитрій Сѣченовъ (за отъемъ монастырскихъ крестьянъ 1000 душъ, получившій митрополита) и его сотрудники нехорошее дѣло сдѣлали. Черезъ сто лѣтъ теперь можно было бы, кажется, поправить дѣло. Вѣдь, митрополитъ Исидоръ не Димитрій Сѣченовъ и оберъ-прокуроръ А. П. Ахматовъ не князь Яковъ Шаховской, а, главное, государь нашъ не Еливета Петровна.

«Въ воскресенье, 21-го іюля, съ 4 часовъ пополудни до десятаго вечера былъ на словопреніи раскольниковъ разныхъ толковъ, между собою и съ православными, въ Кремлѣ, у Архангельскаго собора. Прежде это бывало на Пасхѣ, теперь же каждый праздникъ. Мнѣ пришлось быть ораторомъ у кремлевскихъ соборовъ, но хотя мнѣ же предлагали не разъ на обсужденіе мои слова, въ печатныхъ сочиненіяхъ сказанныя, и упоминали мое имя, но, что я Мельниковъ, того не узнали: я не сказался именовъ а знакомыхъ не было. Много было замѣчательнаго. Напримѣръ, говорятъ, говорятъ о вѣрѣ, да тотчасъ и свернуть на поляковъ и на то, что надо стоять за царя и русскую землю безъ различія вѣрѣ. Въ Ильинъ день кому-то три оплеухи дали за богохульство и неуважительное слово о царѣ. При мнѣ какая-то юная бородка, проповѣдывавшая сначала о «идеѣ права»,

буквально говорю, сказала о мощахъ Успенскаго собора, что ихъ надо было бы подвергнуть химическому анализу: бородку чуть было не поколотили, но удержались и только обругали и прогнали.

— «Кто это?—спросилъ я одного старика-старобрядца, стоявшаго возлѣ меня.

— «Должно быть, полякъ!—отвѣчалъ старикъ.

— «Да, вѣдь, онъ чисто по-русски говорить!—замѣтилъ я.

— «Ну, такъ изъ Петербурга какой-нибудь!—возразилъ старообрядецъ.

«Вообще я тутъ замѣтилъ, что московскій народъ недоброжелательно смотритъ на Петербургъ, говоритъ, «что тамъ есть измѣна царю». Имена Горчакова и Муравьева у всѣхъ на языкѣ: съ восторгомъ говорятъ о нихъ. А о государѣ безъ особеннаго чувства и говорить не могутъ. Сколько разъ слышалъ я слова: «Эхъ, какъ бы батюшка-царь все зналъ да вѣдалъ! Уши-то ему завѣшиваются, очи-то ему закрываютъ! Какъ бы онъ все зналъ, давно бы всю измѣну вывелъ».

«А вотъ еще случай не на площади, а въ трактирѣ. Говоритъ одна сѣдая борода: «Слышно, десять королей за поляка заступаются и говорятъ нашему царю: у тебя, ваше царское величество, земля большая, а у насъ земли махонькія—дай намъ на брата по двѣ губерніи, а не дашь—войною пойдемъ. А царь нашъ и говоритъ: не то что губерніи, а уѣзда не дамъ, да и мужики мои не хотятъ, православные, т. е. всѣ христіане».

Посылка П. И. Мельникова въ Москву дала ему возможность собрать тамъ богатый матеріалъ по дѣламъ раскола. Это видно какъ изъ приведенныхъ его писемъ, посланныхъ имъ въ 1866 году министру внутреннихъ дѣлъ, такъ и изъ слѣдующаго письма отъ 21-го сентября 1866 года полученнаго П. И. Мельни-

ковымъ отъ тогдашняго директора департамента общихъ дѣлъ министерства внутреннихъ дѣлъ: «Тысячу разъ жалѣю, что не пришлось видѣться съ вами, по возвращеніи моемъ изъ-за границы. Можете представить, какъ живо интересовали меня дѣла по вашей послѣдней командировкѣ въ Москву. Изъ вашихъ майскихъ писемъ къ г. министру и ко мнѣ въ виду имѣются вещи великолѣпныя, которыя, при мастерской оправкѣ отъ рукъ такого опытнаго ювелира, представляются просто сокровищами. Я видѣлъ въ канцеляріи письмо ваше къ г. министру отъ 4-го іюня; видѣлъ двѣ копіи съ показаній Иосафа и Аркадія о предполагавшейся къ устройству русской типографіи у заграничныхъ раскольниковъ (отъ 5-го и 6-го іюня). Теперь, вѣроятно, у васъ готово уже что-нибудь солидное; вѣдь, столько важныхъ вопросовъ по извѣстной программѣ взялись вы обсудить. А матеріалы-то, матеріалы! Гдѣ они? Что съ ними? Я говорилъ объ этомъ съ г. министромъ: между прочимъ, онъ находитъ, что теперь матеріалы эти слѣдовало бы представить ему. Вслѣдствіе этого объясненія я шлю вамъ спѣшно писаніе сіе, нетерпѣливо ожидая приношеній великихъ и богатыхъ и вашего отзыва для доклада г. министру».

Труды Мельникова въ Москвѣ и доставленныя имъ свѣдѣнія оцѣнены были министромъ внутреннихъ дѣлъ. Мельниковъ, бывшій не въ состояніи вначалѣ оставаться въ Москвѣ, по неимѣнію средствъ, получилъ все, что ему было необходимо, для продолженія своихъ изслѣдованій.

Пребываніе же въ Москвѣ въ 1866 году столкнуло его вновь съ старымъ знакомымъ сороковыхъ годовъ, который угощалъ его вкуснымъ рыбнымъ столомъ въ Керженскомъ Благовѣщенскомъ монастырѣ, бывшемъ скиту (см. романъ «На Горахъ» ¹⁾). 15-го мая Мель-

¹⁾ Томъ IV, стр. 236, 237.

никовъ присутствовалъ въ Москвѣ на открытіи едино-вѣрческаго монастыря, гдѣ «иноками (по его словамъ) состоятъ бывшіе раскольниковы архіереи, а теперь простые иноки, а надъ ними настоятелемъ старый знакомый, отецъ Тарасій, архимандритъ изъ Семеновскаго уѣзда ¹⁾. Народу было до 3,000 человекъ. Служилъ архіерей Леонидъ по-старообрядчески. Послѣ того былъ обѣдъ, а послѣ обѣда я повелъ своихъ знакомыхъ, Погодина, Субботина, Хлудова и другихъ къ Тарасію. Старикъ до-нельзя обрадовался, увидѣвъ меня».

XVI.

Переселеніе въ Москву.—Третій приступъ къ беллетристическимъ произведеніямъ.—Отзывъ Мельникова о своемъ талантѣ и о своей памяти.—Поѣздка 1869 года.—Коммиссія о расколѣ 1875 года.

Командировка П. И. Мельникова въ Москву дала ему возможность окончательно условиться съ редакціею «Московскихъ Вѣдомостей» о его постоянномъ, дѣятельномъ въ ней сотрудничествѣ. Онъ рѣшился переселиться со всею семьей на жительство въ Москву. Вслѣдствіе этого 19-го августа 1866 года онъ былъ уволенъ отъ должности чиновника особыхъ порученій при министрѣ внутреннихъ дѣлъ, причисленъ къ этому министерству и откомандированъ въ распоряженіе московскаго генераль-губернатора, но безъ назначенія ему содержанія. Мельникову приходилось съ переселеніемъ въ Москву существовать однимъ литературнымъ тру-

²⁾ Архимандритъ Тарасій не принялъ предложенія быть настоятелемъ едино-вѣрческаго монастыря въ Москвѣ, несмотря на убѣдительныя просьбы, и возвратился въ Керженскій монастырь, гдѣ и скончался.

домъ, но онъ положился на обѣщанія М. Н. Каткова и П. М. Леонтьева.

Устроившись въ Москвѣ, Мельниковъ съ 1867 года принялъ на себя редакторство внутренняго отдѣла въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ», но оно было также недолговременно, какъ и подобнаго же рода обязанности въ «Сѣверной Пчелѣ» 1860—1862 года и въ «Сѣверной Почтѣ» 1864—1865 года. По своему характеру онъ не былъ способенъ къ усидчивому, ежедневному, неблагодарному газетному труду. При его крайней впечатлительности и отзывчивости ко всѣмъ явленіямъ въ политической и бытовой жизни народа, къ ученой и учебной дѣятельности, къ реформамъ, къ разнообразнымъ потрясеніямъ въ послѣдніе годы въ нашемъ государствѣ, въ соединеніи съ обширными его познаніями исторіи и быта русскаго народа, съ подробнымъ знакомствомъ потребностей и слабыхъ сторонъ нашей администраціи какъ столичной, такъ и губернской, — Мельниковъ теоретически былъ неоцѣненнымъ редакторомъ для внутренняго отдѣла большой ежедневной газеты. Но по врожденнымъ ему свойствамъ онъ могъ работать только какими-то урывками, какъ бы нервными порывами. Въ эти моменты онъ работалъ до того усердно, быстро, что едва ли имѣлъ себѣ въ томъ многихъ соперниковъ. Но затѣмъ онъ долго не брался за перо, причѣмъ многое начатое не доводилось до конца, обѣщанное не исполнялось, и по необходимости въ его отдѣлѣ оказывались пропуски, недомолвки, молчаніе, когда слѣдовало давать свое мнѣніе о томъ или другомъ вопросѣ.

Поэтому Мельниковъ недолго пробылъ редакторомъ внутренняго отдѣла въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ», но и въ непродолжительное тамъ свое сотрудничество нашелъ себѣ достойную оцѣнку въ ихъ руководителяхъ, особенно въ покойномъ П. М. Леонтьевѣ. Оставивъ

свои постоянныя, ежедневныя занятія въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ», лишившись поэтому опредѣленнаго жалованья, что для него было крайне тяжело, при многочисленной семьѣ, онъ долженъ былъ существовать построчнымъ и полистнымъ вознагражденіемъ за свои труды. Тогда онъ получилъ приглашеніе, на выгодныхъ для него условіяхъ, писать для «Русскаго Вѣстника». «Историческіе очерки поповщины», «Княжна Тараканова и принцесса Владимірская», «Очерки Мордвы», «Счисленіе раскольниковъ», «Тайныя секты», «За Волгою», «Бѣлые Голуби», «Въ Лѣсахъ», «Авдотья Петровна Нарышкина», «Воспоминаніе о В. И. Далѣ», наконецъ, «На Горахъ» — появились на страницахъ «Русскаго Вѣстника» въ 1868—1881 годахъ. За немногими статьями, помѣщенными въ этотъ періодъ времени въ «Русской Старинѣ», въ «Русскомъ Архивѣ», въ «Чтеніяхъ въ Обществѣ Исторіи и Древностей», вся литературная дѣятельность Мельникова въ послѣдніи четырнадцать лѣтъ его авторства была посвящена «Русскому Вѣстнику». Это былъ третій приступъ Мельникова къ исключительно беллетристической дѣятельности, приступъ наиболѣе плодотворный, давшій наибольшій вкладъ съ его стороны въ нашу литературу и съ тѣмъ вмѣстѣ упрочившій за нимъ въ ней почетное мѣсто. Матеріальная до извѣстной степени обеспеченность своей семьи, вслѣдствіе хорошаго вознагражденія за свои произведенія, поощряла Мельникова къ труду, давала ему возможность обдумывать и обрабатывать свои произведенія. Сверхъ того, и жизнь въ Москвѣ не представляла ему тѣхъ развлеченій и увлеченій, которымъ въ Петербургѣ, при его впечатлительной природѣ, онъ невольно поддавался. Можно съ увѣренностью сказать, что если бы Мельниковъ не переселился въ Москву, то русская публика не прочитала бы его романовъ «Въ Лѣсахъ» и «На Горахъ».

Подтверженіемъ этихъ словъ служитъ слѣдующее извлеченіе изъ его письма отъ 26-го октября 1872 года изъ Петербурга, по поводу тогдашняго предположенія о переѣздѣ вновь на жительство въ эту столицу... «Что касается до корректуры ¹⁾, то никто нигдѣ такихъ удобствъ получить не можетъ, какъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ», да и въ «Русскомъ Вѣстникѣ» я одинъ пользуюсь подобною привилегією. А моя корректура стоитъ издателямъ, по крайней мѣрѣ, въ четыре или пять разъ дороже обыкновенныхъ на то типографскихъ расходовъ. Говорятъ же, что одинъ мой печатный листъ стоитъ въ типографіи столько же, сколько восемь листовъ другихъ авторовъ. Это также надобно принять въ соображеніе. Отъ этого мои произведенія выходятъ свѣжѣе и обработаннѣе и обращаютъ на себя вниманіе публики. Ты думаешь, все зависитъ отъ таланта да отъ вдохновенія. Выкинь, пожалуйста, это изъ головы. Будучи женою писателя, ты могла увидѣть, что никакого поэтическаго вдохновенія нѣтъ и не бываетъ. Талантъ заключается только въ томъ, что человѣкъ умѣетъ взяться за работу и имѣетъ тактъ. Главное же — трудъ, трудъ и трудъ. Не только обыкновенные смертные, къ числу коихъ принадлежу и я, все берутъ главнѣйшимъ образомъ трудомъ, но даже и геній есть не что иное, какъ трудъ. Больше буду я трудиться, болѣе и получу. Но для беллетристическаго труда,

1) Корректуры Мельникова своихъ статей, рассказовъ, романовъ, которыми онъ дорожилъ, были таковы, что иногда въ корректурѣ прежде написанное появлялось совершенно въ другомъ видѣ. Въ корректурѣ онъ окончательно обрабатывалъ свое произведеніе, посылая его въ рукописи въ типографію, не прочитавши. При сотрудничествѣ Мельникова въ «Сѣверной Пчелѣ», я могъ цѣнить ту массу труда, который онъ задавалъ типографіи своими корректурами. Онъ дорожилъ правомъ держать подобнаго рода корректуру. Впослѣдствіи, получая изъ редакціи «Русскаго Вѣстника» по 300 р. за печатный листъ своихъ романовъ, онъ уступилъ 25 р. съ листа въ пользу типографіи за подобное право переименовывать въ корректурѣ первоначальное свое произведеніе. У.

если не нужно небывалаго вдохновенія, то необходимо спокойствіе духа, сосредоточенность, замкнутость. При сильныхъ развлеченіяхъ, дѣло на лады не пойдетъ. Оттого и у насъ и за границею всѣ эти вещи пишутся почти всегда не въ городахъ, а въ деревняхъ, въ уединеніи. Живя въ Петербургѣ, я не работалъ столько, сколько теперь пишу. Въ Москвѣ работа удобнѣе, а въ деревнѣ, какъ ты сама нынѣшнимъ лѣтомъ могла замѣтить, еще удобнѣе. Я мало занимался въ Пестряковѣ «Лѣсами», а написалъ болѣе восьми листовъ, что бывало писывалъ въ полгода, а, живя въ Петербургѣ, и въ годъ того не могъ написать. И это надобно принять въ соображеніе. При кипучей жизни въ Петербургѣ, при волнующихъ ежедневно интересахъ, при моей впечатлительной натурѣ, на все откликающейся, много времени уйдетъ на все это. Если газеты сообщаемыми ими извѣстіями отнимаютъ у меня немало времени, то сколько же уйдетъ времени, когда будешь au courant всего. Вспомни, какъ мало писалъ я, живя въ Петербургѣ: не служба же, вѣдь, мнѣ не давала времени. Ты сама знаешь, что она меня не очень тяготила, и что бывало по службѣ иной разъ нѣсколько мѣсяцевъ палець о палець не ударишь. Поэтому я признаю, для добыванія денегъ литературною работою, самымъ удобнымъ мѣстомъ зимою Москву, а лѣтомъ деревню».

Далѣе, въ томъ же письмѣ П. И. Мельниковъ общалъ:

...«Но когда я съ директоромъ департамента общихъ дѣлъ, Мансуровымъ, весьма ко мнѣ расположеннымъ, заговорилъ, что вотъ скоро исполнится тридцать пять лѣтъ моей службы, и мнѣ хотѣлось бы для пенсіи вновь на нѣкоторое время служить дѣятельно, то узналъ, что мѣста для меня нѣтъ, потому что членами совѣта министра внутреннихъ дѣлъ, при упраздненіи теперь старыхъ департаментовъ сената, дѣлаютъ

только заслуженныхъ губернаторовъ, какъ прежде назначали ихъ сенаторами. Въ губернаторы попасть мнѣ можно, но я ни за что на свѣтѣ не пойду въ губернаторы. Не имѣя состоянія, я буду получать только 5,000 рублей, которые и теперь могу получить безъ отвѣтственности и непріятностей, которыя неизбежны на губернаторскомъ мѣстѣ, и не буду обязанъ жить по-губернаторски, т. е. давать обѣды, балы, сверхъ необходимости держать лошадей. До звѣздъ и лентъ, ты знаешь, я не охотникъ. Губернатору надобно проживать по меньшей мѣрѣ 10,000 или 12,000 рублей. Гдѣ я ихъ возьму? Не взятки же брать, какъ иные дѣлаютъ, при жалованьѣ въ 5,000 рублей. Именно столько же можно получить отъ литературы. Но губернатору неудобно возиться съ Потапами Максимовичами и Маневами. Пожалуй, какъ разъ и выгонять: своимъ, дескать, дѣломъ не занимается. Да притомъ и некогда. А гдѣ и когда найдешь необходимую для литературнаго труда сосредоточенность, гдѣ возьмешь необходимое спокойствіе духа?»

Но если Мельниковъ въ письмѣ къ супругѣ своей могъ отрицать приеущность ему поэтическаго вдохновенія, то отъ другого своего природнаго таланта, удивительной памяти, онъ не отказывался. Память его дѣйствительно была замѣчательная. Вотъ какъ онъ самъ отозвался о ней на празднованіи своего тридцати-пятилѣтняго юбилея 10-го ноября 1874 года, въ отвѣтъ на тостъ Н. И. Субботина за Мельникова, какъ писателя и человѣка:

«Сегодня я получилъ столько заявленій сочувствія къ посильнымъ трудамъ моимъ, столько почета, что, право, можетъ голова закружиться; чего добраго, пожалуй, я могу возмечтать, что я дѣйствительно знаменитый русскій писатель. Нѣтъ, господа, я только любитель русской словесности. Сегодня обо мнѣ наго-

ворили столь много лишняго, приписали мнѣ столько хорошихъ свойствъ, что, видитъ Богъ, я того не заслуживаю. А о главномъ-то свойствѣ моемъ, выраженіемъ котораго было все, что ни сдѣлалъ я въ эти тридцать пять лѣтъ, никто даже не заикнется. Другіе прошли о томъ молчаніемъ; видно, ужъ мнѣ самому приходится сказать о немъ. Это не будетъ хвастовствомъ, потому что нельзя хвалиться тѣмъ, что досталось безъ труда, что зависѣло отъ природы человѣка. Богъ далъ мнѣ память, хорошую память; до сихъ поръ она еще не слабѣетъ. Что ни видишь, что ни слышишь, что ни прочтешь, — все помнишь. Какъ помнишь — самъ не знаю. И радъ бы радешенекъ иное забыть, такъ нѣтъ, что хочешь тутъ дѣлай, да и только. А на роду было писано довольно таки поѣздить по матушкѣ по святой Руси. И гдѣ-то ни доводилось бывать?.. И въ лѣсахъ, и на горахъ, и въ болотахъ, и въ тундрахъ, и въ рудникахъ, и на крестьянскихъ палатахъ, и въ тѣсныхъ кельяхъ, и въ скитахъ, и въ дворцахъ, всего и не перечесть. И гдѣ ни былъ, что ни видѣлъ, что ни слышалъ, все твердо помню. Вздумалось мнѣ писать; ну, думаю, давай писать и сталъ писать «по памяти, какъ по грамотѣ», какъ гласитъ старинное присловье. Вотъ и все. Нашъ почтенный предсѣдатель упомянулъ въ засѣданіи о тщательной обработкѣ моихъ сочиненій. Какая же тутъ тщательная обработка? Просто шесть корректуръ, больше ничего. Держу по шести корректуръ. За то ужъ какъ же и бранять меня въ типографіи: вотъ редакція можетъ это засвидѣтельствовать. Говорили о художественности моихъ литературныхъ произведеній, объ ихъ обдуманности. Да, ей Богу же, когда беру листъ бумаги и пишу на немъ первую строку, никогда и не знаю, о чемъ буду писать на послѣдней строкѣ той страницы. Не заслугамъ, а единственно вашей благо-

склонности, вашей любви, обязанъ я всѣмъ, что сегодня видѣлъ и слышалъ»...

Въ періодъ жизни въ Москвѣ, наименѣе производительными годами для русской литературы со стороны Мельникова были 1869 и 1870 годы. Въ это время онъ настойчиво, усердно принялся за дѣло соединенія Нижняго-Новгорода желѣзными дорогами съ Казанью и Сызранью. На эту дѣятельность онъ былъ вызванъ довѣріемъ нижегородскаго земства, избравшаго его 18 декабря 1868 года въ число депутатовъ, которымъ поручено было ходатайствовать передъ правительствомъ о дарованіи концессіи на рельсовый путь отъ Нижняго до Сызрани съ вѣтвю къ Казани и войти въ предварительныя сношенія о томъ съ земствами Симбирской и Казанской губерній. Съ тѣмъ вмѣстѣ П. И. Мельникова просили составить записки объ этихъ желѣзныхъ дорогахъ для представленія ихъ правительству. Трудъ этотъ, подъ заглавіемъ «Нижегородско-Казанская и Нижегородско-Сызранская желѣзные-дороги; записка уполномоченныхъ земствомъ Нижегородской губерній и городскимъ обществомъ Нижняго-Новгорода», напечатанъ былъ въ февралѣ 1869 г. въ Петербургѣ. Цѣль записки была повліять на отклоненіе сооруженія желѣзной дороги отъ Моршанска къ Сызрани и убѣдить правительство въ необходимости соединить послѣдній городъ съ Нижнимъ-Новгородомъ. Хотя нижегородская депутація и не достигла своей цѣли, но означенная записка, составленная Мельниковымъ, и донинѣ во многихъ отношеніяхъ не утратила своего интереса, по множеству заключающихся въ ней любопытныхъ данныхъ и изслѣдованій, проверенныхъ по разнымъ источникамъ и свѣдѣніямъ.

Въ 1869 году не было еще окончательно рѣшено направленіе желѣзной дороги, которая должна соединить въ будущемъ Сибирь съ построенными уже рель-

совыми путями. Высочайше утвержденная коммиссія, для рѣшенія вопроса о сѣверномъ или южномъ направленіи сибирской желѣзной дороги, отправлена была на Уралъ въ 1870 году и только въ 1875 году впервые состоялось высочайшее повелѣніе, послѣ приступа къ сооруженію Уральской горнозаводской желѣзной дороги, въ пользу постройки южнаго направленія сибирской дороги, отъ Нижняго Новгорода чрезъ Казань на Екатеринбургъ. Занявшись желѣзно-дорожнымъ вопросомъ, близкимъ для его родного Нижняго-Новгорода, П. И. Мельниковъ сошелся въ 1869 году въ Петербургѣ съ нѣкоторыми предпринимателями-капиталистами, которые взяли на себя расходы по изысканіямъ Мельникова къ сѣверу отъ Волги, наикратчайшаго направленія для южной сибирской дороги отъ Нижняго-Новгорода. Министръ внутреннихъ дѣлъ, генераль-адъютантъ Тимашевъ, «признавъ полезнымъ имѣть нѣкоторыя свѣдѣнія о состояніи народной производительности въ сѣверныхъ губерніяхъ, направленіи сбыта главныхъ произведеній, а равно и о томъ влияніи, которое могутъ имѣть на развитіе этой производительности нѣкоторыя изъ предположенныхъ линій желѣзныхъ дорогъ», 13-го іюня 1869 года поручилъ Мельникову «произвести изысканія, согласно ближайшимъ указаніямъ директора центрального статистическаго комитета, въ губерніяхъ Вятской, Нижегородской, Пермской, Казанской и Уфимской». Такое официальное порученіе облегчило Мельникову собраніе необходимыхъ для него свѣдѣній, тѣмъ болѣе, что онъ для этой цѣли просилъ себѣ отпущку, а вмѣсто того получилъ командировку, но безъ какихъ-либо денежныхъ пособій отъ казны.

Изъ Нижняго Новгорода Мельниковъ выѣхалъ 11-го іюля, въ сопровожденіи Константина Николаевича Бестужева-Рюмина, профессора Петербургскаго университета, его бывшаго ученика. Въ городѣ Семеновѣ они

пробыли недѣлю, но болѣе всего разѣзжали по его уѣзду, посѣтили игумена Тарасія въ единовѣрческомъ монастырѣ на Керженцѣ, а также Осиновскій женскій монастырь. Оба они были, какъ извѣстно, присоединены къ единовѣрiю изъ раскола старанiями Мельникова еще въ 1849 г. Разѣзды по Семеновскому уѣзду дали Мельникову возможность повѣрить и сравнить перемѣны въ быту и понятiяхъ заболжскихъ раскольниковъ, которыхъ онъ не видалъ въ послѣднiя шестнадцать лѣтъ. К. Н. Бестужевъ-Рюминъ, говоря объ этой интересной для него поѣздкѣ въ своихъ воспоминанiяхъ о П. И. Мельниковѣ ¹⁾, замѣчаетъ, что «онъ былъ свидѣтелемъ того уваженiя, съ которымъ раскольники относились къ Мельникову, отчасти, впрочемъ, вслѣдствiе его записки 1856 года». Онъ сообщаетъ также, что въ Уренѣ (на границѣ Костромской и Вятской губернiй) «мировой посредникъ и лѣсничiй сказали имъ, что тамъ есть раскольники неизвѣстно никому какой секты. «Гдѣ они?» спросилъ Мельниковъ. Онъ отправился къ нимъ и все узналъ о нихъ».

Изъ Семенова ²⁾ наши путешественники поѣхали въ

1) См. «Журналъ министерства народнаго просвѣщенiя», мартъ 1883 года. К. Н. Бестужевъ-Рюминъ—уроженецъ Горбатовскаго уѣзда Нижегородской губернiи. Тамъ находится Кудряши, его родовое помѣстье, нынѣ перешедшее, кажется, по раздѣлу, въ другiя руки. Имѣнiе это отличалось великолѣпнымъ садомъ и паркомъ. Отецъ его, Николай Павловичъ, былъ любитель и знатокъ садоводства, развелъ этотъ садъ, устроилъ паркъ. Въ домѣ у него была богатая библиотечка. При Николаѣ Павловичѣ Кудряши славились во всей губернiи. У.

2) Въ Семеновѣ Мельниковъ посѣтилъ игуменью Маргариту изъ раскольниковскаго Оленевскаго скита, которая поселилась въ этомъ городѣ послѣ уничтоженiя скитовъ въ 1853 году. Онъ видѣлъ у нея образъ св. Филаппа митрополита и старинные святцы, писанные, по преданiю, Анфисою Кольчевскою, родственницею митрополита, инокинею, поселившеюся въ Оленѣ, въ началѣ раскола, со своими родственниками, также раскольниками. Маргарита дорожила иконою и святцами, какъ святынею. Маргарита умерла лѣтъ чрезъ пять послѣ посѣщенiя ея Мельниковымъ въ 1869 году. Мать Маргарита послужила ему типомъ для матушки Манеи въ его романахъ. У.

большое село, Воскресенское, на рѣкѣ Ветлугѣ, откуда переѣхали въ Костромскую губернію, гдѣ были въ деревнѣ у двоюроднаго брата К. Н. Бестужева, Поливанова, а затѣмъ прибыли въ городъ Варнавинъ. Въ этомъ городѣ случилось курьезное происшествіе, о которомъ П. И. Мельниковъ слѣдующимъ образомъ разсказалъ въ одномъ изъ своихъ писемъ: «Пріѣхали мы туда вечеромъ часу въ одиннадцатомъ и ищемъ Поливанова, другого двоюроднаго брата Бестужева, служащаго тамъ мировымъ посредникомъ. Подѣхали къ нумерамъ какого-то купца, гдѣ узнали, что Поливановъ остановился въ другихъ нумерахъ, у Бекоріскова. Мы туда, спрашиваемъ: «Здѣсь ли Поливановъ?» Отвѣчаютъ: «Здѣсь, но ушелъ гулять».

— «Есть ли свободные номера?»

— «Есть».

— «Хорошо, мы займемъ одинъ».

«Нумера Бекоріюкова помѣщаются въ двухъ флигеляхъ, построенныхъ по сторонамъ дома, куда мы послали сначала состоявшаго при насъ солдата Горбунова. Онъ разговариваетъ съ хозяйкою номеровъ, а мы сидимъ въ тарантасѣ на улицѣ противъ оконъ внутри освѣщеннаго дома. Вечеръ тихій, теплый; окна въ домѣ открыты. Намъ все въ немъ видно и все слышно. Видимъ, что хозяйка играетъ въ карты съ двумя ксендзами (сосланными въ Варнавинъ), и когда Горбуновъ на вопросъ ея отвѣчалъ, что пріѣхалъ «генераль изъ Петербурга, Мельниковъ», то она встала изъ-за картъ, захопоталась, и мы слышимъ, что она ю-французски отдаетъ кому-то приказаніе показать намъ свободные номера. Между тѣмъ время идетъ, и я начинаю волноваться. Является какая-то женщина, лѣтъ тридцати, которая объявляетъ, что номера есть, но ключъ отъ нихъ потерянь. Я довольно жестко говорю ей съ укоромъ: «Хороши у васъ номера, хорошъ порядокъ,

когда ключи пропадаютъ. Да дайте же кого-нибудь изъ прислуги».

— «Прислуга у насъ вся больна,—отвѣчаетъ, какъ бы извиняясь, женщина:—вотъ кухарка занемогла, лакей занемогъ.

— «Да что мнѣ за дѣло до вашихъ лакеевъ, говорю я, покажите скорѣе нумеръ.

«Ключъ нашелся; мы входимъ въ комнату. Та женщина съ нами.

— «Ну, говорю я, поставьте намъ самоваръ, да нѣтъ ли у васъ чего поѣсть. Мы были голодны.

— «Самоваръ сейчасъ будетъ!—отвѣчала женщина:—я уже сама поставлю, но, кажется, ничего отъ обѣда не осталось, кромѣ заливного поросенка и жареной утки.

— «Пожалуйте сюда, говорю я, и поросенка, и утку.

— «Да, право, я не знаю: осталось ли?

«Я опять со своими укорами: хороши у васъ нумера, нечего сказать, отличный порядокъ и такъ далѣе.

— «Какая у васъ есть провизія? продолжаю я спрашивать.

— «Есть говядина.

— «Дичь есть? рябчики?

— «Нѣтъ, рябчиковъ нѣтъ, а курица есть.

— «Ну, давайте курицу.

— «Да, вѣдь, плита не разведена.

«Я начинаю горячиться, когда она начинаетъ меня увѣрять, что некому затопить плиты, потому что прислуга больна. Наконецъ, я требую курицу, говоря, что самъ ее приготовлю въ паровой кастрюлѣ. Приносятъ курицу.

— «Изжарьте ее! говорю я женщинѣ.

— «Я не умѣю!—отвѣчаетъ она.

«Я опять волнуясь, браню городъ Варнавинтъ, браню нумера... Въ это время приходитъ Поливановъ, и дѣло

разъясняется. Думая, что мы въ трактирѣ; мы попали въ домъ варнавинскаго помѣщика, душъ въ триста, мирового посредника и почетнаго мирового судьи. Игравшая въ карты съ ксендзами была его жена, а приносившая курицу—его племянница. Самого помѣщика не было дома, но онъ вскорѣ пріѣхалъ

«Можно представить мое глупое положеніе, когда я узналъ, что я распорядился и шумѣлъ въ самую полночь не въ трактирѣ, а въ домѣ почтеннаго семейства, и образованную, милую даму принялъ за трактирную служанку. Оказалось, что Бекорюковы предобрѣйшіе и патриархально гостепріимные люди, у которыхъ въ двухъ флигеляхъ останавливаются пріѣзжающіе въ городъ ихъ знакомые, и что въ городѣ эти флигеля извѣстны подъ именемъ «номеровъ». Пошли извиненія, объясненія, а затѣмъ явились и чай, и поросенокъ, и утка, и даже та курица, которую принесла мнѣ хозяйская племянница»,

Проѣхавъ черезъ Вятку и Пермь до Екатеринбурга, Мельниковъ возвратился съ богатымъ запасомъ матеріаловъ для опредѣленія экономическаго значенія желѣзной дороги въ Заволжѣ. Онъ доказывалъ, что желѣзная дорога, начатая на берегу Нижегородской ярмарки и направленная чрезъ Семеновъ, Царевосанчурскъ, Сарапулъ къ Екатеринбургу, съ вѣтвью на Казань, будетъ на 130 верстъ короче линіи изъ Нижняго-Новгорода чрезъ Казань и обойдется значительно дешевле послѣдней постройкою не только потому, что короче, но и потому, что мѣстность по луговому берегу Волги не представляетъ тѣхъ естественныхъ препятствій, которыя на нагорномъ берегу должны увеличить стоимость сооруженія. Въ 1869 году Мельниковъ помѣстилъ въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» и въ «Современной Лѣтописи» нѣсколько статей, объяснявшихъ экономическое значеніе отысканнаго имъ нижегородско-сара-

пульскаго направленія для южной сибирскій желѣзной дороги, а равно и выгоды, представляемья имъ, относительно меньшей стоимости всего сооруженія.

Защита Мельниковымъ луговой желѣзной дороги должна была разъединить его съ тѣми лицами, которые стояли на сторонѣ направленія рельсоваго пути изъ Нижняго въ Казань по нагорному берегу. Мджду тѣмъ для личныхъ интересовъ Мельникова, послѣднее направленіе было выгоднѣе. Оно должно было имѣть свое начало на землѣ сельца Ляхова, имѣнія его жены, гдѣ предполагалось построить станцію, такъ какъ земли Ляхова граничатъ съ городскими землями Нижняго-Новгорода и спускаются къ самому берегу Оки. Но интересы общественные, государственные Мельниковъ постоянно ставилъ выше собственныхъ. Когда производилея изысканія для предполагаваемаго въ то время направленія желѣзной дороги отъ Нижняго-Новгорода къ Сызрани, Мельниковъ писалъ, между прочимъ 10-го іюля 1869 года главному инженеру, завѣдывавшему ими: «Имѣю честь обратить вниманіе ваше на слѣдующій, какъ кажется мнѣ, удобный путь для вывода сызранской желѣзной дороги на нижегородскую: изъ Вода, по водораздѣлу Серези и Кудьмы, къ селу Хвощевкѣ (Рождественское) Горбатовскаго уѣзда; отсюда доломъ къ селу Грудцыну, селу Ворсмѣ, деревнѣ Жестеловой и къ Устной мельницѣ подъ Домнинскою Горою. Здѣсь переходъ чрезъ Оку весьма удобенъ: оба берега невысоки, ширина рѣки не болѣе 250 сажень, разлива двѣ версты. Затѣмъ, лѣсами до деревни Мануиловки, что на нижегородской дорогѣ между станціями Чулковскою и Гороховецкою... Несмотря на то, что, идя къ Нижнему, вы должны были бы переходить Оку въ моемъ имѣніи и устроить тамъ станцію (сами природныя условія мѣстности того требуютъ), несмотря на такія лично для меня выгодныя

условія, я все-таки подаю и всегда буду подавать голосъ за направленіе отъ Вода на Хвощевку, Ворему и Мануиловку».

Когда 19-го апрѣля 1874 года получили силу закона разсмотрѣнныя въ государственномъ совѣтѣ правила о метрической записи браковъ, рожденія и смерти раскольниковъ, проектированныя еще особымъ временнымъ комитетомъ 1864 года, то, при утвержденіи этого закона, состоялось высочайше утвержденное мнѣніе государственнаго совѣта, которымъ поручено было министру внутреннихъ дѣлъ дать въ возможно скорѣйшемъ времени движеніе остальнымъ заключеніямъ комитета 1864 года. Приведеніе же ихъ въ исполненіе замедлялось необходимостью предварительнаго опредѣленія общегражданскихъ правъ раскольниковъ. Во исполненіе такого высочайшаго повелѣнія, въ началѣ 1875 года была вновь образована при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, подъ предсѣдательствомъ товарища министра, князя Лобанова-Ростовскаго, комиссія изъ членовъ II и III Отдѣленій Собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи, Св. синода и министра юстиціи для всесторонняго обсужденія и разработки положеній комитета 1864 года, оставшихся еще не разрѣшенными. П. И. Мельниковъ былъ приглашенъ въ эту комиссію, въ качествѣ эксперта, слѣдующимъ письмомъ отъ 15-го марта, посланнымъ къ нему въ Москву директоромъ департамента общихъ дѣлъ, Мансуровымъ: «При министерствѣ внутреннихъ дѣлъ учреждена, подъ предсѣдательствомъ г. товарища министра, статсъ-секретаря князя Лобанова-Ростовскаго, особая комиссія для обсужденія нѣкоторыхъ предположеній относительно раскольниковъ. Его сіятельство князь Алексѣй Борисовичъ, признавая весьма полезнымъ для исполненія возложеннаго на комиссію дѣла получить отъ вашего превосходительства, какъ спеці-

листа по части раскола, нѣкоторыя по сему предмету свѣдѣнія, въ особенности касательно классификаціи раскольническихъ сектъ, поручилъ мнѣ пригласить васъ, милостивый государь, въ засѣданіе комиссіи; имѣющее быть въ четвергъ 20-го марта, въ часъ пополудни въ залѣ совѣта министра внутреннихъ дѣлъ у Чернышева моста».

Мельниковъ пріѣхалъ въ Петербургъ и участвовалъ въ нѣсколькихъ засѣданіяхъ раскольнической комиссіи, происходившихъ по четвергамъ. Въ засѣданіи 27-го марта онъ говорилъ болѣе трехъ часовъ, защищая свое мнѣніе о той классификаціи раскольниковъ, которую онъ считалъ болѣе правильною, но которая не совпадала ни съ мнѣніемъ особаго комитета 1864 года, ни съ мнѣніемъ Св. синода и главноуправлявшаго II Отдѣленіемъ собственной канцеляріи, статсъ-секретаря князя Урусова. Мельникову былъ оказанъ въ Петербургѣ въ этотъ пріѣздъ лестный, внимательный пріемъ. 29-го марта онъ удостоился быть принятымъ государемъ наслѣдникомъ цесаревичемъ. Въ письмѣ своемъ отъ 31-го марта Мельниковъ сообщалъ, что «его императорское высочество, продержавъ меня въ кабинетѣ болѣе получаса, разспрашивалъ о моей службѣ, о моихъ сочиненіяхъ, написанныхъ и будущихъ, потомъ былъ долгій разговоръ о раскольникахъ, П. М. Леонтьевѣ ¹⁾ и проч. Послѣднія слова были: «До свиданія; когда въ Петербургъ пріѣдете, буду всегда радъ васъ видѣть».

Министръ внутреннихъ дѣлъ А. Е. Тимашевъ, принимая Мельникова 24-го марта, послѣ болѣзни, постигшей его, по пріѣздѣ въ Петербургъ, сказалъ ему, что «онъ достигъ такого положенія, что не имѣетъ права

¹⁾ Въ Петербургѣ были получены тогда телеграммы объ опасной болѣзни этого редактора «Московскихъ Вѣдомостей», отъ которой онъ и скончался.

рисковать своею жизнью и здоровьемъ». Передъ тѣмъ, привѣтствуя Мельникова телеграммою, въ день празднованія его юбилея, 10-го ноября 1874 г., генералъ-адъютантъ Тимашевъ принесъ ему поздравленіе съ тридцатипятилѣтіемъ его «научной и литературной дѣятельности, столь много содѣйствовавшей разработкѣ одного изъ важнѣйшихъ дѣлъ, входящихъ въ кругъ вѣдѣнія вѣреннаго мнѣ министерства», признавая за Мельниковымъ его многолѣтнее участіе въ вопросѣ о расколѣ. Министръ просилъ его изложить письменно все то, что онъ говорилъ въ комиссіи въ засѣданіи 27-го марта. Составленіе этой записки потребовало не мало труда, а потому онъ присутствовалъ еще на засѣданіи 3-го апрѣля и затѣмъ, передавъ министру свое мнѣніе о раздѣленіи раскольническихъ сектъ, выѣхалъ въ Москву.

Такимъ образомъ важный вопросъ о расколѣ подвигался впередъ только десятилѣтіями. Въ 1854 году рѣшено было изслѣдовать «современное состояніе раскола»; въ 1864 году учрежденъ былъ особый комитетъ графа Панина, двинувшій сильно вопросъ о расколѣ къ желаемому рѣшенію; въ 1874 году обнародованъ былъ законъ о метрикѣ раскольниковъ и, наконецъ, въ 1883 году законъ объ ихъ гражданскихъ правахъ.

XVII.

Ляхово.—Его мѣстоположеніе.—Домъ Мельниковыхъ.—Переманиваніе Мельникова въ другіе журналы.—Успѣхъ романа «Въ Лѣсахъ».—Учебная хрестоматія изъ этого романа.

Верстахъ въ восьми отъ Нижняго-Новгорода лежитъ сельцо Ляхово, принадлежащее второй женѣ П. И.

Видъ сельца Лихова, имѣнія жены П. И. Мельникова.
(Съ рисунка, сдѣланнаго съ натуры А. П. Рябушкинымъ).

Мельникова, Еленѣ Андреевиѣ, урожденной Рубинской. Оно досталось ей отъ ея дѣда. Большой почтовый арзамасскій трактъ, соединяющій Нижній-Новгородъ съ Саратовомъ, перерѣзываетъ земли Ляхова, которыя граничатъ съ городскою землею. Въ верстахъ четырехъ отъ города, проселочная дорога сворачиваетъ влѣво съ почтоваго тракта и доводитъ путника до Ляхова, расположеннаго на покатости холма. Дубовая роща, тѣнистый садъ съ двухсотлѣтними липовыми аллеями скрываютъ усадьбу со стороны саратовской дороги. Направо отъ почтоваго тракта владѣнія Ляхова оканчиваются обрывистымъ берегомъ, такъ называемымъ «Вѣнцомъ» на горѣ Ровнеди, съ Островомъ, откуда открывается великолѣпный видъ на ярмарку, на теченіе Оки, извивающейся подъ ногами стоящаго на горѣ. Въ своемъ романѣ «На горахъ» Мельниковъ описываетъ этотъ берегъ ¹⁾ слѣдующими словами: «Вотъ по слудѣ (высокій, бугристый, поросшій лѣсомъ берегъ большой рѣки) желтою ленточкою вьется середь низкорослаго чапыжника (едва проходимаго кустарника) дорожка къ вѣнцу горы, къ Ровнеди, гдѣ гордо высится роща полторацолѣтнихъ густолиственныхъ дубовъ. Последній бѣдный остатокъ дремучихъ лѣсовъ, когда-то сплошь покрывавшихъ нагорный берегъ Оки. Отъ Ровнеди какъ бы отщепилась скала и нависла надъ рѣкою. Она тоже поросла дубами и внизу вся проточена порытыми для ломки алебаstra пещерами. То мѣсто «Островомъ» зовется. Красивъ, величавъ видъ на эти мѣста съ водной равнины Оки». Горы, составляющія въ этомъ мѣстѣ нагорный берегъ Оки, начинаются у Муррома, направляются къ Волгѣ и затѣмъ по ея правому берегу—внизъ до Царицына. Чѣмъ далѣе отъ Муррома, тѣмъ онѣ становятся выше. Съ противоположнаго лугового бе-

¹⁾ Часть I, стр. 246, изданіе 1881 года.

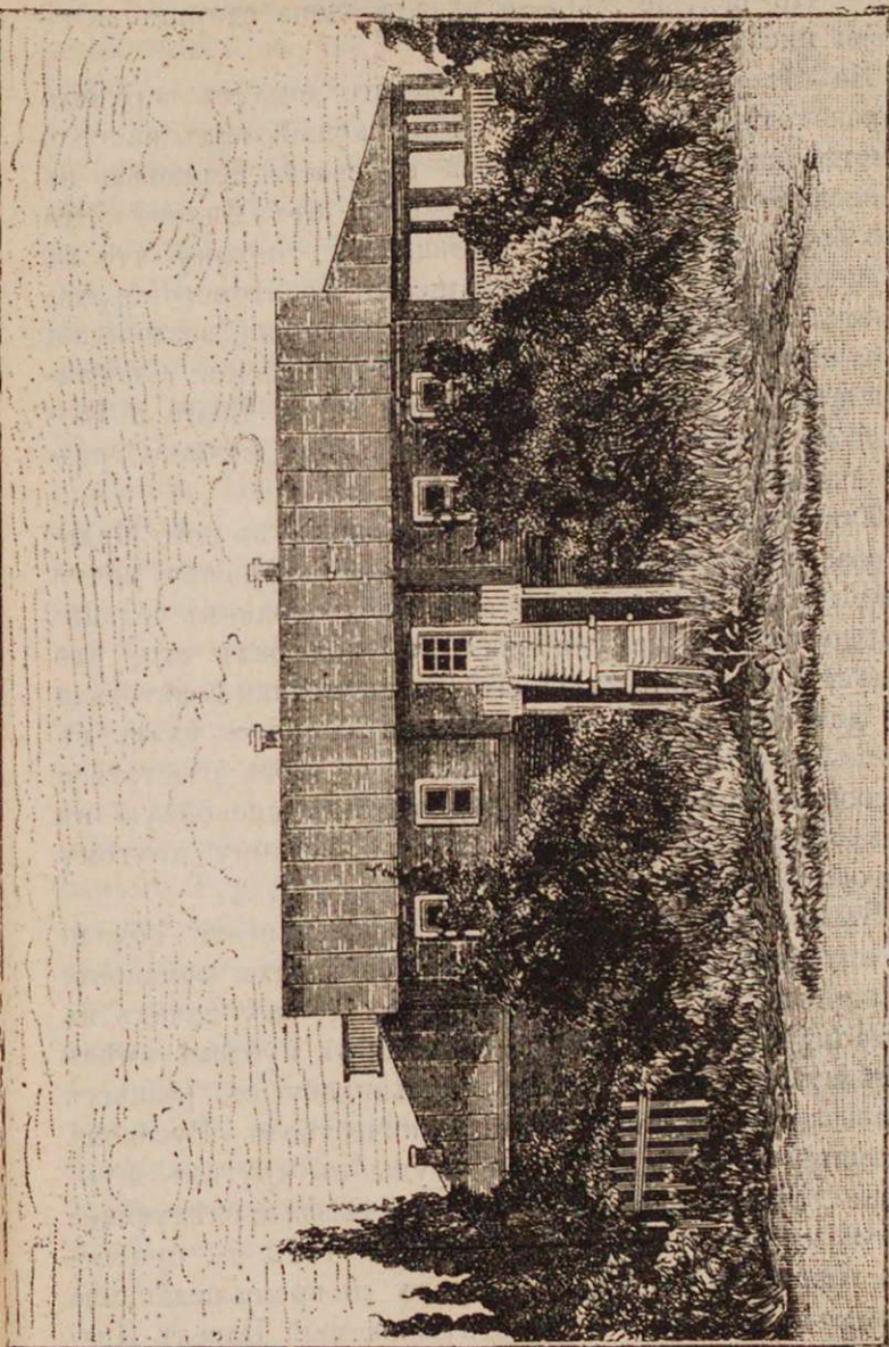
рега Оки онѣ представляются необыкновенно красивою панорамою. Но, удаляясь отъ береговъ Оки и Волги внутрь страны, эти горы образуютъ холмистую мѣстность, отличающуюся также живописными видами. Посреди подобныхъ холмовъ и лежитъ Ляхово.

Нынѣшняя усадьба его представляетъ деревянный двухъ-этажный помѣстительный домъ, построенный въ 1875 году на мѣстѣ прежняго одно-этажнаго стариннаго столѣтняго помѣщичьяго дома. Новый домъ строился по плану и подъ наблюдениемъ П. И. Мельникова. Съ западной стороны домъ окруженъ самою тѣнистою частью сада. Въ первомъ этажѣ находился кабинетъ нашего писателя, потому что онъ любилъ, чтобы лѣтомъ его рабочая комната была въ тѣни. Во второмъ этажѣ надъ кабинетомъ помѣщалась его библіотека. Съ небольшого балкона, изъ второго этажа лѣстница спускается прямо въ садъ. П. И. Мельниковъ былъ страстнымъ любителемъ цвѣтовъ и ежегодно весною заботился объ украшеніи своего сада новыми цвѣтами, разведеніемъ огородныхъ овощей и ягодныхъ растений. Въ саду, отъ аллеи двухсотлѣтнихъ липъ, идетъ кленовая аллея, насаженная Мельниковымъ. Въ 1883 году этимъ кленамъ исполнилось тридцать лѣтъ. Каждая новость по садоводству интересовала его, доказательства чему видны въ его письмахъ и бумагахъ, въ его наставленіяхъ рабочимъ, какъ, что и гдѣ сажать въ ляховскомъ саду.

Съ южной стороны у ляховскаго дома находятся въ обоихъ этажахъ двѣ пространныя террасы, изъ которыхъ верхняя видна на рисункѣ, нижняя же закрыта растительностью, а съ восточной стороны небольшой балконъ. Съ этихъ балконовъ открываются живописные виды на Козловку, на Бѣшенцово. Въ ближнемъ оврагѣ, подлѣ крестьянскихъ домовъ сельца струится Рахма, на которой русскіе бились съ татарами.

По берегамъ оврага можно полагать, что нынѣшній ручеекъ былъ прежде рѣкою. Видна вдали и рѣка Кудьма (верстахъ въ трехъ отъ Козловки), которая, вслѣдствіе холмистой мѣстности, подобно рѣкамъ Святѣ и Пьянѣ, течетъ по крайне извилистому, прихотливому ложу. Въ одномъ мѣстѣ Кудьма совершенно подошла къ Окѣ, такъ что оставалось только впасть въ нее, но она поворачиваетъ въ сторону и въ нѣсколькихъ верстахъ отъ этого поворота вливается въ Волгу. Вода въ Кудьмѣ до того прозрачна, что дно видно совершенно ясно на полусаженной глубинѣ. Въ Козловкѣ находится Барановъ ключъ, холодный, чистый, о происхожденіи котораго въ народѣ много ходитъ легендъ. На самомъ ключѣ построена каменная часовня, въ которой служатъ молебны, и куда стекаются паломники со всѣхъ сторонъ. Онъ названъ Барановымъ потому, что одному крестьянину, потерявшему своего барана, было во снѣ указаніе, гдѣ онъ можетъ его найти, и это мѣсто оказалось на нынѣшнемъ ключѣ. Въ часовнѣ много старинныхъ иконъ. Барановъ ключъ почти примыкаетъ къ обширному помѣщичьему саду Козловки.

Между Козловкою и Ляховымъ лежитъ деревня Бѣшенцово, также расположенная на холмистой покато-сти. Въ Козловкѣ и Ляховѣ крестьяне православные, но Бѣшенцово населено раскольниками спасова согласія. Волостной старшина этой мѣстности изъ раскольниковъ Гѣшенцова. Недавно умерла его жена, сохранившая въ своихъ сундукахъ женскіе наряды, доставшіеся ей отъ ея бабушекъ и прабабушекъ, украшенные бусами, позументами и проч. Этимъ женскимъ нарядамъ оказывается болѣе ста лѣтъ. Когда одинъ нижегородскій фотографъ предложилъ ей снять съ нея портретъ въ стародавнемъ женскомъ нарядѣ, то она ни за что не хотѣла на то согласиться. Всѣ убѣжденія фотографа оказались безуспѣшны.

Домъ въ Ляховѣ.
(Съ рисунка, сдѣланнаго съ натуры А. П. Рябушкинымъ)

— Не святые мы,—отвѣчала жена старшины:— чтобы писать съ насъ лики.

На сѣверной сторонѣ ляховскаго дома съ верхняго балкона открывается также прекрасный видъ на село Константиново, спрятавшееся за своею церковью въ древесной гущѣ, въ одной верстѣ отъ Ляхова. Это село было дорого П. И. Мельникову, потому что въ его церкви совершилось освященіе его второго брака. Въ этой церкви хранятся вѣнки, которые возложены были на гробъ Мельникова при его погребеніи. Съ балкона сѣверной стороны виднѣется вдали Волга и Высокій Яръ на ней, гдѣ, по народнымъ разсказамъ, разбойничалъ Стенька Разинъ.

Такое мѣстоположеніе Ляхова влекло въ него Мельникова, и онъ, со времени переѣзда въ Москву, почти каждое лѣто проводилъ въ этомъ подгородномъ сельцѣ. Онъ до того къ нему привязался, полюбилъ его, что когда въ послѣдніе годы его жизни медики совѣтовали ему для поправленія и укрѣпленія здоровья ѣхать въ Крымъ на нѣкоторое время, онъ не могъ разстаться со своимъ Ляховымъ, и предпочиталъ спокойную въ немъ жизнь въ хорошемъ климатѣ всякому другому мѣстопребыванію.

Въ Ляховѣ Мельникову удалось написать немало увлекательныхъ страницъ своихъ бытовыхъ романовъ; но первый изъ нихъ, «Въ Лѣсахъ», онъ началъ въ Москвѣ. Успѣхъ этого произведенія въ публикѣ имѣлъ послѣдствіемъ предложенія Мельникову съ разныхъ сторонъ: прекратить свое сотрудничество въ «Русскомъ Вѣстникѣ» и помѣщать свои труды въ другихъ журналахъ. Эти сманиванія Мельникова вызвали слѣдующее письмо къ нему отъ 17-го октября 1872 г. профессора Любимова, завѣдывавшаго въ то время редакціею «Русскаго Вѣстника»: «Многоуважаемый Павелъ Ивановичъ! Спѣшу отвѣтить на строгое письмо ваше, не

безъ удивленія, признаюсь, прочтенное. Что за вами ухаживаютъ и, что называется, васъ сманиваютъ, — удивительнаго ничего нѣтъ. Исполнить ли обѣщанія, если вы пойдете на удочку, — вопросъ другой. Какъ говоритъ Павелъ Михайловичъ ¹⁾, въ редакціи «Московскихъ Вѣдомостей» и «Русскаго Вѣстника» никогда не платили меньше другихъ. Вы желаете увеличенія гонорара. По мнѣ, по отношенію къ «Лѣсамъ» нѣтъ къ этому препятствія. Послѣдній гонораръ, сколько помню, назначенъ вами же. Вспомните, какъ вы начали писать эту вещь, и какъ она разрослась и поднялась. Вѣдь, это не была вещь оконченная, принесенная въ редакцію. Писалось, печаталось, — вы знаете какъ, а торговли о гонорарѣ не было. Вы знаете не менѣе меня наши редакціонныя дѣла и порядки, расположеніе къ вамъ Михаила Никифоровича ²⁾ и высокую цѣну, какую онъ даетъ вашему таланту. Полагаю, старый другъ лучше новыхъ двухъ. Вы желаете «отъ меня» рѣшительнаго отвѣта, но вы знаете, что Михаила Никифоровича нѣтъ въ Москвѣ, и слѣдовательно, какъ же могу дать я рѣшительный отвѣтъ. Но могу дать рѣшительный совѣтъ: сманиванія не принимать за чистую монету. Тургеневу, сманивая, обѣщали 800 руб. за листъ. Но получалъ ли онъ по 800 руб.? Вернитесь-ка лучше поскорѣе въ Бѣлокаменную, и, полагаю, все можно уладить къ взаимному удовольствію. Того, что вамъ за статьи ученаго содержанія гонораръ «понижался», — рѣшительно не понимаю. Нѣтъ ли какого недоразумѣнія? Мы всегда разсчитываемся попрежнему. Вы не говорили ничего, а я полагалъ, что все идетъ установленнымъ порядкомъ. Жду вашего возвращенія, чтобы лично перетолковать обстоятельнѣе; къ тому же Ми-

1) Леоптѣевъ.

2) Катковъ.

хаилъ Никифоровичъ скоро долженъ прїѣхать. Жму вашу руку и прошу не забывать старыхъ друзей».

Передавая содержаніе этого письма профессора Любимова своей женѣ, П. И. Мельниковъ сообщилъ ей 20-го октября: «Въ заключеніе всего Любимовъ обвиняетъ меня же въ томъ, что я никогда не требовалъ прибавки платы. Я соглашаюсь повременить и, какъ и прежде писалъ, сбавить нѣсколько съ платы 250 р. за листъ, ибо нигдѣ не найду такого удобства въ корректурахъ. Окончательно дѣло рѣшится, по возвращеніи моемъ изъ Петербурга и Каткова изъ Крыма. Впрочемъ, съ «Вѣстникомъ Европы» я связей не порываю и между тѣмъ какъ буду кончать «Лѣса» въ «Русскомъ Вѣстникѣ», туда напишу какую-нибудь повѣсть листа въ два. Нынѣшняя поѣздка моя въ Петербургъ открыла мнѣ во многомъ глаза, и если бы я былъ помоложе, то, можетъ быть, у меня закружилась бы голова. Меня чествуютъ, какъ лучшаго современнаго писателя, и, что всего удивительнѣе, разныя фрейлины восхищаются моими сиволанскими мужиками и раскольничьими монахинями, которыхъ, если бы онѣ предстали живьемъ, конечно, и близко къ себѣ не подпускали бы. Даже въ нигилистическихъ лагеряхъ про меня толкуютъ, хотя и не безъ злобы. Надняхъ въ ресторанѣ встрѣтился я съ NN ¹⁾, зоветъ меня сотрудничать въ тотъ журналъ, гдѣ онъ пишетъ; я отшучиваюсь, говорю, что меня туда не пустятъ, но онъ увѣряетъ, что вся ихъ партія признаетъ меня въ политическомъ отношеніи за неблагонадежнаго, даже нечестнаго (это высокая похвала изъ ихъ устъ), но въ отношеніи искусства первостепеннымъ талантомъ. Послѣ того книгопродавецъ Базуновъ сказывалъ, что у него

¹⁾ Большой прїятель П. И. Мельникова въ 1859 — 1861 годахъ, но не позже.

въ магазинѣ NN со своими друзьями громко говорилъ то же самое. Сегодня про мои «Лѣса» говорилъ мнѣ даже министръ внутреннихъ дѣлъ, А. Е. Тимашевъ. Онъ былъ очень любезенъ со мною и опять намекалъ мнѣ на службу, но лучше подальше отъ нея».

На романъ «Въ Лѣсахъ», еще не оконченный, явились въ 1873 году покупатели для отдѣльнаго его изданія. Въ маѣ 1873 года книгопродавецъ Кожанчиковъ предлагалъ Мельникову 10,000 р. съ правомъ напечатать 5,000 экземпляровъ, но съ условіемъ уплаты этой суммы по частямъ. Мельниковъ просилъ 15,000 р., но, по его словамъ, «согласился бы отдать и за 10,000 р., если бы вся сумма была выплачена одновременно». Но затѣмъ Мельниковъ прекратилъ переговоры о продажѣ своего романа, отложивъ ее до окончанія его. «А кажется (писалъ Мельниковъ 20-го мая 1873 г.), не придется ли издавать самому подъ эгидою Каткова, т. е. напечатать на заглавномъ листѣ: «изданіе «Русскаго Вѣстника»; тогда не тронетъ М. Н. Лонгиновъ ¹⁾, а то чего добраго. Хотя вчера вечеромъ мы очень дружелюбно съ нимъ бесѣдовали (а до того у меня была съ нимъ маленькая стычка въ магазинѣ Базунова, и я съ нимъ посчитался), но я плохо повѣрю и его увѣреніямъ въ дружбѣ, не только что дружелюбному разговору съ нимъ въ обществѣ».

Первое изданіе романа «Въ Лѣсахъ» П. И. Мельниковъ напечаталъ на свой счетъ въ Москвѣ въ 1875 году ²⁾. По просьбѣ автора, государь наследникъ цесаревичъ разрѣшилъ 19-го марта того года посвятить

¹⁾ Тогдашній главный начальникъ управленія по дѣламъ печати.

²⁾ Остальные экземпляры этого изданія были проданы книгопродавцу М. О. Вольфу за 3,500 р. Второе изданіе романа «Въ Лѣсахъ», вмѣстѣ со вторымъ изданіемъ «Разказовъ Андрея Печерскаго», вышедшія въ 1882 г., были куплены имъ же 1-го мая 1881 г. за 4,000 р., съ правомъ отпечатать 3,000 экземпляровъ.

это изданіе его августѣйшему имени. П. И. удостоился поднести свое изданіе наслѣднику цесаревичу 23-го мая 1876 года и описывалъ это счастливое событіе въ своей жизни слѣдующими словами: «Мнѣ было оказано много любезностей и благосклоннаго вниманія. Я услышалъ отъ государя наслѣдника то же, что слышалъ отъ покойнаго цесаревича: «Я васъ не забуду». Велѣлъ прислать «На горахъ» по мѣрѣ выхода. Послѣднія слова были: «Такъ до свиданія; когда же вы будете опять въ Петербургѣ»? Я сказалъ, что осенью. «Такъ увидимся тогда», сказалъ государь-наслѣдникъ. А передъ тѣмъ его императорское высочество меня спрашивалъ, всегда ли я въ Москвѣ живу и гдѣ проведу лѣто. «Въ лѣсахъ?» спросилъ онъ, улыбаясь. Я отвѣтилъ: «Нѣтъ, ваше императорское высочество, на горахъ», и сказалъ, гдѣ находится Ляхово.—«Славныя тамъ мѣста. Я очень любовался Нижнимъ» замѣтилъ наслѣдникъ цесаревичъ».

Передъ тѣмъ, 26-го февраля 1876 г., П. И. Мельниковъ видѣлся съ академикомъ Измаиломъ Ивановичемъ Срезневскимъ и узналъ отъ него, что за романъ «Въ Лѣсахъ» Мельникова предложили въ члены русскаго отдѣленія Академіи Наукъ, на мѣсто умершаго передъ тѣмъ графа Алексѣя Константиновича Толстого. Такъ какъ въ бывшіе тогда выборы Мельниковъ не попалъ, то Срезневскій надѣялся, что онъ будетъ избранъ въ декабрѣ. «Это былъ бы большой почетъ (писалъ Мельниковъ изъ Петербурга). Въ настоящее время академическія кресла имѣютъ только трое беллетристовъ: князь Вяземскій, Тургеневъ и Майковъ». Но П. И. Мельниковъ, какъ извѣстно, не попалъ въ число академиковъ.

Въ маѣ 1876 года тогдашній нижегородскій губернаторъ, графъ Павелъ Ишполитовичъ Кутайсовъ, передалъ П. И. Мельникову, бывшему въ это время въ

Нижнемъ-Новгородѣ, очень лестное предложеніе министра народнаго просвѣщенія. Вотъ какъ сообщалъ о томъ Мельниковъ въ своемъ письмѣ отъ 3-го мая: «Бывши въ Петербургѣ, графъ Кутайсовъ говорилъ съ министромъ о литературѣ. Министръ замѣтилъ ему, что нашъ языкъ приходитъ въ упадокъ, что поддержать языкъ могутъ и должны съ одной стороны литература, а съ другой школы. Но школы (т. е. отъ начальныхъ училищъ до университета), не имѣя хорошихъ образцовъ чисто русскаго языка, ничего сдѣлать не могутъ. Министръ считаетъ первыми у насъ писателями графа Льва Николаевича Толстого и меня, замѣтивъ, что третій, Тургеневъ, замолкъ. Министръ предполагалъ учить русскому языку по моимъ сочиненіямъ, т. е. «Въ Лѣсахъ». Но въ цѣломъ это сочиненіе не можетъ быть дано въ руки мальчикамъ и дѣвочкамъ. Зная, что я часть года живу въ Нижнемъ-Новгородѣ, министръ народнаго просвѣщенія просилъ графа Кутайсова войти со мною въ переговоры относительно составленія учебной хрестоматіи изъ моихъ «Лѣсовъ», присовокупивъ, что на такое дѣло изъ средствъ министерства можно дать мнѣ крупную сумму. Я, разумѣется, согласился; но, какъ и что дѣлать, необходимо переговорить съ министромъ. Сегодня графъ Кутайсовъ намѣревался написать о томъ министру народнаго просвѣщенія».

Графу Кутайсову за годъ передъ тѣмъ представился случай передать Мельникову другую лестную для него новость. При свиданіи съ нимъ, въ концѣ августа 1875 года, графъ Кутайсовъ, по высочайшему повелѣнію, какъ генераль-маіоръ свиты его величества, объявилъ ему благодарность государя императора за его статьи, помѣщенныя въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ», за которыя велѣно было также благодарить М. Н. Каткова, и которыя велѣно было перевести на французскій

языкъ и помѣстить въ «Journal de St.-Pétersbourg». Когда графъ Кутайсовъ сообщилъ государю императору, что статьи писаны Мельниковымъ, писателемъ, печатающимъ также свои произведенія подъ псевдонимомъ Андрея Печерскаго, то его величество сказалъ: «Я его знаю; объ немъ теперъ всѣ говорятъ».

Этотъ псевдонимъ Печерскаго былъ тогда поводомъ къ одному курьезному недоразумѣнню. Вотъ какъ передалъ его Мельниковъ въ своемъ письмѣ изъ Нижняго-Новгорода отъ 28-го мая 1874 года: «Графъ Кутайсовъ сегодня разсказалъ мнѣ, что онъ уже зналъ о моемъ приѣздѣ въ Нижній отъ генерала Ганецкаго, съ которымъ я проговорилъ все время отъ Горбатова до Нижняго-Новгорода. У насъ, между прочимъ, шель разговоръ и о раскольникахъ. Ганецкій, разсказывая объ этой встрѣчѣ графу Кутайсову, присовокупилъ: «Какой интересный человекъ этотъ Мельниковъ, только одно я за нимъ замѣтилъ и сказалъ бы ему, да мало знакомъ съ нимъ, неловко. Именно, выдаетъ за свое то, что явно вычиталъ изъ такой книги, которую всѣ читаютъ, а я такъ автору ея хоть свѣчку готовъ поставить. Хотѣлъ было ему сказать: «Да вѣдь это вы вычитали изъ романа «Въ Лѣсахъ» Печерскаго?!» Кутайсовъ на это ему отвѣтилъ:

— «Да вѣдь Мельниковъ-то и есть Печерскій; онъ же это и написалъ».

— «Не можетъ быть!»—вскричалъ генералъ Ганецкій:—«Да, не можетъ этого быть!»

«И какъ ни увѣрялъ графъ Кутайсовъ въ томъ генерала Ганецкаго, тотъ все еще не вполне повѣрилъ, что съ нимъ ѣхалъ и говорилъ Мельниковъ-Печерскій».

Военныя событія 1877 года и происшедшія затѣмъ многія перемѣны не дали возможности осуществить предположеніе о народномъ изданіи, въ видѣ хрестоматіи, романа «Въ Лѣсахъ». На предложеніе сдѣлан-

ное П. И. Мельниковымъ, онъ получилъ слѣдующій отвѣтъ отъ министра народнаго просвѣщенія отъ 9-го апрѣля 1877 года: «Вслѣдствіе письма вашего превосходительства отъ 28-го минувшаго марта по предложенію о новомъ изданіи вашего сочиненія «Въ Лѣсахъ», съ приспособленіемъ его къ употребленію въ учебныхъ заведеніяхъ министерства народнаго просвѣщенія, долгомъ считаю принести вамъ, милостивый государь, искреннюю мою благодарность за выраженную вами готовность приступить къ такому изданію; но при этомъ, въ виду нынѣшнихъ неблагоприятныхъ для государственнаго казначейства обстоятельствъ, я, къ сожалѣнію, не могу удовлетворить вашему ходатайству объ отпускѣ изъ казны денежнаго пособія на означенное изданіе.».

Что можно было легко исполнить въ началѣ 1876 года, то оказалось невозможнымъ дѣломъ чрезъ годъ, когда была рѣшена война съ Турціею. Такимъ образомъ народное изданіе романа «Въ Лѣсахъ» не осуществилось.

XVIII.

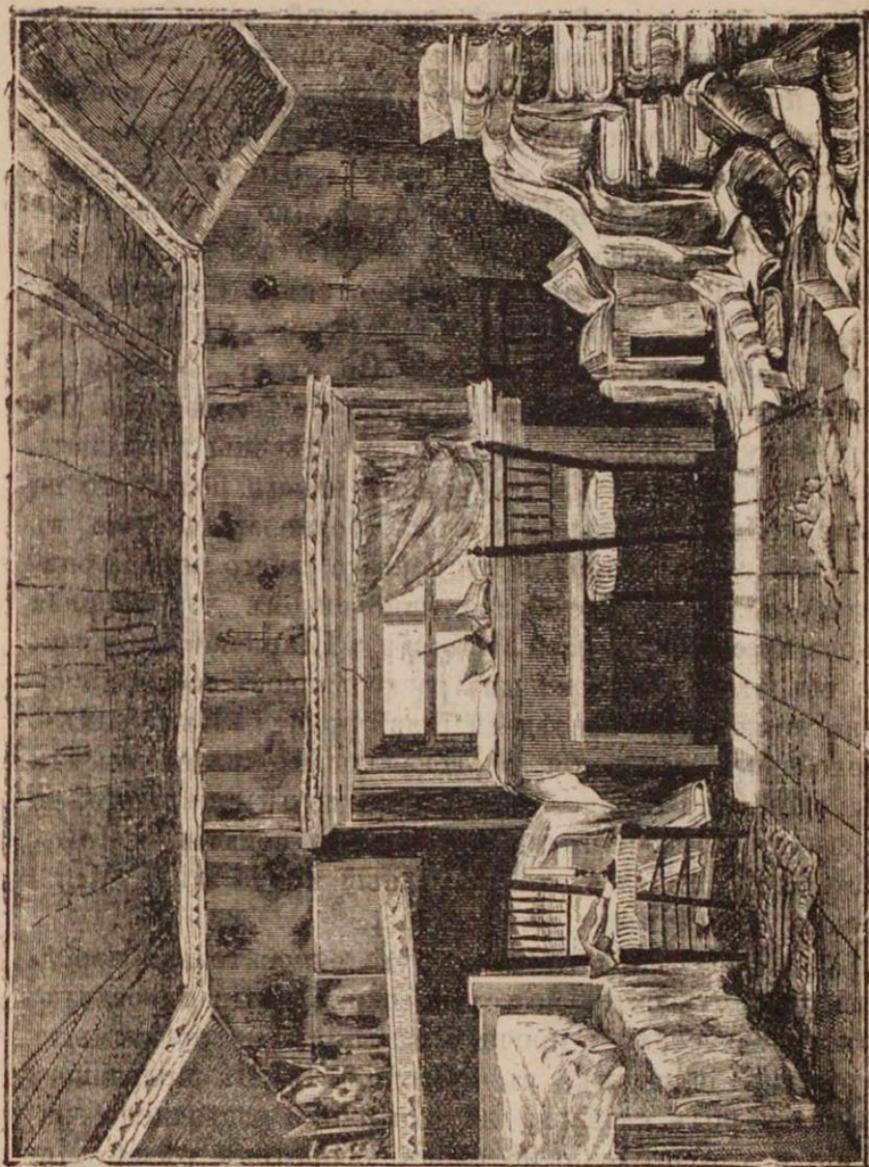
Планъ двухъ романовъ Мельникова. — Вниманіе къ нему. — Предложеніе писать для народа въ 1879 году. — Послѣднее официальное порученіе.

Второй свой романъ «На Горахъ», составляющій продолженіе перваго «Въ Лѣсахъ», П. И. Мельниковъ началъ лѣтомъ 1875 года въ Ляховѣ. Въ это время строился новый домъ въ усадьбѣ, и вся семья писателя помѣщалась въ избѣ крестьянина Василя Большова, расположенной по лѣвой сторонѣ деревенской улицы, если вѣхаться въ нее съ большой саратовской дороги.

Изба эта была большая, чистая, со свѣтелкою наверху. Въ этой свѣтелкѣ помѣщался кабинетъ П. И. Мельникова, въ ней и написаны первыя главы второго романа. Въ нижнихъ комнатахъ избы помѣщалась семья П. И. Мельникова. Домъ Василія Большова сохранился донинѣ (въ 1884 г.) въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ онъ былъ въ 1875 году. И первая глава романа «На Горахъ» начинается съ описанія той мѣстности, на которой расположено вмѣстѣ съ другими селеніями Ляхово, и которая составляетъ часть нагорнаго берега Оки.

Изъ плана, или конспекта, романовъ П. И. Мельникова, найденнаго въ бумагахъ, видно, что, по мѣрѣ изготовленія перваго романа, онъ во многомъ отступалъ отъ начертанной себѣ программы. Начавъ «За Волгой», продолжая «Въ Лѣсахъ», Мельниковъ, повидимому, и не думалъ, что очутится «На Горахъ». Найденный планъ, представляя содержаніе въ краткихъ чертахъ романа въ четырехъ частяхъ, вылился, при его разработкѣ, въ два романа въ восьми частяхъ. Такъ, хотя Дуня Смолокурова и Самоквасовъ упоминаются въ планѣ, но въ немъ ни слова нѣтъ о хлыстахъ, столь подробно представленныхъ въ романѣ «На Горахъ». Авторъ, работая надъ развитіемъ своей мысли представить бытъ народа, живущаго по обоимъ берегамъ Волги, втягивался въ свой трудъ, совершенствовалъ его, пополнялъ, разрабатывалъ и тогда только увидѣлъ, что въ одномъ романѣ онъ и не совмѣститъ всего, что ему диктовали его память, его разъѣзды по Россіи, его изученіе ея жизни, ея вѣрованій, заблужденій, преданій. Многія набросанныя имъ на планѣ замѣтки, долженствовавшія дать матеріалъ для цѣлыхъ главъ, не были осуществлены на дѣлѣ. Такъ, наиримѣръ, онъ намѣревался описать артель гвоздарей, положеніе рабочихъ, въ родѣ павловскихъ, швцовъ по деревнямъ, охоту за рябчиками, можжевельныя игрушки, опахиваніе при падежѣ

скота, угольщиковъ и смолокуровъ, пожаръ въ скиту, пропившюся раскольничью обитель Кутилину, набой-

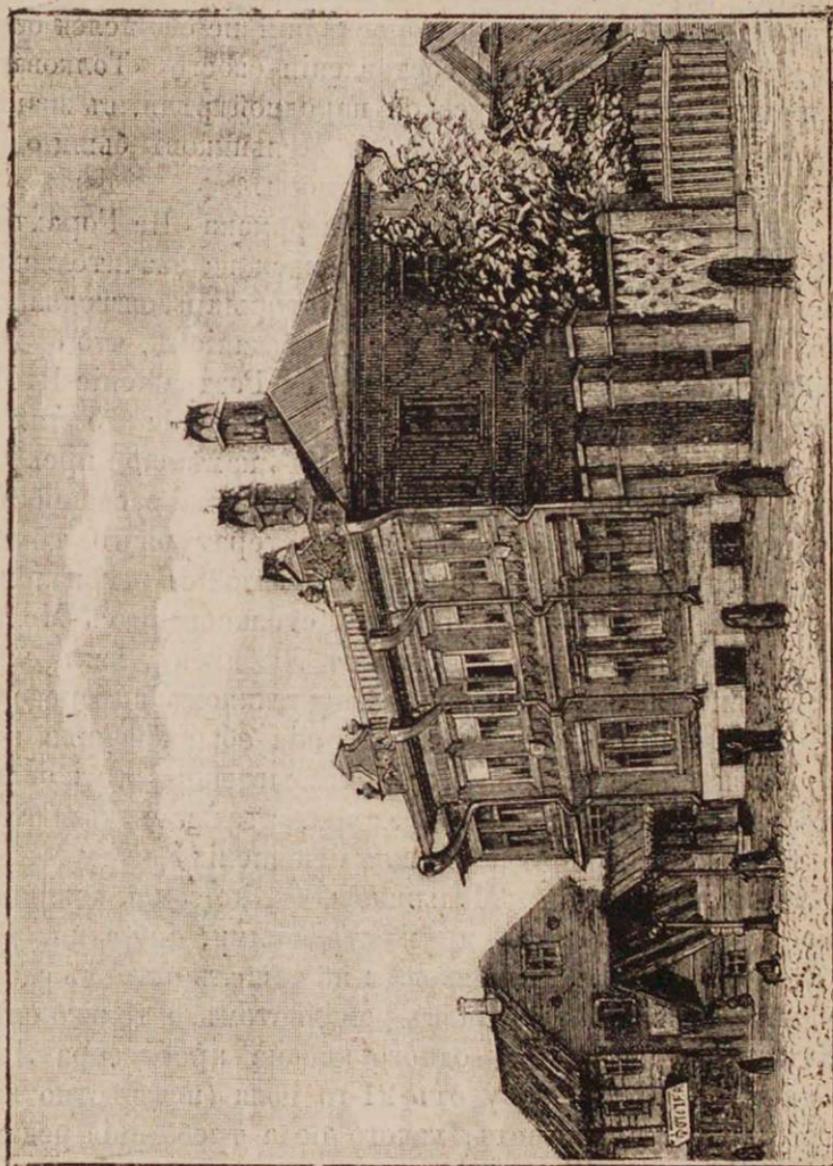
Кабинетъ П. И. Мельникова, гдѣ началъ романъ „На Горакъ“
(Съ рисунка А. П. Рябушкина).

щиковъ и красильщиковъ, пряхъ-мужиковъ, разносчиковъ-визниковцевъ и проч.

Нѣкоторыя подробности въ развитіи хода романовъ въ первоначальномъ планѣ были иначе задуманы, чѣмъ въ послѣдствіи исполнены. Мать Манеѳа должна была умереть въ шестой главѣ четвертой части перваго романа, послѣ разоренія скитовъ, причемъ она и дѣлала признаніе о Фленушкѣ, какъ о своей дочери. Между тѣмъ, при выполненіи, Манеѳа не умерла и въ концѣ втораго романа «На Горахъ». По плану, Самоквасовъ дѣлаетъ предложеніе Дунѣ Смолокуровой еще при жизни ея отца, который вмѣстѣ съ ней отправляется въ Казань, чтобы узнать о семьѣ Самоквасова, и присутствуетъ при раздѣлѣ ея членовъ. Но въ романѣ все изложено совсѣмъ иначе. По плану, Манеѳа съ Фленушкою и головщицею Марьею приѣзжаютъ на Макарьевскую ярмарку, причемъ обѣ дѣвицы попадаютъ даже въ театръ, но въ романѣ ничего подобнаго не было. Первоначально авторъ предполагалъ уже въ третьей главѣ второй части перваго своего романа описать, какъ была отобрана чиновникомъ чудотворная икона Казанской Божіей Матери изъ Шарпанскаго скита, но объ этомъ важномъ для раскольниковъ событіи сказано немного въ послѣдней главѣ романа «На Горахъ». Подобныхъ сравненій первоначальнаго плана съ его выполненіемъ можно было бы привести еще много, но и сказаннаго достаточно для полнаго понятія о томъ, какъ видоизмѣнялся замѣчательный трудъ П. И. Мельникова по мѣрѣ его изготовленія.

Для облегченія своего труда относительно народной рѣчи, относительно техническихъ, географическихъ, этнографическихъ и прочихъ названій, употребляемыхъ русскимъ народомъ, въ бумагахъ П. И. Мельникова оказался родъ словаря, въ которомъ разъяснено значеніе и употребленіе 98 словъ, оборотовъ, рѣчей. Можетъ быть, подобный словарь былъ имъ составленъ и въ болѣе обширныхъ размѣрахъ, но такъ какъ продол-

женія его я отыскалъ, то и не могу положительно рѣшить этого вопроса. Такой словарь былъ ему необ-

Домъ въ Нижнелъ-Новгородѣ, гдѣ умеръ П. И. Мельниковъ,

ходимъ, при сочиненіи бытовыхъ романовъ, въ которыхъ, въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ находится мног

драгоценныхъ поясненій разныхъ словъ и выраженій, употребительныхъ въ народѣ въ той или другой мѣстности. Хотя Мельниковъ и называлъ себя постоянно ученикомъ Даля, однако и послѣдній не обошелся безъ содѣйствія перваго при составленіи своего «Толковаго словаря». Въ знаніи русской народной рѣчи, въ знаніи быта нашего народа и Даль, и Мельниковъ были одинаковыми звѣздами первой величины.

Говорятъ, что, при печатаніи романа «На Горахъ», П. И. Мельниковъ крайне обижался на значительныя исключенія въ его произведеніи, которыя производились въ немъ редакціею подъ тѣмъ оправданіемъ, что будто бы зачеркнутыя мѣста нецензурны. Раздраженіе П. И. Мельникова доходило въ этомъ отношеніи до такой степени, что онъ даже сталъ питать намѣреніе прекратить свой романъ, но, съ другой стороны, зависимость существованія всей семьи отъ литературнаго труда главы ея заставляла не прерывать связей съ журналомъ «Русскій Вѣстникъ». Въ этихъ столкновеніяхъ Мельникова съ редакціею профессоръ Любимовъ, какъ мы говорили, являлся главнымъ защитникомъ интересовъ Мельникова. Но, несмотря на такія обыкновенныя передраги въ редакціонномъ мірѣ, бывающія тѣмъ сильнѣе и обостреннѣе, чѣмъ самостоятельнѣе являются авторъ и редакторъ, взаимныя отношенія между М. Н. Катковымъ и П. И. Мельниковымъ, до самой кончины послѣдняго, остались дружественными, добрыми. Въ бумагахъ П. И. Мельникова я не нашелъ слѣдовъ означенной борьбы редакціи съ романистомъ, и только слѣдующій отрывокъ изъ одного письма профессора Любимова къ Мельникову отъ 21-го іюля (неизвѣстно какого года), указываетъ, какого рода требованія редакція «Русскаго Вѣстника» предъявляла къ нему въ цензурномъ отношеніи... «Обратите, добрый Павелъ Ивановичъ, вниманіе на одно обстоятельство. Выво-

дятся двѣ стороны: всѣ хлысты описываются добродѣтельными людьми съ возвышенными помыслами, а православное духовенство пьяница на пьяницѣ, воръ на ворѣ. Выводилась бы одна сторона—не бѣда. А то очень рѣзко сравненіе. Поуменьшите водочки и мошенничества у православныхъ пастырей, игуменовъ и архіереевъ». При этомъ кстати замѣтить, что когда, въ 1875 году, скончался П. М. Леонтьевъ, то, въ своихъ письмахъ изъ Петербурга, П. И. Мельниковъ выражалъ опасенія, что его отношенія къ редакціи «Русскаго Вѣстника» измѣнятся не въ его пользу. Последствія, какъ видно, не оправдали его тревожныхъ ожиданій.

Романъ «На Горахъ» возбудилъ такой же интересъ въ публикѣ, какой былъ вызванъ и романомъ «Въ Лѣсахъ». При посѣщеніи Мельниковымъ Казани, въ августѣ 1877 года, по случаю состоявшагося тамъ археологическаго съѣзда, ему былъ тамъ сдѣланъ цѣлый рядъ овацій. Но передъ тѣмъ онъ удостоился услышать похвалу себѣ отъ государя императора. На балу у московскаго генераль-губернатора, князя Долгорукова, 23-го апрѣля 1877 года, П. И. Мельниковъ удостоился чести быть въ первый разъ представленнымъ его императорскому величеству. Императоръ Александръ Николаевичъ въ милостивыхъ выраженіяхъ высказалъ ему свою благосклонность, причѣмъ упомянулъ, что постоянно читаетъ его произведенія и прочелъ его послѣдніе романы «Въ Лѣсахъ» и «На Горахъ». Съ тѣмъ вмѣстѣ государь освѣдомился о дальнѣйшихъ работахъ, предположенныхъ въ то время Мельниковымъ, и спросилъ его:

— Почему ты не опишешь молоканъ? Не пустятъ они къ себѣ?

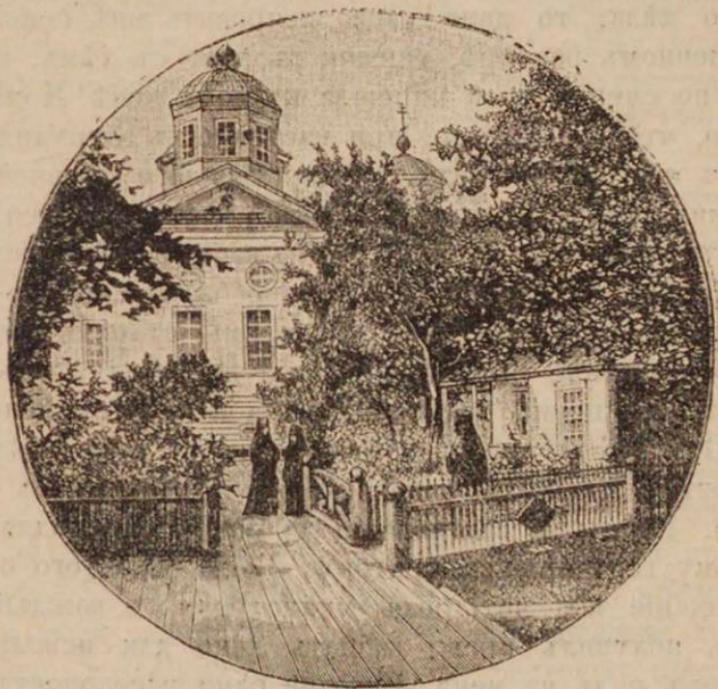
— Нѣтъ, ваше величество, я съ удовольствіемъ приступилъ бы къ этому труду, но въ немъ необхо-

димо будетъ коснуться догматики молоканъ, а духовная цензура не разрѣшитъ этой части моего труда, безъ догматики же нельзя и касаться молоканскаго ученія.

Съ прекращеніемъ войны съ Турціею, усилилось движеніе крамолы въ Россіи. Для борьбы съ нею, въ высшихъ сферахъ правительство найдено было полезнымъ печатать сочиненія для народнаго чтенія. Для достиженія этой цѣли обратили вниманіе на П. И. Мельникова. Уже 20-го сентября 1878 года, исправлявшій тогда обязанности шефа жандармовъ, генераль-лейтенантъ Сильверстовъ (послѣ убіенія генераль-адъютанта Мезенцева), писалъ къ Мельникову: «Не можете ли вы пріѣхать въ Петербургъ для свиданія со мной? Я желаю съ вами конфиденціально переговорить объ одномъ серьезномъ дѣлѣ, именно обратиться къ вашему талантливому золотому перу, чтобы предложить вамъ взять на себя трудъ исполнить одну работу, несложную, но относящуюся до вашей спеціальности. Не откажите немедленно дать отвѣтъ, хотя по телеграфу, о днѣ, въ который вы пріѣдете».

Но Мельниковъ пріѣхалъ въ Петербургъ только въ январѣ 1879 года. Въ письмахъ своихъ изъ Петербурга онъ сообщалъ о томъ пріемѣ, который ему былъ тамъ оказанъ. «Миѣ всѣ рады, на рукахъ носятъ», писалъ онъ, сообщая о тѣхъ приглашеніяхъ на обѣды и вечера, которыми его осыпали. Отъ 27-го января онъ писалъ: «Министръ государственныхъ имуществъ, Валуевъ, принялъ меня прекрасно. На другой день самъ заѣхалъ ко мнѣ, но меня не было дома, и пригласилъ пріѣзжать въ восемь часовъ вечера, чтобы поговорить на свободѣ. Министръ внутреннихъ дѣлъ, Маковъ, также принялъ меня прекрасно, но онъ все время свое посвящаетъ на борьбу съ чумою, которую, кажется, удастся прекратить. Завтра, въ два часа дня, онъ на-

значиль мнѣ особую аудіенцію, а на другой день вечеромъ поѣду къ П. А. Валугеву. Послѣдній сказалъ мнѣ: «Мы не можемъ требовать отъ васъ, чтобы вы много писали; вы слишкомъ крупная величина въ нашей литературѣ для этого. Много будемъ обязаны, если напишете двѣ, три брошюры въ примѣръ другимъ, рядовымъ писателямъ. Было бы непростительно отведе-

Кресто-Воздвиженскій монастырь въ Нижнемъ Новгородѣ, гдѣ погребень П. И. Мельниковъ.

ать васъ отъ того блестящаго поприща, по которому вы идете». Завтра у министра внутреннихъ дѣлъ все разъяснится».

Отъ 28-го января Мельниковъ сообщалъ: «Сейчасъ вернулся отъ министра Макова. Въ полчаса все дѣло порѣшили. Работа пойдетъ по своему министерству внутреннихъ дѣлъ. Министръ самъ назначилъ 200 р.

за печатный листъ, когда я наотрѣзъ отказался назначить самъ сумму вознагражденія. Распространеніе брошюръ предоставляють мнѣ. Никого, кромѣ своего министра, въ этомъ дѣлѣ я не знаю. Предоставлено мнѣ переговорить съ генераль-губернаторомъ княземъ Долгоруковымъ о назначеніи мнѣ штатнаго мѣста съ жалованьемъ, но такъ какъ такого мѣста нѣтъ безъ большаго дѣла, то дано слово испросить мнѣ пенсію въ усиленномъ размѣрѣ, тысячи въ двѣ, съ тѣмъ, чтобы она по смерти моей перешла къ моей женѣ. Я сказалъ было, что это трудно, при настоящихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ государственнаго казначейства, но министръ отвѣтилъ, что онъ ручается за успѣхъ и заблаговременно доложитъ о томъ государю императору. Вообще Л. С. Маковъ держалъ себя со мною по-товарищески, говорилъ, что «вѣдь, мы старые пріатели и сослуживцы, и нѣтъ причины измѣнять этихъ старыхъ отношеній, установившихся долгимъ временемъ».

Отъ 3-го февраля: «Побывавши у разныхъ министровъ и высшихъ сановниковъ, я узналъ, въ чемъ дѣло. Мысль о составленіи брошюръ принадлежитъ самому государю императору. Было для того особое совѣщаніе изъ четырехъ министровъ, и каждый изъ нихъ получилъ право избрать лицо для исполненія. Выборъ палъ на меня. Сегодня одно высокопоставленное лицо передало мнѣ желаніе государя, что писать и какъ писать, и присовокупило свои мысли. Сегодня я былъ на вечерѣ у графа Шереметева. Было много дамъ. Меня упросили прочесть чтонибудь изъ «Лѣсовъ». Всѣ были довольны. Всѣхъ слушателей было болѣе 25 человекъ».

Изданіе предположенныхъ для народа брошюръ не состоялось.

На Мельникова въ 1879 году было возложено еще новое порученіе, довольно труднаго свойства

Московскій генераль-губернаторъ, въ виду приближенія нижегородской ярмарки, въ заботѣ объ охраненіи этого главнѣйшаго русскаго рынка отъ пожаровъ, изъ которыхъ наиболѣе опустошительные бывали всегда тамъ въ концѣ мая и началѣ іюня, нашелъ необходимымъ 24-го мая командировать Мельникова, какъ довѣренное лицо, въ Нижегородскую губернію для мѣстныхъ соображеній относительно предупрежденія пожаровъ и всякаго рода безпорядковъ. Ему поручено было немедленно собрать во всѣхъ правительственныхъ и общественныхъ учрежденіяхъ какъ нынѣ дѣйствующихъ, такъ и бывшія прежде постановленія высшаго правительства и мѣстныхъ властей, а также приговоры городского общества, ярмарочнаго купечества и ярмарочнаго комитета объ охранѣ отъ огня, о благоустройствѣ какъ въ городѣ, такъ и на ярмаркѣ, на пристаняхъ и на судахъ и о предупрежденіи и пресѣченіи преступленій и безпорядковъ всякаго рода. Свѣдѣнія эти, вмѣстѣ со своимъ мнѣніемъ, предписано было Мельникову представить въ непродолжительномъ времени. Сверхъ того, ему поручено было наблюдать за всѣмъ относящимся до полицейскаго порядка и городского благоустройства, особенно за сходбищами разнаго рода людей на ярмаркѣ и за дѣйствіями полицейскихъ городскихъ и уѣздныхъ управленій, слѣдить за издающимися въ Нижнемъ-Новгородѣ произведеніями печати и за книжною торговлею въ городѣ и на ярмаркѣ и обо всемъ замѣченномъ немедленно доносить московскому генераль-губернатору, увѣдомляя въ то же время и нижегородскаго губернатора, для прекращенія имъ могущихъ возникнуть какихъ-либо безпорядковъ. Въ случаѣ надобности Мельникову предоставлено было отправляться въ города и селенія Нижегородской губерніи.

Исполненіе этого порученія заняло у Мельникова

все его время до осени. Это было послѣднимъ оффиціальнымъ административнымъ трудомъ его. Онъ началъ свою административную дѣятельность въ родномъ Нижнемъ-Новгородѣ и окончилъ ее въ немъ.

XIX.

Послѣдніе годы жизни.—Утѣшеніе друга.

Сидячая жизнь, обусловленная родомъ занятій П. И. Мельникова, повліяла разрушительнымъ образомъ на его организмъ. Своими привычками въ послѣднее десятилѣтіе жизни своей, онъ, можетъ быть, даже усилилъ вліяніе его умственныхъ, литературныхъ трудовъ на вкравшійся въ его организмъ недугъ. Вмѣсто подвижной жизни, которую онъ велъ въ Петербургѣ, онъ сдѣлался въ Москвѣ какимъ-то сиднемъ. По цѣлымъ недѣлямъ онъ не выходилъ изъ дома и, лежа на диванѣ, обложенный журналами, книгами, рукописями, занимался почти безъ перерыва чтеніемъ. Знакомые врачи обращали его вниманіе на подобный образъ жизни и говорили, что онъ къ добру не приведетъ. П. И. Мельниковъ не вѣрилъ этимъ совѣтамъ, или, вѣрище, пренебрегалъ ими. Но зародышъ смертельной болѣзни усиливался съ каждымъ годомъ. Въ свой пріѣздъ въ Петербургъ, въ 1876 году, Мельниковъ уже жаловался, что «у него въ правой рукѣ что-то творится, что она отказывается служить ему попрежнему». 8-го мая 1877 года онъ писалъ одному своему знакомому изъ Москвы: «Извините, что такъ долго не отвѣчалъ на ваше письмо. Укатали бурку крутыя горки! Дошла до меня барская болѣзнь — подагра, и

хотя болить нога, а рукѣ писать не даетъ. Не приведи Богъ! Меня утѣшаютъ, что съ подагрой можно до ста лѣтъ прожить, что эта болѣзнь имѣетъ свойство поглощать въ себѣ всѣ болѣзни, свойственныя нашему возрасту, но Богъ съ ними со ста годами. Еще хорошо, что не постоянно мучить, даетъ отдохнуть, а теперь съ теплою, сухою погодою и совѣсьмъ прошла, но надолго ли? Всѣ знакомые говорятъ: «А, попался! а сколько смолоду выпилъ шампанскаго?» Но въ томъ-то и дѣло, что не въ шампанскомъ грѣхи, хотя я и не могу похвалиться особенною воздержностью; но не за шампанское теперь расплачиваюсь, а за сидячую жизнь при жирной пици (жирная то — страсть моя). Такъ, по крайней мѣрѣ, рѣшили эскулапы, увѣряя, что это «последнее слово науки», — фраза, опротивѣвшая мнѣ, по милости нашихъ газетныхъ фельетоновъ».

Ноги у него ослабѣли и болѣли до того, что по временамъ ему трудно было ходить. Но когда, въ январѣ и въ февралѣ 1879 года, во время пребыванія въ Петербургѣ и особенной дѣятельности при переговорахъ о сочиненіяхъ для народа, Мельниковъ вель болѣе подвижной образъ жизни, то писалъ въ Москву, что «ноги его до того окрѣпли, что, пожалуй, онъ возвратится въ Москву съ совершенно здоровыми ногами». Врачи совѣтовали ему, при желаніи продолжать свои литературные труды, переѣхать въ болѣе теплый климатъ, но и этотъ совѣтъ оставленъ былъ безъ вниманія. Съ начала 1880 года болѣзнь стала усиливаться. Оказалось, что организмъ пораженъ параличемъ, который постепенно усиливается и распространяется. Въ 1881 году, уже пораженный смертельною болѣзнію, П. И. Мельниковъ переѣхалъ на постоянное жительство въ Нижній-Новгородъ, причемъ оба лѣта 1881 и 1882 года провелъ въ своемъ любимомъ Ляховѣ. Лѣтомъ 1881 года онъ былъ неузнаваемъ для тѣхъ,

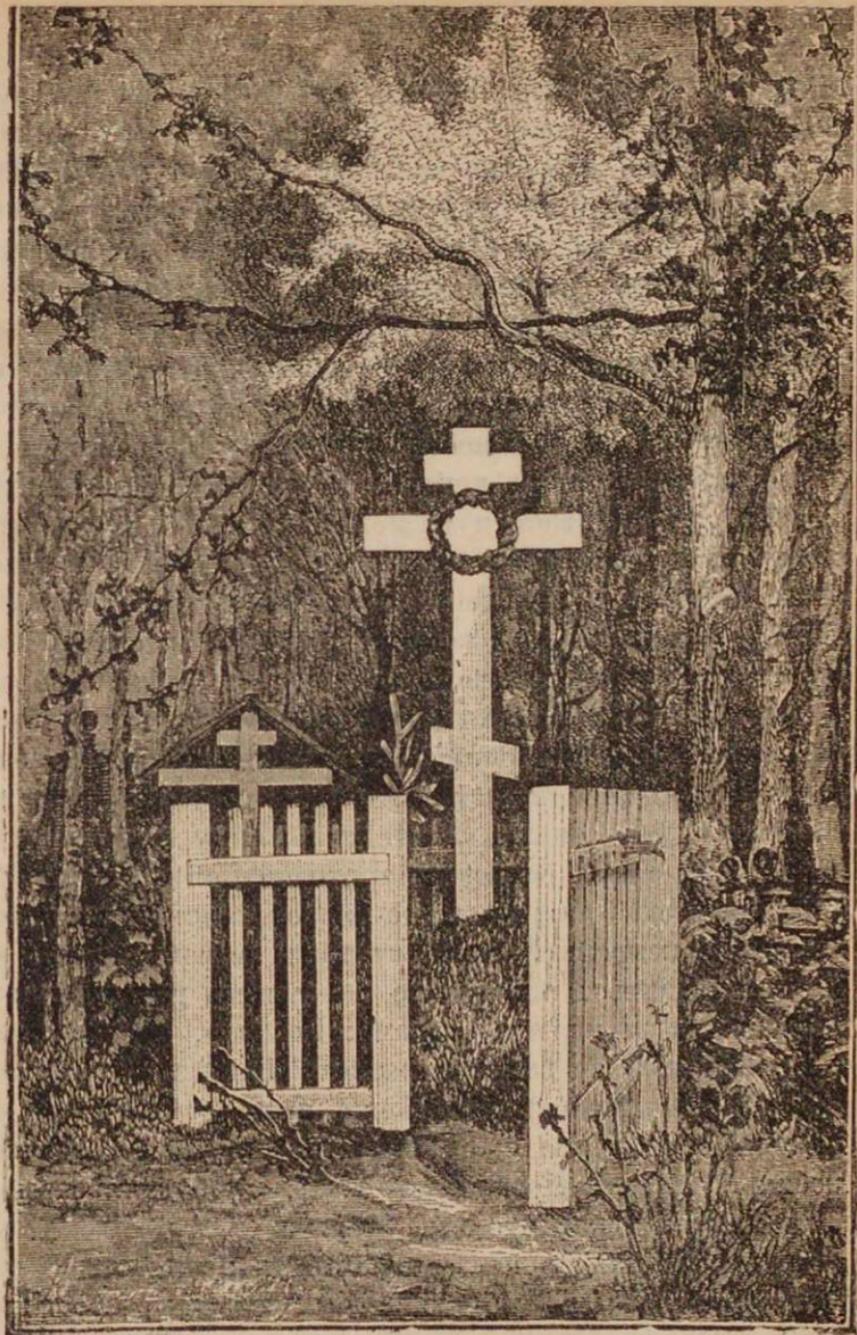
кто давно его не видалъ. Онъ постарѣлъ, лишился своей живости, блеска своей рѣчи. Уже въ 1880 году послѣднія главы своего романа «На Горахъ» онъ не могъ самъ писать и диктовалъ ихъ женѣ своей. Въ январѣ 1881 года онъ съ трудомъ могъ написать немного строкъ. Въ 1882 году П. И. Мельникову стало еще хуже. Пораженный параличемъ, онъ, по словамъ очевидцевъ, уже лѣтомъ 1882 г. съ трудомъ произносилъ слова, постоянно забывался, не могъ держать въ рукѣ папиросу и непрерывно ронялъ ее. Зимой 1882—1883 года даже домашніе Мельникова не могли разбирать его рѣчи, до того она сдѣлалась затруднительна. Онъ скончался 1-го февраля 1883 года въ Нижнемъ-Новгородѣ, въ домѣ на Петропавловской улицѣ, гдѣ провелъ послѣдніе дни своей жизни.

Болѣзнь П. И. Мельникова глубоко отозвалась въ сердцахъ его друзей, почитателей и цѣнителей его таланта. Старинный другъ его, полюбившій его съ сороковыхъ годовъ, неоднократно помогавшій ему въ его служебной карьерѣ, въ моменты министерскихъ перемѣнъ, графъ Дмитрій Николаевичъ Толстой ¹⁾, отозвался на болѣзнь своего друга слѣдующими сердечными письмами изъ Сергіевскаго посада (подъ Москвою), гдѣ онъ тогда жилъ. «25-го января 1881 года. Я такъ давно не видался, такъ давно не бесѣдовалъ съ вами, добрѣйшій мой Павелъ Ивановичъ, что рѣшился напомнить вамъ о себѣ этими строками. Надняхъ былъ у меня Бартеневъ ²⁾ и сказывалъ, что вы нездоровы. Николай Ивановичъ Субботинъ ³⁾ говорилъ мнѣ, что видѣлся съ вами у Хлудова, и тоже говорилъ, что вы постарѣли и ходите съ помощью дру-

1) Онъ скончался въ мартѣ 1884 года, переживъ только годомъ Мельникова.

2) Редакторъ «Русскаго Архива».

3) Профессоръ московской духовной академіи.

Могила П. И. Мельникова.
(Съ рисунка, сдѣланнаго съ натуры А. П. Рябушкинымъ).

того. Что вы постарѣли—это меня не удивляетъ, потому что, хотя вы и моложе меня на десять лѣтъ, совсѣмъ тѣмъ эта относительная молодость въ сущности есть довольно почтенная старость. Онъ сказывалъ мнѣ также, что вы въ отставкѣ и обезпечены пенсією ¹⁾. Этому послѣднему я радуюсь, но все предшествовавшее внушаетъ нерадостныя мысли.

«Въ самомъ дѣлѣ, что ни говори, а конецъ приближается. Что дѣлать? Хорошо, если силы есть работать попрежнему, хотя и не въ той мѣрѣ. Если же силъ не хватаетъ, а жизнь течетъ, то можетъ, по милости Божіей, довести васъ и до моихъ лѣтъ. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ, какъ искренній вашъ другъ, горячо васъ любящій, совѣтую сосредоточиться въ самомъ себѣ, обзрѣть не только поступки, но и самыя помысленія вашей жизни и съ вѣрою и любовью обратиться къ Тому, Кто взялъ на себя грѣхъ всего міра и пришелъ спасти грѣшниковъ. Просите у него, дабы даровалъ покаяніе и примирилъ васъ съ собою посредствомъ божественныхъ св. тайнъ. Пишу эти строки не потому, что я боялся за продолженіе вашей жизни, которая, какъ я слышу, не въ опасности, но подъ вліяніемъ искренней моей къ вамъ любви. Думать о смерти и каяться никогда не рано; вотъ почему я изъ глубины души молюся съ вами: Господи, въ покаяніе прими насъ и не введи въ напасть! Быть можетъ, что скоро буду въ Москвѣ. Дай, Боже, силъ посѣтить васъ».

Отъ 19-го февраля 1881 г.: «Уважаемый и сердечно любимый Павелъ Ивановичъ. П. И. Субботинъ сказывалъ мнѣ надняхъ, что вы, бесѣдуя съ Ал. Ив. Хлудовымъ, говорили о полученномъ отъ меня письмѣ съ миромъ и любовію. Благодарю Бога, настроившаго ваше сердце. Я боялся, что непрошенныя совѣты, хотя

¹⁾ Ему назначена была пенсія всего въ 1,500 р.

внушенные искреннею къ вамъ привязанностію, могли бытъ для васъ непріятны. Опасеніе это было до того сильно, что я, въ бытность мою въ началѣ сего мѣсяца въ Москвѣ, не рѣшился посѣтить васъ, несмотря на сильное желаніе васъ видѣть. Изъ того же источника я узналъ, что вы жалуетесь, что вамъ не съ кѣмъ сказать «умнаго слова» о вѣчности, и что пресвященный Амвросій выразилъ намѣреніе посѣтить васъ съ этою цѣлію на первой недѣлѣ поста. Дай Боже здоровья попечительному архипастырю. Я не сомнѣваюсь, что въ немъ вы найдете «умнаго» собесѣдника, который будетъ силенъ произвести на васъ спасительное впечатлѣніе и по уму, и по лежащей на немъ благодати св. Духа.

«Имѣя въ виду такого наставника, я долженъ былъ бы только тому радоваться и въ молчаніи ожидать результата, какимъ отзовется на это ваша воля, безъ которой самъ Богъ никого къ себѣ не призываетъ. Но я рѣшился и отъ себя сказать вамъ нѣсколько словъ. Зачѣмъ ищете вы «ума» тамъ, гдѣ нужна только одна простая вѣра? Великая тайна спасенія человѣческаго чрезъ воплощеніе Божіе и обоготвореніе природы чело-вѣческой для «ума» непостижимы. Развѣ вы не знаете, что апостоль Павелъ, пиша къ жителямъ умнѣйшаго того времени Коринѳа, самъ слово креста называетъ словомъ безумія? И всю силу, и всю надежду нашу заключаетъ въ покореніи разума послушанію вѣры? Знаю я, что кощунны нашего времени обращаютъ такое ученіе въ укоръ, но пусть они докажутъ что Павелъ былъ не уменъ. Безуміе креста состоитъ не въ глупости, а въ непостижимости тайны воплощенія Божія и спасенія человѣческаго. А поэтому отъ всей души желаю вамъ не «ума», которымъ владѣете вы въ изобиліи, а простоты смиренной, вѣры и чувства живой благодарности къ даровавшему намъ способность знать

и цѣнить радость искупления, дарованнаго намъ заслугами Спасителя нашего. Если предстоящая бесѣда съ преосвященнымъ принесетъ ожидаемый мною плодъ, то я увѣренъ, что милосердый Господь сохранитъ вашу жизнь, чтобы всѣ мы, дорожащіе вашимъ литературнымъ дарованіемъ, не только продолжали видѣть въ васъ любимаго автора, но и примѣръ милости Божіей въ вѣрующемъ человѣкѣ.

П. И. Мельникова похоронили на кладбищѣ при женскомъ Крестовоздвиженскомъ монастырѣ, расположенномъ на самомъ краю города, близь Оки, у начала большого арзамасскаго тракта, ведущаго къ Ляхову. Монастырь этотъ основанъ въ 1815 году, а въ 1856 году сдѣланъ былъ первокласснымъ ¹⁾. Кладбище при этомъ монастырѣ считается лучшимъ въ Нижнемъ-Новгородѣ. На могилѣ лѣтомъ 1884 года деревянный крестъ замѣненъ былъ красивымъ чугуннымъ памятникомъ, воздвигнутымъ вдовою и дѣтьми П. И. Мельникова.

Пав. Усовъ.

¹⁾ Онъ образовался изъ трехъ прежде бывшихъ женскихъ монастырей въ Нижнемъ: Зачатійскаго, Происхожденскаго и Воскресенскаго. Зачатійскій основанъ былъ въ XIV вѣкѣ великою княгинею Анастасією Ивановною и находился на устьѣ рѣки Почайны, на самомъ берегу Волги, на мысу, смытомъ впоследствии Волгою. Великая княгиня Анастасія, въ монашествѣ Васса, въ схимѣ Феодора, причислена къ лику святыхъ, мѣстно-чтимыхъ.

ХАРАКТЕРИСТИКА

ТВОРЧЕСКОЙ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ

П. И. МЕЛЬНИКОВА

(АНДРЕЯ ПЕЧЕРСКАГО)

А. П. МИЛЮКОВА.

Х А Р А К Т Е Р И С Т И К А

ТВОРЧЕСКОЙ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ

П. И. МЕЛЬНИКОВА

(АНДРЕЯ ПЕЧЕРСКАГО)

А. П. МИЛЮКОВА.

Вмѣстѣ съ Гончаровымъ, Тургеневымъ, Писемскимъ, графомъ Л. Толстымъ, онъ, П. И. Мельниковъ (Андрей Печерскій) служитъ однимъ изъ представителей художественной школы, ознакомившей русское общество съ разными сторонами его жизни и освѣтившей ея внутренній смыслъ. И едва-ли кто изъ писателей этой школы сумѣлъ глубже его проникнуть въ тѣ сокровенные тайники этой жизни, гдѣ чистонародная струна не смѣшивается ни съ какими посторонними примѣсями и видимыми влiянiями, и гдѣ, можетъ быть, скрывается ключъ къ уясненiю нашего прошлаго, и къ задачамъ нашего будущаго. Въ этомъ-то именно отношенiи оригинальный талантъ Мельникова получаетъ особенно важное значенiе, до сихъ поръ далеко еще не выясненное нашею критикою.

Первымъ печатнымъ произведеніемъ П. И. Мельникова были «Дорожныя записки изъ Тамбовской губерніи въ Сибирь», напечатанныя въ «Отечественныхъ Запискахъ» въ 1839 году. Статья эта замѣчена была, какъ по точности собранныхъ въ ней фактовъ, такъ и по признакамъ литературнаго дарованія. И это дарованіе выразилось яснѣе и обратило на себя вниманіе образованнаго общества, когда подъ всевдонимомъ Андрея Печерскаго явились его рассказы «Медвѣжій уголь» и «Старые годы». Эти то сочиненія поставили автора ихъ въ первый рядъ нашихъ писателей-художниковъ. Кромѣ занимательности содержанія, вѣрнаго воспроизведенія взятой эпохи и мѣтко схваченныхъ изъ нея типовъ, рассказамъ придало не мало значенія и то, что проведенныя въ нихъ идеи совпадали съ тѣмъ обличительнымъ настроеніемъ, какое господствовало тогда въ нашемъ обществѣ и отражалось въ большей или меньшей степени даже въ писателяхъ чисто художественнаго характера. Но эта, въ нѣкоторомъ отношеніи тенденціозная струя исчезла въ дальнѣйшей творческой дѣятельности Мельникова, уступивъ мѣсто одному чисто-художественному воспроизведенію русской народной жизни.

Высокое дарованіе П. И. Мельникова выражается даже въ мелкихъ его рассказахъ. Такова, на примѣръ, его повѣсть «Красильниковы», гдѣ чрезвычайно характерно выраженъ взглядъ нашего старосвѣтскаго купечества на просвѣщеніе. Кто читалъ этотъ прекрасный рассказъ, тотъ, конечно, не забудетъ самодура, который при замѣчательномъ умѣ и тонкомъ практическомъ смыслѣ не считаетъ науку полезною для торговли, только въ угоду губернатору соглашается дать образованіе сыну и потомъ губить его за то, что онъ женился на иновѣркѣ. Это мѣтко очерченное лицо можетъ быть поставлено на ряду съ лучшими типами

Островскаго. Но вмѣстѣ съ живымъ интересомъ сюжета и художественностью характеровъ, въ повѣсти есть еще замѣчательная сторона, которая придаетъ ей болѣе серьезное значеніе: это то, что въ бесѣдахъ купца Красильникова съ прїѣзжимъ изъ столицы чиновникомъ ярко обрисовывается отношеніе нашей администраціи къ торговлѣ и промышленности. Вы видите, какъ несостоятельны оказываются передъ «учеными на мѣдную полтину» торговцами наши чиновные бюрократы, свысока трактующіе о томъ, что недоступно ихъ кабинетамъ.

Но вполнѣ талантъ П. И. Мельникова развернулся въ обширномъ его произведеніи, подъ названіемъ «Въ лѣсахъ», и «На горахъ». Въ этихъ двухъ романахъ, составляющихъ одно цѣлое, и по единству идеи, и по цѣлости сюжета съ одними и тѣми-же лицами, авторъ является великимъ знатокомъ русской народной жизни и русскаго народнаго духа. Дѣйствіе этой обширной, но по концепціи плана весьма простой эпопеи, обставленной многочисленными и въ тоже время органически связанными эпизодами, происходитъ въ приволжскихъ губерніяхъ, какъ на луговой, такъ и въ нагорной сторонѣ. Тутъ авторъ вводитъ насъ въ мало извѣстный до сихъ поръ большинству русскаго общества, но въ совершенствѣ знакомый ему самому міръ русскихъ старообрядцевъ и раскольниковъ. Передъ нами въ ясныхъ картинахъ раскрывается своеобразный и въ высшей степени характерный бытъ этой миллионной общины, которая составляетъ какъ-бы *status in stato* въ средѣ нашего общества и сохраняетъ въ себѣ въ первобытной чистотѣ тѣ стороны русской жизни и тѣ черты русскаго духа, которыя или совсѣмъ утратились, или во многомъ измѣнились въ другихъ слояхъ нашего народа. П. И. Мельниковъ съ полнымъ безпристрастіемъ, безъ всякой обличительной цѣли, какъ

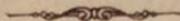
спокойный художникъ, рисуетъ и обыденную, и праздничную жизнь этихъ людей, ихъ семейныя и общественныя отношенія, темныя и свѣтлыя стороны ихъ домашняго быта, особенности въ понятіяхъ и убѣжденіяхъ, во взглядахъ и вѣрованіяхъ, сохранившіяся отъ давнихъ временъ или возникшія въ самой средѣ ихъ, вслѣдствіе ихъ исключительнаго положенія. Въ этомъ старообрядческомъ мірѣ на окраинахъ средней Волги, авторъ показываетъ намъ «исконную кондовую Русь», гдѣ никогда не бывало чуждыхъ насельниковъ и гдѣ Русь изстари въ чистотѣ стоитъ, во всемъ своемъ ростѣ и дородствѣ, со всѣми прирожденными ей свѣчами и обычаями. И вотъ мы въ богатомъ домѣ старовѣра-тысячника и въ женской старообрядческой обители, на дѣвичьихъ супрядкахъ и на «свадьбѣ уходомъ», на религіозныхъ бесѣдахъ начетчиковъ и въ зимницѣ лѣсовщиковъ, посреди дремучей труппы, на тайной службѣ въ раскольничьей молельнѣ и въ скитахъ старцевъ, промышляющихъ «золотымъ дѣломъ», т. е. поддѣлкою ассигнацій. Все это представлено въ такихъ очертаніяхъ и краскахъ, какими владеетъ только художникъ, видимо изучивши предметъ. И сколько характерныхъ лицъ проходитъ передъ читателемъ: этотъ умный и честный тысячникъ Чапуринъ и его симпатичная красавица дочь Настя, эта суровая мать-игуменья Манеѳа, снисходительная къ грѣхамъ молодости, и продувной прикащикъ Алешка, соблазняящій дочь хозяина и молодую вдовушку-раскольницу, этотъ московскій «посоль» Василій Борисовичъ, ухаживающій за всѣми смазливыми дѣвушками съ набожнымъ присловьемъ: «охъ, искушеніе!» эти шаловливыя и веселыя уставщицы и канонницы, съ «ихъ метаньями» передъ матушкой и смѣхомъ съ гуляющими молодцами, и, наконецъ, эта послушница Фленушка, устраивающая любовныя свиданія и свадьбы—

все это чисто-русскіе люди, во всей полнотѣ этого понятія. Въ главную нить романа вплетается цѣлый рядъ народныхъ легендъ и преданій изъ коренной русской жизни, которыя раскрываютъ все богатство русской народной фантазіи. Таковы художественныя эпизоды «О Громѣ Гремучемъ и веселомъ Ярилѣ, о хмѣлевыхъ ночахъ и подводномъ городѣ Китежѣ». Сказанія старообрядческихъ паломниковъ, пѣсни дѣвушекъ на вечеринкахъ и на красной горкѣ и причитанія плакушъ на похоронахъ — все обаятельно переноситъ читателя въ среду нашего исконнаго народнаго быта.

По глубокому знанію коренныхъ началъ русской жизни П. И. Мельникова слѣдуетъ поставить на ряду съ А. Н. Островскимъ. Если у перваго типы не такъ разнообразны, бытовая сторона не въ такой степени многосторонняя, зато онъ глубже проникаетъ въ основы нашей народности, въ самый источникъ народнаго духа. У него русскій человѣкъ видѣнъ не только во всей чистотѣ его національнаго облика, со всѣми проявленіями ума и нрава, но съ самымъ процессомъ его міровоззрѣнія. Если Островскій въ мастерски намѣченныхъ типахъ передаетъ намъ русскій народный бытъ преимущественно въ кругу средняго сословія, то у Мельникова видимъ, можно сказать, самые корни, на которыхъ выросла русская народная жизнь во всѣхъ ея основныхъ развѣтвленіяхъ. Это можно замѣтить, сравнивая, напримѣръ, бытовые сцены комедіи «Бѣдность не порокъ» со сценами того-же рода въ романѣ «Въ лѣсахъ». Въ описаніяхъ природы находятъ у Мельникова художественныя картины, какія встрѣчаются развѣ у Тургенева, но онѣ какъ-бы еще болѣе согрѣты русскимъ колоритомъ; таково его описаніе ветлужскихъ лѣсовъ съ ихъ непроходимыми чащами. Не говоримъ о языкѣ Андрея Печерскаго: по

чисто-русскому складу и типичности, съ нимъ можетъ соперничать только языкъ Островскаго.

Предѣлы статьи не позволяютъ намъ войти въ подробный разборъ произведеній П. И. Мельникова, но нѣтъ сомнѣнйя, что рано или поздно этотъ оригинальный талантъ будетъ вполнѣ оцѣненъ нашею критикою, какъ онъ оцѣненъ уже въ обществѣ, и займетъ подобающее ему высокое мѣсто среди самыхъ крупныхъ представителей русской литературы нашего времени *).

*) Настоящій очеркъ составляетъ извлеченіе изъ статьи А. П. Миллюкова, помѣщенной въ «Нивѣ» (1884, № 1).

0.

met
mB

2011109451